

63.3(2)61

К 903

Б. Куликова

НОВЫЙ МИР ГЛАЗАМИ СТАРОГО

Советская Россия
1920–1930-х годов
глазами западных
интеллектуалов

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Г.Б.Куликова

**НОВЫЙ МИР
ГЛАЗАМИ СТАРОГО.
Советская Россия
1920–1930-х годов глазами
западных интеллектуалов**

*Очерки
документированной
истории*

**Москва
2013**

Монография посвящена свидетельствам и оценкам иностранными писателями и общественными деятелями, побывавшими в Советском Союзе в 1920-х и особенно в 1930-х годах, показу особенностей государственного и общественного строя, повседневной жизни в стране. Привлечение новых источников, почерпнутых в архивах и из периодической печати, широкого круга литературы, в том числе книг и статей иностранных авторов, дало возможность обратить внимание на такие обществообразующие факторы, как общегосударственная экономика, классовая борьба, проявления новой экономической политики, насилие, создание «вождизма» и культа личности Сталина, развертывание всесильной бюрократической иерархии.

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л.В.Поздеева*
(Институт всеобщей истории РАН),
кандидат исторических наук *А.В.Голубев*
(Институт российской истории РАН)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава первая.</i> Научное освоение проблемы	16
<i>Глава вторая.</i> Советский «социалистический эксперимент» в России, СССР в 1920–1930-е годы	41
<i>Глава третья.</i> Палитра воззрений зарубежных интеллигентов	61
<i>Глава четвертая.</i> Каким было социалистическое гостеприимство	75
§ 1. Технология приема иностранных гостей	75
§ 2. Судьба книг западных писателей в СССР	105
<i>Глава пятая.</i> «Государево око»	117
§ 1. Формы и методы контроля над иностранцами в Советской России	117
§ 2. «Всецензура»	134
<i>Глава шестая.</i> Советский пропагандистский заказ	149
§ 1. Советские вожди и иностранные интеллектуалы: встречи и впечатления	149
§ 2. У истоков культа личности Сталина («феномен» Анри Барбюса)	195
§ 3. Иностранные гости о Сталине и его культе	223
<i>Глава седьмая.</i> Иностранные иллюзии и советская реальность: драма несовпадения	240
§ 1. Первые впечатления о Советской России	240
§ 2. Сторонняя оценка нэпа	253
§ 3. Взгляд иностранцев на Советский Союз 1930-х годов	271
Заключение	287
Примечания	292
Список литературы	328
Именной указатель	360

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга, как это было задумано автором с самого начала работы и реализовывалось по мере сил, а главное, в связи с тем, что в последние годы постепенно появляются из печати новые важные источники, носит подзаголовок «Очерки документированной истории». Подобное уточнение отнюдь не случайно. Только благодаря упорным поискам в архивах (подчас безрезультатным), документальным архивным публикациям, в основном относящимся к последнему десятилетию, а до этого в течение многих лет хранившимся за семью замками, благодаря этим новым архивным документам и исследовательским изысканиям литературоведов и историков появилась возможность более детального, обоснованного и исторически выверенного анализа темы – СССР 1920–1930-х годов глазами зарубежных интеллектуалов¹. Именно современное звучание, изучение и анализ документов того времени с позиций сегодняшнего видения тех лет, их полная или частичная публикация являются главными задачами данной монографии. Более всего это относится к тем источникам, которые по разным причинам не появлялись ранее в печати.

История – наука сложная, она имеет много граней и аспектов. Но прежде всего это наука о людях во времени, исторический феномен, который никогда не может быть объяснен и понят вне конкретных событий – так лаконично и точно определял историческую науку выдающийся французский историк Марк Блок: «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции»². Исторические исследования непременно требуют изучения закономерностей, особенностей и случайностей, происходивших в тот период

времени, когда свершались те или иные события, а также нравов и характера поступков людей, оставивших свой след на тернистом историческом пути и в отдельных странах, и во взаимоотношениях регионов, в их политической и общественной жизни.

Уже с раннего средневековья Россия привлекала иностранцев. В трудах С.Герберштейна, посетившего Россию дважды, в 1517 и 1526 гг., и оставившего «Записки о московитских делах», в «Описании Московии» А.Гваньини, в работе М.Груневега «Москва и москвичи в 1585 г.», в сочинениях Адама Олеария, со слов многочисленных иностранцев, посещавших Москву в конце XVI – XVII веке, в других странах все с большим интересом узнавали о далекой Руси, особенностях ее строя, нравов и обычаев. Сначала это были в основном представители посольств, отдельные дипломаты и купцы, ведущие все более широкую и разнообразную торговлю³.

В XIX, в начале XX века и позже, особенно после революционных катаклизмов 1917 г., в Советскую Россию, Советский Союз приезжали люди разных профессий, часто по собственной инициативе, для решения деловых вопросов, а подчас из любопытства и интереса к новому государству, пытаясь разобраться в возникшем на огромной территории небывалом до селе социальном феномене. Много раз бывал в России президент крупнейшей американской корпорации «Оксидентал петролеум корпорейшен» Арманд Хаммер, неоднократно встречавшийся с Лениным. Вместе с советскими коммунистами активно трудилась пламенная испанская революционерка Долорес Ибаррури, вел свою потайную работу английский разведчик Сидней Рейли, приняла советское гражданство и вышла замуж за русского поэта С.Есенина известная американская танцовщица – «босоножка» Айседора Дункан, строил свои архитектурные планы выдающийся французский архитектор Шарль Эдуард Ле Корбюзье, предлагавший возводить центр столицы на юго-западе, не затрагивая ее исторического ядра. В годы первой пятилетки корреспондент из Москвы передавал корреспондент французской газеты «Пари Суар» Антуан де Сент-Экзюпери. Свои впечатления о Советском Союзе он

опубликовал в пяти заметках в газете «Известия». Тогда же в России трудились сотрудник английского агентства «Рейтер», будущий автор нашумевшей в 1960-е годы «Бондианы» Ян Флеминг и корреспондент германских левых газет Артур Кёстлер. В столице жил в течение пяти лет знаменитый полярный исследователь Умберто Нобиле⁴.

Но с наибольшим интересом принимало руководство страны, по образному выражению Сталина, озвученному А.Ждановым на Первом съезде советских писателей, «инженеров человеческих душ» – известных писателей, общественных деятелей, которые могли стать идеологическими и политическими союзниками нового государства. Между тем, в статьях, книгах и дневниках иностранцев – Герберта Уэллса, Бертрана Рассела, Анри Барбюса, Бернарда Шоу, Романа Роллана, Андре Жида, Вальтера Бенямина, Лиона Фейхтвангера и ряда других авторов содержится большой аналитический материал, характеризующий закономерности и особенности развития Советского Союза, функционирования государственного механизма в 1920–1930-е годы, режима «сталинизма» и состояния советского общества за двадцать лет, прошедших после Октябрьского переворота.

Выбор хронологических рамок работы обусловлен тем, что именно в 1920–1930-е годы возникла и сложилась в своих определяющих советское общество чертах т.н. «сталинская модель социализма», ряд важнейших проявлений которой сумели увидеть и обратить внимание зарубежные визитеры. Да и сама повседневная жизнь в Советском Союзе того времени представляет сегодня значительный интерес.

Многие общественные деятели и писатели, познакомившиеся тогда с нашей страной, оставили не беглые заметки «по поводу», а книги и эссе, наполненные не только точными бытовыми зарисовками, но и интереснейшим и глубоким осмыслением увиденного, неожиданными вопросами, сомнениями, раздумьями, выводами.

В трудах, написанных иностранцами, посетившими нашу страну, то есть главным образом, по горячим следам, в дневниковых записях Р.Роллана, других писателей и общественных

деятелей можно выделить, по меньшей мере, несколько аспектов, представляющих значительный интерес для современных читателей и исследователей. В них описываются, часто очень красочно и метко, реальные картины жизни страны в первые десятилетия Советской власти, в основном Москвы и Ленинграда, особенно запомнившиеся иностранцам ее черты. Кроме того, дается добросовестный отчет о встречах и беседах с высшими партийными и советскими руководителями, причем в ряде случаев воспроизводящий их высказывания и точки зрения, до сих пор не нашедшие отражения в отечественных исторических публикациях.

Наконец, очень ценны анализ и размышления самих авторов по поводу советской действительности, их искренние попытки понять не только ход событий, лежащих на поверхности, но и глубинные причины всего происходившего в Советском Союзе. Важно и то, что все они писали не для советского читателя, а для своих соотечественников на Западе, стремясь в меру собственного таланта и понимания донести до них подлинную «правду» (так, как они ее понимали) о Советской стране.

После Октябрьской революции Советская страна сразу стала объектом и участником жесткого экономического, социального и политического противостояния сложившихся двух систем, проявлявшегося в том числе и в отношении западной интеллигенции к стране, где народ поставил своей целью создать государство трудящихся, построить социализм. Подавляющее большинство этих людей, к которым примкнуло и значительное число эмигрантов из России, с ненавистью отнеслось к революции.

Вместе с тем, в пролетарских, да и в других слоях общества капиталистических стран крепла надежда на успех невиданного в истории эксперимента, росла поддержка страны Советов. Одним из проявлений этого процесса стало то, что после революции Советскую Россию, а затем и СССР посещали десятки различных делегаций из разных стран мира. В них входили представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, лидеры политических партий, общественные деятели.

Среди интеллигенции было особенно много широко известных писателей и ученых. Такая тяга в нашу страну была вызвана естественным стремлением собственными глазами, как говорится, «вживую» не только увидеть, но и понять феномен возникновения и строительства нового, справедливого, доселе невиданного на планете общества. «Захватывающе интересно, – замечал французский писатель А. Жид, – пребывание в этой необъятной стране, мучающейся родами; кажется, само будущее рождается на глазах»⁵.

По приблизительным подсчетам, в 1920–1930-е годы нашу страну посетили около 100 тыс. иностранцев, то есть примерно 5 тыс. человек в год, или 13–14 человек ежедневно⁶. Исследования последних лет, к которым мы вернемся позже, существенно уточняют эти цифры. Наибольшее число иностранных делегаций побывало в СССР в 1927 г., в дни празднования десятой годовщины Октябрьской революции, а затем в начале и середине 1930-х годов. По итогам этих поездок и встреч с советскими людьми на Западе вышло огромное количество книг, брошюр, статей, заметок, мемуаров. Отдельные гости вели путевые дневники, некоторые из которых публиковались, другие оставались «до лучших времен» в письменных столах, а некоторые не допускались до публикации как враждебные для нашей страны⁷.

Писали и оценивали по-разному – апологетически и дружелюбно, нейтрально и спокойно, враждебно и злобно. Все свидетельства представляют интерес как «зеркало времени», но особое значение среди них имеют публикации известных зарубежных писателей, публицистов, ученых и общественных деятелей.

Оценивая роль А. Барбюса в неприятии бойни Первой мировой войны, немецкий писатель Ст. Цвейг прозорливо замечал: «Для диагноза умонастроения эпохи исключительно важна оценка природы крупного литературного успеха – этого зримого симптома изменений, свершающихся в людских душах, – и когда-нибудь тиражи нашумевших книг расскажут грядущим поколениям о температурной кривой ... Европы больше, нежели все документы и сводки»⁸.

Автором выбраны для рассмотрения, прежде всего, те фигуры, которые после визита в СССР оставили не формальные, а конкретные и яркие картины увиденного в нашей стране, дали соответствующие оценки и пришли к определенным выводам, причем не обязательно сугубо положительным.

Ограничиваясь западными писателями и общественными деятелями, автор охватывает достаточно широкий перечень стран. Великобритания представлена Бертраном Расселом, Гербертом Уэллсом, Бернардом Шоу, супругами Сиднеем и Беатрисой Вебб, Франция – Луи Арагоном, Анри Барбюсом, Жаном Ришаром Блоком, Роменом Ролланом, Жоржем Дюамелем, Люком Дюртеном, Андре Жидом, Германия – Вальтером Бенямином, Бертольдом Брехтом, Артуром Кёстлером, Эмилем Людвигом, Генрихом и Томасом Маннами, Бернардом Райхом, Соединенные Штаты Америки – Джоном Ридом, Альбертом Рисом Вильямсом, Теодором Драйзером, Испания – Рафаэлем Альберти и Марией Тересой Леон. Ряд интересных наблюдений и точек зрения был высказан общественными деятелями и дипломатами – У.Буллитом (США), Эдуардом Эррио (Франция), Йозефом Гирсой (Чехословакия), С.Патеком (Польша)⁹. В отдельных, диктуемых логикой изложения, случаях автор приводит оценки деятелей науки, дипломатических служащих западных стран.

Наличие новых публикаций последних лет дает возможность показать разнообразные точки зрения, сравнить разные позиции. При всех различиях характеров выбранных нами фигур, их объединяли подлинная образованность, незаурядный литературный талант, умение видеть и анализировать политические и социальные процессы, всемирная популярность. Их всех отличал острый взгляд подлинных интеллигентов, которые ничего не принимали на веру, стремясь самостоятельно разобраться в существе процессов, совершавшихся в стране, строящей новое общество, честно и откровенно высказать свое мнение, дать собственные оценки увиденному, осмыслить происходящее, вписать его в контекст мировых событий. «Я писатель, писатель по призванию, – подчеркивал Л.Фейхтвангер, – а это означает, что я испытываю страстную потребность сво-

бодно выражать все, что я чувствую, думаю, переживаю, не-
взирая на лица, на классы, партии и идеологии»¹⁰. Другая же
сторона этой проблемы – что удалось увидеть иностранцам за
короткий срок в нашей стране и в какой мере познакомившие-
ся с нашей страной интеллигенты сумели быть подлинно сво-
бодными в выражении своих позиций.

Все они побывали не в одной стране мира, имели большой
жизненный, литературный и общественный опыт, накоплен-
ный в контактах с сотнями людей различных национальностей,
религий, политических убеждений. Б.Рассел, например, окон-
чил университет в Кембридже, там же защитил диссертацию
по математике, написал фундаментальный труд по математи-
ческой логике и принципам математики, а затем занимался фи-
лософией и социологией, несколько лет отдал дипломатиче-
ской службе¹¹. А.Барбюс после окончания Сорбонны успешно
защитил диссертацию по философии.

Безусловно, среди названных выше писателей самой круп-
ной фигурой являлся Р.Роллан. После колледжа в родном го-
роде Кламси и лицея в Париже писатель окончил Высшую
Нормальную школу (Ecole Normal), защитил докторскую дис-
сертацию, стал не только выдающимся, всемирно известным
писателем, но и одним из крупнейших музыковедов Европы¹².
Интересуясь жизнью России, он еще в 1911 г. написал эссе о
жизни Льва Толстого, переписывался с А.В.Луначарским,
М.Горьким. В статье, написанной к 60-летию писателя,
Ст.Цвейг отмечал: «У Роллана, вероятно, в большей степени,
чем у других писателей, можно наблюдать удивительное со-
звучие между воздействием творческим и личным. Чувству-
ешь, как одно сочетается с другим и как из этого двуединства
складывается единый облик ясно видящего перед собой свою
цель человека... Он утешил тысячи, он вдохновил миллионы
не в одной стране, а во всех странах мира, своим идеализмом
он пробудил волю к согласию, стремление к взаимопонима-
нию, открыл путь к более высокому образу мыслей»¹³. Неслу-
чайно Ромен Роллан, Бернард Шоу, Бертран Рассел, Андре
Жид, Томас Манн в разные годы стали Нобелевскими лауреа-

тами в области литературы¹⁴. В 1930-е годы Роллан и Барбюс были избраны почетными членами Академии наук СССР¹⁵.

Большинство из них познакомились с Россией большевиков, будучи уже зрелыми людьми. Б.Рассел приехал в Россию в 65 лет, писатель-фантаст Г.Уэллс впервые побывал в советской России в 54 года, английский драматург Б.Шоу отметил в Москве свой 75-летний юбилей, Р.Роллан приехал в Союз в 69-летнем возрасте; А.Жид посетил СССР в 67 лет, его ровесником был немецкий писатель-антифашист Лион Фейхтвангер. Они писали разные по уровню и жанровому многообразию произведения, но все были умудренными опытом людьми, прожившими большую жизнь. Они были хорошо образованными людьми, имели большой и непростой жизненный и политический багаж, десятки контактов с самыми разными людьми из разных стран. Правда, профессиональной политической деятельностью, за исключением краткого срока у Б.Рассела, никто из них не занимался. Документы показывают, что никто из них не был и профессиональным историком, но они знали ее далеко не поверхностно. Практически всем им было присуще хорошее знание истории, огромный интерес к ней.

Естественно, что общая картина жизни в СССР с течением времени менялась, а потому и впечатления от пребывания в Советском Союзе складывались у гостей различные. А.Р.Вильямс, Б.Рассел и Г.Уэллс побывали в России, когда в стране царили разруха, голод, чрезвычайщина, когда она с огромными трудностями выходила из состояния гражданской войны. Т.Драйзер, А.Барбюс, Л.Дюртен, Ж.Дюамель, В.Беньямин познакомились с жизнью страны в непростые годы новой экономической политики. Б.Шоу, Г.Уэллс (после 1920 г. в 1931 г. он приехал в Советский Союз вторично), Л.Арагон, побывавший в СССР в 1930 и 1932 гг., Л.Кёстлер, Р.Роллан, А.Жид, Л.Фейхтвангер посетили СССР в тот «легендарный» период, когда «в буднях великих строек» осуществлялись первая и затем вторая пятилетки, возводились сотни новых заводов и фабрик, возникали новые города, с огромным размахом обсуждалась и в 1936 г. была принята новая, носившая «гордое» название «ста-

линская», Конституция СССР. В нашей стране этот документ был назван конституцией «страны победившего социализма».

Многие писатели, побывавшие в нашей стране, оставили книги и заметки, представляющие большой интерес не только для историков и общественных деятелей, но и для всех читателей, интересующихся противоречивыми, суровыми событиями и процессами 1920–1930-х годов. Особенно важны те характеристики и оценки западных авторов, которые относятся к попыткам анализа политической системы советского государства, общественной жизни и общественных настроений. Главное внимание при этом следует обратить на критическое осмысление опыта СССР, так как своим свежим, непредвзятым взглядом (присущим далеко не всем иностранным гостям) они сумели увидеть, а иногда и интуитивно предугадать многие явления и процессы, характерные для советской системы, раньше, чем это произошло в самом Союзе. Отклики зарубежных визитеров помогают воспроизвести не ходульный, не карикатурный образ советских руководителей, среди которых были Сталин и его окружение (что часто бывало в зарубежных публикациях), а реальную, основанную на собственных непосредственных наблюдениях, живую картину, отражающую политические черты вождей советского государства в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Похвала всемирно известных писателей и общественных деятелей была очень важной не только для СССР в целом, но в не меньшей, если не в большей степени представляла ценность для руководства страны. Критика же воспринималась не просто резко отрицательно, а как фактор, компрометирующий и наносящий ущерб Советскому Союзу, а значит нежелательный, и даже вредный.

Судьба книг и заметок тех авторов, которые побывали в нашей стране, была во многом схожей, что, прежде всего, определялось содержанием их работ и характером высказанных в них оценок жизни в СССР, содержанием и существом различных сторон жизни, увиденных в Советском Союзе, диктовалось и сугубо отрицательными оценками ряда представителей зарубежной литературы. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что многие книги просто не допускались к изданию и

оставались неизвестными советским читателям, тем более что иностранными языками владела (чаще всего с помощью словарей, а значит, фактически не владела) лишь их наименьшая часть.

Данная работа построена на рассмотрении всего комплекса проблем, связанных с визитами западных интеллигентов в советское государство. Для того чтобы понять различные аспекты пребывания зарубежных визитеров, необходимо поставить ряд важных вопросов экономического, политического, морального и литературного характера, что одному автору не под силу. Поэтому в сферу исследования автор включил следующие основные направления:

- Показываются некоторые особенности обстановки в России, Советском Союзе в 1920–1930-е годы, сложившаяся в те годы система приема и работы с иностранными гостями, роль в таком приеме партийных и «силовых» органов, государственных и общественных организаций – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей – ВОКСа и Интуриста.

- Раскрываются круг общения зарубежных гостей с советскими людьми, их встречи и беседы с руководителями партии и правительства, особенно с В.И.Лениным и И.В.Сталиным, с другими советскими руководителями. Особое внимание уделяется при этом встречам иностранных визитеров со Сталиным и его окружением, системе работы вождя с текстами и стенограммами его бесед с зарубежными гостями. Встречи и беседы вождя помогают воспроизвести реальные, отражающие особенности и детали характеров, личностные черты советских руководителей.

- Выявляются некоторые особенности общественной и повседневной жизни страны и народа в 1920–1930-е годы, увиденной глазами иностранцев, ее положительные и отрицательные стороны.

- Через взгляд иностранных авторов анализируются особенности политической системы, государственного строя в СССР, доктрины большевизма, общественной жизни и общественных настроений, прежде всего связанные с возникновением

культы личности Сталина и развертыванием репрессий середины 1930-х годов.

— Прослеживаются издание и дальнейшая судьба книг иностранных авторов в Советском Союзе, их оценка советским руководством, критикой и рядовыми читателями; значение оценок зарубежными интеллектуалами жизни в СССР в 1920–1930-е годы для современных исследований.

Отдельные сюжеты, опираясь на архивные материалы, книги и журналы того времени, удалось рассмотреть более подробно, что-то показано более бегло. Причин здесь несколько. Главная же причина состоит в том, что многие книги и эссе, задержанные органами цензуры, никогда не появлялись в нашей стране, а во многих случаях сразу же после революции становились достоянием специальных хранилищ – спецхранов. Мало книг переводилось на русский язык, чаще всего это были отрывки из наиболее приемлемых по положительным оценкам произведений. Поэтому в распоряжение исследователей, а еще больше в сферу интересов читателей, выборочно попадали книги в основном на английском и французском языках, переводная литература, которая носила в основном характер, «прославляющий» достижения советского общества. Особенно это относилось к первой половине 1930-х годов. Те же, кто приезжал в нашу страну, недостаточно знали русский язык и пользовались услугами переводчиков.

Итак, предоставим слово иностранным гостям Советского Союза, попробуем понять особенности восприятия ими окружающего «нового экспериментального мира», степень их знакомства с советской страной и советскими людьми, их наблюдения, споры, восторги и заблуждения, рассуждения и доступные им выводы. Словом, будем следовать справедливой и точной старой истине – лучше один раз увидеть, чем сто раз слышать. Постараемся понять – что же смогли увидеть в СССР люди из другого мира, представители иных социальных слоев, иного мировоззрения.

Автор выражает глубокую признательность члену-корреспонденту РАН А.Н.Сахарову и директору ИРИ РАН Ю.А.Петрову за содействие в издании этой книги. Персональ-

ную благодарность и большую признательность выражаю руководителю Центра «Россия, СССР в истории XX века» д-ру ист. наук А.С.Сенявскому, д-ру ист. наук Г.В.Костырченко, а также рецензентам – д-ру ист. наук Л.В.Поздеевой, канд. ист. наук А.В.Голубеву за ценные предложения и замечания, высказанные в процессе работы. Самую искреннюю благодарность за помощь и поддержку выражаю также своим коллегам-сотрудникам Центра «Россия, СССР в истории XX века».

НАУЧНОЕ ОСВОЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

По истории советского общества 1920–1930-х годов за последние десятилетия создана обширная, насчитывающая многие десятки томов многоплановая литература. Предлагаемый аспект темы, раскрывающий процессы развития Советского Союза через взгляд извне, через восприятие советской действительности крупными общественными деятелями и известными писателями Запада, побывавшими в те сложные годы в нашей стране, практически рассматривался до последних лет не то чтобы крайне мало, но главным образом в художественном и литературоведческом плане. Особенно слабо, а в некоторых случаях и недостаточно корректно в течение многих лет оценивался критический взгляд западных авторов на советскую действительность.

Автор данной монографии считает возможным выделить четыре главных вида литературы по рассматриваемым проблемам: методологические работы, связанные с возникшим на Западе научным направлением жанра «антиутопии», современные изыскания иностранных авторов, исследования российских историков последнего десятилетия, документальные публикации.

Одними из первых приступили (а точнее – подступили) к анализу особенностей государства нового типа западные исследователи – Д.Оруэлл, Ф.Хайек, Э.Фромм, О.Хаксли, то есть те авторы, которые стали яркими представителями жанра «антиутопии». В нашей стране они не бывали, но свершавшиеся в ней события воспринимали с большим интересом и вниманием, высказывая ряд важных позиций теоретического и методологического порядка, справедливо видя в утопии один из видов идеологии.

Олдос Хаксли написал одну из лучших и смелых литературных утопий XX века (именно его сочинения положили на-

чало часто употреблявшимся писателями терминам «мир стандартных людей», «человек как частица общественного целого», «неразличимая одинаковость людей»¹.

Перечисленные выше авторы, как и ряд других, следуя традициям А. де Токвиля² и его мыслям о демократии, высказанным еще в XIX в., прежде всего, пытались разобраться в механизме внедрения авторитарной и тоталитарной идеологии в сознание, в том числе и советских людей, формах ее проявления и влияния на общественную жизнь страны.

Как замечал Ф.Хайек, демократия, будучи по своей сути индивидуалистическим институтом, находилась с социализмом в непримиримом противоречии: «Лучше всех сумел разглядеть это де Токвиль: “Демократия расширяет сферу индивидуальной свободы, – говорил он в 1848 г., – социализм ее ограничивает. Демократия утверждает высочайшую ценность каждого человека, социализм превращает человека в простое средство, в цифру. Демократия и социализм не имеют между собой ничего общего, кроме одного слова: равенство. Но посмотрите, какая разница: если демократия стремится к равенству в свободе, то социализм – к равенству в рабстве и принуждении”»³.

Известный английский писатель *Джордж Оруэлл* (литературный псевдоним Эрика Артура Блэра) выделяет ту особую рода литературу, которая возникла в ходе политической борьбы на европейской сцене начиная с подъема фашизма, то есть с начала 1930-х годов. Эта литература, по его мнению, привлекала авторов разных специальностей – литераторов, экономистов, историков, философов, критиков, объединяла в себе самые разные жанры – романы, автобиографии, «репортажи», социологические трактаты, памфлеты. Важно то, считал Оруэлл, что они выросли на одной и той же почве и примечательны близкой, во многом однородной эмоциональной атмосферой. Оруэлл, внимательно следивший в те годы за жизнью советской России, называя ее государством тоталитарным, к числу самых важных его признаков относил контроль над мыслью, который преследует цели не только запретительные, но и конструктивные, прежде всего связанные с идеологией.

«Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить... Не просто возбраняется выражать – даже допускать – определенные мысли, но диктуется, что *именно надлежит думать*; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть ее в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений... государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных, по меньшей мере, столь же действенно, как контролирует их поступки»⁴.

Оруэлл, хорошо знакомый с позициями левых кругов на Западе, не мог не заметить, что в этих «кругах долгое время предосудительной, если не прямо преступной считалась сама попытка дискутировать о сути происходящего в Советском Союзе. Внедренная сталинизмом система была бездумно признана образцом социалистического жизнеустройства, а СССР воспринимался как форпост мировой революции». Ужасы коллективизации, внесудебные приговоры находили в этих кругах объяснение в обостряющейся классовой борьбе и злодейских замыслах империализма, а к молчанию обязывала их верность заветам Октября и атмосфера приближающейся схватки с фашистской Германией.

Отличаясь острой наблюдательностью, Оруэлл нашел краткую, но очень емкую формулу, характеризующую тогдашнее состояние советских людей, – «ампутация души». В эссе «Мысли в пути» он добавлял, что «видимо, нельзя жить, полагаясь исключительно на могущество машин и на обобществленную экономику»⁵. Писатель отмечал основные и, несомненно, важные особенности «сталинской системы»: насильственное единомыслие, атмосферу страха, приспособленчества и беспринципности, беззакония, накаленной подозрительности и кичливой парадности, стремление превратить человека в винтик⁶. В этих перечислениях легко заметить общность тезисов Оруэлла, да и многих других западных и российских писателей и общественных деятелей того времени.

Немецкий, а после переезда за океан, с 1933 г. – американский психолог и социолог *Эрих Фромм* подчеркивал, что сущность новых систем – «в подчинении всех совершенно бесконтрольной власти небольшой кучки людей»⁷. «Человеческий мозг, – утверждал автор, – живет в двадцатом веке, сердце большинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы»⁸.

Фромм видел механизм бегства от свободы – в тенденции отказаться от независимости своей личности, стремлении слить свое «я» с кем-нибудь или с чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самому индивиду⁹.

Австрийский экономист *Фридрих Август Хайек* считал, что социализм является ошибкой, так как рынок – единственно возможная и всеобъемлющая форма регуляции общественной жизни и даже морали; социализм несостоятелен, ибо он регламентирует активность индивида и в принципе не допускает инноваций. Неслучайно, в России долгие годы его обвиняли в идеализации рыночного механизма¹⁰.

В своей широко известной книге «Дорога к рабству», основные положения которой были впервые кратко изложены в статье «Свобода и экономическая система» в апреле 1938 г. в журнале «Contemporary Review», именно рыночным механизмам автор посвятил главное внимание. В нашей же стране книга была издана спустя почти полвека после публикации на Западе.

Хайек предпослал главе «Великая утопия» эпиграф немецкого поэта Ф.Гельдерлина: «Что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки человека сделать его земным раем». Хайек писал в этой главе, что «нетерпимость и грубое подавление всякого инакомыслия, полное пренебрежение к жизни и счастью отдельного человека – прямые следствия фундаментальных предпосылок коллективизма. Там, где существует одна общая высшая цель, не остается места ни для каких

этических норм или правил. Чтобы участвовать в управлении тоталитарной системой, недостаточно просто принимать на веру благовидные объяснения неблагоприятных действий. Надо самому быть готовым переступить любые нравственные законы, если этого требуют высшие цели, и поскольку цели устанавливает лишь верховный вождь, то всякий функционер, будучи инструментом в его руках, не может иметь нравственных убеждений. Главное, что от него требуется – это безоговорочная личная преданность вождю, а вслед за этим полная беспринципность и готовность буквально на все»¹¹.

Хайек цитирует левого марксиста (в советской литературе 1970-х годов его относили к троцкистам) *Макса Истмена*: «Сталинизм не только не лучше, но хуже фашизма, ибо он гораздо более беспощаден, жесток, несправедлив, аморален, антидемократичен и не может быть оправдан, ни надеждами, ни раскаянием». В заключение Истмен утверждал: «Сталинизм – это и есть социализм в том смысле, что он представляет собой неизбежный, хотя и непредвиденный, результат национализации и коллективизации, являющимися составными частями плана перехода к социалистическому обществу»¹².

Приведя данное утверждение Истмена, Хайек добавляет важную мысль: «Несложно лишить большинство людей способности самостоятельно мыслить. Но надо еще заставить молчать меньшинство, сохранившее волю к разумной критике». Для создания подобного положения автор видит лишь один путь – когда все каналы распространения знаний, все каналы пропаганды будут использоваться исключительно для пропаганды таких взглядов, которые «независимо от их истинности послужат укреплению веры в правоту властей. При этом всякая информация, способная посеять сомнения или породить колебания, окажется под запретом». Автор обращает внимание и на следующее важное положение: «От людей будут скрывать все, что может вызвать сомнение в мудрости правительства или породить к нему недоверие. Информация об условиях жизни за рубежом, которая может дать почву для неблагоприятных сравнений, знание о возможных альтернативах избранному курсу, сведения, позволяющие догадываться о просчетах пра-

вительства, об упущенных им шансах улучшения жизни в стране и т.д. – все это окажется под запретом». Все это, по мнению автора, не может не привести к полной унификации взглядов, а все просчеты правительства – к полному запрету их критики¹³.

Из относительно недавних зарубежных публикаций, прежде всего, следует назвать работы *Пола Холландера, Франсуа Фюре, Штефана Плаггенборга*.

Среди перечисленных авторов нельзя не выделить написанную в 1981 г., выдержавшую в 1980-е годы три издания и вышедшую в 2001 г. в Петербурге на русском языке большую книгу Холландера «Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978»¹⁴. До русского издания книга вышла небольшими тиражами на английском, испанском, итальянском, венгерском языках. К началу 1990-х годов в разных странах появилось на нее более ста рецензий. Написанный, по мнению критиков, легко и ярко, собранный и систематически проанализированный автором богатый урожай рассказов путешественников по коммунистическому миру отличается трезвостью и непредвзятостью. А. Улам, профессор центра русских исследований при Гарвардском университете, отметил, что «это очень продуманная и актуальная книга. Несмотря на серьезность рассматриваемой темы, подход Холландера легок, и в дискуссии автор никогда не опускается до антиинтеллектуализма или горькой полемики»¹⁵.

Книга Холландера, естественно, представляет для нас особый интерес. В ней не только собран огромный материал, получить который, по словам автора, было нелегко. Автор касается фактов пребывания в нашей стране представителей Великобритании, США, Франции, Германии, имена которых подчас мало знакомы российскому читателю потому, что их книги никогда не издавались в нашей стране. В книге приводится широкий спектр их мнений и оценок по поводу происходившего в Союзе, подробнейшим образом анализируются особенности и тонкости приема зарубежных гостей. Однако к рассматриваемому нами сюжету относится немногим менее половины книги

(1928–1938 гг.). При исследовании природы коммунистических обществ автор выделяет четыре важных составляющих: 1) однопартийная система: партия, как правило, коммунистическая; 2) легитимация того или иного варианта марксизма-ленинизма как официальной идеологии; 3) государственный контроль над экономикой и средствами массовой информации; 4) многочисленные и строго иерархичные формирования политической полиции, защищающие систему от любых проявлений «ереси» и критики¹⁶.

Как оценивает сам автор, его книга – это размышления, предостерегающие от разрушительных иллюзий, подобных иллюзиям, овладевшим пилигримами, которые принесли жестокие страдания русским (и не только русским) людям в XX веке. «Пилигримы» также могут, по мнению автора, хотя бы косвенно, подвести русских читателей к необходимости осмыслить роль русской интеллигенции в советское время¹⁷.

Автор назвал свою книгу рассказом об интеллектуальной доверчивости и утопических стремлениях иностранцев, побывавших в Советском Союзе. «Цель манипуляций (техники гостеприимства), – пишет Холландер, – направленных на гостей из-за рубежа всегда была одна. Действия эти воплощали основной ленинский принцип: “идеи – это оружие”. Хорошее впечатление от советской системы, складывавшееся (при прямом посредничестве хозяев) у зарубежных визитеров, чье мнение власти считали значимым – общественных деятелей, писателей, политиков, бизнесменов – служило оружием в идеологической борьбе. Предполагалось, что хорошее впечатление (и предрасположенности, которые оно усугубляло и закрепляло) повлияет на убеждения, установки и действия известных личностей, а в целом будет способствовать узакониванию системы в глазах мировой общественности. Убеждения путешественников, – надеялись советские власти, – даже могли бы повлиять на определенные аспекты политики Запада по отношению к СССР»¹⁸.

Главная цель советского государства, по мнению исследователя, показать и внушить важным визитерам, что советская система популярна, законна, человеколюбива и открыта нуж-

дам своих граждан, а значит, является воплощением пламенных стремлений прогрессивной западной интеллигенции. «Советская система, — продолжает пояснения автор, — это новый с точки зрения истории и эффективный путь к быстрой модернизации огромной и отсталой страны, и, в довершение всего, Советы — это мирная и миролюбивая политическая система»¹⁹.

С другой стороны, считает автор книги, что «тщательно спланированные и хорошо профинансированные... приятные впечатления визитеров гораздо теснее связаны с их собственными предрасположенностями, чем с подобающим случаю обхождением советских властей». Иначе говоря, многие западные интеллигенты были обмануты или сами себя обманывали. «Паломники отличались тем, что обманывали сами себя, а хозяева великодушно помогали им в этом. Однако между ними существовало важное различие: большинство пилигримов были наивными, невежественными и принимали желаемое за действительное — качества, поддерживать и закрепить которые и были призваны отрежиссированные туры по стране. Хозяева же, напротив, знали, что и зачем они делают: потемкинские деревни служили еще одним средством достижения цели, и движущей силой выступал тот же самый интеллект, который сеял ложь в советском обществе и изобрел социалистический реализм для советских художников и писателей», — делает вывод западный автор²⁰.

Автор справедливо подчеркивает, что гостям, приезжавшим в СССР, «показывали нетипичные, образцовые хозяйства, фабрики, тюрьмы, детские сады и школы, жилмассивы, а также исключительно хорошо образованных, лояльных, пышущих энтузиазмом советских граждан. В соответствии с принципами соцреализма, воплощенными в турах, подобные нетипичные достопримечательности служили эмблемой наступающего светлого будущего: образцовые тюрьмы и колхозы должны были вскоре стать средними, типичными тюрьмами и колхозами, так же как положительные герои на фоне людей грядущего уже не должны были бы выделяться»²¹.

Исследование Холландера обнаруживает очень тесную связь между отчуждением человека от собственного общества

и восприимчивостью к привлекательности (реальной или вымышленной) других обществ. Конец 1920-х – начало 1930-х годов – пример того, что социальная система излучала чувство целеустремленности и, казалось, наполняла жизнь своих граждан смыслом. Потребность в иллюзии, искушение политической утопией являлись, по мнению автора, органичной чертой рассматриваемого времени²².

Особенно интересны главы 2–4, в которых автор самым тщательным образом анализирует соотношение политики и морали во взглядах интеллектуалов, их отношения с властью, политические предпочтения.

Исследователь отмечает, что популярность и непопулярность Советского Союза среди интеллектуалов была гораздо теснее связана с состоянием западных обществ, чем с ситуацией в советском обществе. «Восхищение Советским Союзом, – пишет автор, – достигало своего пика не тогда, когда игра Советов на политической сцене была особенно впечатляющей или когда их политика “очеловечивалась”, а в периоды тяжелого экономического кризиса, ударившего по западному миру (в начале 30-х гг.): он помог сформироваться взгляду на СССР как на остров стабильности, порядка, экономической рациональности и социальной справедливости... Это и есть краеугольный камень мифа под названием “социализм” – обещание совместить модернизацию с социальной сплоченностью и стойкой жизнеспособностью общества»²³. «...Если интеллектуалы так или иначе могут прийти к согласию с социальной системой, которая авторитарна, но обещает социальную справедливость, – делает вывод автор, – сама она выглядит прочной...». Далее автор замечает, что «нацистская опасность внесла... вклад в более терпимое отношение к коммунистам и Советскому Союзу, как бы непривлекательны они ни были, это меркло перед чудовищностью фашистского движения и идеологии»²⁴.

Холландер процитировал позицию американской журналистки Сильвии Маргулис, побывавшей в нашей стране в период конца 1920-х – начала 1930-х годов: «Мы видим картину щедрого приема иностранных гостей, включая и многих из тех,

кого (по их собственному мнению) недооценивали и игнорировали дома. Каждого заставляли почувствовать себя значимой личностью. Как же можно критиковать страну, которая возродила в тебе чувство собственного достоинства и потратила на это столько драгоценного времени своих высокопоставленных чиновников?»²⁵

Холландер высоко оценивает заметки и отчеты западных интеллектуалов, которые могут помочь понять ценности, стремления, надежды и антипатии этой важной и влиятельной группы и в значительной мере сформировать представления об описываемых обществах. Исследователь делает вывод о том, что «в 1930-е гг., время, когда Советский Союз был так популярен среди западных интеллектуалов, информация о чистках и других отнюдь не привлекательных результатах деятельности советской системы полностью отсутствовала. Советский Союз и его сторонники распространяли обильную контринформацию (скорее ее можно назвать дезинформацией или пропагандой) с целью нейтрализовать компрометирующие систему данные»²⁶. Существенен и один из принципиальных выводов автора. Он констатирует, что «теперь уже очевидно... путешественники 1930-х гг. были введены в заблуждение – и не обязательно инсценированными событиями, поддельными декорациями или нехарактерными образцами реальности – но, главным образом, представлением о Советском Союзе в целом, которое старательно им внушали»²⁷.

Оценивая проделанный им труд, автор прямо или косвенно подтверждает, что «ни одна политическая партия, ни одна идеология не способна решить все проблемы человека, хотя есть искушение восхищаться далекими странами, претендующими на то, что они-то способны решить все. В частности, идеи марксизма-ленинизма, привлечшие столько пилигримов, смогли вдохновить небольшую группу людей (в коммунистических государствах), пытавшихся воплотить их в жизнь, даже не задумываясь о цене таких попыток», а также то, что «опыт, накопленный в советские годы, обеспечивает своего рода защиту, а то и вообще иммунитет к искушению политической утопией, к стремлению ее отыскать»²⁸.

Выводы Холландера очень актуальны и сегодня: «Пока западные интеллектуалы причитали по поводу разрушительного влияния и несправедливостей капитализма, социалистические системы все глубже осознавали, что государственный контроль над экономикой грешит серьезными недостатками, многие отрасли производства малоэффективны, производительность труда низкая, а государство неспособно удовлетворять человеческие потребности. Лидеры этих стран все настойчивее искали пути восстановления частного предпринимательства»²⁹.

До самого последнего времени среди исследователей менее всего было известно имя крупного французского историка и политолога *Франсуа Фюре*, которого во Франции, отнюдь не случайно, называли «интеллектуальным бунтовщиком». Его книга «Прошлое одной иллюзии» (некоторые переводчики давали ей название «Расставание с иллюзиями») была закончена в 1995 г. и через три года впервые издана в Москве издательством «Ad Marginem». В примечании от редакции подчеркивается, что «в книге Фюре присутствуют неотрефлексированные страхи и настойчивое желание понять причины столь большой привлекательности коммунистических идей для европейской интеллигенции. Ему особенно удалось портреты европейских интеллектуалов, служивших делу коммунизма, страдавших от этой воплощенной утопии, боровшихся против социалистического лагеря, строительству которого ранее была отдана значительная часть жизни. Георг Лукач, Борис Суварин, Пьер Паскаль — малоизвестные для нас в России герои³⁰. Фюре разрушает легенды левой европейской мифологии»³¹.

Сам же автор подчеркивает, что «советский опыт обнаруживает одну из своих отличительных черт: свою нерасторжимую связь с некой фундаментальной *иллюзией*, которую, как казалось, он долгое время поддерживал, чтобы в конечном счете ее окончательно развеять. <...> Эта иллюзия дает человеку, затерянному в истории, не только смысл жизни, но и непоколебимую уверенность. Она не была чем-то вроде ошибочного суждения, которое можно исправить, опираясь на опыт, но имела больше общего с религиозной верой, хотя предмет ее обожествления лежал в области истории. Иллюзия не просто

“сопровождает” коммунизм, она его созидает...». Ленинская «знаменитая “пролетарская демократия”, которую он восхвалял в пику Каутскому, теперь, после того как замолкли Советы, превратилась во власть одной партии, изолировавшей себя...»³².

Проблема «иллюзий» очень занимает автора. К этой проблеме он возвращается неоднократно, считая, что именно политические и экономические иллюзии разного рода не просто сопровождают коммунизм, существуют рядом с ним, а, в общем и целом, созидают его. «Способность мифологизировать собственную историю, – считает Фюре, – одно из величайших достижений советского режима. Но он вряд ли достиг в этом, таких высот, если бы ему не помогла готовность поверить, заложенная в европейской культуре революционно-демократической традицией». «Иллюзия универсальности, необходимая для революционной веры якобинского или ленинистского типа, – утверждает Фюре, – развевается ходом революции: история коммунизма подтверждает это правило»³³.

Большой интерес представляет также следующая мысль автора: «В коммунизме, с одной стороны, очень сильна идеологическая составляющая, а с другой – претензия на обеспечение всеобщего счастья, постоянно подвергающаяся трагическому разоблачению. <... > Коммунизм – это такой дом, куда из поколения в поколение в течение века, в зависимости от обстоятельств, одни входили, другие же выходили»³⁴. Особенное внимание в настоящем исследовании привлекает четвертая глава книги Фюре, под названием «Верующие и разочарованные». На примере «разочарованных» в советском строе – Паскаля, Суварина, Лукача, В.Сержа³⁵ – автор показывает, что «независимо от побудительных причин и разнообразных путей, приведших их к коммунизму, все его адепты получают (или думают, что получают) в качестве аванса чувство примирения чело- века с самим собой», а также понимание того, «чтобы быть коммунистом, надо не столько быть марксистом, сколько верить, что марксистское учение воплотилось в Советском Союзе, а его выразителем является ВКП(б)». Фюре видит успех большевиков в смеси «почти военизированного милитантизма,

политического радикализма и идеологии в больших дозах»³⁶. У автора нередко проскальзывает мнение, что происходившее в России было периферийным для мирового исторического процесса, но в силу макиавеллевских ухищрений большевиков (например, присвоивших идею революции) периферийная страна надолго приковала к себе внимание миллионов во всем мире³⁷.

К числу пороков советской системы Фюре относит отсутствие гибкости: «Если партия большевиков призвана не только руководить революцией, но и в каждый данный момент выражать ее смысл, любое политическое разногласие внутри партии или внутри Интернационала приобретает фундаментальное значение: оно ставит под вопрос их способность руководить классовой борьбой в соответствии с законами истории. Цена ортодоксии – превращение любого разногласия в ересь»³⁸. Для характеристики советской системы Фюре избирает, как и Оруэлл, термин «тоталитаризм», потому что он «...указывает на стремление партии быть для себя высшей целью и заставить своих членов служить себе *perinde ac cadaver**. Такое стремление сближает ее с религиозной сектой, забирающей в свое распоряжение общественную и частную жизнь, тело и душу своих членов, но цель ее отнюдь не религиозная, а чисто политическая – захват и удержание власти. Безоговорочное подчинение членов достигается с помощью общей идеологии, которую вождь партии истолковывает и обогащает применительно к обстоятельствам»³⁹. Фюре делает для себя принципиальный вывод, представляющий большой интерес: «Потерпев поражение в плане реальном, большевистский режим торжествует в плане религиозных верований», поясняя, что «большевизм предлагает иллюзорный выход, выступая в качестве религии для потерявших ориентиры людей послевоенного времени»⁴⁰.

Фиктивный язык идеологии, считает Фюре, облачает политическую деятельность в сакральные формы и отделяет друзей от врагов каждый раз, когда возникает такая необходимость. «Большевики выступают в качестве священников некой идео-

* До последнего издыхания (латин.).

кратии, а Сталин – в качестве главы церкви, которому все верят на слово. <...> Что касается Сталина, то для него бюрократия и российская отсталость были самой подходящей средой»⁴¹.

Фюре не один раз сравнивает состояние страны при Ленине и Сталине. «Ленин отождествлял диктатуру партии с диктатурой пролетариата, за что и подвергся критике со стороны Розы Люксембург. От него же пошло возвеличивание террора, презрение к законам, смещение партии и государства, сектантская страсть к идеологическим дебатам, идея партийной аристократии, лежащая в самом основании большевизма. Однако при Ленине в партии велись дискуссии. Тоталитарная партия, соединившая идеократию с террористическим государством, яростно истребляющая свои старые кадры, – это уже Сталин»⁴². Характеристику советской системы, как тоталитарной, автор объясняет, прежде всего, тем, что она указывает на особое положение партии, ее упорное стремление быть для себя высшей целью в государстве.

Современный немецкий историк *Штефан Плаггенбург* в монографии «Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» начинает исследование с 1917 г. Он подчеркивает концепцию организаторов переворота «по созданию еще невиданного в истории человека или типа людей не путем наклеивания этикеток или использование реквизитов из ломбарда революции, а с помощью фундаментальной перестройки мышления, целью которого было изменение ментального склада и духовного багажа» людей⁴³.

Одним из важных факторов «реорганизации человека» явилась, по мнению историка, смена элиты – «общественный слой, до сих пор фактически не принимавший участия в политической и культурной жизни страны, взобрался на самую верхушку социальной лестницы. Отчасти он пробился туда сам, отчасти ему помогла политика Сталина и его окружения. Они принесли с собой свои замыслы и представления о жизни, воззрения на политику, неясные, несформулированные, неотрефлексированные»⁴⁴.

Последовательное внедрение в сознание людей новых мифов или, как остроумно замечает Плаггенборг, создание культуры, ориентированной не на людей, а представляющей собой «дизайн, спущенный “сверху”, без учета сопротивления “материала”»⁴⁵ (то есть без учета реально существовавшего тогда уровня образования, менталитета населения России, массового сознания, мифологем того времени. – Г.К.). Это существенно облегчало и упрощало контроль высших эшелонов власти и управления за различными слоями населения, прежде всего за интеллигенцией, в том числе и за приезжавшими в Союз иностранцами. «Русские мифы, – поясняет автор книги, – создавались с целью разъяснения людям масштабности и смысла времени, разрушившего старое, но пока не создавшего нового. Одновременно они помогали замаскировать пропасть, отделявшую режим от большей части населения. Это были мифы о начале пути, о светлом будущем, об оправданном насилии и справедливой войне, они рисовали картину будущего в архитипических образах. Мифы легитимировали проект будущего, разработанный элитой, ведь это были образы, создававшиеся не народом, а для народа... Идеалы нового человека и проекты новой культуры придумывалась небольшим количеством людей для всей массы населения»⁴⁶.

Обсуждение сложных проблем взаимоотношений человека с государствами, имеющими различный общественный строй, продолжалось за рубежом и в последующие годы, может быть, с меньшей интенсивностью⁴⁷.

За последние десятилетия немало сделано советскими и российскими историками. Большая часть монографий, документальных публикаций и статей были посвящены проблемам международной пролетарской солидарности, осуществления принципов пролетарского интернационализма, проведения международных антивоенных форумов⁴⁸.

Известный советский историк и писатель *Н.Я.Эйдельман* остроумно и точно заметил, что в нашей стране при всех «издательских колебаниях» в течение 50–60 лет сложилась и утвердилась довольно простая схема для оценки взглядов знаменитых западных гостей: «использовалась двухцветная шкала

“друг-враг”, разве что с допущением формулы “Друг, но кое-чего не понял”»⁴⁹. В своей последней статье Эйдельман дал к ней следующий, очень подходящий к предмету изложения, эпиграф Пушкина:

От западных морей до самых врат восточных
Не многие умы от благ прямых и прочных
Зло могут отличить...

Отрицательные явления, действительно, иностранцы далеко не всегда умели отличить (их им просто не показывали), а значит, и свободно выражать свое мнение.

Эйдельман оценивает проблему следующим образом: «Укрепление тоталитарной диктатуры Сталина нуждалось в определенном моральном подкреплении среди разных кругов западного мира. Усиление закрытости советского общества сопровождалось соответствующей маскировкой, мобилизующей коммунистов, левых, леволиберальных и других лояльных западных сил. С другой стороны, встречи и беседы Сталина и других руководителей с такими фигурами, как Шоу, Людвиг, Уэллс, Роллан, Барбюс, Фейхтвангер, укрепляли в глазах широких масс, в особенности интеллигенции, авторитет сталинской системы»⁵⁰.

Автор призывает не упрощать события, не усреднять противоречивые явления, помнить не только то, что подтверждает слепоту, некомпетентность западных гостей, но и не забывать последовательную позицию А.Жида, достаточно сложные взгляды Р.Роллана и Г.Уэллса⁵¹. Эйдельман обращает внимание на немалое число сложных «линз», определявших в глазах гостей искривления реальных предметов. К ним он относил такие важные внешнеполитические факторы, как обострение экономической и политической ситуации на Западе, «великая депрессия» 1929 г., наступление фашизма. Из внутривнутриполитических факторов он выделял успехи, достигнутые в годы первой пятилетки, которые не могли не вызвать новый прилив интереса к Союзу в начале 1930-х годов. Встречаясь с советскими людьми, иностранные гости видели колоссальный энтузиазм, веру в Сталина значительного числа людей. Выделяет Эйдель-

ман и такой фактор, как действия аппарата дезинформации, идеологической обработки, умелой изоляции гостей Союза от негативных явлений⁵².

В литературе советского времени допускались только положительные характеристики, одобрялось только восхищение, критика же пропускалась лишь строго «дозированная», серьезные размышления и попытки анализа до советского читателя просто не доходили. Например, как подчеркивалось в сборнике статей «Зарубежные писатели и Октябрь» (изданном в 1967 г. в Саратове): «В наши дни передовым писателем можно назвать лишь того, кто понял и признал страну Советов, кто верит в идею социализма, борется в защиту мира»⁵³. Борьба в защиту мира и сегодня остается важнейшей глобальной проблемой, аргументы же в пользу признания идей социализма требуют нового, более полного и глубокого научного обоснования.

Избранные для монографии сюжеты серьезно изучаются литературоведами. Речь идет о крупных писателях, поэтому интересный материал, касающийся жизненного пути, литературного творчества удастся почерпнуть из серии «Жизнь замечательных людей»⁵⁴. К сожалению, политические отношения между странами, складывание (или, наоборот, не складывание) политических партий и их лидеров, особенности их политических и идеологических позиций почти не освещаются.

Наиболее крупным писателям Запада посвящен и ряд монографий и статей литературоведов и философов⁵⁵. Однако большинство работ практически не затрагивает политические проблемы, ограничиваясь литературной стороной жизни и творчества писателей.

Характеризуя позиции западных интеллектуалов, философ М.Рыклин справедливо замечает: «Коммунизм, воплощаемый большевизмом, претендовал не только на радикальное преодоление противоречий предшествующей истории, но и на то, что возникшее в результате состояние будет реализацией заложенных в истории упований». Он отметил, что, будучи очарованными, они, «как правило, не могли разглядеть за революционным возвышенным банальную фактичность, а если (как в случае с Андре Жидом) все же такое происходило, на родине их

объявляли отступниками. Принявший обличье коммунизма большевизм причинял зло исключительно ради высшего Добра, по сути, не осознавая логику зла как независимую от своей конечной цели»⁵⁶.

Самым новым, почти не известным, до сих пор недостаточно используемым российскими историками исследованием является составленный литературоведами «Диалог писателей», посвященный истории русско-французских культурных связей XX века (1920–1970). Публикация писем не только существенно расширяет масштабы переписки французских и русских писателей и показывает участие в ней новых имен французских писателей. Среди них – Ж.Дюамель, Ж.Жионно, П.Мориак, А.Мальро, Ж.Сартр, Р. Мартен дю Гар, М.Пруст, П.Моран, Дрие ла Рошель и ряд других, но что более важно, раскрывает их взгляды, их отношение к Советскому Союзу, контакты с советскими интеллигентами. Большую ценность представляют и выдержки из ранее не публиковавшихся в нашей стране произведений, а также интереснейшая переписка с советскими адресатами, в которой обсуждается проблема прав человека и государства, называющего себя социалистическим, прав искусства перед лицом власти, соотношении коллективизма и индивидуальных свобод⁵⁷. Очень ценным является и более точный современный перевод произведений иностранцев.

Отдельные отсылки к иностранным авторам встречаются в работах, посвященных тем или иным аспектам деятельности Сталина⁵⁸.

В последние годы все больше привлекают внимание российских исследователей-историков отношения России и Запада в 1920–1930-е годы. Большим шагом вперед в конкретном изучении проблемы стали коллективные монографии 1980-х годов, посвященные советской культуре, в которых имелись специальные главы, раскрывающие культурные связи с заграницей, а также не потерявшие своего источниковедческого и исследовательского характера монографии и статьи В.А.Куманева⁵⁹.

Из числа современных исследований, прежде всего, необходимо выделить труды А.В.Голубева, Ю.И.Игрицкого, В.А.Не-

вежина, В.И. Фокина и ряда других историков⁶⁰. В этих работах речь идет о восприятии внутри Советского Союза позиций иностранных визитеров, раскрытии особенностей массового сознания советского общества, а также о тех сюжетах, которые показывают степень «закрытости» СССР.

Одним из фундаментальных исследований является монография В.И. Фокина «Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы». Автор рассматривает этот международный фактор с позиций советской внешнеполитической доктрины, основанной на разделении мира по социально-политическому признаку. Вместе с тем автор замечает, что именно в рассматриваемый им период впервые широкое распространение получили представления о том, что жизнь каждого человека и судьба человечества в целом зависят не только от воли «сильных мира сего», но и от способности интеллектуальной элиты достойно решать возникающие в обществе проблемы. «Наука, литература и искусство стали восприниматься не только как сферы индивидуального творчества, но и как явления общественного характера, в силу их влияния на ускорение процессов изменения условий жизни. Духовное творчество... приобрело общественное звучание. ... В международном сотрудничестве, – справедливо утверждает автор, – в сфере культуры многие видные представители науки и искусства видели свой общественный долг, способ изменить мир и усилить воздействие интеллектуальной и художественной элиты на темпы, характер и гуманистические тенденции его развития». Автор сделал вывод, что международное сотрудничество в области культуры в период между двумя войнами приобрело качественно новые черты и характеризовалось резко возросшими масштабами, небывалой до этого интенсивностью, приобрело интернациональный характер⁶¹.

В одной из своих статей⁶² Ю.И. Игрицкий схематизировал противостоящие друг другу имиджи СССР в мировом общественном мнении 1920–1930-х годов, справедливо оговорив при этом определенную долю условности:

Отсталая нищая страна с пассивным населением, не имеющим вкуса к частной экономической инициативе. Обречена на перманентно низкий уровень жизни. Хозяйственные планы не выполняются, а отчеты об их выполнении фальсифицируются.

Коммунистические вожди готовы принести любые человеческие жертвы ради претворения в жизнь своих идей и сохранения власти. Любое инакомыслие и гражданское неповиновение расцениваются коммунистической верхушкой как государственное преступление и караются смертной казнью, либо помещением в концентрационный лагерь. Принудительное насаждение коммунистической идеологии сопровождается гонениями на церковь и верующих. В основе внешней политики лежат попытки столкнуть крупнейшие развитые страны друг с другом и провести коммунистические перевороты — внутри каждой из них.

И хотя сам автор специально и вполне справедливо оговаривает определенную долю условности в такой градации, выделенные им имиджи иногда излишне прямолинейны, а иногда слишком резки и утрированы (к ним относятся, например, его оценки свободы слова и оппозиции, «настоящих» вредителей в тюрьмах и т.д.).

Больше других в сфере исследования проблем культурных связей и советской культурной дипломатии сделано в существующем более 20 лет Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, в том числе его руководителем *А.В.Голубевым*. Развивая традиции крупных советских исследователей культурного наследия академика *М.П.Кима* и доктора исторических наук *Ю.С.Борисова*, Голу-

Передовая страна, показывающая всему миру, что путь к социальной справедливости и гармоничному обществу лежит исключительно через ликвидацию частной собственности и директивное плановое хозяйство.

Эти коммунистические идеалы разделяются практически всеми гражданами, ввиду чего властям нет нужды запрещать свободу слова и оппозицию. В тюрьмах сидят только настоящие вредители. Советское общество является единственно приемлемой альтернативой как западному капитализму, так и фашизму; Запад же стремится канализировать фашистскую агрессию против СССР.

бев значительно углубил поставленные ранее проблемы. В ряде статей этого автора проблема органично вписана в более широкий и сложный вопрос о закрытости советского общества 1930-х годов. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на постоянный приток иностранных туристов, в 1920–1930-е годы действовали четкие механизмы, ограничивавшие допуск в страну «нежелательных лиц», а сфера личных контактов советских людей с иностранцами была существенно сужена⁶³.

В вышедшей в 2004 г. книге А.В.Голубева «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов» автор во многом обобщил наработанный ранее материал. Как пишет сам автор, темой данной книги является не столько состояние умов западноевропейцев, сколько попытки использовать это состояние в собственных целях, которые не без успеха предпринимало в этот период руководство Советского Союза. Автор прослеживает динамику развития советской культурной дипломатии в 1917–1939 гг., в первую очередь, направленную на Запад, которая «являлась частью того огромного комплекса идей, методов, учреждений, которые составляли невиданный в истории пропагандистский механизм, созданный после революции в СССР». Автор прослеживает, как менялись ее цели и методы на протяжении более двадцати лет, какие люди и структуры участвовали в ее проведении⁶⁴. Выделив начало и середину 1930-х годов, автор замечает, что «именно эти годы показали как плюсы, так и минусы той модели культурной дипломатии, которая создавалась в СССР. С одной стороны, всеобъемлющая роль государства и “закрытость” общества позволяли эффективно ограждать большинство иностранных гостей от нежелательной информации о реальной жизни в стране, демонстрируя при этом именно то, что выбирали сами гостеприимные хозяева. С другой стороны, и финансовые, и, что может быть еще более важно, организационные ресурсы государства были ограничены, и подобная практика могла быть эффективной лишь в условиях относительно незначительных по своим масштабам контактов»⁶⁵. Автор убедительно показывает, что «культурная пропаганда»

являлась частью того огромного комплекса идей, методов, учреждений, которые составляли невиданный в истории пропагандистский механизм, созданный после революции в СССР.

Следующая монография А.В.Голубева «Если мир обрушится на нашу республику...», вышедшая в 2008 г. и имеющая подзаголовок «Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг.», выделяет закономерности, связанные с возникновением стереотипов как массового, так и индивидуального сознания советских людей в отношении возникавших в тот период западных проблем. Большую ценность в упомянутых книгах представляют и документальные приложения, содержащие ранее не публиковавшийся архивный материал⁶⁶.

Важным подспорьем в изучении поставленных проблем также являются проводящиеся Центром по изучению отечественной культуры в течение ряда лет тематические конференции и «круглые столы», во время которых раскрываются не только история взаимовосприятия России и мира, но и ее особенности, связанные с внутренней и внешней политикой различных государств, ведутся оживленные дискуссии по самому широкому кругу проблем, охватывается обширная география. Подобный подход к осмыслению отечественной истории, сделал вывод А.В.Голубев, «через призму противоречащих друг другу ментальностей и идентичностей позволяет вскрыть глубинные смыслы культуры, неочевидные для современников соответствующих событий и явлений, но выражающие своего рода историческое подсознание эпохи»⁶⁷. В феврале 2011 г. в Институте российской истории РАН такое обсуждение состоялось уже в восемнадцатый раз.

Источники, связанные с раскрытием темы, накапливались постепенно начиная уже с 1920–1930-х годов, то есть следуя непосредственно за событиями того времени. Сначала публиковались путевые заметки только самого положительного свойства⁶⁸. Затем все большее место стали занимать книги, написанные в жанре воспоминаний⁶⁹.

Значительно возросло изучение поставленной проблемы с выходом первого фундаментального издания, посвященного анализу источников, среди которых немалое место занимают

дневниковые свидетельства иностранцев. Среди них перечисляются имена Д.Рида, А.Р.Вильямса, Г.Уэллса, А.Барбюса, М.А.Нексё, Б.Шоу, С. и Б. Вебб, Р.Роллана, А.Жида, Л.Фейхтвангера⁷⁰. Авторы сочли возможным отметить, что иностранным гостям «старались продемонстрировать внешнюю, парадную сторону советской жизни, и многие оказались замороженными пафосом социалистического строительства, хотя и подмечали многие явления, которые казались им дикими или чуждыми или объяснялись “болезнями роста”»⁷¹.

Последнее десятилетие XX в. принесло существенное приращение документального материала. Впервые были опубликованы многие источники, не издававшиеся в течение ряда десятилетий. В их числе наибольшую ценность имеют дневники и письма Р.Роллана, книги Б.Рассела и А.Жида и ряда других писателей и общественных деятелей⁷².

В течение долгого времени почти не встречалось работ, связанных с проблемами контроля советских органов за пребыванием в нашей стране иностранных гостей. Раскрыть реальный механизм такого контроля стало возможным лишь в последние годы, когда были опубликованы многие новые архивные документы, появились фундаментальные публикации, связанные с рассматриваемыми сюжетами. Особо следует выделить ряд работ петербургских историков *В.С.Измозика* и *А.В.Блюма*, монографию *Т.М.Горяевой* о политическом контроле в советской России, солидные сборники документов «История советской политической цензуры», «Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917–1953 гг.»⁷³. В последней упоминаемой публикации особенно интересны и значимы материалы (к сожалению, пока разрозненные) Центрального Архива ФСБ. Однако интересующий нас сюжет в данных работах рассматривается очень скупо или не рассматривается совсем. Наибольшую ценность представляют относительно недавно рассекреченные и ставшие доступными исследователям материалы КГБ СССР, связанные с агентурными делами советских писателей М.Горького, И.Бабеля, Б.Пильняка, Е.Замятина, А.Платонова, О.Мандельштама, известного

журналиста М.Кольцова, особенно в той части, которая раскрывает факты их общения с зарубежными писателями⁷⁴. Особый интерес представляет, написанная заместителем председателя Всесоюзной комиссии по литературному наследию репрессированных и погибших писателей В.Шенталинским книга «Рабы свободы: в литературных архивах КГБ». Представляет интерес его вывод о том, что «созданный Сталиным союз писателей был не только органом подавления свободы слова, удушения творчества, но и тайным осведомителем, своего рода филиалом Лубянки. Каждый гражданин ...знал, что он живет под прицелом Лубянки, что в любую минуту в его жизнь может вмешаться Лубянка и сделает с ним, что захочет, а защиты от Лубянки нет»⁷⁵.

Одна из главных причин недостаточной разработанности темы – недоступность до самого последнего времени архивных материалов, многие из которых рассекречены лишь недавно. «Архивная революция» 1990-х годов дала возможность изучить новые документы и материалы, прежде всего, находящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). К ним относятся фонды Политбюро, а также личные фонды руководителей страны И.В.Сталина, В.М.Молотова, М.И.Калинина, А.В.Луначарского. В них хранятся ценнейшие документы – дневники Р.Роллана, переписка Р.Роллана и А.Барбюса со Сталиным и Горьким, стенограммы бесед Сталина с иностранными визитерами, особенно его беседы с Г.Уэллсом, Р.Ролланом, А.Барбюсом, Л.Фейхтвангером⁷⁶.

Ценные документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Они собраны, главным образом, в фондах Всесоюзного общества культурной связи с заграницей ВОКС и Интуриста. В Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) интерес представляет фонд А.М.Горького).

Важны также в книги, статьи и эссе самих писателей, ранее вышедшая литература, иностранная и советская периодическая печать.

Из последних документальных публикаций нельзя не отметить впервые воспроизводимый по архивным материалам РГАСПИ полный перечень лиц, в том числе иностранцев, при-

нятых Сталиным, начиная с середины 1920-х вплоть до начала 1950 годов⁷⁷. Все это сделало возможным не только комплексное рассмотрение избранной темы, но и более полное освещение ранее кратко рассмотренных или мало известных сюжетов. К ним относятся, например, история встреч советского руководства с иностранными гостями, феномен А.Барбюса и создания его книги о Сталине, особенности оценки западными визитерами жизни советской страны в 1920–1930-е годы.

Не только восприятие западными писателями фигуры Сталина, но и особенности встреч и бесед с ними являются интереснейшим, мало изученным сюжетом, имеющим свою драматургию, свои кульминационные моменты, свои оценки, красноречиво раскрывающие как позиции самого вождя, так и мнения его зарубежных гостей. То же следует сказать и о письмах и записках, адресованных Сталину, которые переводились на русский язык, тщательно регистрировались, наделялись грифами «не для печати», «совершенно секретно» и «секретно», с ними, судя по пометкам, знакомился Сталин. Подлинники писем и их переводы на русский язык сохраняются в личном фонде Сталина в РГАСПИ. В ряде случаев, хотя и далеко не всегда, Сталин давал ответы, эти ответы также обязательно сохранялись. Большинство из них Сталин подвергал большей или меньшей правке, что также сохранилось в архиве. Документы чаще всего сохранялись в трех версиях: первоначальная стенограмма, записанная переводчиками непосредственно в ходе беседы вождя и затем расшифрованная, стенограмма, подвергшаяся правке участников беседы, и, наконец, текст, подготовленный для печати. В большинстве случаев правка Сталина была очень существенной и включала не только смысловые фрагменты, но и стилистические моменты. Материалы Фонда лишь несколько лет назад были переданы из Архива Президента РФ в РГАСПИ и стали доступны исследователям⁷⁸.

Таким образом, даже краткое рассмотрение историографии и источников показывает новые возможности для дальнейших углубленных исследований поставленной проблемы. Отдельные вопросы историографии будут рассмотрены в соответствующих главах.

Глава вторая

СОВЕТСКИЙ
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»
В РОССИИ, СССР В 1920–1930-е ГОДЫ

Почему появилась необходимость в этой небольшой главке? И нужна ли она в данном исследовании? Представляется, что эта глава полезна, так как направлена на раскрытие феномена «социалистической утопии», возникавшей в России, СССР в 1920–1930-е годы, той самой утопии, которую так последовательно и целеустремленно стремились показать и доказать иностранцам в период их пребывания в Советском Союзе.

В течение многих лет изучение и оценки проблем развития советской государственности, экономики, мелкого крестьянского хозяйства в первые десятилетия их существования были догматическими и однолинейными, определявшимися руководящими указаниями партийных решений и позициями руководителей партии, прежде всего В.И.Ленина, а затем И.В.Сталина. Анализ проблемы велся главным образом в одной плоскости – доказательства последовательного и все более углубляющегося социалистического народовластия. Именно народовластие считалось важным источником динамизма общества, устойчивости его политической системы.

Огромные цифры, характеризовавшие количественное участие населения в выборах, число трудящихся, входивших в качестве активистов в те или иные государственные и общественные формирования, «валовой» подход к их деятельности, отраженные в партийных решениях и отчетах с мест, что было характерно и для 1920–1930-х годов¹, успешно скрывали трудности и противоречия развития экономики и государства, особенно тот непреложный факт, что в реальной жизни практически бесконтрольная власть была все больше сосредоточена в руках бюрократического аппарата².

Теоретические представления большевиков о будущем государстве трудящихся были во многом эклектичны – в их основе лежали прекраснодушные мечтания утопистов, теоретические построения Маркса и Энгельса, краткий опыт революционных движений, прежде всего Парижской Коммуны, и, что позже четко подтвердила историческая практика, в самой малой степени – на реалиях российской жизни.

Главный теоретик и руководитель партии В.И. Ленин видел в новом государстве не обычное «парламентарно-буржуазное государство», а государство *«без постоянной армии, без противостоящей народу полиции, без поставленного над народом чиновничества»*. Объединенный советами, вооруженный поголовно народ через соединение властей, как считал Ленин, *«должен управлять государством»*. Мечтой вождя было полное развитие демократии, при котором *«наинизшие низы»* поднимаются *«к историческому творчеству»*³.

После революции, в сложных условиях гражданской войны, централизации и чрезвычайных методов управления, вторая Программа партии (1919 г.) по-прежнему ориентировала на реализацию концепции государства-коммуны, правда, предполагавшей теперь и постоянную армию, и госаппарат. Эту позицию всецело разделял Н.И. Бухарин. В работе «Теория пролетарской диктатуры», написанной в том же году, он подчеркивал, что *«Советская форма государства есть самоуправление масс (! – Г.К.), где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. Это – то основное, что отличает советскую республику от решительно всех форм государственного бытия»*⁴. Но именно самоуправления, то есть «основного», что отличало бы советскую республику от других государственных форм и которое стремились показать и доказать иностранным гостям, достигнуть не удалось. Оно и не могло возникнуть в крестьянской стране, крайне низкого образовательного уровня населения, почти полного отсутствия в государстве демократических традиций.

В 1920 г. в своей книге «Экономика переходного периода» Бухарин наглядно и просто обосновал принцип достижения прогрессивных изменений в обществе через насилие и с его

помощью. «...Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Это обоснование автор дал в главе, названной им «Внеэкономическое принуждение в переходный период», относительно которой в своих заметках на полях В.И.Ленин написал: «Вот эта глава превосходна!» В процитированном же отрывке Бухарина Ленин подчеркнул часть фразы, начиная со слов «методом выработки», на полях отчеркнул часть абзаца тремя чертами и написал: «именно!»⁵.

Однако уже в первые годы советской власти среди деятелей большевистской партии находились резкие критики подобной схемы строительства нового государства. А.А.Богданов, например, обращал внимание на «типичное максималистское построение» ленинской теории о «государстве-коммуне» как политической переходной форме от буржуазного строя к социализму⁶.

«...Как *постоянный государственный порядок*, – писал Богданов, – эта система... гораздо менее совершенна, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодна. <...> ...Ленинский проект совершенно несовместим с научным пониманием государства и классовых отношений». Богданов видел в построениях Ленина «доведенные до крайности – черты максималистского мышления» – «отсутствие организационного анализа, вера в желаемое, своеобразный “оптимизм разрухи”, ожидание от него необыкновенно революционных результатов...»⁷.

С первых лет существования советского государства все более резким становился разрыв между декларируемыми партийными постулатами и реальной практикой. Так, VIII съезд партии подчеркивал, что партийные органы не должны смешивать свои функции с функциями советских органов: «Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их». В августе 1919 г. было принято совместное указание ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ о

взаимоотношениях партии и комсомола, в котором говорилось, что «самодеятельность организации Российского Коммунистического Союза Молодежи является основой его работы, непременным условием его существования». В сентябре 1920 г. Пленум ЦК партии признал неправильной «всякую мелочную опеку и мелочное вмешательство во внутриорганизационную жизнь профсоюзов»⁸.

Практика же показывала постепенное ужесточение «мелочной опеки» по отношению ко всем общественным организациям, особенно со второй половины 1920-х и начала 1930-х годов⁹. Этого не могли не замечать общавшиеся с представителями этих организаций иностранные визитеры.

Развитие политической и экономической системы государства в 1920–1930-е годы, основанной на становившейся монопольной государственной собственности, государственной уравнительной системе распределения всех материальных и продовольственных ресурсов, привело к созданию совсем другой формы государственного управления, чем это предполагали классики марксизма-ленинизма. Характерными чертами системы политической власти стали однопартийное руководство Коммунистической партии, выросшее в диктат партийной верхушки и лично Сталина, сращивание партийного аппарата с государственными органами, огосударствление общественных организаций, максимальная централизация, командные методы функционирования государственного механизма.

Ставшие в последние годы доступными исследователям протоколы заседаний Политбюро 1920–1930-х годов показывают, что именно там было сосредоточено решение всех, вплоть до самых мельчайших, вопросов жизни не только отдельных государств, но и внутригосударственных и региональных вопросов. Среди них постоянно присутствовали и вопросы связи с другими государствами и контактов с иностранной интеллигенцией, особенно с ее выдающимися представителями.

Материалы Президиума Верховного Совета СССР конца 1930-х годов показывают, с одной стороны, крайне ограниченное поле деятельности высшего государственного органа, с другой – такое же, как и в Политбюро, постоянное рассмотре-

ние десятков и сотен мелких вопросов, в числе которых были и решения об уровне приема («пышном или непышном»), как говорилось в одном из решений) зарубежных визитеров¹⁰.

Советские органы практически сразу же стали придатком партийных структур, декоративным атрибутом их власти. Как констатировала, написанная незадолго до войны, записка Президиума Верховного Совета СССР, Советы еще не являлись полноправными органами государственной власти, вопросы на них выносились случайные, не было разграничения функций Советов и исполнительных органов, оставалось неизвестным, кто отвечает по советской линии за организацию и направление работы местных органов¹¹.

С годами формальная сторона деятельности Советских органов усиливалась. Практическое лишение Советов (то есть основы государственного механизма) управленческих функций превращало их в инстанцию чисто формальную, штампующую подготовленные партийными органами решения. Контрольные функции органов власти также носили формальный характер, фактический же контроль над деятельностью аппарата управления и его кадров взяли на себя карательные органы в лице НКВД.

Не соответствовал реальному положению дел и партийный тезис о руководящей роли рабочего класса в управлении государством. Например, в Верховном Совете СССР I созыва подавляющее число депутатов составляли функционеры, то есть люди, занятые на партийной и советской работе, хотя и вышедшие из рабочих и крестьянских слоев. В Совете Союза из 246 рабочих по социальному происхождению 201, или 82%, находились на партийной, советской, хозяйственной, военной и общественной работе, из 130 выходцев из крестьян к этим категориям относились 104, или 80% депутатов. 81% депутатов Совета Союза и 71% депутатов Совета Национальностей являлись членами ВКП(б)¹². Они единогласно и некритически поддерживали все внутри- и внешнеполитические акции партии, твердо верили в начертанный коммунистической партией путь построения социализма. Именно эта тема присутствовала практически во всех беседах представителей рабочего класса с ино-

странными гостями. В целом же советские органы не были жизнеспособны без партийной вертикали, без ее повседневного руководства.

Таким образом, управления «через трудящихся», о котором мечтал Ленин, не получилось, да и не могло получиться, так как представители народа оказались лишенными какой-либо самостоятельности. Сфера законодательной власти превратилась в сферу непрофессиональной деятельности, а главной решающей силой во всех государственных и общественных структурах становились партийные органы.

Система, которая держалась на внеэкономических методах хозяйствования, на принуждении, не могла не опираться на насилие и репрессии в качестве необходимого элемента действий государства. Практика массовых репрессий и произвола стала повседневным явлением и касалась не только отдельных лиц, но и целых социальных слоев и даже народов, подвергавшихся депортации. Академик В.И.Вернадский точно отметил в своем дневнике факт существования своеобразного государства в государстве: «...Власть – реальная – ГПУ и его долголетних превращений. Это – нарост, гангрена, разъедающая партию, – но без нее не может она в реальной жизни обойтись (курсив мой. – Г.К.)»¹³.

Партийное и государственное руководство страны с особенно большим недоверием относилось к интеллигенции. И хотя И.В.Сталин громко называл писателей «инженерами человеческих душ», он считал интеллигенцию не классом, а прослойкой. Откровенно и прямо разъяснял точку зрения руководства партии на интеллигенцию и В.М.Молотов: «Среди интеллигенции немало бывших классовых противников, они не могут за диктатуру рабочего класса бороться. ... Но в душе они против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а даже если и не вели, то дышали этим»¹⁴. Исходя из этих позиций руководства, складывались и отношения с иностранными гостями, а также особенно постоянный и пристальный контроль за их общением с советскими писателями и общественными деятелями. Но «дышали» они совсем другим. Выдающийся ученый-физик П.Л.Капица писал пред-

седателю СНК СССР Молотову 7 мая 1935 г.: «Я твердо верю в интернациональность науки и верю в то, что настоящая наука должна быть вне всяких политических страстей и борьбы, как бы ее туда ни стремились вовлечь, и я верю, что та научная работа, которую я делал всю жизнь, есть достояние всего человечества, где бы я ее ни творил». Председатель ВОКСа А.Я.Аросев, в 1934 г., вскоре после принятия СССР в Лигу Наций, замечал: «Укрепление мирных отношений всегда содействует установлению более тесных культурных связей между народами, совершенно так же, как установление культурных связей является необходимым условием для мирной политики, которую неизменно проводит правительство нашей страны»¹⁵. Эти замечания имели прямое отношение и к позициям многих других представителей прогрессивной советской и западной интеллигенции.

Следует отметить, что именно в середине 1930-х годов руководство литературным процессом в стране стало гораздо более централизованным и жестким. Ликвидация Международного объединения революционных писателей (МОРП), других писательских организаций, создание под прямым руководством государства единого Союза советских писателей, упразднение Общества старых большевиков явились важными вехами в огосударствлении советской литературы, да и всей общественной жизни страны. С первых шагов подготовки съезда писателей партия твердо взяла бразды правления в свои руки. Неоднократно совещания высшего руководства страны по этому поводу проводил лично Сталин с участием ближайшего окружения – среди них назывались имена Молотова, Кагановича, Ворошилова и других. Партийные деятели не только контролировали извне каждый шаг писателей, но даже были введены в структуры Оргкомитета по созыву съезда писателей – И.М.Гронский¹⁶, В.Я.Кирпотин, зав. Агитпропом ЦК ВКП(б) А.И.Стецкий¹⁷, А.С.Щербаков¹⁸, который после съезда стал штатным секретарем Союза писателей, хотя фактически никогда профессионально не занимался литературой, А.А.Жданов, который на съезде будет произносить речи от имени ЦК¹⁹. Действительно, именно из числа партийных функционеров был

назначен на 1 съезде оргсекретарь Союза советских писателей, занимавший этот пост в 1934–1936 гг., – А.С.Щербаков. Как вспоминал художник-карикатурист, родной брат журналиста М.Е.Кольцова, Б.Ефимов, на съезде был зачитан список Правления по алфавиту от А до Я, а в конце добавлено «А также товарищ Щербаков». Ефимов назвал Щербакова «новым сталинским эмиссаром, отныне отвечающим перед Сталиным за “братьев-писателей”»²⁰. Горький писал о нем в ноябре 1935 г. А.А.Андрееву, что «литература для него – чужое, второстепенное дело. Он оптимист, но кажется только потому, что не любит беспокоить себя»²¹. Подобные оценки работы Щербакова с писателями встречаются и в документах Архива ФСБ России. В одном из специальных сообщений секретно-политического отдела ГУГБ, направленных Ягоде и другим руководителям ведомства по поводу хода съезда советских писателей, приводилась следующая характеристика Щербакова: «Щербаков – фигура никому из писателей неизвестная. Расчет очевиден – дать писателям руководителя, не запятнанного никакой литературной дракой, вкусовщиной и личными связями. Может быть это и целесообразно... Но ведь не делают же этого в автомобильной или текстильной промышленности. Разве для того, чтобы руководить литературой, так уж необходимо ничего в ней не понимать...»²².

В писательской среде настроение было взволнованным и тревожным. Один из присутствовавших в качестве гостя на съезде писателей литератор В.Правдухин писал: «Все что творится сейчас в литературе, – беззастенчивая демагогия и издательский террор»²³. В спецсообщении приводились и слова одного из писателей, который говорил об удушливой атмосфере съезда, добавляя, что его «утешает только то, что за решение литературных вопросов впервые взялся лично Сталин»²⁴. В следственном деле писателя Б.Пильняка сохранилась его оценка проведенной государством акции: «В этом деле нужна крайняя децентрализация... пути руководства писателями должны быть неизмеримо более гибкими и менее заметными»²⁵. Как позже образно и точно оценивал этот процесс критик А.Кривицкий, на состоявшемся вскоре после окончания войны

обсуждении рукописи романа В.Гроссмана «Жизнь и судьба»: «Литература присоединена к государству в нашей стране, и ...это ее счастье»²⁶. Именно в 1930-е годы концепция о государственной литературе непосредственно слилась с политической доктриной сталинизма, что сделало ее особенно влиятельной во всех сферах общественной жизни и нашло законченное выражение в методе социалистического реализма.

Документы показывают, что представители различных кругов интеллигенции, особенно писатели и ученые, были очень заинтересованы во встречах и переписке с зарубежными коллегами. Они внимательно следили за издававшимися за рубежом книгами, давали комментарии к ним. Вот лишь один очень характерный пример. В феврале 1931 г. советские писатели Ф.Гладков и И.Сельвинский обсуждали в письмах к Р.Роллану проблему индивидуализма и гуманизма. Сельвинский утверждал, что «индивидуальной свободы не существует, что интеллигент никогда не был и не может быть свободным». Гладков подчеркивал, что «смешно говорить о человечности в настоящее время». Роллан в ответном письме разъяснял свою позицию: «Вся моя жизнь служит фактическим доказательством обратного. Я жил свободным, всегда свободным, среди врагов всего того, что я любил, всего того, что я защищал, всего того, чем я был. <...> ...я жертвовал любыми интересами ради вдохновляющего долга быть и оставаться свободным. И я им оставался. Оставался свободным всю свою жизнь. <...> Свободен всякий, кто готов пожертвовать всем ради свободы своей души»²⁷.

Советские писатели постоянно интересовались литературной жизнью своих коллег на Западе. Так, К.И.Чуковский не раз записывал в дневнике свои впечатления о книгах Уэллса, Шоу, Роллана²⁸. М.М.Пришвин отмечал в дневнике факты приезда в СССР Б.Шоу, А.Жида²⁹. В апреле 1927 г., когда в Союз приехал французский писатель Ж.Дюамель, на «штампованно-радушную встречу» иностранного писателя обратил внимание Б.Л.Пастернак. В одном из писем он заметил, «что прием наш, одинаково дутый, всезнающий и потому ничего не означающий, меня подавил и сконфузил – в порядке вещей»³⁰. В 1937 г.

большое эссе о фантастике Уэллса написал Ю.Олеша: «Уэллс – буржуазный писатель. Идеи его ошибочны. Но он увидел ужас капиталистического мира. Ведь это ему принадлежит выражение, что капиталистическое общество больно чумой души! В своих новых произведениях Уэллс приближается к антифашистскому фронту... обвиняет фашизм в проповеди войны и разрушения культуры»³¹.

Партийный функционер, а с 1934 г. сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики А.Г.Соловьев в дневнике, который он вел более 60 лет, отметил важность приезда в Москву Бернарда Шоу. Отдыхая в санатории «Узкое», Соловьев не преминул отметить приезд английского писателя в санаторий вместе с наркомом просвещения А.В.Луначарским. Под датой 22 июля 1931 г. он записал: «Сегодня только разговоров о Бернарде Шоу... Бернард Шоу – высокий, стройный, белый как лунь, бородатый старик. Но очень бодрый. Рассказывают о вчерашней встрече, где он сказал, что он не может умереть, не побывав в Советском Союзе, что это его давняя мечта. Он сразу же посетил Мавзолей т. Ленина и говорил о нем очень любовно». Несколько дней спустя Соловьев подробно описал торжество в Колонном зале Дома союзов по случаю 75-летия Шоу: «Собрались писатели, артисты, художники, работники культуры. Масса приветствий. Расчувствовавшийся Шоу говорил очень взволнованно и трогательно. Он начал по-русски словом “товарищи”, потом по-английски пояснил, что это единственное слово он знает по-русски. Он хорошо говорил о нашей революции, о Ленине, о советской власти, о непобедимой дружбе русского и английского народов. Он заверил, что был и всегда будет другом Советского Союза до самой смерти»³².

Общались советские писатели с зарубежными коллегами и на международных конференциях и конгрессах. В 1927 г. они встречались на Конгрессе друзей Советского Союза. В 1929 г. местом встречи был Международный антифашистский конгресс в Берлине, в 1932 г. Всемирный конгресс против империалистической войны состоялся в Амстердаме. В 1935 г. проводился парижский Международный конгресс писателей в за-

щиту мира, в декабре 1935 г. в Лондоне был созван Конгресс друзей СССР и мира, в 1936 г. – один из крупнейших антивоенных форумов, Брюссельский Международный конгресс мира, в марте 1937 г. в Лондоне – Второй конгресс мира и дружбы с СССР, в июне того же года в Мадриде – Международный конгресс писателей в защиту мира и культуры³³.

Международные форумы были многочисленными и представительными, объединяя посланцев разных стран, имевших левое мировоззрение, поддерживавших антивоенное и антифашистское движение. В 1927 г. на Московском конгрессе друзей Советского Союза присутствовало около 1 000 делегатов из 43 стран мира, антивоенный конгресс в Амстердаме в августе 1932 г. представляли посланцы от 30 млн трудящихся из 29 стран мира, в 1935 г. на конгрессе писателей в защиту мира присутствовали делегаты от 35 стран. Инициатива созыва Первого международного конгресса писателей принадлежала Р.Роллану, Ж.Р.Блоку, А.Мальро, А.Жиду, Л.Арагону, А.Барбюсу, П.Маргериту и объединяла 230 деятелей литературы из 38 стран. Советские писатели имели возможность не только входить в руководящие органы конгрессов, выступать с докладами, но и обмениваться впечатлениями и даже высказывать свои точки зрения, иногда дискутировать. Однако их главная миссия заключалась не только в пропаганде мира, но и в выражении идейных взглядов коммунистов, четких классовых позиций.

На первом съезде Союза советских писателей присутствовало 40 иностранных писателей. Среди них были Л.Арагон и А.Мальро (Франция), Р.Альберти и М.Т.Леон (Испания), В.Бредель и Э.Толлер (Германия), М.Андерсен-Нексё (Дания). С трибуны съезда прозвучали имена Г.Уэллса, А.Мальро, Ж.Р.Блока, «человека великого сердца, гуманиста до мозга костей» Р.Роллана, Т.Драйзера, Э.Синклера, «великого французского поэта» А.Жида, Л.Арагона, А.Барбюса, Л.Фейхтвангера. В своей вступительной речи от имени ЦК партии А.А.Жданов отметил не только то, что основные трудности на пути социалистического строительства уже преодолены и страна завершила построение фундамента социалистической экономики,

СССР стал не только передовой индустриальной страной, самого крупного социалистического земледелия, передовой социалистической культуры, но и процитировал Сталина, назвавшего советских писателей «инженерами человеческих душ», которые призваны изобразить действительность в ее революционном развитии, обеими ногами стоять на почве реальной жизни³⁴. К.Б.Радеком был сделан специальный доклад, посвященный современной мировой литературе и задачам пролетарского искусства. В докладе отмечалось, что в период нэпа в Россию хлынула масса иностранных писателей, появились сотни книг. Но, по мнению докладчика, «они не дали ни одного художественного произведения... даже не сумели помочь международной общественности понять, что же у нас действительно происходит»³⁵. В докладе Радека было уделено пристальное внимание проблеме переделки сознания иностранных писателей. «Какую же идею мы должны помочь им одолеть? – спрашивал докладчик. – Это идея индивидуализма, состоящая в следующем: “Я, писатель, работник мысли, не могу подчинить себя никакой дисциплине, всякая партия – шоры, всякая партия связывает художника, Я хочу быть вольным стрелком за революцию, я не могу быть солдатом революции”. Эта более или менее сформулированная мысль есть сердцевина затруднений всех колеблющихся писателей, которые искренне хотят прийти к нам. И если писателю трудно отказаться от своих интимных индивидуальных оттенков, пусть он изучает опыт советской революции, и он тогда увидит, что раз он хочет бороться против капитализма, против империализма, хочет бороться рука об руку с народной массой, то он должен идти в шеренге этой народной массы. Если же он противопоставит ей так называемые оттенки и свое мнение, то окажется, что это не его индивидуальное мнение, а мнение какого-то буржуазного слоя, враждебного пролетариату»³⁶.

Правда, в выступлении М.Кольцова обращалось внимание и на другую сторону вопроса, на то, что «нельзя судить и рядить о западной литературе, не имея ее попросту на руках. Для того чтобы в дальнейшем мы могли лучше и ближе познакомиться с иностранной литературой, надо потребовать от наших

издательств, чтобы они в корне пересмотрели пропорцию, которая ими уделяется иностранной литературе. У нас выход каждой новой переводной книги — это целое событие. Нужно, чтобы книги иностранных авторов, и новых и старых, выходили у нас в больших тиражах»³⁷. Иностранцы гости, присутствовавшие на съезде, в основном ограничивались самыми восторженными оценками увиденного и узнанного. В дискуссии на съезде выступили Б.Иллеш, В.Бредель, Дж.Ласт, Ж.Р.Блок, Л.Арагон, И.Бехер. Перевод речей иностранцев зачитывался известными советскими писателями. Выделялось выступление американца Э.Синклера, который заявил: «Я являюсь одним из старомодных лиц, которые все еще надеются, что в таких странах, как Британия или США, где народ привык к самоуправлению, переход от капитализма к социализму может произойти без свержения правительства»³⁸.

Активно участвовали иностранные писатели в различных анкетах, распространяемых ВОКСом, а также в задуманном М.Кольцовым и поддержанном Горьким издании «День мира», прошедшем 27 сентября 1937 г. В нем участвовали Л.Арагон, Ж.Р.Блок, Л.Дюртен, Э.Людвиг, Г.Манн, но даже не упоминалось имя Жида. Советское руководство ему не могло простить произведения, которые он написал после посещения Советского Союза, они были запрещены и изъяты из библиотек³⁹.

Литератор и историк Р.Ф.Куллэ⁴⁰, арестованный в 1934 г., оставивший большой дневник, в котором подробно освещались особенности сознания интеллигенции того времени, писал же не из тюрьмы: «до чего я измучен и до чего устал от вечного контроля и проверки всего — вещей, писем, слов! Какая это проклятая, удушающая система! От нее одной можно не выжить. И если так будет долго, то обеспечен полный идиотизм. Если бы видели, до какого скотского состояния доведена так называемая “интеллигенция”, которую я встречаю на своих путях. До какой степени снижена культура, которой и без того было не густо!»⁴¹. В июле 1934 г. Куллэ с отчаянием писал в дневнике о глупейшем интеллигентском оптимизме, звучавшем, «как придушенный голос отчаявшихся людей, страдавших по свободе настолько, что они готовы верить во вся-

кую нелепость, которая посулит им иллюзию надежды на облегчение от затянутой на глотке петли»⁴². Куллэ с искренним недоумением спрашивал у самого себя в дневнике: «На чье доверие рассчитывают наши лгуны и фальсификаторы? Для кого они врут? Надо думать, что для истории и для буржуев. Для истории это нужно, как оправдание “эксперимента”, живые свидетели и жертвы которого вымрут, а написанные ложью газеты выживут для буржуев, очевидно, чтоб соблазнить Европу и втереть лишний раз очки “мировому пролетариату”, который настолько медлит с устройством революции, что есть основание думать, что она вообще не состоится»⁴³. Далее Куллэ добавлял: «Девяносто девять сотых населения страны своего собственного мнения не имеют и такового не выражают. ... Не выражая своего мнения, страна принуждается питаться мнением партийных газет, каковое мнение, как единственное, выдается за мнение страны, тогда как на самом деле – это мнение только небольшой группы людей». Куллэ констатировал, что «у нас (в СССР. – Г.К.) нет оппозиции, у нас нет общественного мнения. Мнение у нас – сплетни, *шепоток*. Неблагополучно что-то там, где нет оппозиции, где все мыслят одинаково: это или кладбище, или безумное онемение от страха». И добавлял: «Запрещена мысль. Даны догматы, определены клише, в пределах которых человек имеет право мыслить и ни шагу дальше... Разрешены те мысли, которые официально одобрены, заранее зарегистрированы и понятны»⁴⁴.

Как и многие другие представители интеллигенции, Куллэ очень интересовался оценками и мнением иностранных гостей страны. Когда в 1931 г. в Советский Союз приехал Б.Шоу, Куллэ записал в дневнике «По-видимому, Бернард Шоу, стал тяготиться прилепленной к нему кем-то репутацией “самого остроумного человека в мире” и решил от нее избавиться, приехав сюда и наговорив лакейских комплиментов. Конечно, ему была продемонстрирована *казовая* (показная. – Г.К.) сторона наших достижений, его укачали речами, закармливали лестью и завтраками. А ну как приедет, да такое напишет, что у наших лакеев плешь потом покроется... Радужные “хозяева” выполняли свою роль с усердием, за что и получили благодарность»⁴⁵. В

1932 г. Куллэ замечал, что положительная оценка Р.Ролланом перестройки управления литературой и создания Союза советских писателей показывает, что французский писатель «попался на обман, ничего не видел и не знал»⁴⁶.

Но одной из важных черт советского общества 1920–1930-х годов, было то, что система не смогла «изъять» из общественной жизни всех инакомыслящих и создать единую, безликую, покорно голосующую и послушную народную массу. Хотя и тогда и позже инакомыслие, не говоря уже об инакодействии, квалифицировались как антигосударственная деятельность и преследовались самым жестоким образом, вплоть до расстрела и заключения в концентрационные лагеря. Терялось главное звено жизнедеятельности общества – человек, который низводился до уровня «винтика», «фактора». Как образно оценивал М.Рютин: «Все винтики – большие и маленькие, второстепенные и первостепенные – хотят они или не хотят, “верят” они или “не верят”, вынуждены вращаться вместе со всей машиной. Если же какой-либо винтик или целая группа отказываются вращаться со всей машиной и “протестуют”, – машина беспощадно его размалывает и со скрипом, с треском и скрежетом продолжает свою работу дальше. Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически»⁴⁷. Рютин указывал на развал и дезорганизацию экономики страны, авантюристические темпы коллективизации, насильственность и террор сплошной коллективизации, направленной не только против кулаков, но и против середняков, крайне низкое качество продукции в результате погони за выполнением и перевыполнением дутых темпов, на сплошное очковитерательство и обман в планировании.

Достаточно вспомнить о процессе по т.н. Академическому делу 1929–1931 гг. (дело академиков С.Ф.Платонова – Е.В.Тарле). Одно из обвинений, выдвигавшихся в ходе следствия, сводилось к «критическому отношению к советскому строю». Документы показывают, что отношение академиков действительно было критическим. Академик С.Ф.Платонов разъяснял, что «Россия абсолютно не являлась подготовленной ни с какой точки зрения к социалистической революции», что «программа

правительственной партии... искусственна и утопична». Сам факт существования советской власти в течение 12-ти лет Платонов считал не показательным «для окончательного закрепления форм настоящего строя», где «обязательно должна быть свобода почина, свобода личности». Он замечал также, что широкие крестьянские массы абсолютно не подготовлены к социалистическим элементам советского строя и что сейчас практически проводится линия насилия крестьянских масс, «считаю недопустимым в интересах развития страны и утопичным создание “общего интерната” при фабрике и насилии»⁴⁸. Высказывая критические позиции, Платонов вместе с тем твердо заявлял: «Для меня совершенно ясно, что со многими положениями существующего строя я не согласен, но власть признаю»⁴⁹.

Все лица, привлеченные по данному делу, обвинялись в сношениях с иностранными государствами в контрреволюционных целях, шпионаже, организационной деятельности в этом направлении.

Можно сослаться и на позиции академика И.П.Павлова, который в письме в Совнарком 21 декабря 1934 г. четко определил: «Все – террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему?.. Во-первых, то что вы делаете, есть, конечно, только эксперимент и пусть даже грандиозный по отваге... как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом. Во-вторых, эксперимент страшно дорогой... с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни... Мы жили и живем под господством жесткого принципа: государство, власть – все. Личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства... Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Я все более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий»⁵⁰. Можно еще раз вспомнить об академике В.И.Вернадском, в исповедальных дневниках которого есть записи о «бездарности государственной машины», о полицейском коммунизме, кото-

рый «растет и фактически разъедает государственную структуру», о том, что Сталин становится диктатором⁵¹.

Для того, чтобы удержать на рельсах и двигать огромную сверхцентрализованную иерархическую систему власти в стране, необходимо было и дальше расширять бюрократический аппарат. Законы подчиненной государству экономики диктовали линии действия в политике, политика, осуществлявшаяся действиями всех звеньев политической системы, направляемыми верхушкой партийной власти. Власть умело приспособляла доктринальные основы партии к решению задач каждого исторического этапа в строительстве «социалистической экономики», «социалистической демократии», «социалистической идеологии».

Эта чрезвычайно мощная сцепка экономических и политических факторов предопределила не только многолетнюю выживаемость советской системы, но и трудность ее демонтажа во второй половине 1980-х годов. Сколько ни издавалось законов, сколько ни изобреталось форм и методов оживления различных звеньев экономической и политической системы, повышения политической и экономической активности граждан в последующие десятилетия, все они не могли не носить формального характера, так как не затрагивали основополагающую корневую систему – экономические отношения и монополию одной партии. Фактически бесконтрольная власть была все больше сосредоточена в руках бюрократического аппарата.

Меньшинство из сферы общественной жизни как бы изымалось, ему было отказано в праве быть демократической ценностью, во внимание принималась лишь изначальная правота большинства. В число «меньшинства» входили и т.н. «попутчики» – те писатели, которые не состояли в партии и не имели пролетарской родословной. Как отмечал литератор В.Шенталинский, «это пренебрежительное словечко придумал нарком просвещения Луначарский и особенно обожал Троцкий... к ним относили Есенина и Бабеля, Пастернака и Замятина, Зощенко, А.Толстого и многих других, безусловно, мастеров, но не, безусловно, советских». Общественный вес писателя определялся не его даром, а теми идеологическими позициями, ко-

торых они придерживались. Бабель был объявлен революционным попутчиком, Всеволод Иванов квалифицировался как просто попутчик, а Пильняк – попутчиком в кавычках. «Попутчиков, – замечал Шенталинский, – либо вынудили подделаться под господствующую идеологию, либо отстранили от печатного станка. Под лозунгом обострения классовой борьбы и большевизации литературы талант – эта интеллектуальная собственность – подлежал экспроприации. Либо с партией. Либо против нее – третьего не дано»⁵². Еще в 1925 г. Луначарский пояснял: «Попутчик – не коммунист, у попутчика много заблуждений, попутчик идет неверными шагами и делает то вправо, то влево тур вальса с подозрительными для нас дамами. И все же попутчик априори носит в своем сердце большое восхищение перед грядущим коммунизмом, перед героями борьбы за него, глубокое отвращение к буржуазии, яростный протест против противоречий нашего общества»⁵³. Луначарский считал, что «если мы любим социализм, если мы хотим добиться такого явления, где действительно восторжествовало бы человеколюбие, то мы должны произвести неприятную операцию классовой борьбы с тем меньшинством человечества, которое этому препятствует»⁵⁴.

Сложившаяся в годы гражданской войны и в течение 1920-х годов система способствовала тому, что именно в данный период, когда решался вопрос «кто – кого» и требовалась особая концентрация власти, были заложены основы жесткой вертикали управления всеми сферами жизни общества, в число которых входили и все художественные сферы, все аспекты творчества интеллигенции. Установление, а затем и укрепление т.н. административной системы обосновывалось, прежде всего, в виде «знаменитого» тезиса вождя «всех времен и народов» Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. Доказательством ее существования стали сфабрикованные властью политические процессы конца 1920-х и особенно в 1930-е годы над «вредителями» и «врагами народа», направленные, прежде всего, против собственной интеллигенции. Чаще всего поводом для арестов служили обвинения не в реально совершенных преступлениях, а

критическое отношение к действительности, неприятие экономических и политических действий властей. Больше других слоев населения страдала интеллигенция, которая видела много глубже ситуацию в стране.

В одном из доносов секретного сотрудника Беломорско-Балтийского лагеря о наблюдении за заключенным, религиозным философом П.А.Флоренским, передавался рассказ последнего о следствии, проводившемся на Лубянке: «От меня на Лубянке все требовали, чтобы я назвал фамилии людей, с которыми я будто бы вел контрреволюционные разговоры. После моего упорного отрицания следователь сказал: “Да знаем мы, что вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой агитации! Но ведь на вас, в случае чего, могут ориентироваться наши враги, и неизвестно, устоите ли вы, если вам будет предложено выступить против Советской власти... Вот почему они и дают такие большие срока́ (так в документе. – Г.К.) заключения – это профилактическая политика. “Мы же не можем поступать, как царское правительство... оно наказывало за уже совершенные преступления, а мы предотвращать должны, а то как же – ждать, пока кто-то совершит преступление и только тогда наказывать? Нет, так не пойдет – надо в зародыше пресекать, тогда дело будет прочнее”»⁵⁵.

Период 1930-х годов был очень сложным и противоречивым для страны и народа. Форсирование задач строительства социализма, приведшее к значительным успехам в индустриализации, модернизации экономики, изменения в социальном составе населения и рост его грамотности – изменяли облик страны, порождали чувство гордости советских людей. Подводя итоги развития страны на XVIII съезде партии в 1939 г., Сталин с гордостью говорил, что прошедшие годы были годами роста и процветания, экономического и культурного подъема, роста политической и военной мощи государства, борьбы за сохранение мира во всем мире, о полной демократизации политической жизни страны⁵⁶.

В течение двух пятилеток страна была существенно реконструирована. В 1937 г. удельный вес промышленности во всей продукции народного хозяйства составил более 77%. Измени-

лась ее география, по общему объему валовой продукции Советский Союз выдвинулся на первое место в Европе и второе – в мире (царская Россия была на пятом месте)⁵⁷. Конституция СССР 1936 г. закрепляла основы политического устройства советского общества, демократические права и обязанности граждан, во многом носившие формальный характер. Все более важной и весомой частью социального состава страны становилась интеллигенция. Все это не могло не отразиться на социальном самочувствии людей. Значительная часть населения верила в достигнутые успехи и не знала о развернувшейся в стране самой массовой репрессивной кампании борьбы с «врагами народа» 1937–1938 гг., в результате которой пострадало более 1,5 млн граждан, из которых почти половина была расстреляна в застенках НКВД⁵⁸.

В те годы в обществе был силен революционный энтузиазм самых широких масс, гордость за стремительный рост индустриальной и военной мощи страны, огромная вера в правоту социалистических идеалов. Эта вера и надежда на солнечное будущее механически связывалась с именем Сталина. О Сталине мудром, родном и любимом слагались песни и стихи. Газеты, журналы, радио и кино, литература и искусство, огромная армия партийных пропагандистов – все они хором славословили вождя, его постоянную заботу о народе.

Впереди было солнечное будущее – коммунизм, а само государство готовилось к постепенному отмиранию. Еще в середине 1920-х годов М.И.Калинин обращал внимание на эту закономерность: «Пролетарское государство будет превращаться постепенно, по мере успехов социалистического строительства, изживания капиталистических отношений и исчезновения капиталистов, в государство общенародное, имеющее уже новый смысл и содержание (устремление к коммунизму)»⁵⁹. Люди искренне верили в коммунистические идеалы, и эта вера помогала жить и трудиться во имя будущего.

ПАЛИТРА ВОЗЗРЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

Подавляющее большинство побывавших в нашей стране писателей отличало критическое отношение к современному капитализму, неприятие эксплуатации, хорошее знание проблем и ценностей западного мира и существовавших в те годы демократических традиций, международного политического климата 1930-х гг., которые также становились существенным критерием сопоставления с советскими реалиями. Собственно, тех, кто видел не только успехи Советского Союза, но и нерешенные проблемы руководство страны старалось не приглашать. Критика и недоброжелательность, особенно касательно внутреннего устройства советского государства, не только не правилась, но и максимально замалчивалась.

Сложная международная обстановка того времени, безусловно, являлась крайне важным фактором для понимания сути тех или иных выводов гостей Советского Союза.

Росла военная опасность, в Германии к власти в 1933 г. пришли национал-социалисты. Европейские демократии не смогли помешать японскому вторжению в Маньчжурию, а в 1935 г. – нападению Муссолини на Абиссинию. В этих условиях СССР воспринимался как единственный форпост на пути фашистской агрессии. Во многих странах люди верили в то, что именно в Советском Союзе найден путь созидания еще невиданного в истории человечества нового общества, в котором отсутствуют эксплуатация, нищета и безработица. Они искренне восхищались успехами социалистического строительства, особенно итогами первой и второй пятилеток. Советский Союз необходимо было поддерживать всеми возможными способами и стараться не навредить скороспелыми и излишне резкими оценками.

Конечно, общественно-политические взгляды писателей (при всех особенностях политических пристрастий каждого из писателей) были в значительной степени эклектичными. Их взгляды не являлись последовательно или частично марксистскими, а часто были просто немарксистскими, но, несомненно, все они имели «левую окраску», сочетая позиции буржуазного либерализма и социализма, останавливаясь как бы на перепутье между либерализмом, социалистическими течениями и общечеловеческим гуманизмом. Большое влияние на формирование взглядов иностранных интеллектуалов в первой половине XX века оказывали и идеи фабианского социализма¹. На этих основах строилось и понимание интеллигенцией демократии. Оно было связано со свободой развития индивидуума, социальной защищенностью людей, осуждением насилия в любой его форме, с верой в то, что мир должен изменяться только эволюционным путем, в результате проявления сознательной и доброй воли всех членов общества. Оценки увиденного в СССР с высоты «общечеловеческой истины», особенно в условиях противостояния двух систем, часто носили утопический, а иногда и просто наивный характер.

Советский историк Н.Эйдельман замечал, что в 1920–1930-х годах они в основном ориентировались на открытое общество либерально-демократического направления, были сторонниками «определенного типа западного просвещенного сознания, склонного либерализировать и демократизировать любых собеседников, стараться рассматривать любую цивилизацию (пусть неприемлемую для Запада) как естественную, стремящегося к сопоставлению русской революции с английской, французской, американской»².

Эволюция идейных взглядов многих писателей была достаточно резкой. Вера в справедливость коммунистической доктрины привела Л.Арагона, А.Барбюса, Б.Брехта, Т.Драйзера и другие деятели того времени в ряды коммунистических партий своих стран. В разное время в коммунистических партиях состояли также М.Андерсен-Нексё, И.Бехер, Ж.Р.Блок, П.Вайян-Кутюрье, А.Камю, П.Ланжевен, П.Неруда, Ж.П.Сартр, Г.Фаст,

П.Элюар и ряд других представителей мировой интеллектуальной элиты³.

Наступление фашизма означало для Г.Уэллса, Р.Роллана, Б.Шоу и многих других интеллигентов активное и последовательное участие в антифашистском движении. Не только приход фашизма способствовал значительному расширению движения литераторов, да и интеллигенции в целом влево, но тяжелейший экономический кризис капиталистической экономики конца 1920-х годов, а также успехи индустриализации в Советском Союзе.

Для более ясного раскрытия существа и эволюции «левых взглядов» писателей, которых с удовольствием принимали в нашей стране, в том числе на самом высшем партийном и государственном уровне, считая их искренними друзьями СССР, приведем отрывки из их трудов, писем и эссе, характеризующие понимание западными писателями либерализма. При этом будем постоянно помнить и о враждебных слоях, отношение которых к Советской России оставалось резко отрицательными.

Наиболее показательны в этом отношении взгляды великого французского писателя Ромена Роллана, по дневникам и письмам которого можно наглядно проследить позиции писателя за длительный промежуток времени. Некоторые из них были высказаны еще во время первой мировой войны, что позволяет увидеть сложный путь эволюции позиций писателя и вместе с тем их последовательность.

Первоначально взгляды Роллана, как и многих других писателей, характеризовала несколько туманная форма, вообще свойственная интеллигентам-идеалистам, которые, как заявлял сам же Роллан, «не могут похвалиться богатым опытом практического действия»⁴. Еще в 1915 г. в одном из писем к художнику Г.Тьессону Роллан восклицал: «Во мне три составных части: дух, очень твердый; тело очень слабое; и сердце, постоянно поглощенное какой-нибудь страстью». А в написанных уже в преклонные годы «Воспоминаниях юности», писатель признавался: «Два моих “я”, слитые воедино, словно сиамские близнецы, причиняют одно другому боль: одно “я” зовет к будущим битвам, другое стоит над битвами и схватками. Но

правда на стороне первого “я”: тот, кто находится в гуще боя, не вправе стоять над схваткой. Прежде всего – жить, страдать, быть человеком!»⁵ Вот это – быть человеком, сохраняя лучшие человеческие качества, являлось важной характеристикой взглядов многих известных писателей и общественных деятелей.

В 1919 г. Роллан разъяснял свою позицию Бернарду Шоу: «Я вовсе не нахожусь “над схватками”, над всеми схватками. Я был, есть и всегда буду “над схваткой” наций и стран. Но я участвую в борьбе против наций, каст, против всех барьеров, разделяющих людей»⁶.

Тогда же Роллан писал: «Свобода, которой я отдаю целиком свою любовь и энергию, – это свобода нравственная. Она гарантируется социализмом или большевизмом так же мало, как капитализмом. Социализм или большевизм выполняют дело, необходимое в области материальной, но недостаточное в области духовной. И они слишком часто попирают ту нравственную свободу, в которой для меня заключена единственная ценность жизни. Меня не может удовлетворить идеал хорошо организованного трудового улья, в котором каждый человек-насекомое утратит даже сознание своей несвободы... Хорошо быть приверженцем новой веры. Однако я неверующий...»⁷

В те годы Роллан чаще всего стремился сохранять позицию «беспристрастного наблюдателя», он ратовал за «нравственную свободу», «политика – не мое дело... – писал он, – я придерживаюсь “духовной” точки зрения». В 1919 г. он утверждал: «Я лично считаю первым своим долгом оставаться вне партий, чтобы лучше беречь и защищать независимость духа, у которой должен быть лишь один учитель: Истина. Но мое сочувствие тем не менее безраздельно принадлежит тем, кто борется за свободу народов и за социальный прогресс»⁸.

В 1921 г. Роллан записал в дневнике: «Насилие – это сцепление колес: протянешь палец – и весь человек, и вся партия, и весь идеал может оказаться поглощенным. Пример былых революций достаточно ясно показывает, насколько оно стало для них губительным...»⁹. Много позже, уже в начале 1930-х годов в автобиографической статье «Панорама» Роллан повторял: «Независимость духа была более чем когда-либо моим знаменем».

К числу символов веры он относил уважение к человеческой личности и свободу совести¹⁰.

В 1921 г. он продолжал утверждать, что революция, которая не чтит истину и моральные ценности, как святыню, может фатальным образом погрязнуть в комбинациях, – в таких случаях выплывают на поверхность самые хитрые и безжалостные люди: «...“Роковые личности” в нужный момент находятся, они могут воспользоваться вашими ошибками и сыграть на руку реакции, блудя при этом собственную выгоду»¹¹.

Тогда же, в письме Горькому 20 декабря 1921 г. Роллан снова отстаивал свою любимую идею – революция не должна пренебрегать моральными ценностями, иначе она погибнет. Он напоминал старинное изречение Монтескье: «Республики основаны на добродетели», новый государственный строй не может опираться только на силу и на трезвый расчет¹². В другом письме к Горькому, 5 апреля 1928 г., писатель еще раз сформулировал свою позицию: «...я остаюсь независимо мыслящим человеком, который никогда не присоединится ни к одной партии»¹³.

После смерти В.И.Ленина Роллан почтил его память в короткой статье, написанной по персональной просьбе корреспондента «Известий»: «...Я не разделял идей Ленина и русского большевизма. Но именно потому, что я слишком индивидуалист и слишком идеалист, чтобы присоединиться к марксистскому *кредо* и его материалистическому фатализму, я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе»¹⁴.

Роллан внимательно следил за событиями в России. В ноябре 1927 г. он приветствовал как величайшую годовщину в истории народов Октябрьскую революцию. Он сравнивал ее значение с Великой Французской революцией¹⁵. В январе 1928 г., отвечая эмигрировавшим из России К.Бальмонту и И.Бунину, Роллан критиковал их отношение к империалистическому бизнесу, которому противостоит народ России. Ценой неслыханных страданий он старается создать новый порядок: «Этот новый порядок подобен плоду, который только что вы-

шел на свет из утробы матери и еще не обмыт, еще весь в крови. Но я принимаю новорожденного, несмотря на ужас, несмотря на отвращение, несмотря на ужас, несмотря на жестокие ошибки и преступления: ведь он – надежда, пусть слабая, но истинная надежда будущего человечества!»¹⁶

Отвечая эмигрантам, Роллан утверждал: «Разве вам неизвестно, что в настоящее время в Россию тянутся непрерывным потоком гости и специалисты? <...> Среди них и французы, и англичане, и немцы, и американцы, то есть люди самых различных национальностей и убеждений, профессора, писатели, врачи и т.д. Две трети из них не питают никакой симпатии к коммунистическим идеям. ...но они искренни, и взгляды их свободны от предвзятости». Роллан называет имена Дюамеля, Дюртена, Истмена, самые свободные суждения и критика которых «не мешают им признать, что их поразил размах невиданной перестройки и мощного обновления России»¹⁷. Последовательно придерживаясь концепции «независимо мыслящей личности», Роллан считал наряду с данной позицией очень важным моментом сотрудничество. В октябре 1928 г. в связи с десятилетием окончания мировой войны он писал в журнале «Воля к миру»: «Я утверждаю, что новое слово, категорический императив грядущего и настоящего – это сотрудничество. Полное и безоговорочное сотрудничество с другими нациями. Честное и открытое сотрудничество всех рас не только Европы, но и Азии, всего земного шара, сотрудничество со всеми народами...»¹⁸

Изменение международной обстановки в начале 1930-х годов, наступление фашизма, расширение связей между странами, безусловный экономический и культурный рост СССР, возрастание его международного престижа, позволили Роллану существенно переоценить ситуацию в мире. Отныне важнейшими сторонами деятельности писателя, с одной стороны, стали защита СССР, защита мира во всем мире, и с другой стороны – борьба против капиталистического и военного империализма и борьба против фашизма¹⁹.

Роллан считал, что лучшее будущее возможно осуществить и без революции. На экземпляре книги «Махатма Ганди», ко-

тору автор подарил М.П.Кудашевой, он написал: «Прекрасно все-таки – жить в эпоху Спасителей и Апостолов новых вер, Ганди и Ленина!»²⁰ Как известно, Ганди проповедовал ненасильственные методы борьбы и возможность достижения классового мира.

Не столь полно, как в случае с Ролланом, можно рассмотреть и позиции других писателей. Еще в конце XIX века английский драматург Бернард Шоу формулировал свое жизненное кредо: «Будучи человеком гуманным, я питал отвращение к убийству и насилию, где бы с ними ни сталкивался». В начале 1920-х годов Шоу, отвечая на критические выпады лейбористов, задавал волновавшие его вопросы: «Разве это по правилам – исключать оппозицию из всех органов управления? ... Если какая-то партия (какой бы при этом она ни была в теории) высокопарно заявляет, что она отказывается предпринимать какие-либо действия прежде, чем ее не поддержит конституционное большинство, – эту партию, без сомнения, возглавляют люди слабодушные, чтобы не сказать – трусы и ничтожества, люди, которые под предлогом демократических принципов просто хотят снять ответственность»²¹.

Французский писатель Андре Жид устами своего героя Лафкадио в романе «Подземелья Ватикана» утверждал, что превыше всего ценит свободу «располагать самим собой»²². Побывав в Париже и побеседовав с Жидом, председатель ВОКСа А.Я.Аросев, заметил, что главная проблема, волнующая французского писателя, – это взаимное отношение индивидуальности и коллектива, личности и общества. По мнению Жида, переданному Аросевым, всякая организация убивает до некоторой степени творческие силы писателя или художника вообще. «...Она убила Маяковского, убила Горького... Я понимаю, – добавлял он, – что мы, мыслящие европейцы, все-таки недостаточно вас знаем и понимаем. Для познания я бы и хотел пересечь вашу страну вдоль и поперек»²³.

Француз Андре Бретон кратко формулировал: «Социалистическая идея погубит себя, если откажется защищать человеческое достоинство, если согласится поверить, что ее способны предать те, кто так высоко ее поднял»²⁴.

Анри Барбюс в одном из своих сборников писал: «Я всегда придавал значение проявлениям чувства. Только через сердце каждый себя утверждает и развивается. Тут только утверждается истинная индивидуальность каждого. Я пошел далеко в своем предпочтении чувств внешнему деянию и абстрактному понятию»²⁵.

Немецкий писатель Бертольд Брехт замечал: «многих мы отвращаем от нашего учения тем, что у нас готов ответ на все вопросы. Может быть, нам стоило бы в интересах пропаганды составить список вопросов, которые кажутся нам неразрешимыми»²⁶.

Лион Фейхтвангер вскоре после революции утверждал: «Гуманизм – это совокупность всех благ, выдвигающих человека до уровня Человека. Понятие гуманизма неотделимо от таких понятий, как образование, справедливость, мир, демократия, свобода. Но гуманизм также тесно связан с внешними условиями, обеспечивающими человеку достойное существование»²⁷.

Сент-Экзюпери с большой долей пафоса восклицал: «Уважение к Человеку! Уважение к Человеку! Если уважение к человеку заложено в сердцах людей, они, в конце концов, неизбежно придут к созданию такой социальной, политической или экономической системы, которая сделает это уважение непреложным законом». После пребывания в Москве Сент-Экзюпери обращал внимание на то, что советские люди «создали новое общество и теперь хотят, чтобы человек не только уважал его законы, но и жил по его законам. Они требуют, чтобы люди образовали социальное единство не только внешне, но чтобы оно жило в человеческих сердцах. Лишь тогда станут ненужными меры принуждения. ... По собственным ошибкам я сужу, как настойчиво у нас пытаются исказить русский опыт. Нет, эту страну надо искать в другом. Лишь через другое можно понять, как глубоко ее почва взрыта революцией». Некоторые его заметки в записных книжках показывают, что далеко не все понравилось Сент-Экзюпери в СССР, но он не торопился с выводами, испытывая большое уважение к стране, которую ему не удалось узнать глубже²⁸.

В 1937 г. немецкий писатель Г.Манн писал в газете «Правда»: «При всей своей реальности СССР для чужестранца представляется иногда сказкой. Многие издалеко мечтают о Союзе, как о сказочной стране, и хранят глубоко в душе эту мечту. Почему это так? Вероятно, потому, что на Западе кажется сказкой сила духа и вера человека в себя. Одна лишь Октябрьская революция установила как принцип, что человек может и должен добиваться своего счастья, пусть даже ценой тяжелой борьбы»²⁹.

С ростом военной опасности среди прогрессивных деятелей Запада усилились антифашистские настроения. Все интеллигенты, о которых пойдет речь, были последовательными антифашистами. Достаточно вспомнить, что Бертольд Брехт в начале 1930-х годов был лишен немецкого гражданства³⁰, за несколько лет до поездки в СССР Л.Фейхтвангер эмигрировал из Германии. Как со значительной долей грустной иронии писал он сам, «когда национал-социалисты пришли к власти, у него было 28 рукописей, 19 248 книг, один автомобиль, одна кошка, две черепахи, девять цветочных клумб и 4 212 других предметов. При обысках все это было частью сломано, частью убито, частью растащено, частью украдено, частью изъято другими путями национал-социалистами... Его собственные книги были изъяты. О нем распространяли 943 исключительно грубых и 3 248 просто грубых клевет, а в 1 584 статьях правительственных газет и в 32 передачах по радио его книги объявлялись ядом для германского народа, 20 экземпляров его книг были сожжены»³¹. В Советском Союзе нашли не только убежище, но и интересную работу в Коминтерне, в газетах и театре видные деятели немецкой культуры И.Бехер, В.Бредель, А.Курелла и другие³².

Г.Уэллс проявил себя как один из самых непримиримых английских антифашистов. Он даже был включен Геббельсом в список лиц на «первоочередное уничтожение», которое планировалось провести немедленно после оккупации немцами Британских островов (так называемая операция «Морской лев», предполагавшая вторжение в Англию через Ла-Манш)³³.

В этих условиях Советский Союз воспринимался не просто как первая на планете страна социализма, а как оплот мира и противодействия фашистским и агрессивным силам. Его необходимо было поддерживать всеми возможными способами и стараться не навредить скороспелыми и излишне резкими оценками.

Всех названных деятелей отличало и еще одно важное качество. Они относились к русской революции, к преобразованиям в СССР с огромной симпатией, с верой в то, что Россией найден (пусть и не лишенный проблем, о части из которых знали за рубежом, а чаще всего о них просто не знали) путь разрешения острейших экономических, социальных и иных противоречий, раздиравших капиталистическое общество первой трети XX века.

«Несомненно, что самое важное в российской революции — это попытка осуществить коммунизм, — писал Б.Рассел. — Я верю, что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если даже рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества. Но метод, при помощи которого Москва намерена установить коммунизм, — метод первопроходцев — суров и опасен, он настолько героичен, что об издержках его не задумываются. Я не верю, что таким методом можно достичь устойчивой и приемлемой формы коммунизма»³⁴.

Американец Теодор Драйзер, посетивший СССР зимой 1928 г., подчеркивал: «Я особенно благодарен советской революции за то, что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих. В этом — мировое значение и торжество марксизма. Использовать труд, сельское хозяйство, промышленность, естественные богатства, технику, человеческие знания, власть человека над природой, использовать все это на благо трудящихся, для того, чтобы

обеспечить всем зажиточную и культурную жизнь – вот урок, который советская революция преподает остальному человечеству». Несколько позже, в 1936 г., он замечал, что «коммунизм, прогресс техники, широчайшие пути, которые сулят нам астрономия, физика и химия, успехи науки в области социологии и экономики – все это открывает мир, в котором нет насилия, в котором свободно разовьются человеческое чувство и разум»³⁵.

В 1935 г. во время беседы со Сталиным Р.Роллан особо отмечал: «Вы знаете, чем является СССР в глазах тысяч людей Запада. Они в него вкладывают свои надежды, свои идеалы, часто отличные один от другого, иной раз противоположные. Он (Советский Союз. – Г.К.) не может снять с себя ответственность, которую возлагает на него современное положение в мире, – эта ответственность в некотором роде “царственная”, обязывает заботиться о народных массах других стран, которые поверили в него. При нынешнем серьезном экономическом и моральном кризисе они ждут от СССР руководства, призыва, разъяснения своим сомнениям»³⁶.

Французский писатель-коммунист Луи Арагон, не однажды бывавший в нашей стране, говорил, что «там, в СССР, чудеса совершаются не на церковных картинках, а творятся в действительности руками живых трудящихся людей»³⁷. Эптон Синклер (США) писал: «Я считаю, что никогда еще в истории человечества народные массы не достигали таких огромных успехов в области культуры, политики и экономики. Надежды всего прогрессивного мыслящего человечества с вами»³⁸.

Нельзя не обратить и еще на две общие для всех западных гостей характерные черты. Приезжая в СССР, они стремились увидеть и максимально полно оценить успехи и достижения нашей страны, многие из которых они считали выдающимися, замечательными.

А.Жид называл все свершаемое в Советском Союзе беспримерным экспериментом, наполнявшим людей надеждой, порывом, способным увлечь все человечество. «Кто может определить, чем СССР был для нас? – спрашивал писатель и отвечал: – Не только избранной страной – примером, руководством к действию. Все, о чем мы мечтали, о чем помышля-

ли, к чему стремились наши желания и чему мы были готовы отдать силы, — все было там. Это была земля, где утопия становилась реальностью. Громадные свершения позволяли надеяться на новые, еще более грандиозные. Самое трудное, казалось, было уже позади, и мы со счастливым сердцем поверили в неизведанные пути, выбранные им во имя страдающего человечества»³⁹.

Близкая по содержанию мысль звучит и у Л.Фейхтвангера: «Я пустился в путь, — подчеркивал он в предисловии к своей книге, — в качестве “симпатизирующего”. Да, я симпатизировал с самого начала эксперименту, поставившему своей целью построить гигантское государство только на базе разума, и ехал в Москву с желанием, чтобы этот эксперимент был удачным. <...> я симпатизировал великому опыту, предпринятому Москвой, с самого его возникновения»⁴⁰.

Критику в адрес Советского Союза иностранные гости стремились высказывать в крайне деликатной форме, однако считали ее не только полезным, но и важным условием дальнейшего продвижения СССР по избранному пути. Б.Рассел, например, стремился обратить внимание на те черты современного состояния России, которые ему казались нежелательными: «Я думаю, — писал он, — что из них стоит извлечь уроки, которые могут оказаться полезными, если мир когда-нибудь придет к состоянию, желанному для западных приверженцев большевизма. Вряд ли эти уроки можно усвоить без глубокого уяснения и откровенного обсуждения всех неудач, которые постигли Россию»⁴¹.

А.Жид с большой долей категоричности утверждал: «...я убежден, что, во-первых, СССР преодолет тяжкие ошибки, о которых я пишу, и, во-вторых, — и это самое важное — даже и ошибки одной страны не могут скомпрометировать истину, которая служит общечеловеческому, интернациональному делу. Возможно, кому-то ложь умалчивания или упорство во лжи могут казаться оправданными, но на самом деле все это только на руку врагам, истина же, как бы ни была жестока, наносит раны только ради исцеления. <...> Немного стоит любовь, состоящая из одних похвал, и я думаю, что окажу большую услу-

гу и самому СССР, и его делу, если буду говорить о нем искренне и нелицеприятно. Мое восхищение СССР, восхищение теми успехами, которых он уже добился, позволяет мне высказывать критику по его адресу. Во имя связанных с ним ожиданий, во имя всего того в особенности, на что он нам позволяет надеяться»⁴².

Ту же мысль мы находим и у Л.Фейхтвангера: «...Я, будучи в Советском Союзе, не хотел умалчивать о недостатках, где-либо замеченных мною. Однако найти этим неблагоприятным отзывам нужную форму и слова, которые, не будучи бестактными, имели бы достаточно определенный смысл, представляло не всегда легкую задачу для почетного гостя в такое напряженное время»⁴³.

Анализируя подобное отношение, американский историк П.Холландер замечал, что «это действительно трудно – критиковать людей, которые относятся к тебе дружелюбно, заботятся о твоём комфорте, проявляют интерес к твоей личности и ценят твою работу. И не менее трудно осуждать социальное устройство чужой страны, в которой ты встретил внимание и расположение»⁴⁴.

В приведенных выше оценках обращают на себя внимание два существенных нюанса: во-первых, оказанный почетный прием, по мнению Фейхтвангера и многих других иностранцев, требует определенной порции комплиментов по отношению к хозяевам; во-вторых – и это, пожалуй, самое главное, – напряженное время, тревожные события в мире, наступление фашизма в Германии и Италии делают особенно важными осторожность и взвешенность оценок происходящего в СССР, чтобы ненароком не навредить первой стране, строящей социализм. Отсюда и частая подмена не только у Фейхтвангера, но и у других писателей объективного анализа политизированными сиюминутными выводами или утопическими надеждами.

Похвала всемирно известных писателей и общественных деятелей была очень важной не только для СССР в целом, но и не меньшей, если не в большей степени представляла ценность для руководства страны. Критика же воспринималась не просто резко отрицательно, а как фактор, компрометирующий и

наносящий ущерб Советскому Союзу, а значит, нежелательный. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что многие книги не допускались до издания и оставались неизвестными советскому читателю.

У многих писателей и общественных деятелей после посещения Советского Союза в мировоззрении совершалась известная метаморфоза – от безусловной веры в коммунистическую идею и дальнейшее прогрессивное развитие страны они приходили к сомнениям, тяжким компромиссам, что было связано, прежде всего, с развернувшимися в 1930-х годах репрессиями, под молот которых попадали представители всех слоев населения.

Усиление военного потенциала Германии, гражданская война в Испании, агрессия против Австрии и Чехословакии изменяли обстановку в Европе, вели к постепенному, но неуклонному сползанию во Вторую мировую войну, делая угрозу ее все более реальной.

КАКИМ БЫЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

§ 1. Технология приема иностранных гостей

Наиболее острыми и непростыми для исполнения являлись проблемы организации обслуживания в России и СССР, связанные с иностранными гражданами, которые в составе делегаций и в индивидуальном порядке посещали советскую страну в 1920–1930-е годы. До сих пор не существует репрезентативной статистики таких посещений. Как уже отмечалось, по приблизительным подсчетам исследователей, в те годы Россию, СССР посетили около 100 тыс. иностранцев, то есть примерно 5 тыс. человек в год. Уточненные сведения последних лет показали, что количество зарубежных визитеров намного превышало приведенные цифры. Конечно, в разные годы поток приезжавших в нашу страну визитеров не был равномерным. Особенно много иностранных делегаций побывало в Советском Союзе в 1927 г. – в дни празднования десятилетия Октябрьской революции, а также в середине 1930-х годов¹.

Только по данным ВОКСа, было принято в составе делегаций в 1925 г. – 453, в 1926 г. – 1 419, в 1927 г. – 1 308, в 1928 г. – 962 человека. Индивидуальным туризмом в 1925–1928 гг. были охвачены соответственно 397, 881, 1 025 и 782 визитера. Представляли они 77 стран Европы и Азии. Однако у 46 стран в то время не было официальных отношений с СССР². В 1930-е годы ВОКСом были установлены контакты уже более чем с 80 зарубежными государствами, тогда как дипломатические отношения также имелись далеко не со всеми³. Значительному умножению международных контактов послужило дипломатическое признание СССР в начале 1930-х годов все большим числом стран мира. С конца 1920-х годов все боль-

шую роль играли Союзы друзей СССР, созданные первоначально в 14 странах, а затем и в ряде других стран. К концу 1930 г. численность этих организаций достигла 100 тыс. человек. В Берлине было создано Международное бюро Союзов друзей СССР, его почетным председателем стал Р.Роллан⁴.

По сведениям «Интуриста», в 1929 г. было обслужено 2,5 тысячи иностранцев, в 1930 г. их численность достигла 4,5 тысяч⁵. Уже в 1932 г. поток туристов только по линии «Интуриста» вырос по сравнению с предыдущим годом с 4 925 до 8 158 человек. В 1934 г. в Советский Союз приехали почти 17 тысяч туристов. Во второй половине 1930-х годов число интуристов достигло 70 тысяч⁶. Согласно зарубежным исследованиям, в 1930-х годах среди гостей СССР преобладали американцы, которые составляли до 85% из общего числа туристов. Несколько меньшее количество туристов приезжало из Франции, Великобритании и Германии. Так, по данным ВОКСа, в 1929 г. Союз посетили визитеры из Германии, США, Австрии, Великобритании, Франции, Чехословакии, Бельгии, Дании, Швейцарии, Швеции, Голландии⁷.

В делегации объединялись в основном представители трудящихся классов. Организация же индивидуального туризма распространялась главным образом на интеллигенцию – крупных писателей и общественных деятелей.

С первой половины 1930-х годов социальный состав туристов все больше изменялся в пользу групп интеллигентных профессий. Так, по данным ВОКСа, в 1930 г. из 60 стран приехали 6 373 иностранцев. Из них (данные приводятся в процентах)⁸:

1. научные деятели – 21,
2. представители рабочей печати – 17,
3. общественно-политические деятели – 10,
4. деятели искусства – 8,
5. официальные представители иностранных государств – 6,
6. промышленники – 18,
7. лица без определенных занятий – 5,
8. рабочие и служащие – 5,
9. студенты – 8,
10. военные – 1.

По данным 1935 г., только по линии ВОКСа было принято 1 530 иностранцев. Из них ученых, представлявших различные естественные науки – 76, гуманитарные науки – 78, медиков – 159, педагогов – 152, юристов – 51, инженеров – 63, деятелей искусства – 283, писателей и журналистов – 126, студентов – 375, а также 23 смешанных группы представителей науки, искусства и образования. Для них было организовано 2 091 посещение различных институтов, учреждений и организаций⁹.

Изменение международной обстановки к концу 1930-х годов, усиление угрозы новой мировой войны, которая была связана гитлеровским фашизмом в сентябре 1939 г., не могли не отразиться на стремлениях иностранцев побывать в Советском Союзе. Уже с 1937 г. наблюдается спад налаженных связей с западными странами¹⁰.

В СССР наибольшего внимания удостоивались те категории иностранцев, которые можно было отнести к т.н. «элите», включающей известных писателей и общественных деятелей, пользовавшихся широкой популярностью на Западе, чья оценка всего увиденного в нашей стране имела для советского руководства особенно большое значение. При крайне плохо организованном и отлаженном туристском обслуживании в стране в целом, отношение к этой категории людей было особым. Руководство страны было чрезвычайно заинтересовано в создании сугубо положительного имиджа нового государства и использовало для этого различные формы влияния на западные круги. Это давало возможность как можно шире познакомить иностранцев с грандиозными планами и достижениями социалистического строительства в стране Советов, чтобы добиться его максимальной идеологической и материальной поддержки. Да и в своих собственных странах мнения и оценки такого уровня писателей и общественных деятелей воспринималась с большим вниманием.

Даже в трудные годы гражданской войны для приема иностранных гостей выделялись огромные средства, создавались максимально комфортные условия. Побывав в 1920 г. в советской России, Бертран Рассел (он путешествовал, присоединившись к делегации английских тред-юнионов) писал в газете

“Nation” об уровне приема: «...специальный поезд-люкс, разукрашенный лозунгами социальной революции и международного пролетариата; повсюду нас встречали красноармейские полки, оркестр играл “Интернационал”, произносились приветственные речи. <...> Считалось, что мы приехали для того, чтобы удостоверить солидарность британских рабочих с русским коммунизмом. Исходя из этой предпосылки, нас использовали в целях пропаганды. Мы хотели как можно лучше познакомиться с русскими условиями и методами правления, что было невозможно в обстановке такого царского путешествия»¹¹.

В своей книге «Практика и теория большевизма» Рассел написал о приеме еще более подробно: «Российские власти допустили меня с единственным условием — я должен был следовать вместе с британской делегацией лейбористов, — условием, с которым я, конечно же, весьма охотно согласился, не возражала и делегация. Мы следовали от границы до Петрограда — а также и в дальнейшем — в специальном первом классе поезда, украшенном революционными лозунгами и воззваниями к пролетариату всех стран; нас везде встречали солдаты, при этом военные оркестры исполняли Интернационал; гражданские люди при звуках его обнажали головы, а военные отдавали честь; местные лидеры приветствовали нас речами, на которые отвечали известные коммунисты, сопровождавшие нас; входы в вагон охранялись великолепными кавалеристами-башкирами в блистательной униформе — словом, все делалось для того, чтобы мы чувствовали себя как принц Уэльский. Для нас устраивались многочисленные мероприятия: банкеты, митинги, военные парады и т.д. Предполагалось, что сам наш приезд — свидетельство солидарности британских лейбористов с российским коммунизмом, и на этом основании нас использовали, как только могли, для целей большевистской пропаганды. <...> Я не был членом делегации и считал себя по сравнению с моими спутниками в меньшей степени обязанным участвовать в пропагандистских митингах, где заранее можно предугадать характер речей. Поэтому я смог при помощи нейтральных переводчиков, в основном англичан и американцев,

поговорить со случайными людьми, которые встречались мне на городских улицах или сельских полях и выяснить, какой представляется система в целом рядовым, далеким от политики людям»¹². Однако позже в своей «Автобиографии», опубликованной в России лишь в 2000 г., тот же Рассел не мог не заметить, что его пребывание в нашей стране «превратилось в постепенно усиливавшийся кошмар»¹³.

Приезжавший в Россию в том же году писатель-фантаст Герберт Уэллс объяснял советскому послу в Англии И.М.Майскому причины, побудившие его посетить Россию: «Меня всегда интересовало все новое, необычное... Привычное, обыденное – пресная пища... Мой ум загорается, встречаясь с какой-либо загадкой или с явлением из ряда вон выходящим. Таков уж у меня характер... Так вот, когда в 1917 г. большевики сделали революцию и потом создали свое государство, я сразу почувствовал: это что-то новое, такого еще не бывало в истории. Надо посмотреть собственными глазами... Была еще причина, действовавшая в том же направлении: после большевистской революции мне стало казаться, что именно в России возникает кусочек того всемирного планового общества, о котором я мечтал. Меня также очень интересовала партия, созданная Лениным... И я поехал»¹⁴. Приехав в конце августа 1920 г. в советскую Россию в сопровождении своего сына, Уэллс резко сетовал на глубоко раздражающую неразбериху, сопровождавшую его намерение встретиться с В.И.Лениным и Г.В.Чичериным: «Ради того, чтобы побеседовать в течение полутора часов с Лениным и Чичериным, мне пришлось потратить около 80 часов на разъезды, телефонные переговоры и ожидание. <...> Все мое пребывание в Москве было исковеркано глубоко раздражающей неразберихой»¹⁵. Встретиться с А.В.Луначарским Уэллсу так и не удалось.

Постепенно создавалась достаточно хорошо и последовательно выстроенная система приема именитых (как, впрочем, и других социальных групп, особенно рабочих и крестьянских делегаций) иностранных гостей. В 1925 г. было организовано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), в 1929 г. – Интурист¹⁶.

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей было создано 8 августа 1925 г. согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР. Учредителями общества стали ЦИК, Наркомат иностранных дел, Академия наук СССР, ВЦСПС, Наркомат просвещения РСФСР и ряд других организаций, на которые также ложилась часть обязанностей по работе с иностранцами. Целью ВОКС, как определялось в его уставе, было содействие «установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы»¹⁷. В 1929 г. в одном из изданий ВОКС сообщалась его программа: «Охватить и выпукло показать за границей генеральную линию советской культуры во всем ее объеме, во всех разрезах, у всех народов, населяющих Советский Союз, говорящих на разных языках, находящихся на различных ступенях культурного развития». В программу входило также ознакомление гостей с самими строителями нового общества и с представителями молодой советской интеллигенции¹⁸.

Государственное акционерное общество по иностранному туризму (ГАО «Интурист») было создано согласно постановлению Совета Труда и Обороны от 11 апреля 1929 г. и находилось в ведении Народного Комиссариата внешней торговли. Его учредителями стали НКВТ СССР, Совторгфлот и Наркомат путей сообщения. Устав общества, утвержденный НКВТ 8 июня 1929 г., предусматривал обеспечение культурного обслуживания иностранных туристов (организацию посещения спектаклей, концертов, лекций, встреч). На территории СССР отделения Интуриста были созданы в 30 крупнейших городах и в наиболее интересных в туристическом отношении пунктах. 7 февраля 1933 г. на основе постановления Президиума ЦИК «Интурист» был объединен с Всесоюзным акционерным обществом «Отель». Всесоюзное акционерное общество по иностранному туризму до 1939 г. находилось в ведении Хозяйственного управления ЦИК СССР, затем перешло в ведение Наркомата внешней торговли. В директивных документах Правления «Интуриста» особо подчеркивалось, что СССР является весьма интересной страной не только с этнографической точки

зрения, «но в первую очередь, как страна советская, строящая социализм и новые формы быта и хозяйства»¹⁹. Пребывание зарубежных гостей в нашей стране курировали также Наркомат иностранных дел и Комитет по делам искусств СНК СССР, секция МОПР, Крестинтерн, профсоюзы, действовавшие в сфере культуры. В роли кураторов выступали и работавшие под руководством Коминтерна Международная организация революционных писателей (МОРП), а также схожие структуры в других культурных сферах (художников, композиторов и т.д.). Подобная совокупность учреждений сервиса для приема иностранцев в основном сохранялась в течение многих лет. (В 1930-х годах культурные организации были преобразованы во всесоюзные, в 1958 г. ВОКС был переименован в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами – ССОД.)

Аппарат ВОКСа к концу 1920-х годов стал носить все более разветвленный характер. В его штатном и нештатном аппарате работали Бюро приема иностранных писателей, Бюро международного книгообмена, специальные бюро, ведавшие печатью, выставками, организацией вечеров. Под их руководством функционировали на общественных началах сектор науки и техники, объединявший секции педагогическую, медицинскую, сельскохозяйственную, правовую, химическую, этнографическую, туризма, комиссию по высшей школе. Действовал также сектор художественной культуры, включавший секции – театральную, музыки, кинематографа, архитектуры, студенческую секцию и секцию иностранных языков. Для установления связей с республиками и знакомства с культурой народов СССР было создано специальное национальное бюро. Через эти структуры подбирались хорошо проверенные участники встреч, дискуссий, парадных мероприятий (в них постоянно привлекались около 100 общественников, всего же в секциях и комиссиях работали свыше 300 специалистов)²⁰.

Разъясняя свои цели, руководство ВОКСа подчеркивало, что общество объединяет две тенденции – оно помогает людям за границей изучать советскую культуру и информирует СССР о крупнейших явлениях иностранной культуры²¹. Производст-

венный план работы ВОКС на 1929–1930 гг. распределял программу и задачи ВОКСа на политическую и культурную часть: «...в политической части своей работы ВОКС организует в капиталистических странах общественное мнение в пользу Советского Союза ... В тех странах, где настроения интеллигенции идут параллельно внешнеполитическим интересам Союза, как в странах потерпевших поражение после мировой войны, колониальных и полуколониальных, ВОКС использует эти положительные для Союза настроения, а также и неблагоприятные социально-материальные положения интеллигенции». В том же документе подчеркивалось: «Осуществляя монополию культурной связи с границей, ВОКС должен всячески популяризировать всю Советскую культуру и все советские организации, ведущие советскую культурную работу во всех областях»²².

Побывав в 1927 г. в Советском Союзе, французский журналист Андре Виоллис писал о деятельности ВОКСа: «Прекрасное учреждение – одновременно и агентство для туризма и орган наилучшей пропаганды. – У вас трудности с продлением визы? Вы хотите гида или переводчика? Хотите в одиночку или, присоединившись к экскурсии, посетить музеи, общественные учреждения, заводы или школы? Желаете побеседовать со специалистами? Получить материалы обо всех интересующих вас вопросах? Вы получите интересующие вас материалы...»²³.

Приезжавший тогда же Т.Драйзер в письме в ВОКС от 2 декабря 1927 г. заявлял: «Я, конечно, рассчитывал до известной степени на вашу помощь в деле ознакомления с социалистической революцией, но к такому исключительному вниманию и любезности, которыми вы меня окружили, я совершенно не был подготовлен»²⁴. Любопытно, что американский писатель, считая себя «неисправимым индивидуалистом», выдвинул ряд условий своего пребывания в СССР: «1. Я сам выбираю маршрут и имею право задавать любые интересующие меня вопросы. 2. Меня должен сопровождать секретарь – переводчик. 3. Если в моих отзывах о стране возникнут неместные суждения, прошу не рассматривать это как неблагодарность в ответ

на гостеприимство. 4. Прошу не настаивать на публикации моих отзывов о поездке, если я почему-либо не склонен этого делать»²⁵. Жан Ришар Блок пробыл в нашей стране полгода. Как позже вспоминал Эренбург, писатель рассказывал на различных собраниях и встречах о своих впечатлениях: «Конечно, это были рассказы доброжелательного туриста, который увидел то, что может увидеть турист в любой стране – достопримечательности, образцово-показательную жизнь»²⁶.

Информация о жизни в Советском Союзе была чрезвычайно красочной и подробной. Только за 2,5 года (1928 – половина 1930 г.) по линии ВОКСа было послано за границу в 42 страны на 5 языках 520 статей с иллюстрациям. В том числе по проблемам экономики и техники – 99, науки и народных промыслов – 96, художественной культуре (литературе, печати, театру, изобразительному искусству, музыке, кино, хореографии) около 190. Национальной политике было посвящено 46 статей. С 70-ю странами осуществлялся периодический книгообмен. По запросам из-за границы были посланы специальные подборки материалов. За тот же период за границей было проведено 96 выставок, в которых рассказывалось о жизни в СССР²⁷.

Иначе обстояло дело с информацией о зарубежных странах – о них сообщалось не только крайне скупое, но и в значительной мере формально.

Многие зарубежные читатели не были удовлетворены объемом сведений, поступавших из Советского Союза. 20 июля 1933 г. Р.Роллан писал Горькому: «Я не нахожу, чтобы духовное влияние СССР достаточно освещалось за границей официальными или официозными органами, предназначенными для дипломатического или культурного сближения. <...> ... не получай я... Ваших хороших писем... я имел бы о культурной жизни в СССР, за последние десять лет, лишь скудные и сухие сведения, почерпнутые из немногих, явно недостаточных бюллетеней, лишенных всякого человеческого тепла. *Мой случай вовсе не исключение*»²⁸.

Особенно большие задачи стояли перед Бюро приема иностранцев. Бюро вырабатывало индивидуальные программы пребывания в СССР для одиночек или групп иностранцев, пре-

доставляло им переводчиков и гидов, а также готовило советские организации для приема иностранных гостей²⁹.

В октябре 1935 г. в ВОКСе был создан специальный протокольный отдел. В его функции входили учет и подбор объектов показа, которые могли бы «дать правильное представление иностранцам о подлинном содержании и объеме победоносного строительства социализма в СССР во всех важнейших областях»³⁰. Для культурного обслуживания иностранцев ВОКСом были разработаны разнообразные программы в зависимости от запросов и круга интересов визитеров. При планировании учитывались даже незначительные мелочи, вплоть до выбора спектаклей и концертной программы, состава участников предполагавшихся встреч.

Однако, как считают историки, специально изучавшие историю ВОКСа, с середины 1930-х годов его деятельность стала приобретать более формальный характер, теряя ранее присущее ей общественное звучание³¹. Со второй половины 1930-х годов наблюдается заметный спад ранее налаженных связей, что в значительной степени было связано как с осложнением международной обстановки, усилением опасности возникновения новой мировой войны, так и развернувшимся «перетряхиванием» кадров в Обществе. Большой урон развернутой работе нанес арест в 1937 г. его председателя А.Я.Аросева³².

Известный переводчик В.Бережков, начавший еще в 1930-е годы работать с гостями страны Советов, красочно описывал подготовку к приему гостей из-за рубежа: «В 1934 г., впервые после Октябрьской революции, Советский Союз широко открыл свои границы для иностранных туристов. Надо признать: была действительно проделана огромная работа. Обучение гидов являлось лишь ее небольшой, хотя и важной частью. Проводился капитальный ремонт лучших гостиниц и ресторанов, уцелевших с царских времен. Запасали высококачественное столовое и постельное белье, посуду, переоборудовали кухни, завозили холодильные установки. В США и Испании закупили легковые автомобили и открытые автобусы с брезентовым верхом на случай дождя. Заполняли импортными товарами красиво оформленные гостиничные киоски. Не забыли и о том, что-

бы пригласить на работу привлекательных девушек. Отделы обслуживания при гостиницах оборудовали специально закупленной за рубежом конторской мебелью и украшали картинами, красочными панно и рекламными плакатами. В холлах лежали дорогие ковры, и была расставлена старинная мебель. И все это делалось в голодный год!»³³

Словом, для приема иностранных туристов, особенно имевших мировую известность, была разработана продуманная и многоплановая «технология гостеприимства». Уже известный нам зарубежный исследователь П.Холландер, о взглядах которого ранее шла речь, называет сложившийся в те годы сервис в отношении иностранцев «техникой гостеприимства». Поясняя свой термин, П.Холландер пишет: «Советские власти задействовала значительные средства и ресурсы ... на создание у иностранных гостей благоприятного и только благоприятного впечатления о советском обществе. Подготовка к приему гостей была четко организована. Чем более значимым власти считали мнение того или иного визитера, тем тщательнее готовились к его приезду. Такова, несомненно, типичная, традиционная черта российской политической жизни и управления: организация потемкинских деревень перед приездом сановников»³⁴.

Автор выделяет в такой подготовке две важные составляющие. К первой он относит маскировку реальности, попытку контроля над тем, что будет видеть и испытывать визитер. Вторую он видит в способе обхождения с этим визитером. Она, в свою очередь, может быть подразделена на материальные привилегии и удобства и нематериальные привилегии, обеспечивающие душевный комфорт и самоудовлетворенность гостя: «Существует множество способов или техник, созданных специально для того, чтобы визитер мог почувствовать свою особую значимость. Эта техника является концентрированным усилием максимального контроля над реальным опытом визитеров»³⁵. Между тем, термин «технология гостеприимства» включает явления не только организационного, но и содержательного порядка. В него входят те политические, идеологические, экономические, социальные, межнациональные отноше-

ния, которые, по мнению советского руководства, могли наиболее ярко отразить всесторонний прогресс советского общественного и государственного строя. В ряде случаев автор пользуется и термином «технология гостеприимства», что является более точным определением.

Заинтересованные в приеме того или иного гостя организации (НКИД, ВОКС, Интурист, ОГИЗ и т.д.) составляли для учреждений культуры и образования, здравоохранения и приезжающих подробную программу пребывания в стране, предусматривающую посещение промышленности, сельского хозяйства, перечень которых был строго определен. В перечень мест, выбранных для посещения иностранцами, тогда включались главным образом передовые фабрики и колхозы, школы, детские сады и больницы, театры, музеи и выставки, другие культурные и общественные организации. Однако школы и детские сады не были единственными советскими учреждениями, с которыми стремились познакомиться иностранцы. Предметом повышенного интереса иностранных гостей являлись тюрьмы, исправительные колонии, институты уголовного права. По замечанию П.Холландера, многие западные паломники и особенно интеллектуалы находили институты уголовного права и соответствующую этому праву политику Советов достижениями, достойными особого внимания: «Еще труднее поверить, что они с удовольствием противопоставляли советские тюрьмы западным и находили, что советская система может служить примером неослабной заботы о гуманных ценностях»³⁶. А именно это и следовало показать и доказать иностранцам. Заранее планировались и встречи с писателями и учеными, молодежью, артистами, политическими деятелями, представителями прессы, подбирался и утверждался состав участников. Приезжавшие в страну иностранные гости чаще всего содержались за счет средств ВОКСа. Через ВОКС пересылались за границу также письма и гонорары за вышедшие в Советском Союзе произведения³⁷.

В «Информационном бюллетене ВОКС», который издавался на английском, немецком и французском языках, был опубликован определенный набор рекомендованных «типовых»

программ, которые включали посещение: ряда заводов, в том числе завода «Красный Богатырь». Кроме того предполагалось посещение больницы им. Боткина, Дома крестьянина, ночного санатория при промышленном предприятии, Шатурской электростанции, музеев. Из числа обязательных выделялись Музей Революции, Дома комсомольца, школы фабзавуча, рабфаки, Коммунистический университет, соборы московского Кремля, пионерские организации, биологическая станция юных натуралистов, народный суд, тюрьмы, детские колонии для беспризорных³⁸. Особенно часто иностранцев возили в Большевскую детскую трудовую коммуну, о которой у всех оставалось самое положительное впечатление. Там побывали Б.Шоу и многие другие иностранцы. А.Жид не случайно называл Большеву «образцово-показательным раем». Посетив его, Жид писал: «Город процветает. Здесь были построены заводы, которые вскоре стали образцовыми. Все жители Большева, исправившиеся сами по себе, без какого стороннего влияния, усердно трудятся, любят спокойствие и порядок, отличаются исключительным добронравием и стремлением к знаниям. Все средства для этого в их распоряжении». В сноске к тексту о Большеве Жид замечает, что в этом образцовом городе разрешается жить только преступникам-доносителям³⁹.

Но, как раскрывал существо дела известный переводчик В.Бережков, это были «типичные сталинско-потемкинские деревни. Сталин любил и умел пускать иностранцам пыль в глаза... Недаром ему удалось обворозжить, казалось бы, проницательных, критически мыслящих всемирно известных писателей и мыслителей. Умел “вождь народов” и накапливать достаточно средств, чтобы обхаживать тех, кого хотел привлечь на свою сторону... Интуристы под бдительным присмотром гидов, видели только “процветающее государство”, которое им и старались продемонстрировать. В итоге они уезжали из страны, не получив ни малейшего представления о действительных условиях жизни в Советском Союзе»⁴⁰.

О том, как «пускали пыль в глаза» и как организовывали встречу на советской земле, можно судить по многим фактам. Так, 11 июля 1931 г. из наркомата иностранных дел под гри-

фами «срочно, секретно» председателю ОГИЗа А.Б.Халатову⁴¹ было направлено письмо, в котором говорилось:

Из НКВД СССР.

11 июля 1931. № 27302.

Срочно. Секретно.

Как Вы знаете, 21 июля с/г. в Москву прибывает Бернард Шоу в сопровождении лорда и леди Астор (консервативные члены парламента), сына лорда Астор, маркиза Малон (члена палаты лордов, либерала) и публициста Малон'а. Шоу сам придает своей поездке большое общественно-политическое значение и рассчитывает на теплый прием, чествование и т.д. (характерно, что он приурочил поездку к своему 75-летию, заявил в прессе перед отъездом, что перед смертью надо побывать в СССР и т.д.). Мы сами придаем этой поездке большое значение не только ввиду исключительного авторитета Шоу в английских политических кругах, но и по другим соображениям, выходящим за пределы наркоминдельских: приезд Шоу в ряду таких событий, как травля Горького, как 100% поворот в нашу страну Ро-мэн Роллана, намерение поехать к нам Андерсена-Нексе ... небывалый рост интереса к нам во всей мировой печати и т.д. дает возможность провести двухнедельное пребывание Шоу в СССР в разрезе прихода к нам по меньшей мере сочувственного интереса к нам лучших, передовых умов западной литературы. В то же время особенность и неизбежные чудачества Шоу, разношерстный характер его спутников (которых во избежание обид со стороны самого Шоу нельзя будет дискриминировать и слишком оттирать их на второй план), все это создает необходимость организовать чествование Шоу без чрезмерной помпы, которая бы [могла] его шокировать (хотя в то же самое время надо удовлетворять его честолюбие), – все это создает ряд вопросов, для правильного разрешения которых необходимо авторитетное руководство и сотрудничество авторитетных товарищей. Поэтому, по согласованию с тов. Крестинским⁴², и считая само собой разумеющимся, что основное руководство, мобилизация литературной общественности и т.д. будет находиться в Ваших руках⁴³.

Вопросы, связанные с пребыванием Шоу в Союзе, решались представительной комиссией, в которую входили руководящие сотрудники НКВД СССР – К.А.Уманский⁴⁴, Комитета

по делам искусств СНК СССР – П.М.Керженцев⁴⁵, председатель Ученого комитета ЦИК СССР А.В.Луначарский, руководитель ОГИЗа А.Б.Халатов и другие руководящие лица. Тогда же К.А.Уманский конфиденциально сообщал А.Б.Халатову: «Предварительная договоренность с тов. Керженцевым о содействии всему делу и с тов. Луначарским о самом непосредственном участии во всем, что мы будем для Шоу устраивать, уже имеется. Просьба взять на себя оформление этой комиссии в директивной инстанции и сообщить мне о результатах, с тем, чтобы я мог детально обсудить с Вами имеющиеся предварительные планы пребывания Шоу, материалы для прессы и проч. С ком. приветом. Уманский». Комиссией решалось – кто будет встречать Шоу на границе и в Москве, каким будет план пребывания в Союзе, как предполагается провести день 75-летия писателя. На торжественном вечере в Колонном зале намечались выступление А.В.Луначарского, краткое приветствие от писательских организаций, показ отрывков из произведений Шоу, содержащих сатиру на буржуазное общество, образцов пролетарской литературы, а также, по возможности, выступление самого писателя перед микрофоном, с заблаговременным предупреждением заграничных радиослушателей. Гостям предоставлялся международный спальный вагон, только что вышедший из капитального ремонта, и вагон-ресторан, «обеспеченный подходящими продуктами, которые будут отпускаться по специальному прейскуранту». При встрече запрашивались всякие интервью, репортерам давалось указание воздержаться «от всякой назойливости». Дальнейшее уточнение и уплотнение расписания поездки после утверждения комиссией считалось нежелательным⁴⁶.

Шоу прибыл в Советский Союз 21 июля 1931 г. При отъезде друзья его предупреждали: «Друзья уговаривают не ехать. Вас заберут в ЧК и расстреляют, или, как выражаются сами русские, “ликвидируют”. Всех женщин в вашей группе “национализируют”. Вы увидите не то, что захотите, а то, что вам подсунут, у них это называется “потемкинские деревни”»⁴⁷. Писатель вспоминал впоследствии, что на вокзале его приветствовала огромная толпа народа – там были оркестр, флаги,

почетный караул, официальное приветствие от имени наркома культуры, депутация советских писателей, представителей рабочих, дипломаты. Московский корреспондент газеты «Манчестер Гардиан» сообщал, что «газеты печатают сегодня статьи о нем, приводя благожелательные высказывания о Советском Союзе, сделанные им в различное время, и скорее с сожалением, чем с гневом, отмечая его еретическое пристрастие к эволюционному социализму и фабианским методам».

«Воистину меня принимали так, – сказал Шоу, – как будто я был сам Карл Маркс». Один из корреспондентов спросил его, почему он пробудет здесь только девять дней, и он ответил: «Я хотел бы пробыть здесь девять лет, но мы все люди занятые. И я очень многое знаю о России... Ведь я был социалистом еще до того, как родился Ленин! Я хочу увидеть ваш народ».

Шоу и его спутникам (лорду и леди Астор, лорду Лотиан) был предоставлен специальный спальный вагон. «Проводник представил его двум официанткам, работавшим в вагонересторане, которые давно мечтали познакомиться с великим Бернардом Шоу». Как писал сам драматург, «по немыслимому стечению обстоятельств обе официантки оказались большими знатоками его творчества. ...Будучи чрезвычайно тронутым этим проявлением русской образованности, Шоу заметил, что английские официантки далеко не столь начитанны, как их советские сестры». Многотысячная толпа встречала поезд в Москве приветственными лозунгами и транспарантами. В театре, где была поставлена пьеса Шоу, «перед началом спектакля на сцену вышла маршем вся труппа. Впереди артисты несли ярко-красный лозунг с написанным на нем по-английски приветствием: “Замечательному мастеру Бернарду Шоу – добро пожаловать на советскую землю”»⁴⁸. В день приезда Шоу в газете «Известия» была напечатана статья Луначарского «Б.Шоу – наш гость», в которой отмечалось, что писатель – один из самых свободных умов цивилизованного мира⁴⁹.

Во время своего пребывания в Советском Союзе Шоу был принят Сталиным, осмотрел Москву и ознакомился с планом ее реконструкции. Кроме того, он навестил Горького и наркома просвещения А.С.Бубнова с которым беседовал о школьном

образовании и развитии культуры, побывал на параде физкультурников, завтракал у Литвинова, посетил Крупскую, осмотрел сельскохозяйственную коммуну имени В.И.Ленина в Тамбовской области⁵⁰.

Когда в 1932 г. предполагался очередной приезд в Советский Союз А.Барбюса, то подготовка началась заранее, за несколько месяцев до его приезда. Согласовывалась буквально каждая мелочь, вплоть до распределения билетов на банкет в честь гостя. В этом смысле показательно секретное письмо секретаря МОРП Белы Иллеша, посланное И.М.Гронскому: «Комитет по организации банкета в честь тов. Барбюса при Коминтерне предложил нам внести следующее изменение в план программы банкета, имеющего быть 22.IX. Вместо 75 человек, как предполагалось ранее, увеличить число участников банкета до 110. Кроме названных раньше писателей из Оргкомитета и МОРП, пригласить еще следующих товарищей в индивидуальном порядке: Клара Цеткин, Катаяма, Гусева, ЦК РАБИС (3 билета), ВОКС (4 билета), т. Стасову, из Культпропа ЦК, т.т. Стецкого, Рабичева, Вайдмана, Горохова, Сергеева. Кроме того, дать Культпропу ЦК еще 2 билета для товарищей из АПН, ИККИ (5 билетов), для передачи иностранным корреспондентам – 8 билетов. Что касается оплаты завтрака каждого приглашенного, из расчета 200 руб. с человека, то мы очень просим Вас разрешить внести за каждого участника банкета по 100 рублей, увеличив за счет этого снижения количество приглашенных. Мы надеемся, дорогой тов. Гронский, что Вы сможете безболезненно изменить программу банкета». В секретном порядке в связи с приездом Барбюса были решены вопросы о двух встречах – 22.9.32 г. в «Метрополе» на 75–85 участников, представителей прессы, и в Библиотеке иностранной литературы в Москве – с иностранными писателями (Поль Элюар, Жан Жионно, Виктор Маргерит, Роже Мартен дю Гар) и советскими читателями⁵¹.

А.Жид с восторгом восклицал: «...Лично у меня в продолжение всего путешествия по СССР не было ни разу повода на что-либо жаловаться, и из всех лукавых ухищрений как-то объяснить мою критику – верх абсурда считать ее выражением

личной неудовлетворенности. Никогда я не путешествовал в таких роскошных условиях. Специальный вагон и лучшие автомобили, лучшие номера в лучших отелях, стол самый обильный и самый изысканный. А прием! А внимание! Предупредительность! Повсюду встречают, обихаживают, кормят-поят. Удовлетворяют любые желания и сожалеют, что не в силах сделать это еще лучше. С моей стороны было бы неблагодарностью не принять всего этого. И я сохраняю самые прекрасные воспоминания и чувство самой живой благодарности. Но это внимание, эта забота постоянно напоминали о привилегиях, о различиях там, где я надеялся увидеть равенство»⁵². Оценки подобного рода мы встречаем неоднократно. А.Барбюс замечал, что «его так здесь принимали и так чрезвычайно внимательно отнеслись к нему, что ему буквально нечего больше желать»⁵³.

Особенно красочно описывал встречу в Советском Союзе в июне 1935 г. Р.Роллан. Он сообщал из Москвы сестре Мадлен: «Мне оказывают прием совершенно несоизмеримый с моей скромной персоной; иногда это немного утомительно... Вчера вечером в Большом театре ... меня приветствовали нескончаемыми овациями, как в самом театре, так и снаружи... Я попытался наудачу пожать несколько рук, но мне пришлось бы иметь тысячу рук»⁵⁴. В дневнике, который вел Р.Роллан во время пребывания в нашей стране, мы встречаем еще более подробные и впечатляющие оценки: «На пограничной станции нас ждет салон-вагон с врачом – директором кремлевской больницы, д[окто]ром Левиным (Л.Г.Левин являлся не директором, а консультантом Лечсанупра Кремля. – Г.К.) – и секретарем Горького Крючковым, который передает нам приветствия от своего учителя и друга... Едва вступив на советскую землю, я попадаю под отеческую опеку Совета Народных комиссаров, который меня принимает... С первых же шагов, по пути к машине, начался обстрел фотографов (и он не кончился вплоть до моего отъезда из Москвы). Несмотря на принятые предосторожности, чтобы скрыть час моего приезда и избежать толпы, перед выходом [с вокзала] нас ждет и приветствует множество людей. Все удобства».

Роллан с супругой М.П.Кудашевой⁵⁵ жили сначала у председателя ВОКСа А.Я.Аросева в Доме правительства на Берсенеvской набережной, затем в гостинице «Савой», позже переехали на подмосковную дачу А.М.Горького. «Приняты все меры предосторожности. Продукты привозят из Кремля... Прием сердечный. Зато нас завалили слугами – прикреплены сиделка, повар из Кремля и т.д., которые нам больше мешают, чем помогают, ибо, не помещаясь в кухне, они заполняют весь коридор. Сиделка по-матерински следит за моим режимом... секретарь охраняет вход. Все газеты полны статей о моем приезде. Самые теплые из них – это Бухарина и Динамова»⁵⁶. Улицы и площади Москвы пестрели плакатами:

Приехал к нам из дальних стран,
Наш лучший друг – Ромен Роллан!

Каждый день пребывания иностранных гостей был наполнен встречами, дискуссиями, театральными мероприятиями. Вот как выглядело по дневнику Роллана его пребывание в России.

Пятница, 21 июня. Варшава. Визит к Аросеву. Получаю в гостинице телеграмму за подписью Жида, Мальро, Жан-Ришара Блока, которые просят меня прислать приветствие Международному Конгрессу писателей в Париже, что я и делаю.

22 июня – отъезд в Москву. В поезде нас сопровождает Аросев. Он взялся меня сопровождать, он хочет на мне заработать славу в глазах советского правительства и общественного мнения.

23 июня – первые впечатления, березовые рощи, соломенные покатые крыши, дачи.

24 июня – В гостинице «Савой». (Мне оставили только три комнаты, те, где меньше солнца.) ... Меня везут в машине на аэродром и сажают в самолет «Правда», самый большой после погибшего в катастрофе «Максима Горького». Я выхожу крайне уставший. Ошибка этого начинания в том, что мне не дали ни дня отдыха до осмотра Москвы. Эта ошибка еще раз повторится. Мне нужен был бы, как и предписали врачи, один день абсолютного отдыха через каждые пять

дней... при этом условии я был бы в хорошей форме. Но как отвоевать целый день одиночества в Москве? Все газеты полны статей о моем приезде.

Письмо от Горького⁵⁷ с приглашением переехать в загородный дом Горького.

25 июня – Аросев ведет в ВОКС на просмотр художественного фильма «Чапаев». Посещение в Большом театре ленинградского балета «Бахчисарайский фонтан». Молодая балерина Г.Уланова. Царская ложа. Особенно большая толпа на площади при входе, аплодируют и кричат «Наш друг Ромен Роллан». Соперничество Аросева с Горьким. Мелкие стычки за кулисами вокруг меня.

По дороге мы сошли на Красной площади и обошли ее. Святой Василий (Собор Василия Блаженного. – Г.К.) меня совершенно разочаровал. Какой хлам, какая бездарная вещь! Краски потускнели. Он закрыт для службы. Он потерял жизнь. И, – невероятное извращение, – красная стена Кремля за мавзолеем Ленина перекрашена в белый цвет. Москва становится одной из больших, банальных столиц Европы. Я не ощущаю никакого ее собственного очарования. Я удивлен ее банальностью, хорошей конструкцией. Толпа же – гораздо более московская, чем новые постройки, ее окружающие. Толпа за окном... одетая почти в белом, без пиджаков, полотняные юбки, непокрытые головы. Полное отсутствие элегантности, но выглядят крепкими, здоровыми, упитанными.

26 июня – встреча с семьей Маши. Визиты доктора Левина, Аросева. Посещение Малого театра – «Скутаревский» Л.Леонова.

27 июня – разговор с доктором Плетневым. Я хорошо чувствую, что он скрытый оппозиционер. Разговор о жестоком времени. Но теперь выбор сделан – против фашизма.

Прием в ВОКС'е. Около 50 человек видных людей. Н.И.Бухарин, все еще молодой, веселый, бесцеремонный, живой, сердечный, О.Ю.Шмидт, Бубнов, комиссар просвещения, Кристи, директор большого музея русской живописи, Третьяков, Динамов, Стасова, Прокофьев, скульптор Меркуров, директора Академии Маркса – Энгельса, музеев и библиотек. Сидим за столом под обстрелом шести солнц магния между Бухариным и (я не знаю почему) мадам Луначарской⁵⁸, недалеко от Шмидта, напротив Е.Стасовой. Хорошие вина, шампанское, мороженое и фрукты. Аросев, хозяин и меценат, произ-

носит речь, в которой сравнивает меня с солнцем! Бедное солнце! Не помню, что отвечаю*.

28 июня, пятница – встреча со Сталиным в Кремле с 4 ч[ас]. 10 м[ин]. до 5 ч[ас]. 50 м[ин]. У него прямой и смелый взгляд и загадочная улыбка, которая может быть и сердечной, и непроницаемой, безразличной; добрый парень, непримиримый, насмешливый и лукавый. Говорит он, не повышая голоса, немного носовой и одновременно гортанный тембр (грузинский акцент, как мне сказали), с продолжительными паузами для размышления. Слушает он еще лучше, чем говорит, отмечая основные пункты из того, что я ему говорю, на листке бумаги, где он что-то чертит синим и красным карандашом, пока я говорю. (Я очень жалею, что не попросил у него этот листок.) Переводчик – А.Я.Аросев. Аросев переводит очень неважно и Маша, по мере возможности, его исправляет.

29 июня – посещение музея современной западной живописи Морозова. Визит в московский дом Горького. Если Сталин не похож на того, каким ожидаешь его увидеть, то Горький совершенно такой, как его себе представляешь. Очень высокий, выше, чем я, крупное, некрасивое, и доброе лицо, утиный нос, большие усы, светлые седящие брови, седые волосы, стриженные бобриком, большие лапы, худощавая фигура в широкой блузе, голос низкий баритон, светлоглубые глаза, в которых много доброты, а в глубине – грусть.

Посещение Малого театра – «Скутаревский» Л.Леонова.

30 июня – праздник рабочей спортивной молодежи на Красной площади. Отъезд на дачу Горького.

1 июля – беседы с Горьким о литературе⁵⁹. Просмотр кинофильмов – «Чапаев», «Восстание Потемкина» (точное название – «Броненосец Потемкин»), «Мать», «Веселые ребята», «Пышка», «На границе» и др.

* К этой записи Роллан делает примечание: «Я только знаю, что, взволнованный, напомнил о том, чем я обязан Толстому, и что переводчица, переводившая мое выступление на русский язык, не упомянула имя Толстого и не сказала о моей признательности ему. После закуски Прокофьев играет на рояле, а маленький скрипач 13-ти лет Гольдштейн – прекрасный звук и мастерство на скрипке. Выступления 3 представителей рабочих метро, передают мне два тома стихов рабочих поэтов. Но куда их посадил на банкете Аросев, я не видел. Лучше бы они были рядом со мной по правую руку вместо мадам Луначарской».

3 июля – прогулка вокруг «Горок».

4 июля – съемки с Горьким для фильма. Завтрак с Бухариным (хорошо говорит по-французски). Чай с Бухариным и Горьким. Ужин со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем. Разговор с Кагановичем о метро. На ужине присутствует Минц, секретарь редакции сборника «Гражданская война», в котором он сам написал несколько глав об английской и французской интервенции.

5 июля – встреча с рабочей семьей Липина в Москве. Все веселые, живые, очень дружные, они собираются каждую неделю, танцуют, поют, сочиняют стихи. Все некрасивые, но симпатичные, они являют пример трудолюбивой и счастливой молодежи.

Прием делегации Палехского производства. Беседа с Г.Димитровым⁶⁰.

7 июля – прием делегации писателей. К.Федин, Маршак, Ильин, Прокофьев, Тынянов.

8 июля – прием делегации музыкальных деятелей. Ю.Шапорин, Нейгауз, А.Гольденвейзер, Кабалевский, Фейнберг, Белый, Веприк, Шебалин, Хачатурян, Книппер, Старокадомский и др. Визит архитектора В.А.Веснина. Просмотр кинофильма «Гроза»^{*}.

9 июля – встреча с Эйдеманом⁶¹ – командиром Красной кавалерии Дальнего Востока. Прием делегации писателей (90 человек). Среди них – Д.Бедный, И.Сельвинский, Зелинский, М.Шагинян, Л.Сейфуллина, Л.Кассиль, Анисимов, Павленко, Безыменский, Никулин, Антокольский, Новиков-Прибой, Чаренц.

10 июля – встреча с художником Кибриком, иллюстратором повести «Кола Брюньон». Прием женщин – парашютисток, комсомольцев, пионеров.

Просмотр документальных фильмов. Беседа с Ягодой по поводу Виктора Сержа, д-ра Хартоша, Блока, директора издательства «Время».

11 июля – посещение московского парка культуры и отдыха.

* «Такой фильм служит целям пропаганды, заглушая всякое сожаление о прошлом», – добавляет Роллан.

12 июля – беседа с Ягодой о перевоспитании преступников.

13 июля – беседа со свекровью Маши Катериной Васильевной Кудашевой. Чай с С.Г.Фириным⁶² – как и Ягода «идеалист-диктатор».

14 июля – приступ люмбаго. Фильмы.

15 июля – фильмы. Беседа с Радеком о войне, об убийстве Кирова.

16 июля – беседа с директорами и режиссерами кино Москвы и Ленинграда, с медиками.

17 июля – в Москве, съемки. Встреча с Ф.Гладковым и Анисимовым. Посещение рабочего клуба, Третьяковской галереи.

18 июля – фильмы. Завтрак с Ягодой. Беседа с Горьким, Крючковым, Ягодой: «Не уезжайте! Оставайтесь! ...Мы дадим Вам дом, если хотите, в Крыму, в окрестностях Москвы. Нигде Вы не сможете жить и работать так хорошо, окруженный такими заботами и привязанностью... Не уезжайте!».

19 июля – фильмы. Проверка записи беседы со Сталиным.

20 июля – прощальное письмо Сталину. Фильмы.

21 июля – отъезд из Москвы⁶³.

Даже краткие записи Роллана о пребывании в Москве говорят, с одной стороны, о большой перегруженности писателя встречами, которые часто были длительными и многочисленными, а с другой – о крайней перенасыщенности программы просмотром фильмов. Не отличавшийся крепким здоровьем, Роллан часто сетовал на свое неважное самочувствие, о чем не преминул заметить в дневнике. Общее же впечатление от пребывания в Москве у Роллана было сугубо положительным. «Доминирующее впечатление, которое осталось у меня от поездки – это мощный прилив жизнеспособности, молодой, переживающейся через край, сияющей веры в свое дело, в свою

миссию и в своих вождей, которой они проникнуты, которая поднимает тысячи, даже, несомненно, миллионы мужчин и женщин в СССР». Вскоре после отъезда из Москвы Роллан писал одному из своих корреспондентов: «Я просто не в силах описать Вам свои впечатления. Слишком они обильны и слишком разнообразны. Мне была предоставлена возможность довольно долго беседовать с вождями страны и провести три недели в уездных Горках, где я многое узнал и от самих вождей и от элиты работников умственного труда, делегации которых я ежедневно принимал. Прибавьте к этому груды писем, приходивших ко мне из всех уголков СССР»⁶⁴.

Писатель В.Г.Лидин, присутствовавший на встрече Роллана с писателями, 7 июля вспоминал: «Он как бы прощупывает пристальным взглядом это новое поколение литераторов, на долю которых выпало не только изобличать несправедливость старого строя... но и отразить эпоху, величественную по масштабам, невиданную по размаху, эпоху созидания нового мира. — Попросите его, пусть он расскажет, как стал литератором, какое получил образование, какими занимался профессиями, — просит он собеседника, привлечшего его внимание. Он выслушивает вдумчиво, слегка склонив голову набок, похожий на врача, который на основании всех данных должен поставить диагноз»⁶⁵. По данным журнала «Интернациональная литература», Роллан был знаком с произведениями Бабеля, Вс.Иванова, Федина, Шагинян, Леонова, Фадеева, Серафимовича, Гладкова, Сейфуллиной, Неверова, Эренбурга, Паустовского, Павленко⁶⁶.

О значимости для высших советских руководителей мнения западных интеллектуалов, особенно таких, как Р.Роллан, а главное — их позитивных оценок советской действительности, можно судить по нескольким фактам. Б.Рассел и Г.Уэллс беседовали с В.И.Лениным, А.Барбюс, Б.Шоу, Г.Уэллс, Р.Роллан, Л.Фейхтвангер получили аудиенцию у И.В.Сталина⁶⁷. «Дружеская», как об этом писалось в центральных газетах, встреча Сталина с Ролланом длилась около полутора часов. Неоднократно на даче Горького Р.Роллан общался с представителями высшего руководства партии и государства — В.М.Молотовым,

Н.И.Бухариным, К.Е.Ворошиловым, а также Л.М.Кагановичем, Е.М.Ярославским, С.А.Лозовским, Г.Г.Ягодой, К.Б.Радеком, председателем ВОКСа А.Я.Аросевым, начальником строительства «Беломорканала» С.Г.Фириным, О.Ю.Шмидтом. Для него устраивались встречи с большим кругом писателей, делегациями комсомольцев, женщин-спортсменок.

В 1931 г. в СССР впервые посетил немецкий писатель и драматург Бертольд Брехт. Вторично он надолго приехал в феврале 1933 г. Тогда он считал, что «трудности преодоления гор позади нас, перед нами трудности движения по равнине».

Многочисленные контакты с творческой интеллигенцией, рабочими, колхозниками имел А.Жид. 20 июня 1936 г. он провознес с трибуны Мавзолея речь на траурном митинге памяти М.Горького, навестил в Сочи смертельно больного Н.Островского. Жида, как и других гостей, не мог не восхитить уровень оказанного властями приема. Выражая глубочайшую признательность, он вспоминал: «Из Ленинграда – Пьер Эрбар и я встречали там пароход с Гийю, Шифриным, Ластом и Даби (спутники Жида в его путешествии по СССР. – Г.К.) – мы все вместе отправились в Москву в специальном вагоне. Несколько дней спустя в том же вагоне отправились в Орджоникидзе. Затем на трех комфортабельных автомобилях проехали по Кавказу и через день оказались в Тифлисе. В столицу Грузии мы прибыли с опозданием на один день. Из-за этого грузинские поэты, любезно выехавшие нам навстречу, вынуждены были сутки ждать нас на пограничном пункте в горах. ...я был тронут их приемом, их обходительностью, изысканной вежливостью, постоянной предупредительностью и любезностью»⁶⁸.

Писатель был очень внимателен ко всему, что ему стремились показать. Он замечал: «Там есть хорошее и плохое. Точнее было бы сказать: самое лучшее и самое худшее. Самое лучшее достигалось часто ценой невероятных усилий. Усилиями этими не всегда и не везде достигалось то, чего желали достигнуть. <...> Иногда худшее сочетается с лучшим, можно даже сказать, оно является его продолжением. И переходы от яркого света к мраку удручающе резки. Нередко путешественник, имея определенное мнение, вспоминает только одно или

другое. Очень часто друзья СССР отказываются видеть плохое или, по крайней мере, его признать. Поэтому нередко правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь с любовью»⁶⁹.

В приложении к своей первой книге «Возвращение из СССР» автор выделил несколько наиболее запомнившихся моментов, связанных с пребыванием в нашей стране. На первое место он поставил антирелигиозную борьбу. Но автор не был уверен, что «СССР ведет эту антирелигиозную войну как следует. <...> Ведь невозможно ни стереть, ни утаить прошлое, и из-за невежества, на которое обрекли народы СССР, они беззащитны и беспомощны перед эпидемией мистики, способной возникнуть в любое время». По поводу широкого распространения «эпидемии мистики» Жид проявил достаточную дальновидность.

Посещение больного Н.Островского оставило у французского писателя чувство глубокого, дружеского уважения. Жид подробно ознакомился с организацией труда в подмосковном колхозе, добросовестно пытался, но не смог разобраться с такой мерой оплаты, как «трудодень».

Ранее отмечалось, что не только Жид, но и многие другие гости страны отмечали посещение колонии в Болшево, которое «остаётся одним из самых замечательных достижений, которыми может похвастаться новое Советское государство». С посещением колонии Жид связал и заботу государства о беспризорниках, которых государство стремится избавить «от нищенства и бродяжничества»⁷⁰.

Л.Фейхтвангер участвовал в конгрессе писателей в защиту мира, в Москве вместе с Б.Брехтом и В.Бределем основал журнал немецких писателей-антифашистов «Дас Ворт», деятельно сотрудничал в выпуске журнала «Интернациональная литература», издававшемся в Москве на русском и немецком языках. Более трех часов он разговаривал со Сталиным, его интервью было записано на пленку во Всесоюзном радиокомитете и передано на всю страну, центральные газеты на видном месте помещали впечатления и замечания писателя. На тему «Демократия и свобода слова» Фейхтвангер беседовал с заведующим отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М.Талем. Правда,

своей переводчице писатель сообщил, что «Таль его не убедил». Приемом в ВОКСе писатель остался очень доволен, прежде всего, потому, что там были представлены различные слои интеллигенции.

После встречи в зале Политехнического музея с читателями, где его приветствовала группа орденоносцев, учащихся сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и подшипникового завода он писал в газете «Правда»: «Я здесь встретился с совершенно новым для меня слоем читателей – с рабочими и крестьянами, и меня здесь принимают лучше, чем на Западе. Эти читатели сказали мне так много хорошего и нового, что я гораздо больше обязан им, чем они мне! Все мои произведения проникнуты одной идеей – это борьба разума против глупости и косности»⁷¹. Писатель пояснял, что «основной темой всех написанных мной книг является вечная историческая борьба разума против глупости. Вы (советские читатели. – Г.К.) впервые в истории мира основали государство на базе разума. В этой великой борьбе разума против глупости я ваш, и вы мои союзники»⁷².

Насыщенной была и художественная часть пребывания Фейхтвангера в Москве – он посетил выставку картин Рембрандта, строительную выставку, не раз бывал в московских театрах. Больше других ему понравился спектакль «Принцесса Турандот» в театре им. Вахтангова, неоднократно он участвовал в читательских конференциях. При этом писатель выразил желание «побольше бывать в театрах и поменьше на разных собраниях и банкетах». Встречался Фейхтвангер также с политиками, в том числе с Г.Димитровым, с известными советскими писателями и поэтами – А.Н.Толстым, И.А.Ильфом, Е.П.Петровым, В.П.Катаевым, Б.Л.Пастернаком, И.Э.Бабелем, его интервью было записано на пленку во Всесоюзном радиокомитете⁷³. Фейхтвангер написал ряд корреспонденций в центральные газеты, договорился о переводе и экранизации своей антифашистской пьесы «Семья Оппенгейм». За эту работу Сталин лично распорядился выплатить автору до 5 тыс. долларов, что составляло в то время немалую сумму. Вопрос о гонораре рассматривался непосредственно в Политбюро ЦК, постанов-

лением которого разрешалось «т. Шумяцкому оплатить писателю Фейхтвангеру за сценарий по роману “Семья Оппенгейм” до 5 тыс. долларов, ассигновав ему эти средства за счет резервного фонда СНК СССР»⁷⁴. Таким образом, круг общения зарубежных гостей, часто определявшийся их собственными пожеланиями, был достаточно широк и разнообразен.

Однако с середины 1930-х годов он стал постепенно сужаться. Роллан, например, отмечал в дневнике, что ему помешали посетить даже «таких самых преданных сторонников государства, как Елена Стасова (я об этом так сожалел – добавлял писатель), как вдова Ленина Крупская и многих других»⁷⁵.

В 1936 г. несколько попыток А.Жида повидаться с Н.И.Бухариным также не увенчались успехом. Последующие события показались писателю по меньшей мере детективными. Бухарин нанес визит французскому писателю на следующий день после прибытия последнего в Москву. «Бухарин пришел один, но не успел он переступить порог роскошного номера, предоставленного мне в “Метрополе”, – писал Жид, – как вслед за ним проник человек, назвавшийся журналистом, и, вмешиваясь в нашу беседу с Бухариным, сделал ее попросту невозможной». Позже, накануне похорон М.Горького, Бухарин выразил желание зайти к Жиду в его номер в гостинице. Последующее настолько удивило Жида, что он заметил: «Кольцов, видевший, как Бухарин подходил ко мне, тотчас отвел его в сторону. Я не знаю, что он мог ему сказать, но, пока я был в Москве, я Бухарина больше не видел. <...> ...я никогда не подумал бы, что *он не мог*»⁷⁶. Одной фразы М.Кольцова, в то время крупного функционера Союза советских писателей, было достаточно, чтобы последний навсегда отказался от своего намерения повидаться с французским писателем.

Интерес западных интеллектуалов к советской культуре и быту был очень велик. В ВОКС в начале и середине 1930-х годов поступали сотни писем с просьбами о присылке книг и журналов, в том числе «Интернациональной литературы» и «СССР на стройке», которые выполнялись далеко не регулярно. Многие иностранные писатели, в том числе Р.Роллан, просили за плату о высылке вырезок из советских газет. Однако, в

1933 г. Роллан категорически утверждал в письме на имя тогдашнего председателя ВОКСа Ф.Петрова, что им не было получено ни одной вырезки⁷⁷. В письме к А.М.Горькому от 20 июля 1933 г. Роллан снова сетовал на то, что он «ни разу не получил из СССР ни одной посылки нот, партитур, работ о музыке, книг или журналов! *Ровно ничего. Я ничего не знаю* о том, что создается, печатается, исполняется *в области музыки и театра*. <...> Я слышал те же сожаления, те же жалобы от французских друзей СССР, людей, наиболее преданных ему и компетентных. – Можно подумать, что по какой-то странной аберрации гораздо больше информации получают те или иные представители западной *интеллигенции*, настроенные враждебно или равнодушно к СССР, а не его подлинные друзья. – *Необходимо исправить эту ошибку*».

В письме от 4 января 1933 г. Роллан выражал Горькому огромную благодарность за присылку чрезвычайно интересных сведений о жизни в СССР: «Если Вы хотите доставить мне удовольствие, по-прежнему держите меня в курсе (или попросите, чтобы меня держали в курсе) всего значительного, что делается там. И – (полагаю, что Вы вполне мне доверяете) – не бойтесь писать мне также о трудностях! <...> ...не все новости хороши, в частности, о страданиях и лишениях, вызванных современным режимом, об отсутствии рабочих рук или о неудачах крупных строек. Каково действительное положение вещей? Нет ли причин для беспокойства? И насколько народ подготовлен нравственно для преодоления этих трудностей?»

В письме Горькому от 2 февраля того же года Роллан снова возвращался к той же самой проблеме: «Вы спрашивали в одном из предыдущих писем, “нужны ли мне “Известия”. – Да, *очень нужны*. И не могу понять, почему я не получаю газеты. Ибо я на нее подписался. Но вот уже месяц, как я совершенно ничего не получаю. Причем меня даже не предупредили, что моя подписка кончилась. Три недели тому назад я послал главному редактору заказное письмо с просьбой возобновить мою подписку. Более того, две недели назад я перевел в Берлин “Международной книге” необходимую сумму (10 долларов). – Я не получил никакого ответа, никакой посылки. – *Это очень*

важно, чтобы преданные и активные друзья СССР, каким являюсь и я, регулярно получали советские газеты. <...> (Вообще говоря, меня оставляют слишком в стороне от жизни СССР)»⁷⁸.

Обслуживание иностранцев в Советском Союзе в 1920–1930-е годы носило двойственный и во многом формальный характер, даже если шла речь о крупнейших представителях интеллигенции. С одной стороны – особая помпезность приема, внимание, стремление показать лучшее, с другой – как писал А.Жид, «пропасть между лучшим и привычным, обыденным, множество привилегий – и плачевный, жалкий общий уровень»⁷⁹. Наиболее чуткие, наблюдательные иностранные гости иногда осознанно, иногда интуитивно видели эту пропасть. Достаточно сослаться на мнение французского философа – компаративиста Рене Этьембля, который, совершив поездку на Украину, замечал: «...я больше всего расстраиваюсь, что не упомянул роскошный пир в украинском колхозе: потрясающее количество и качество [пищи]. И вот недавно я узнаю, что за год до этого, в 1933 году, по вине Сталина умерли от голода миллионы украинцев. ... Вот так путешествуют по стране [находящейся во власти] тирании: ничего не видя, не зная, не понимая. Порабощенные, да еще в восторге от этого обстоятельства»⁸⁰.

Много неувязок и неудобств заключалось в т.н. «бытовых мелочах», которые особенно не нравились иностранцам.

Приехавшие в 1927 г. французские писатели Л.Дюртен и Ж.Дюамель на вокзале перед поездкой в Ленинград были обворованы. Из ВОКСа была послана специальная просьба встретить их, обслужить и дать возможность сделать это бесплатно для того, чтобы сократить до минимума все их расходы⁸¹.

Т.Драйзера раздражала грязь на улицах, опоздание поездов, запыленные окна, гостиницы без американской техники и бедность одежды. Все эти недостатки гиды из ВОКСа объясняли «мелкобуржуазным духом» американского писателя и его привычкой «к стандартному комфорту». В сообщении ВОКС было отмечено, что Драйзер «человек настолько индивидуальный, его буржуазный дух не смог приспособиться к стране, где тех-

ника, конечно, стоит на более низкой ступени развития, чем в Америке, и при каждом его шаге его привыкшая к стандартному комфорту натура испытывала шоки, которые в известной степени выражались на его выражениях и на его мнениях». Далее было замечено, что недостатки он объясняет просто неумением руководить и направлять такое большое государство⁸².

Председатель ВОКСа А.Аросев, пригласивший в 1935 г. Р.Роллана к себе в гости в Дом правительства, не позаботился распорядиться очистить постели от клопов, из-за чего первые две ночи Роллан не заснул ни на миг и вынужден был перебраться в гостиницу⁸³. Как сообщала переводчица Л.Фейхтвангера Д.Каравкина, тот «с утра... вел бесконечные разговоры о неудобствах жизни в Советском Союзе, жаловался на обслуживание в гостинице, на неаккуратную доставку почты и целый ряд других неполадок». По просьбе переводчицы большинство этих недостатков администрацией гостиницы были быстро устранены⁸⁴.

Таким образом, высокопоставленные иностранные гости, да и иностранные туристы в целом, видели чаще всего то, что им хотели показать, общались с определенным кругом людей, которые давали представление о «парадной стороне» жизни в СССР, несмотря на «пышный прием», постоянно сталкивались с «ненавязчивым» российским сервисом, который оставался таковым и многие годы спустя.

§ 2. Судьба книг западных писателей в СССР

Судьба книг известных зарубежных писателей в СССР была различной. Художественная литература, особенно произведения таких всемирно известных авторов, как Ромен Роллан, Теодор Драйзер, Бернард Шоу и ряд других, печатались большими тиражами⁸⁵.

Одних авторов, например, А.Р.Вильямса, А.Барбюса издавали множество раз. А вот автобиографические заметки Б.Шоу впервые увидели свет на русском языке лишь в 1989 г., книга

Б.Рассела «Практика и теория большевизма» была переведена на русский язык и появилась в СССР только в 1991 г. Та же судьба постигла и книги А.Жида.

Серия очерков Г.Уэллса о поездке в Россию сначала печаталась в английском еженедельнике "Sunday Telegraph" осенью 1920 г. и позднее была сведена им в книгу «Россия во мгле», опубликованную в нашей стране в 1921 г., то есть вскоре после выхода ее в оригинале. Но ее переиздание было предпринято лишь в 1958 г.

Изданию было предпослано предисловие члена ЦК ВКП(б) Г.М.Кржижановского, который упрекал автора в непонимании движущих сил и сущности пролетарской революции: «Уэллс никогда не понимал ни теории классовой борьбы, ни той исторической роли, которая принадлежит пролетариату как могильщику капитализма. Причиной этого, конечно, явилось то, что Уэллс был далек от марксизма, которого, по его собственному признанию, он никогда не понимал». Уэллс упрекался и в том, что, вскрывая с присущим писателю мастерством противоречия капиталистического мира, он не смог подняться до понимания неизбежности гибели этого социального строя. В России же за внешними проявлениями голода, холода и разрухи он не сумел увидеть невиданного в истории человечества подъема созидательной народной энергии, которая уверенно направлялась Коммунистической партией и учителем В.И.Лениным⁸⁶.

Книга А.Барбюса о Сталине, в середине 1930-х годов изданная неоднократно на Западе, прежде всего во Франции, в последующие годы там не переиздавалась В Советском Союзе, где только один тираж в серии «Роман-газета» превысил 300 тыс. экземпляров, в последующие годы также не переиздавалась, но отнюдь не потому, что в ней слишком выпячивалась фигура Сталина, а по причине присутствия на страницах книги «нежелательных» фигур – Троцкого, Енукидзе, Бубнова, Орджоникидзе и других деятелей, попавших в опалу.

Книга Л.Фейхтвангера «Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей» была издана на немецком языке в Амстердаме и Москве, затем переведена на русский язык и издана сверх-

быстрыми темпами (сдана в производство 23 ноября, подписана в печать на следующий день – 24 ноября 1937 г. и издана 200-тысячным тиражом). Книга открывалась небольшим вступлением «От издательства» (это было государственное издательство «Художественная литература»), в котором, наряду с тезисом о том, что «книжка представляет интерес и значение, как попытка честно и добросовестно изучить Советский Союз», утверждалось, что «книжка содержит ряд ошибок и неправильных оценок»⁸⁷. В конце 1937 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» была помещена развернутая рецензия на книгу. В ней Ф.Эрнст констатировал, что автору не удалось показать личность Сталина-политика, «несмотря на то что некоторые черты ярко восприняты и прочувствованы им. Слабым местом крупного писателя Фейхтвангера всегда было то, что он не понимал, что значат массовые, социальные и политические движущие силы. Это для него почти чуждая область»⁸⁸. Очень скоро книга Фейхтвангера была изъята из обращения и в течение многих лет находилась в спецхранах библиотек. Позже она, вплоть до 1990 г., не переиздавалась и не включалась в собрание сочинений.

Имя Ромена Роллана в нашей стране знали хорошо. Ленинградское кооперативное издательство «Время» начало выпуск собрания сочинений писателя в 20-ти томах. Издание начало готовиться еще в конце 1920-х годов. В 1930 г. вышел первый том. В нем были опубликованы первые три части романа Роллана «Жан-Кристоф». Том предварялся вступлением М.Горького, который радостно приветствовал издание книг писателя в Союзе Советов. Горький писал, что для него Роллан уже давно Лев Толстой Франции. Он первый из литераторов Европы, поднявший свой голос против войны. В эссе А.В.Луначарского «Ромен Роллан как общественный деятель», подчеркивалось, что последний представляет прекрасное явление в жизни современной Европы, занимающий первое место среди адептов добра, являясь достойным учителем, вершиной. В очерке Стефана Цвейга «Ромен Роллан» говорилось: «Нигде нравственная энергия, внутренняя свобода и независимость не находят такой опоры, как в его имени и в его личности». В томе были напеча-

таны привет самого писателя русским читателям, переведенный М.П.Кудашевой, и послесловие писателя, написанное в 1930 г. Автор благодарил русских друзей за то, что первые в Европе пожелали выпустить полное собрание его сочинений⁸⁹. В 1931 г. вышли 2–5 тома, в 1932 г. – 6–7, 10–13, 15, в 1933 г. – 8 и 14. Издание планировалось завершить в 1935–1936 гг.⁹⁰ Роллан писал Горькому, что «намерен отказаться от всякого гонорара в пользу какого-нибудь русского благотворительного общества из дружеского расположения к новой России». После переговоров было решено гонорар перечислить в фонд стипендий студентам Московского университета⁹¹.

О впечатлениях Р. Роллана по поводу его пребывания в Советском Союзе из официальных источников до самого последнего времени было известно крайне мало. О его приезде и беседе со Сталиным кратко сообщалось в центральной прессе. В газете «Комсомольская правда» 5 и 28 июля 1935 г. были напечатаны ответ писателя на вопрос сотрудника «Последних известий по радио» о впечатлениях от первых дней, проведенных в Союзе, а затем прощальные строки, написанные Ролланом в день отъезда на родину. 20 июля 1935 г. в «Правде» было опубликовано «Письмо Р.Роллана товарищу Сталину». В 1958 г. именно перечисленные публикации, а также небольшой отрывок из дневника, помеченный сентябрем 1935 г., были воспроизведены в вышедшем тогда собрании сочинений писателя. Особенно большую роль сыграло появление тома (тринадцатого по счету), который охватывал публицистические работы автора за 1917–1939 гг. Среди них публиковалось и эссе, освещавшее время пребывания Роллана в Москве⁹². Казалось, что это все или почти все материалы, по которым можно судить о позициях выдающегося писателя. Только в конце 1980-х – 1990-е годы появились новые, до тех пор почти не известные российским читателям публикации, основанные на документах, почерпнутых исследователями из парижских архивов. В нескольких номерах журнала «Вопросы литературы» был опубликован дневник Р.Роллана⁹³. Появились в журналах и письма, относящиеся к разным периодам жизни писателя⁹⁴.

Естественно, наибольший интерес вызывают дневниковые записи Роллана. Во время пребывания в СССР с 17 июня по 28 июля 1935 г. писатель вел (как он сам отмечал – наспех, карандашом) ежедневные записи. «Они были далеко не полные, – писал позже Роллан, – 1) из-за спешки, усталости и некоторых неясностей; 2) из-за осторожности, так как я не был уверен, что их не прочтут шпионащие наблюдатели, я не хотел доверять [дневнику] секреты»⁹⁵.

Роллан сам составил оглавление ко всему написанному в дневнике. Оно состояло из следующих разделов:

1. Путевой дневник с 17 июня по 28 июля.
2. Документы и приложения: а) Размышления. б) Портреты Сталина, Горького и Ягоды. в) Официальный текст беседы со Сталиным. г) Смерть Барбюса. д) 16 писем, полученных мною в СССР за время пребывания в Москве⁹⁶.

В августе того же года в Швейцарии заметки были Ролланом переписаны набело и дополнены. Автор писал: «Исправления внесены спустя несколько недель после возвращения – в августе 1935 г. по каждодневным записям, которые делались наспех и (по ряду причин) не полностью во время поездки». В 1938 г. записи были снабжены авторскими комментариями, описанием его встреч со Сталиным, Горьким, Бухариным и другими советскими государственными деятелями, характеристиками этих лиц и последующих событий 1937 г. Автор так объяснял причины этих дополнений: «Понадобились события (и какие!), чтобы открыть мне глаза в трагические дни (автор имеет в виду политические процессы того времени. – Г.К.) на многие личности и встречи, запечатлевшиеся в моей памяти, но тогда у меня не было ключа, чтобы их раскрыть»⁹⁷.

Вместе с дневником Роллан, как упоминалось выше, бережно хранил 16 искренних и дружелюбных писем от советских людей, полученных из различных уголков Союза, и отобранных самим Ролланом из огромной корреспонденции, полученной в период пребывания в нашей стране. Об этих письмах Роллан с восторгом писал в дневнике, отмечая «едино-

душные чувства, выраженные мне рабочими или народными делегациями, которые я принимал, живя у Горького; и особенно, письма, присланные мне из всех уголков страны – с заводов, из колхозов, от красноармейцев и т.д.». «Нельзя приписывать это единодушие приказу сверху: непосредственность, индивидуальный характер каждого выражения, каждого письма слишком живы, слишком прямолинейны и часто чрезвычайно трогательны... Гораздо скорее можно было бы объяснить все эти страстные высказывания коллективным психозом – психозом веры, радости и твердого убеждения в правоте и победе того дела, воплощением которого являются эти миллионы людей. Это то, что в истории называют “великими моментами” – те моменты, когда народы достигают вершины своей судьбы и когда начинается новая эра мира»⁹⁸.

Отрывки из дневника в октябре 1935 г. были напечатаны во французском журнале «Commune», а 19 октября того же года их небольшая часть была опубликована в газете «Правда» под заголовком «О моем пребывании в Москве». Роллан дал следующие пояснения к русской публикации: «Эти заметки являются отрывками из труда более полного и более завершенного»⁹⁹. Однако автор распорядился, что дневник не подлежит публикации в течение долгого времени. Категорическое распоряжение, открывавшее дневник, гласило: «Эта тетрадь не может быть опубликована, даже и частично, без моего разрешения ранее, чем через пятьдесят лет, считая с сегодняшнего дня, 1 октября 1935 г. Оставляю за собой право ее опубликовать или напечатать отрывки»¹⁰⁰. Поэтому первая полная публикация дневников на русском языке была предпринята только в 1989 г. Как увидим позже, это распоряжение автора было продиктовано не только сугубо личными мотивами. Оно вызывалось гораздо более вескими причинами, прежде всего связанными с известиями о развернувшихся в СССР массовых репрессиях, которые затронули и личных друзей Роллана.

Судьба книг А.Жида, начиная с первой, «Возвращение из СССР», была особенно сложной. Его имя было широко известно в западных странах. Книги, написанные по итогам поездок в 1926 г. по Экваториальной Африке, – «Путешествие в Конго»

(1927 г.) и «Возвращение с озера Чад» (1928 г.), оценивались читателями как решительный и откровенный приговор бесчеловечности капиталистического общества. Поэтому новая книга о поездке в Советский Союз ожидалась с нетерпением и мгновенно стала сенсацией. Книга была очень быстро издана большим тиражом во Франции. По зарубежным данным только с 30 октября 1936 г. по 9 сентября 1937 г. вышло девять ее тиражей, составивших в совокупности 146 300 экземпляров. В 1937 г. появился дополнительный тираж — 48 500 экземпляров¹⁰¹.

Одним из первых на языке оригинала сочинение Жида прочел Председатель ВОКСа А.Аросев, который приложил немало сил к тому, чтобы Андре Жид приехал в Советский Союз. В своем дневнике еще в декабре 1934 г. Аросев писал о Жиде и других либеральных и антифашистски настроенных французских деятелях: «Они полны буколической любовью к нам, они не без идейных мук и колебаний пришли к нам и теперь изучают нас. Переход к нам для них большой риск. И они не могут не видеть во всех нас черт чиновников, некоторой мертвенности и деревянности лиц. И мы мало им даем»¹⁰².

За рубежом отзывы о публикации Жида были различными. Так, 13 июля 1937 г. Н.А.Бердяев писал автору, что он выражает «свое восхищение Вашим мужеством, Вашей искренностью, Вашей преданностью истине. Все эти качества открылись мне при чтении грустных страниц Ваших публикаций об СССР. Я был уверен, что Вы увидите всю правду. Вы сумели посмотреть на все открытыми глазами. В основном мое мнение о том, что происходит сейчас в советской России, весьма близко к Вашему. Мне неприемлема мораль, основанная на лжи и насилии. И все-таки социальные результаты революции позитивны. Представляю, какие неприятности Вас ожидают, как будут Вас клеймить. И я хочу выразить Вам свою симпатию. Всем сердцем преданный Вам Н.Бердяев»¹⁰³.

В Советском Союзе многие годы книга французского писателя расценивалась как абсолютно враждебная, клеветническая. Неслучайно, она, как и его вторая книга, написанная в

июне 1937 г., была впервые издана в русском переводе лишь в 1989 г.¹⁰⁴

Что же произошло? Чем в течение многих лет была вызвана подобная позиция советских властей? Ответ на этот вопрос представляет значительный интерес, так как служит концентрированным выражением отношения руководства нашей страны к критике из-за рубежа.

До приезда Жиды в СССР отношение к нему в нашей стране можно было с полным основанием оценить как безраздельную симпатию. Достаточно вспомнить о ряде выступлений писателя в 1934–1936 гг., в которых он выражал искреннюю любовь и уважение к стране, которая зажгла «в новом небе новые звезды». Такие оценки неизменно публиковались в советской печати. В своем выступлении на банкете по случаю Международного конгресса писателей в защиту мира в июне 1935 г. секретарь Союза советских писателей А.С.Щербаков не только приветствовал «величайшего писателя современной Франции», но и подчеркнул большое моральное значение активнейшего участия А.Жида в конгрессе и его выступления: «Особенно ценим мы и гордимся дружбой и любовью Андре Жида к Советскому Союзу»¹⁰⁵. В 1930-е годы в Москве дважды издавалось собрание сочинений, однако, из запланированного второго издания успело выйти лишь четыре тома. Таким образом, творчество Жида, его отношение к Советскому Союзу оценивались в нашей стране и в ее руководящих кругах весьма положительно, даже дружески. Государственное издательство художественной литературы готовило пятый том его собрания сочинений. Была переведена под редакцией Бабеля книга Жида «Новая пища», отрывок из этой книги планировал напечатать И.Эренбург¹⁰⁶. Как замечал сам автор: «Из московских газет я узнал, что в течение нескольких месяцев было продано более 400 000 моих книг (по проверенным советским данным тираж последнего издания равнялся 164 400 экземпляров, что также составляло немалую цифру. – Г.К.). Нетрудно сообразить сумму авторских отчислений. А щедро оплаченные статьи! Дифирамбы Сталину и СССР – и целое состояние!.. Эти соображения не удержали бы меня от похвал, они не могут помешать и

моим критическим оценкам. <...> ...я смог лишь слегка почать громадную сумму, потому что мы ни в чем не нуждались, нам было предоставлено все. Да, все, начиная с расходов по путешествию и кончая сигаретами»¹⁰⁷. Приезду в СССР Жида был посвящен специальный номер журнала «Интернациональная литература», огромным тиражом выпущена открытка с его портретом, а в день приезда писателя в газете «Известия» была опубликована статья под заголовком «Привет Андре Жиду!». В ней писатель был назван лучшим другом Советского Союза, которого трудящиеся нашей страны встречают с чувством глубокой радости и дружбы¹⁰⁸.

И неожиданно такое кардинальное изменение позиций! Книга в нашей стране еще не опубликована, но вокруг нее сразу же началась шумная, хорошо подготовленная пропагандистская кампания. 6 декабря 1936 г. в «Литературной газете» (в том же номере был опубликован проект новой конституции СССР) в статье, озаглавленной «Куда Андре Жид возвратился из СССР», книга была названа слезливой, двойственной, анти-советским пасквилем, клеветнической стряпней, а сам писатель – человеком слабым, пустым, ограниченным и жалким. Книги Жида сняли с производства, а вышедшие ранее изъяли из библиотек, из находившейся в печати «Книги для взрослых» И.Эренбурга успели выкинуть абзац о Жиде¹⁰⁹.

16 декабря первый секретарь Союза советских писателей В.П.Ставский в своем выступлении на общем московском собрании писателей, посвященном чрезвычайному VIII Всесоюзному съезду Советов, упомянул, что Пастернак «в своих кулуарных разговорах доходит до того, что выражает солидарность свою даже с подлой клеветой из-за рубежа на нашу общественную жизнь»¹¹⁰.

13 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «уполномочить т. Кольцова написать ответ на книгу А.Жида»¹¹¹. Специальную критическую статью Кольцов написать не успел, но в своем «Испанском дневнике», вышедшем в свет в том же году, он успел покритиковать французского писателя. Он назвал книгу «открытой троцкистской бранью и клеветой», составленной из «смеси демагогически надерганных газетных

вырезок и старых контрреволюционных анекдотов»¹¹². Выступая на международном антифашистском конгрессе писателей, Кольцов предельно четко разъяснял свою позицию:

«Мы требуем от писателя честного ответа: с кем он, по какую сторону фронта борьбы он находится? Никто не вправе диктовать линию поведения художника и творца. Но всякий желающий слыть честным человеком, не позволит себе гулять то по одну, то по другую сторону баррикады. Это стало опасным для жизни и смертельным для репутации»¹¹³.

В газете «Правда», в начале января 1937 г., то есть как раз в те дни, когда в Советском Союзе находился немецкий писатель Л.Фейхтвангер, была напечатана многозначительная заметка «Ромен Роллан об Андре Жиде: ответное письмо иностранным рабочим Магнитогорска». Газета поясняла, что иностранные рабочие – строители города Магнитогорска, возмущены книгой А.Жида (напомним, в Советском Союзе еще не изданной и значит недоступной читателям), послали Ромену Роллану письмо, в котором с негодованием писали, что они «поражены “превращением” Андре Жида и зло высмеивают его выводы». «Когда мы рассказали русским рабочим, – говорилось в письме, – что Андре Жид считает их “ленивыми” и “неповоротливыми”, они, смеясь, ответили: “Поэтому мы выгнали эксплуататоров из нашей страны, изгнали империалистов; поэтому уничтожили безработицу, а наша социалистическая промышленность выросла в семь раз; поэтому в нашем сельском хозяйстве работают 400 тысяч тракторов, поэтому, наконец, растет наше материальное и культурное благополучие. Хороши “лень” и “неповоротливость”!»¹¹⁴.

5 января из швейцарского местечка Вильнев, где Роллан тогда жил, писатель ответил письмом, опубликованном в газете «Правда» 11 января. Эссе было озаглавлено «Ромен Роллан об Андре Жиде. Ответное письмо иностранным рабочим Магнитогорска». «Это дурная книга, к тому же посредственная, на редкость убогая, поверхностная, ребяческая и противоречивая. Если она вызвала много шума, то это отнюдь не потому, что она представляет какую-либо ценность. Ее ценность ничтожна. Шум был поднят вокруг имени Жида. Его известность исполь-

зовали враги СССР, которые всегда на чеку, которые в своей злобе против СССР всегда готовы пустить в ход любое оружие. Он вел двойную игру, нанес удар в спину... .. Жид заверяет, он не хотел причинить вреда Советскому Союзу и революции. Говорят, он жалуется на то, что антисоветская пресса использует теперь его книгу. Друзья предупреждали его о том зле, которое он собирается совершить, прежде чем выпускать книгу. Ни он, ни кто бы то ни было, никогда не смогут остановить ход истории и развития Советского Союза. СССР и не то видел! Каждый из нас хорошо знает, что на нашем пути придется еще преодолеть немало трудностей, препятствий, инертности, злобы, бессовестной жадности и просто глупости. Каждый из нас знает, что ничего еще не доведено до конца, что наряду с построенными дворцами остались еще лачуги, что наряду с сознательными людьми, достойными советской родины, существует еще много несознательных, которые не скоро станут иными». Письмо Роллана оставляет стойкое впечатление того, что его подлинным автором был не сам французский писатель, а специально подготовленные лица в нашей стране. Особенно важно подчеркнуть замечание Роллана о несвоевременности выхода книги Жида (невольно порождающее аналогии с «Несвоевременными мыслями» М.Горького) и о возможности использования критической позиции писателя врагами Советского Союза, «которые в своей злобе против СССР всегда готовы пустить в ход любое оружие». Письмо Р.Роллана было резким, мало похожим на другие письма писателя, содержало цитаты из книги Н.Островского «Как закалялась сталь» и статей К.Ворошилова. Из конкретных замечаний Роллана упоминалось только то, что в СССР нельзя говорить Сталину просто «вы», а разрешается обращаться — только «вождь народов»¹¹⁵. Письмо Роллана было призвано также сыграть роль предостережения приехавшему в то время в нашу страну Л.Фейхтвангеру, да и всем последующим гостям — о чем и как, с какими оценками следует писать иностранцам обо всем, что они увидели в СССР. В своей книге Л.Фейхтвангер поспешил найти причину несправедливых, на его взгляд, слишком резких и отрицательных оценок А.Жида в мелких бытовых неудобствах

московского быта, вызвавших раздражение французского писателя¹¹⁶. Тем самым критика А.Жида выдавалась за мелочное брюзжание избалованного западного интеллектуала. По сообщению переводчицы Каравкиной, Фейхтвангер вел с ней разговор о том, как «опасно» в СССР «высказывать свои мнения, что, вот мол что вышло с Андре Жидом, что ему сказали, что у нас не любят критики, особенно со стороны иностранцев и т.д. Насчет Жида я ему объяснила, почему мы возмущены: его лицемерие и то, что он сейчас льет воду на мельницу фашистов»¹¹⁷. В столице ходила сочиненная московскими островами эпиграмма:

Стоит Фейхтвангер у дверей
С ужасно умным видом,
И я боюсь, чтоб сей еврей
Не оказался Жидом¹¹⁸.

Жид не мог не откликнуться на столь резкие критические оценки. Познакомившись с положительными и отрицательными отзывами на свою только что изданную книгу, он набросал в июне 1937 г. «Поправки к моему “Возвращению из СССР”», которые начинались следующими словами: «За публикацию “Возвращения из СССР” меня бранили многие. Выступление Ромена Роллана меня огорчило. <...> “Поверхностный анализ, поспешные выводы”, – говорили о моей книге. Как будто не поверхностными, не внешними проявлениями нас очаровывал СССР! И как будто, не взглядевшись пристальнее, мы стали замечать худшее! <...> Если бы я только восхищался, вы не сделали бы мне этого упрека (в поверхностности суждений). Но именно тогда я заслуживал бы его больше всего»¹¹⁹.

«ГОСУДАРЕВО ОКО»

**§ 1. Формы и методы контроля
над иностранцами в Советской России**

Контроль общественных настроений, мнений, оценок различными слоями населения тех или иных событий в любом современном (да и не только в современном) обществе всегда осуществлялся и осуществляется в интересах господствующего класса, того класса, тех социальных групп, в руках которых находится реальная власть и управление страной. На эту аксиому не раз обращали внимание крупные государственные и общественные деятели разных стран. В.И. Ленин справедливо подчеркивал, что «для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. <...> Без власти контроль мелкобуржуазная фраза...»¹. Но контроль имеет и другую, принципиальную сторону, которую Ленин не выделил. Эту сторону отметил побывавший в России в 1920 г. Б. Рассел: «Не только власть осуществляет контроль». В контроле нуждается «любая власть», но в особо жестком контроле нуждается пропаганда². Ф. Хайек подчеркивал, что демократический контроль может помешать власти превратиться в диктатуру, но для этого следует потрудиться: «Если же демократия решает свои задачи при помощи власти, не ограниченной твердо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию». «Экономический контроль, — добавлял Хайек, — неотделим от контроля над всей жизнью людей, ибо, контролируя средства, нельзя не контролировать и цели»³.

Контроль над линией поведения населения своей страны напрямую касался и визитеров из других стран. Подобное наблюдение за иностранцами, существовавшее веками своеобразное «государево око», несомненно, являлось типичной, тра-

диционной чертой российской политической жизни задолго до 1917 г. О справедливости такого утверждения можно судить хотя бы по дневникам и путевым запискам иностранцев в XIX веке – А. де Кюстина, м-м де Сталь, А.Дюма, Ф.Гагерна и других. Маркиз Астольф де Кюстин, посетивший Россию в 1839 г., писал по этому поводу: «Русское гостеприимство столь уснащено формальностями, что отравляет жизнь самим покровительствуемым иностранцам. Эти формальности служат благовидным предлогом для того, чтобы стеснять движение иностранца и ограничить свободу его суждений. Вас торжественно принимают и любезно знакомят со всеми достопримечательностями, поэтому вам невозможно шагу ступить без проводника. Путешественник никогда не бывает наедине с собой, у него нет времени составить себе собственное мнение, а этого-то как раз и добиваются. <...> ...вам предоставят лишь одну свободу – свободу выражать свое восхищение перед законными властями. Вам ни в чем не отказывают, но вас повсюду сопровождают. Вежливость, таким образом, превращается в способ наблюдения за вами». А.Кюстин справедливо замечал, что в России виден «перманентный заговор беззастенчивой лести», где «каждый старается замаскировать перед глазами властелина все плохое и выставить напоказ хорошее». Он предостерегал, что путешественнику нужно четко различать Россию, какова она есть на самом деле, и Россию, какую ее хотели бы показать Европе⁴. В этом отношении в советской России мало что изменилось.

Главное содержание подобного контроля в советский период, безусловно, носило политическую и идеологическую направленность. Она служила последовательному и многостороннему охранению и упрочению советскими властями создававшейся, а затем и сложившейся системы общественных отношений в стране. Этим же целям служили все сферы культурного обмена и интеллектуального сотрудничества. По образному определению американского исследователя Ф.Баргхорна, получившего название «культурной дипломатии», под которой подразумевалась манипуляция культурными связями для достижения политических и пропагандистских целей. Как поясня-

ет историк А.В.Голубев, Ф.Баргхорн понимал под термином «культурная дипломатия» «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях», которые всегда использовались СССР в качестве орудия внешней политики. Сам же автор определяет термин как *«использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей»*⁵. Впрочем, контроль подобного рода не был явлением, присущим только Советскому Союзу, а составлял и составляет одну из важных охранительных функций в любой современной державе.

В Советском Союзе роль идеологической составляющей была особенно велика. Р.Роллан во время своего визита в СССР не мог не заметить, что идеологические противоречия перекрывают противоречия темпераментов⁶. Идеология главенствовала над всеми другими проблемами. Это было вполне объяснимо. Октябрьская революция разделила мир на две противоборствующие системы, произошла резкая поляризация позиций. Противостояние касалось всех сторон жизни – политики, экономики, социальных отношений, духовной сферы. Одни слои общества, прежде всего, рабочий класс, трудящиеся и люмпенизированные элементы, активно поддерживали новое общество, видя в нем и свое недалекое будущее. Буржуазные слои его ненавидели, интеллигенция колебалась, разделившись на тех, кто поддерживал революцию и верил в конечное торжество социализма, и тех, кто не сразу определил свое отношение к событиям, происходившим в России. Их необходимо было не просто переубедить, а сделать активными сторонниками Советского Союза. В сложные 1920-е годы такое положение было связано с надеждами на мировую пролетарскую революцию и стремлением воплотить в жизнь ленинскую идею мирного сосуществования государств, в 1930-е годы – с созданием наиболее благоприятных условий для воплощения в жизнь сталинского лозунга о построении социализма в одной стране, укрепления воздействия марксистско-ленинской теории, политики и практики СССР на другие страны.

Почему в работе выделяются именно государственный и политический контроль? Ряд организаций, осуществлявших постоянный и всесторонний контроль над политическими настроениями различных слоев населения, в том числе и людей, приезжавших из-за границы, формально не принадлежал к государственным формированиям. К их числу относились, прежде всего, руководящие органы правящей Коммунистической партии, ВКП(б) – Политбюро, Секретариат ЦК, а с конца 1920-х годов и лично Генеральный секретарь ЦК И.В.Сталин. Именно они определяли приоритеты, направляли и часто сами вели целенаправленную работу с иностранцами. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей – ВОКС, «Интурист» и ряд других организаций стали важнейшей частью того же государственного механизма, также работали по единой, одобренной руководящими органами ВКП(б), схеме и в комплексе создавали такой охватывающий все сферы общественной жизни политический контроль, который стал в 1930-х годах одной из характерных и определяющих черт авторитарного облика государства.

Раскрыть реальный механизм такого контроля стало возможным лишь в последние годы, когда были опубликованы многие новые архивные документы, появились фундаментальные публикации, связанные с рассматриваемыми сюжетами. В данной монографии на основе новых архивных документов и литературы последнего времени рассматриваются не пребывание в нашей стране иностранцев вообще (тех, например, кто приезжал в нашу страну на работу⁷). Речь идет о той части западной интеллигенции, писателях и общественных деятелях, которые приезжали в нашу страну, были широко популярными и стремились анализировать увиденное своими глазами. Главное внимание в главе уделяется различным методам контроля над пребыванием в стране иностранцев как всесторонне продуманной части механизма власти. Это был не главный, но один из существенных элементов построения нового общества.

Наблюдение за пребыванием иностранцев в Советской России практиковалось уже с первых послереволюционных лет, однако в первое время оно не было тотальным, таким, каким

оно стало со второй половины 1920-х годов и особенно в 1930-е годы.

После окончания гражданской войны в Советскую Россию приезжало все больше иностранных гостей, стремившихся познакомиться с героическими усилиями в «развертывании великого социального эксперимента», как тогда часто называлась на Западе попытка создания нового общества в нашей стране.

В 1920-е годы иностранные визитеры обладали достаточно широкой свободой общения с населением, представителями различных, тогда еще существовавших, партий, художественной интеллигенции. Как отмечал Герберт Уэллс, приезжавший в нашу страну в 1920 г., «на каждом шагу, и дома и в России, мне твердили, что нам придется столкнуться с самой тщательной маскировкой реальной действительности, и что нас все время будут водить в шорах». Однако писатель с удовлетворением констатировал, что он мог передвигаться по Петербургу «совершенно свободно и самостоятельно» и ему показали почти все, что он хотел посмотреть. У Горького Уэллс познакомился с профессором Павловым, с писателями Замяτιным и Чуковским, с певцом Шалапиным⁸.

Как вспоминала писательница Н.Берберова, многие годы близко знавшая писателя, «два-три дня (пребывания в России. — Г.К.) затянулись на две недели. Уэллс ходил всюду: в Эрмитаж, в Смольный, на “Отелло” в Большом драматическом театре, в Гавань... Он гулял по Васильевскому острову, где были ряды сломанных на топливо деревянных домов, интересовался, о чем пишут в “Жизни искусства”... Ленина он назвал в своей книге “Россия во мгле” кремлевским мечтателем, а Ленин говорил о нем Троцкому как о мещанине, мелком буржуа»⁹.

Побывавший в том же году в России английский философ и общественный деятель Бертран Рассел под датой 12 мая записал в дневнике: «На всем пути следования наш вагон тщательно отделяли от толпы цепью солдат. Кажется, меня погрузили в великолепие огромной военной империи. Так что надо перенастроиться. Для этого нужен цинизм, а у меня его маловато. В результате я задаю себе один и тот же вопрос: в чем тайна этой

раздираемой страстями страны? Ведома ли она большевикам? Догадываются ли они вообще о существовании такой тайны? Сомневаюсь»¹⁰. Но вместе с тем в работе, специально посвященной пребыванию в России, Рассел замечал: «Нам была предоставлена полная свобода общения с политиками оппозиционных партий, и мы, естественно, не преминули ею воспользоваться. Мы видели меньшевиков, социалистов-революционеров различных группировок, анархистов; встречи проходили без присутствия большевиков, и с нами свободно разговаривали, избавившись от первоначальных опасений. Я имел часовую беседу с Лениным – фактически *tête-à-tête* (с глазу на глаз. – Г.К.), встречался с Троцким... провел вечер в деревне с Камневым; я также видел значительное число других людей, которые обладают весом в правительстве, хотя и менее известны за пределами России». Рассел имел возможность поговорить со случайными людьми, встречавшимися на городских улицах или сельских полях, и «выяснить, какой представляется система в целом рядовым, далеким от политики людям». Путешествие вместе с британской делегацией лейбористов вниз по Волге до Астрахани позволило ему не только лучше узнать страну, но и «свело со Свердловым, исполняющим обязанности министра транспорта», который был одним «из самых способных, а также самых добрых людей, встреченных мной в России»¹¹.

Но контроль, безусловно, постепенно налаживался и входил в сферу компетенции, как соответствующих партийных органов, так и государственного «карающего меча революции» – ВЧК-ОГПУ-НКВД. В своей «Автобиографии» Бертран Рассел эту сторону дела обозначил вполне определенно: «Я предал бумаге свои размышления, в которых, на мой взгляд, отразилась правда, но не тот ужас, который владел мною там. Жестокость, бедность, подозрительность, преследования наполняли самый воздух, которым мы дышали. Наши разговоры постоянно прослушивались. Ночи оглашались выстрелами – это убивали в тюрьмах несчастных идеалистов. <...> Как-то в Петрограде... ко мне явилась четверка одетых в лохмотья людей, заросших щетиной, с грязными ногтями, спутанными волосами. То были самые известные поэты России. Одному из

них позволили зарабатывать на жизнь чтением лекций по стихосложению, если он будет освещать предмет с марксистских позиций, и он жаловался, что хоть убей не может понять, при чем тут Маркс (речь шла об известном поэте А.Блоке. — Г.К.). На моих глазах все, что представлялось мне ценным в человеческой жизни, разрушалось в интересах узколобой философии, которую вдалбливали в ум многомиллионного народа, живущего в нищете, о которой запрещалось говорить. С каждым днем, проведенным в России, ужас мой усиливался, в конце концов я потерял всякую способность к объективному суждению»¹². Дважды десятилетиями позже, в эссе, озаглавленном «Власть», Рассел констатировал: «...с тех пор как большевики пришли к власти, в России стало невозможно печатать что-нибудь критическое о догмах, на которых основан их режим»¹³.

Система контроля над пребыванием в стране иностранцев и за поведением интеллигенции в целом складывалась постепенно, но неуклонно. В 1922 г. были организованы Главное управление по делам литературы и издательств Наркомата просвещения РСФСР (Главлит) и Главрепертком, ведавший репертуаром зрелищных учреждений. Пребывание иностранных гостей в Советском Союзе курировали ВОКС и Интурист, а также Комитет по делам искусств СНК СССР, Наркомат иностранных дел. Большое внимание связям с иностранными интеллектуалами уделялось работавшими под руководством Коминтерна Международной организацией революционных писателей — МОРП и подобными структурами в других сферах культуры (революционного театра, художников, спорта), а также зарубежными обществами и инициативными группами культурного сближения с СССР, создававшихся в разных странах Союзов друзей СССР. Все перечисленные организации в разной степени являлись средством пропаганды коммунистических идей, рычагом политического влияния, формой презентации сталинского режима.

В органах ВЧК-ОГПУ, а затем и в главном управлении государственной безопасности (ГУГБ) Наркомата внутренних дел были созданы специальные подразделения, отвечавшие за

состояние дел в области науки и культуры. На отдел политического контроля возлагались обширные задачи. К их компетенции относилась проверка указаний Главлита и Главреперткома, осуществление перлюстрации почтово-телеграфной корреспонденции. 4-е и 5-е отделения секретно-политического отдела собирали агентурные данные, организовывали сеть осведомителей (секретных сотрудников – т.н. сексотов), внедрявшихся в среду художественной и научной интеллигенции, в том числе и деятелей, которые приезжали из зарубежных стран¹⁴.

По убедительным данным, приводимым петербургским исследователем В.С.Изможиком, расходы государства на осуществление политического контроля быстро росли. В 1923/24 финансовом году они составляли 4% от сметы ОГПУ, через год подобные расходы выросли до 6,9%. Еще более высокой была доля этих затрат в Москве и Петрограде. В 1923/24 финансовом году они составили 43,4%, на следующий год – 38,65% всей сметы, выделенной на политконтроль¹⁵. В последующие годы подобные затраты еще более возросли.

Постоянным методом наблюдения становилась перлюстрация корреспонденции. По данным того же исследователя, перлюстрация стала применяться соответствующими государственными органами сразу же после революции¹⁶. Только в августе 1922 г. сотрудниками отдела политического контроля было вскрыто 135 тыс., или почти половина всех поступивших в Россию почтовых отправлений, и все 285 тыс. писем, отправленных за рубеж¹⁷.

1930-е годы стали временем массового паломничества иностранцев, представителей разных слоев населения в Советский Союз, с тем, чтобы увидеть «советскую утопию» – достижения социалистического строительства, успехи в выполнении заданий, намеченных в планах первых пятилеток.

В начале, особенно же в середине 1930-х годов, когда рухнули надежды на мировую революцию, стала расти закрытость страны, усиливалась тенденция к автаркии, не просто увеличивалась, а превращалась в гиперцентрализацию система управления, становился более жестким политический режим, постепенно складывалась и к концу 1920-х – началу 1930-х годов

оформилась жесткая вертикаль всеобъемлющего, многоступенчатого, жесткого, а во многих случаях и изощренно циничного контроля, устанавливавшегося над встречами, высказываниями, оценками всех представителей интеллигенции страны, прежде всего деятелей культуры и науки. В их число входили и иностранные визитеры – писатели и общественные деятели, особенно те из них, которые были широко популярными во всем мире, мыслящими, стремящимися и умеющими увидеть и проанализировать социальные процессы в нашей стране, несмотря на крайне ограниченные сроки пребывания в ней. В научной литературе чаще всего термин «автаркия» относят к технической области. В нашем же сюжете, прежде всего, идет речь об автаркии политической и культурной, о возникновении уже в 1930-е годы пресловутого «железного занавеса», который со всей силой развернулся позже, в послевоенные годы «холодной» войны. Некоторые исследователи определяют это состояние «тенденцией к закрытости» общества, усилением «изоляционистской доминанты», относя ее к более позднему времени¹⁸.

Побывав в 1935 г. в Советском Союзе, Р.Роллан записывал в своем дневнике: «Систематически перехватывались или искажались приходившие из-за границы отклики, которые могли бы позволить составить точное представление о положении во всем мире по ту сторону их границ. Я мог констатировать, что они все вынуждены умалять, и чрезмерно, значение живых сил зарубежных народов! Даже если это капиталистические правительства и режимы – их враги, то нездорово недооценивать их силу... Отсюда это вечное наблюдение, подозрительность, порой отравляющая повседневную жизнь; это наблюдение, рука которого слишком часто расправляется с грубой поспешностью, рассматривая подозрительных людей как преступников... Миллионы хороших советских тружеников твердо верят, что все блага, достигнутые у них, были созданы ими, и что весь остальной мир лишен этого (школы, охрана здоровья и т.д.). Молодежи не было дано возможности свободно сравнивать их интеллектуальные достижения и их мысли с достижениями их товарищей на Западе. Когда это будет достигнуто, – замечал

писатель, – неожиданно, сегодня или завтра – берегись потрясения!»¹⁹

Еще более определенно высказывался французский писатель А.Жид, приезжавший в Советский Союз в 1936 г.: «Самое главное... убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливым в ожидании лучшего, убедить людей, что другие повсюду менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду – с границей). <...> Советский гражданин пребывает в полнейшем неведении относительно границы*. Более того, его убедили, что решительно все за границей и во всех областях – значительно хуже, чем в СССР. Эта иллюзия умело поддерживается – важно, чтобы каждый, даже недовольный, радовался режиму, предохраняющему его от худших зол. <...> Самое важное для них – знать, достаточно ли мы восхищаемся ими. Поэтому бояться, что мы можем не знать об их достоинствах. Они ждут от нас не столько знания, сколько комплиментов»²⁰.

Такая позиция значительно упрощала контроль высших органов власти и управления за всеми слоями населения, прежде всего за интеллигенцией, в том числе и за приезжавшими в Советский Союз иностранцами. Важно отметить, что к системе политического контроля правомерно следует отнести не только необходимость снабжения руководства страны объективной информацией о «состоянии мыслей» населения, но и стремление скрыть все увеличивавшуюся массу фактов от населения и иностранных гостей, подменяя их дезинформацией, что давало широкую возможность целенаправленно формировать нужные государственному режиму представления.

Политический и идеологический контроль преследовал крайне важную для советского руководства цель – выявление оценок и позиций представителей западного мира, влияние на эти позиции, создание выгодной и наиболее благоприятной для советского руководства оценки внутренней и внешней политики СССР. Подобный контроль становился и одним из постоян-

* Или, по крайней мере, знает только то, что укрепляет его веру. – *Примеч. А.Жида.*

ных методов наблюдения за населением собственной страны, существенной частью выявления неблагонадежных, или, как квалифицировалось в те годы, «антисоветски настроенных» представителей творческой интеллигенции, а также иностранных гостей.

О существе формируемых среди населения Советской России представлений в декабре 1930 г. И.В.Сталин писал А.М.Горькому: «Дела идут у нас неплохо. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства успехи несомненные. Пусть мяукают там, в Европе, на все голоса все и всякие ископаемые средневекового периода о “крахе” СССР. Этим они не изменят ни на иоту ни наших планов, ни нашего дела. СССР будет первоклассной страной самого крупного, технически оборудованного промышленного и сельскохозяйственного производства. Социализм непобедим. Не будет больше “убогой” России. Кончено! Будет могучая и обильная *передовая* Россия»²¹. Именно в подобной победоносной перспективе стремились убедить и иностранных гостей, особенно тех, имена которых были широко известны и с мнением которых всерьез считались на Западе.

Между тем, западные друзья Советского Союза с горечью сетовали на абсолютное отсутствие точных информационных данных. Р.Роллан вспоминал о ходе беседы со Сталиным, которая состоялась в июне 1935 г.: «Вы сказали мне (я цитирую текстуально): – “Конечно, если наши друзья на западе мало осведомлены о мотивах действий Советского правительства, и их нередко ставят в тупик наши враги, то это говорит не только о том, что наши друзья не умеют также хорошо вооружаться, как наши враги. Это говорит еще о том, что мы недостаточно осведомляем и вооружаем наших друзей. Мы постараемся заполнить этот пробел”. И дальше: “Возможно, что Вы правы. Конечно, можно бы реагировать энергичнее на эти нелепые слухи”. Дорогой товарищ, с тех пор как Вы произнесли эти “слова” прошло пять месяцев. Ничего не было сделано чтобы

* Здесь и далее слова Сталина подчеркнуты при переводе письма и в машинописном экземпляре перевода отчеркнуты на полях синим карандашом. – Г.К.

“заполнить этот пробел” и чтобы “реагировать”. И зло очень сильно возросло»²².

Формы и методы государственного и партийного контроля над пребыванием гостей в нашей стране были разнообразны, постепенно складываясь в продуманную и стройную систему. Выделим лишь некоторые из них, являвшихся особенно наглядными.

Все приглашения, все встречи известных представителей западной интеллигенции, особенно крупных писателей, тех, имена которых были широко известны и с мнением которых считались на Западе, находились под строгим и неослабным контролем высших партийных органов, которые давали разрешение на приезд и определяли уровень приема тех или иных гостей²³.

Наиболее показательной в этом отношении была история с приездом в нашу страну Р.Роллана. Широко известна его дружба и длившаяся несколько десятилетий переписка с М.Горьким. В архиве Горького в Москве хранятся более 100 его писем и телеграмм, а также 100 посланий от Роллана. Горький посвятил Роллану повесть «Дело Артамоновых», снабдив ее трогательным посвящением: «Ромену Роллану, человеку, поэту». В 1931 г. Роллан написал предисловие к изданию во Франции статей Горького «Они и мы». Роль М.Горького в установлении обширных и разносторонних связей советских и зарубежных писателей была огромной. Многие годы он вел активную переписку не только с Р.Ролланом, которая началась еще с дореволюционных времен, но и с Г.Уэллсом, Б.Шоу, Л.Фейхтвангером и другими зарубежными литераторами²⁴.

Еще в конце 1920-х годов Горький не раз приглашал французского писателя приехать в СССР. Первое официальное приглашение из Советского Союза Роллан получил в 1927 г. В октябре Роллану было прислано приглашение от ВОКСа посетить Советский Союз в связи с празднованием 10-й годовщины Октябрьской революции. Роллан с благодарностью откликнулся на приглашение, но, сославшись на плохое состояние здоровья, прислал отказ. 14 октября 1927 г. Роллан писал: «Русские братья и сестры, друзья мои! Благодарю вас за ваше при-

глашение. Для меня было бы большой радостью принять участие в ваших торжествах в честь десятой годовщины Октябрьской революции. Плохое состояние здоровья делает это совершенно невозможным. Но вы должны знать, что я мысленно с вами!»²⁵

Вторично приглашение от ВОКСа Роллан получил в феврале 1931 г. В письмах Горького от 30 января 1930 г., 15 января, 9 февраля и 2 апреля 1931 г., 8 сентября и 27 ноября 1932 г., 26 мая 1933 г. приглашение неоднократно повторялось²⁶. Так, 15 января 1931 г. Горький писал Роллану из Сорренто: «В мае я уеду в Союз Советов, где проживу до конца сентября. Не позволит ли Вам здоровье приехать в Москву? Как Вы думаете?»²⁷ 9 февраля Горький снова напоминает: «В апреле еду в Москву, если б Вы тоже собрались туда! Имейте в виду, что если здоровье позволит Вам сделать это путешествие – на польскую границу вышлют за Вами отдельный вагон. Хорошо бы поехать с Вами по Волге, по Каме, на Урал. На Волге – отличные пароходы. Я много рассказал бы Вам о прошлом волжских городов, прекрасные дни пережили бы мы, дорогой друг. Крепко жму Вашу руку»²⁸. 2 апреля Горький пишет уже с достаточной долей категоричности: «Дорогой друг мой! Когда Вы будете в Союзе Советов, Вы убедитесь, что там творится действительно великое, мировое дело. Я уверен, что мы встретимся там. Очень крепко жму Вашу руку мужественного бойца за справедливость»²⁹. 5 июля 1931 г. Горький сетовал: «Я весьма огорчен, что Вы не можете в этом году приехать в Союз Советов, но тут есть своя хорошая сторона: будущий год даст Вам больше впечатлений, ибо многое в строительстве Союза будет закончено, явится перед Вами в оформленном виде»³⁰. 8 октября 1934 г. из Крыма, из курортного местечка Тессели Горький предлагает Роллану: «Дорогой Роллан, – не следует ли вам переехать в страну, где Вас любят и уважают тысячи честных людей и где – в Крыму, на Кавказе – Вы будете устроены так, как пожелаете. Здесь Вы найдете климатические условия равные и лучшие, получите заботливую врачебную помощь и все, что Вам будет угодно... Если решите ехать к нам – телеграфируйте: Крым, Севастополь. Горькому»³¹. Казалось бы, этого

было более чем достаточно, чтобы вопрос о визите всемирно известного писателя Роллана к другому известнейшему и почитаемому в СССР писателю М.Горькому был решен. Однако 15 мая 1931 г. заведующий объединением государственных издательств А.Б.Халатов направляет по этому поводу специальное письмо Сталину, состоящее из двух пунктов:

«1) В связи с приездом А.М.Горького может быть Вы сочтете целесообразным принять меня, чтобы я информировал Вас о содержании наших бесед с Горьким в Сорренто. Ряд высказываний и предложений А.М. представляет определенный интерес, и было бы хорошо ввести в курс тех вопросов, которые ставятся А.М.

2) Прилагаю при сем представление в Политбюро о Ромене Роллане. А.М. дважды просил меня еще в Сорренто послать Роллану от ОГИЗа приглашение со ссылкой на выраженное им желание в письме к А.М. Об этом Ал. Макс. мне вчера напомнил. Такое приглашение было бы целесообразно сделать теперь же, в связи с приездом М.Горького и “опубликованным” сегодня в “Правде” письмом Роллана “Привет французского друга”. Я прошу дать по этому вопросу ответ, указание ОГИЗу. С Комм[унистическим] прив[етом]. Арт. Халатов»³².

В сопровождавшем письмо представлении Халатов писал, что «во время моего пребывания в Сорренто М.Горький сообщил мне, что им получено письмо от Ромена Роллана, в котором последний выражал желание приехать в СССР. <...> Приезд Ромена Роллана, который за последний период делается все более и более активным другом СССР, и встреча его здесь с М.Горьким, несомненно, будет иметь политическое значение»³³. Именно *политическое* значение выделяется Халатовым в качестве главного аргумента для приглашения Р.Роллана в Советский Союз.

В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Одобрить предложение ОГИЗа о приглашении в СССР Р.Роллана»³⁴. Горький приехал из Италии в Москву 14 мая 1931 г. Роллан собрался в Советский Союз лишь в 1935 г. И 19 мая 1935 г. Политбюро считает необходимым принять новое постановле-

ние: «Не возражать против приезда Ромен Роллана в Москву»³⁵.

Не менее важной формой влияния и контроля, о которой уже шла речь выше, было создание у иностранных гостей благоприятного впечатления о советском обществе. Это было особенно важно, если мнение того или иного визитера являлось наиболее убедительным для европейского читателя.

Размышляя по этому поводу, А.Жид не мог не заметить: «...Я хорошо понимаю – даже если тут и нет прямой коррупции, – насколько выгодна Советскому правительству щедрость по отношению к художникам и литераторам, ко всем, кто может ему славословить. Но, с другой стороны, нельзя не видеть и выгоду, которую может извлечь литератор, одобряя конституцию и правительство, содействующее ему в этом»³⁶.

Контролю служила и подробная программа пребывания иностранцев в стране, составлявшаяся специально выделенными организациями (НКИД, ВОКС, Интурист, ОГИЗ и т.д.). Она предусматривала посещение образцовых учреждений различных областей промышленности, сельского хозяйства и культуры, перечень которых был составлен очень тщательно и строго определен. Такой подбор объектов подводил иностранцев к очевидному, лежащему на поверхности, выводу о том, что и другие объекты для посещения являются похожими на ранее уже увиденные, а значит, получают такую же, самую положительную оценку.

Все, что было написано более или менее крупными авторами на Западе, тщательно изучалось в соответствующих отделах ЦК и отфильтровывалось на предмет полезности или вредности существующему режиму. По отношению к оценке суждений западных общественных деятелей в Советском Союзе сложилась четкая и прямолинейная схема. Позже Андре Жид записывал в своем дневнике: «Самое большое, что допускалось среди товарищей, – это признавать: в СССР есть отдельные несовершенства. Но говорить о них еще не пришло время. Тогда следовало понимать успехи СССР в целом и закрывать глаза на временные, неизбежные недостатки...»³⁷

Вполне понятно, что очень позитивно относившийся к Советскому Союзу Ромен Роллан, высказавший в своем дневнике ряд критических позиций о положении в стране и ее руководителях, разрешил его публикацию только через 50 лет. В 1938 г. Роллан дополнил свои заметки о поездке в СССР, заметив, что дневник писался с большой осторожностью, так как он опасался, что его записи могут попасть в руки шпионирующих наблюдателей³⁸.

Книги А.Жида «Возвращение из СССР», а затем и его «Поправки к моему “Возвращению из СССР”» в Союзе были не только подвергнуты основательной критике, издание его произведений стараниями Главлита было категорически запрещено³⁹.

А в целом апологетическая книга Л.Фейхтвангера «Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей» довольно скоро попала в спецхраны библиотек, что также являлось одной из действенных форм контроля государства над иностранной литературой.

Для широкого читателя в стране сверху создавалось своеобразное клише, внушались официальные стереотипы (все они диктовались соответствующими органами) – как воспринимать и оценивать то или иное иностранное издание об СССР. Очень характерна в этом отношении вышедшая в 1932 г. книга «Глазами иностранцев», предисловие к которой было написано К.Радеком и называлось «Интеллигенция и Октябрь». Автор обвинял «так называемую гуманитарную интеллигенцию» за ее веру в Лигу наций, в социальные реформы, в возможность введения социализма демократическим путем. В предисловии говорилось, что «из стран кризиса льется в СССР поток интеллигентных туристов. Они разносят по всему миру сведения, что в то время как в капиталистических странах разваливаются производительные силы, в СССР идет грандиозная стройка. Кризис не позволяет интеллигенции оставаться на положении туриста-зрителя. Одна ее часть идет направо, к фашизму. Часть – налево. Как из рога изобилия сыплются книги об СССР, которые в плане [первой пятилетки] видят спасение от всех бедствий»⁴⁰. От составителей сборника выступил литератор М.Живов. Он подчеркнул, что за последние годы вышло несколько тысяч томов на разных языках, написанных людьми самых

разных категорий и мировоззрений: «Мы имеем здесь и книги, написанные друзьями Советского Союза, и книги, принадлежащие перу врагов пролетариата, явных, скрытых, маскирующихся, имеем бесконечное количество лживых брошюр с “воспоминаниями”, “показаниями очевидцев” и т.д. и т.п.»⁴¹.

Главная особенность книги состояла в четком разделении и перечислении иностранных друзей. Среди них были многие писатели – А.Франс, П.Гибу-Рибо, Ж.Дюамель, А.Барбюс, Б.Шоу, Д.Дос-Пассос, И.Бехер, М.Андерсен-Нексё, Т.Драйзер, П.Вайян-Кутюрье, Э.Людвиг, Р.Роллан, Э.Синклер, Г. и Т.Манн и другие авторы, которые с восхищением отзывались об увиденном в Советском Союзе и которых поэтому разрешалось читать и цитировать. В той же книге перечислялись «клеветники и враги», которых ни читать, ни цитировать, ни упоминать не советовали. Среди них упоминались американец Гарнер, немцы Б.Эргарт, Г.Фольк и А.Линдеман, датчанин У.Гальберг, румын П.Истрати⁴². В 1930 г. даже была издана брошюра А.Тивеля «Наши враги о пятилетке», в которой говорилось: «Скучно повторять все те небылицы и сумасшедшие пустяки, ложную клевету и дикие измышления, которыми изо дня в день угощали своих читателей капиталистические газеты. Бульон, сваренный из детских костей, колбаса из человеческого мяса, национализация женщин, массовые расстрелы, разруха, хаос, мерзость запустения – вот о чем истошным голосом вопили “русские корреспонденты” и “очевидцы” из эмигрантских кругов, служившие монопольным источником информации»⁴³. Предисловие к книге Г.Вальдена «В стране большевиков», вышедшей в 1931 г., еще до знакомства с изданием предупреждало читателя о том, что «не владея марксистским методом, Гервард Вальден не мог по-настоящему понять, в чем причины успеха Советской власти и преимущества социалистической системы хозяйства над капиталистической. В книге нет классовой борьбы, автор плохо представляет себе социальную природу советской власти и советской демократии»⁴⁴.

Существенной стороной контроля и контактов высшего руководства партии с иностранными писателями были их систе-

матические встречи, длительные беседы по самому широкому кругу международных и внутренних проблем.

У Сталина особенно, да и у других высших партийных руководителей во время общения с иностранными визитерами, в беседах, в письмах ясно прослеживается стремление максимально четко высказать позиции партии по вопросам внутренней и внешней политики, естественно, исходя из собственного, марксистского и классового видения этого предмета. Иногда при изложении и оценке фактов жизни в СССР вожди не гнушались откровенной и даже циничной ложью, умелой и хитроумной дезинформацией, то есть, по мнению ряда зарубежных интеллектуалов, умением «пускать пыль в глаза». Можно без преувеличения сказать, что Сталин и его окружение стремились максимально использовать интеллектуальный потенциал западных интеллигентов с их гуманистическими представлениями о переустройстве мира и роли СССР, преподнося во время бесед чаще всего ясные и элементарные прописные истины марксистской политической науки.

§ 2. «Всецензура»

Изучение дневников, стенограмм бесед, переписки Сталина и его ближайшего окружения с иностранными гостями показывает, что, безусловно, «мозговым центром» всей политической деятельности и политического контроля были высшие партийные и государственные органы. Как четко заметил в своем дневнике Ромен Роллан, все повинуетя «одной голове: Коммунистической партии и Совету комиссаров. Эта голова крепка и твердо держится на плечах»⁴⁵. Но у «крепкой головы» были очень сильные и разветвленные руки.

Одной из таких рук, по образному определению известной американской исследовательницы Марианны Тэкс Чолдин, была «всецензура», или, как называлась одна из ее книг, – «Забор вокруг империи». Чолдин констатировала, что «было совершенно запрещено критиковать советских вождей или совет-

скую систему управления. Авторам нужно было понимать не только то, о чем им нельзя было писать, но и то, о чем они должны были писать, если хотели напечататься. Они становились объектом самоцензуры до такой степени, какие не снились в царское время. Цензура просто пронизывала полностью всю систему»⁴⁶.

Речь идет не только о широкой сети разного уровня «литов». Циркуляр Главлита от 1926 г. откровенно заявлял, что «в СССР цензуры нет», а потому употребление устаревших терминов «цензор» и «цензура» неправильно, поскольку Округлы (окружные), Улиты (уездные), Гублиты (губернские) и Облиты (областные) – «не цензура, а органы контроля»⁴⁷. Повседневная практика показывала обратное. «Литы» всех ступеней стали жестким ситом, через которое процеживались «враждебные» материалы из-за рубежа.

Органы Главлита, особенно их иностранный отдел, постоянно находились под пристальным вниманием Политбюро. 5 сентября 1930 г. под грифом «Строго секретно» Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении о работе Главлита закрепляло за этой организацией функции контроля за всей выходящей литературой как с военно-экономической, так и с политико-идеологической точки зрения, контроля за литературой, ввозимой из-за границы и вывозимой за границу⁴⁸. Постепенно функции Главлита расширялись: речь шла уже не только о контроле.

В записке Главлита о работе и новых задачах органов цензуры, направленной в Политбюро ЦК ВКП(б) 9 апреля 1933 г., функции Главлита определялись следующим образом: «Предварительная цензура просматривает печать как в интересах охраны государственных тайн, так и в интересах недопущения политически вредных, искажающих советскую действительность, малограмотных, халтурных произведений или отдельных мест в них»⁴⁹. Таким образом, политически вредные произведения, с точки зрения Главлита, приравнивались к произведениям малограмотным и халтурным. В той же записке указывалось, что Главлит осуществляет цензуру над всей иностранной печатью, поступающей в Союз, для чего на почтамте

и в аппарате Главлита работало значительное число работников, объединенных в специальную иностранную группу и знающих несколько языков⁵⁰. Таким образом, к середине 1930-х годов деятельность органов цензуры стала еще более всеохватывающей. Только за 1938 г. органами Главлита были просмотрены прибывшие из-за границы 2,4 млн бандеролей, 1 500 книг и более 1 050 тонн всевозможных печатных произведений⁵¹. Была создана целостная система тотального контроля, в которую входили редакторская цензура, контроль Главлита, карательная цензура органов ОГПУ-НКВД. Однако, в отличие от советских изданий, иностранная литература имела большие цензурные послабления. Предпочтение отдавалось авторам, симпатизировавшим СССР, и тем из них, кого советское правительство было заинтересовано привлечь на свою сторону⁵².

Когда в стране началась кампания по разоблачению «врагов народа», органы НКВД, прежде всего, обратили внимание на иностранный отдел Главлита. В записке Главлита за подписью его председателя Н.Г.Садчикова на имя председателя СНК СССР В.М.Молотова сообщалось, что «враги народа дезорганизовывали и разваливали работу иностранного отдела». С 1936 г. по май 1938 г. из 68 сотрудников были арестованы 23. Отдел обвинялся в создании «длительных залежей периодической и непериодической печати, получаемой в Советский Союз», в случаях разрешения на ввоз в СССР литературы, относящейся к безусловно запрещенной, которая подлежала уничтожению и составляла до 10% всей печатной продукции, выписываемой из-за границы, нанося тем самым материальный ущерб государству до 250 тыс. золотых рублей в год⁵³.

Еще один интересный документ, вышедший из недр Главлита, наглядно характеризующий стиль работы этой организации, – докладная записка уполномоченного Главлита Д.В.Романовского, которая относилась к работе И.Эренбурга «Хлеб наш насущный». Эта записка непосредственно не была связана с иностранными гостями, но сам ее характер великолепно и точно отражает понимание сотрудниками ведомства – что можно было писать и допускать в СССР, а что категорически

воспрещалось и тщательно отслеживалось в иностранных публикациях. Романовский сообщал в Главлит: «Автор писал: “В Советском Союзе машины дались людям не просто. *Ради этих машин люди едят впроголодь и лапают протертые штаны*”. Подчеркнутое, как извращение советской действительности — изъято. Почти вслед за этим автор продолжал: «*для того, чтобы оплатить эти машины, люди ели меньше хлеба, они дополняли чересчур лаконичный обед обильными, как будущее, мечтами*». Подчеркнутая фраза, как тонкая издевка, была снята...»⁵⁴

Все органы Главлита работали самым оперативным образом — без их визы не пропускались в печать ни одна зарубежная книга, статья, рецензия. При возникновении неясных случаев эти органы обращались за разъяснением непосредственно в Политбюро и ЦК ВКП(б).

Широкую известность и за рубежом, и в Союзе получила книга Анри Барбюса «Сталин». Номер журнала «Молодая гвардия», в котором предполагалась перепечатка рецензии французского журналиста Поля Низана на книгу Барбюса из журнала французской левой интеллигенции «Монд» (а редактировал его именно Барбюс), был Главлитом запрещен. По этому поводу от редактора издания Ингулова 28 июня 1935 г. было направлено письмо лично Сталину, в котором пояснялись причины подобного решения. При общем благожелательном тоне рецензии, в ней имелся абзац о том, что определенные интеллектуальные течения на Западе считают Троцкого выше Сталина... видят в Троцком одного из своих величайших представителей, а сталинизм же «менее тонок, груб, слишком заземлен. Ибо они более ценят действия, чем идеи, и человек действительно кажется менее возбуждающим восторг, чем человек, *который мыслит и критикует*»⁵⁵. 14 июня 1935 г. из журнала «Молодая гвардия» за подписями ответственного редактора А.Караваевой и ее заместителя М.Колосова на имя секретаря Сталина А.Н.Поскребышева поступила просьба просмотреть первую и последние главы книги А.Барбюса на предмет возможной публикации и дать отзыв редакции⁵⁶. 7 июля того же года Главлит задержал на стадии предварительной

цензуры и отрывок из книги А.Барбюса «Сталин», планировавшейся к изданию в № 12 журнала «Коммунистическая молодежь». Об этом под грифом «секретно» вместе с отрывком из запрещенной статьи было сообщено в ЦК Сталину, Андрееву, Ежову, Талю, в ЦК ВЛКСМ Косареву. Основным аргументом задержки стал целый ряд «неудовлетворительно переведенных мест, перерастающих в отдельных случаях в политически ошибочные положения» В качестве примеров приводились следующие цитаты: «Ленин и Сталин не создали истории, но они ее рационализировали», «нужно желать сделать их (масс. – Г.К.) жизнь достойной и полной, не следует бросаться душой и телом в борьбу против неизлечимых зол, которые коренятся в человеческой природе»⁵⁷. Подобные рецензии и статьи, естественно, в советском издании и не могли получить разрешения на публикацию.

Постоянным методом наблюдения оставалась перлюстрация корреспонденции. Проверялась даже переписка всемирно известных писателей Р.Роллана и А.М.Горького. 25 апреля 1934 г. Роллан писал Горькому: «...(конверт был явно вскрыт и снова небрежно заклеен)... Кто перехватил письмо? И не были ли перехвачены другие письма? Получили ли Вы мои? И неужели Вы ни разу не писали мне с прошлого лета? – Необходимо выяснить это. Недопустимо, чтобы связь между нами была прервана»⁵⁸. Для подобных выводов у Роллана имелись веские основания. По поводу интереса соответствующих органов к личной переписке граждан у Роллана, во время его пребывания в Советском Союзе летом 1935 г., состоялся любопытный разговор с наркомом внутренних дел Ягодой, отраженный писателем в дневнике: «...он (Ягода. – Г.К.) заявляет, что в СССР нет больше цензуры на письма и что пропускают даже письма белогвардейцев, (он даже осторожно говорит, что порядок слишком либеральный) – спрашиваешь себя, знает ли он, что происходит в его ведомстве или он нас считает простаками. Как будто мы не знали, что письма, адресованные нам или нашим друзьям, перехватываются, или приходят к нам, после того, как были вскрыты, с пометкой на марке, без стеснения, слишком грубо вынуты были из почтового ящика в поврежденном со-

стоянии и со следами грязного клея!» («Я думаю, что полиция Фуше⁵⁹ действовала все же тоньше и не перекладывала по ошибке письма из конверта в конверт, — как нам случалось замечать», — добавлял автор.) К приведенному фрагменту Роллан сделал любопытную сноску: «...подобные заявления опровергаются другими руководящими [работниками], которые раскрывают секрет. А... (видимо, речь идет об Аросеве — председателе ВОКСа. — Г.К.), всегда поступающий необдуманно и импульсивно, сказал нам: “Все письма в СССР вскрываются”... Все это известно, а обвиняешь себя в том, что подвергаешь сомнению спокойные и честные глаза Ягоды»⁶⁰. В другом месте дневника Роллан уже прямо назвал источником этих сведений Аросева: «Он нас дружески предупредил (ибо он питал преданное чувство к нам, и не в его интересах было этим хвастаться), что все письма, которые приходят в СССР, вскрываются»⁶¹.

На тотальную подозрительность и массовое существование системы доносов указывали и А.Жид в своей книге «Возвращение из СССР», и председатель ВОКСа А.Я.Аросев. Жид писал о тотальной подозрительности, как о распространенном явлении, о том, что «отличный способ продвижения — это донос. <...> Лучший способ уберечься от доноса — донести самому. <...> Вознаграждение за донос — одно из средств ведения следствия в ГПУ»⁶².

Сам Аросев 5 сентября 1936 г. с горечью замечал в дневнике: «Время, в какое мы живем, исключительно жуткое. Никто никому не верит, и даже самый принцип необходимости доверия пошатнулся. Доверие пытаются заменить деляческой ловкостью. Все друг друга боятся, все смотрят исподлобья. О крупном и главном не говорят. На службе (в ВОКСе. — Г.К.) много работы и много интриг. Теперь ко мне приходят все, и каждый друг на друга доносит». 15 ноября он записывал: «Огромные души загнаны внутрь, посажены на цепь, или во внутреннюю тюрьму, и только очень немногие осмеливаются в тиши вечеров и ночей скапливаться чернильным каплям на концах перьев и вырисовываться в слова на страницах дневников. Поэтому только такие дневники... могут рассказать о пе-

реживаниях человека»⁶³. Доносы постепенно превратились в один из важнейших источников получения сведений, нужных властям, следствием чего становились репрессии по отношению к различным слоям населения.

Этот тезис подтверждает и отрывок из подпольной листовки, перехваченной сотрудниками секретно-политического отдела ГУГБ НКВД в августе 1934 г. в дни работы Всесоюзного съезда писателей, где говорилось:

... Считаем долгом своей совести обратиться с этим письмом к Вам, зарубежным писателям. <...> Все, что услышите и чему вы будете свидетелями на Всесоюзном писательском съезде, будет отражением того, что вы увидите, что вам покажут и что вам расскажут в нашей стране! Это будет отражением величайшей лжи, которую вам выдают за правду. Не исключается возможность, что многие из нас, принявших участие в составлении этого письма, или полностью его одобдившие, будут на съезде или даже в частной беседе с вами говорить совершенно иначе. Для того, чтобы уяснить это, вы должны, как это [ни] трудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключающем какую-либо возможность свободного высказывания. <...> ... в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых... <...> Но власть требует от нас этой лжи, ибо она необходима, как *своеобразный «экспортный товар» для вашего потребления на Западе* (выделено мной. – Г.К.). Поняли ли вы, наконец, хотя бы природу... так называемых процессов вредителей с полным признанием подсудимыми преступлений ими совершенных? Ведь это тоже было «экспортное наше производство» для вашего потребления⁶⁴.

В сопроводительном письме на имя Г.Г.Ягоды сообщалось, что листовка распространялась среди участников съезда путем пересылки по почте. «Пока обнаружено 9 экз. Написана листовка карандашом под копирку печатными буквами. Не исключено, что это делается кем-либо из участников съезда. Проверяем почерка по анкетам делегатов»⁶⁵.

В конце 1926 – начале 1927 г. в России побывал немецкий писатель и философ Вальтер Беньямин. В своем «Московском

дневнике» и очерке «Москва», опубликованном в 1927 г. в немецком журнале «Die Kreatur», отметил важную общую закономерность культуры «текущего момента... насквозь политизированной жизни» в Москве, где крайне важно «вписать свои мысли в заданное силовое поле», что повсюду господствует общая осторожность при открытом выражении мнения, и чем массовее искусство, тем сильнее цензура. Особенно от нее, по наблюдению автора, страдает кино: «...Цензура в кино жесткая, в отличие от театральной цензуры она урезает возможности кино... в выборе материала. Серьезная критика советского человека здесь невозможна... Но и буржуазную жизнь тоже нельзя изображать»⁶⁶. Он замечал, что «каждое отклонение от предписанных [партией] норм наталкивается на необозримый бюрократический аппарат...»⁶⁷. Беньямин замечает, что в стране существуют «молчаливость и недоверчивость» по отношению к иностранцам, а также то, что страна отделена от Запада «границами и цензурой»⁶⁸. Когда речь заходит о об открытом выражении мнений, особенно собственных позиций и оценок, автор записывает: «Аплодисменты в театре были жидкими, и возможно... это также объясняется не столько самим впечатлением, сколько официальным приговором. <...> ...такие вещи по-видимому связаны с господствующей здесь общей осторожностью при открытом выражении мнения. Если спросить малознакомого человека о его впечатлении от какого угодно спектакля или фильма, то в ответ получаешь только: “у нас говорят так-то и так-то”, или “большинство высказывается об этом так-то”»⁶⁹.

Даже доброжелательно настроенные к нашей стране писатели, например, такие, как Л.Фейхтвангер, часто интуитивно, но очень точно воспринимали особенности обстановки в СССР. В своей книге писатель обращал внимание на то, что везде вмешиваются контрольные организации. Они стремятся «за счет художественного качества произведения выправить его политические тенденции, усилить их, подчеркнуть», особенно проявлялась эта тенденция по отношению к фильмам⁷⁰.

Достаточно громкой, вызвавшей особенно пристальное внимание высших партийных органов, стала история с посе-

щением Л.Фейхтвангером киностудии «Мосфильм», где в присутствии режиссера Эйзенштейна немецкий писатель познакомился с фрагментами фильма «Бежин луг». После показа он дал интервью газете «Советское искусство», на основании чего он и был «справедливо запрещен». Фейхтвангер, в частности, заявил, что в фильме сценаристу и режиссеру удалось передать чувства советского патриотизма. «Я уверен, что “Бежин луг” произведет огромное впечатление на мыслящих людей Европы, — говорил писатель, — даже если они и являются противниками социализма и врагами советского государства»⁷¹.

«Эйзенштейн вынужден прервать работу, — констатировал А.Жид, который не мог не обратить внимание на историю с фильмом. — Он должен признать свои “ошибки”, заявить, что он ошибался и что новый фильм, над которым он работал и который уже обошелся в два миллиона, не отвечает требованиям доктрины»⁷².

5 февраля 1937 г. начальник главного управления кинематографии Б.З.Шумяцкий направил членам Политбюро (Сталину, Молотову, Андрееву и др.) докладную записку: «...мы сегодня прочли в органе Всесоюзного Комитета [по делам] искусств — в газете “Советское искусство”... апологетический отзыв Лиона Фейхтвангера якобы о фильме Эйзенштейна “Бежин луг”, хотя этот фильм снят лишь на 60–70 процентов, совершенно не смонтирован и к тому же по существующим у нас правилам даже в своих разрозненных кусках никому, тем более иностранцу, не мог быть показан. Мы имеем в данном случае возмутительную попытку апелляции к иностранному общественному мнению на наши оценки советских фильмов. Это могло произойти потому, что у нас в Москве существует ряд лиц, которые открыто и скрыто ведут кампанию борьбы якобы в защиту Эйзенштейна, помогая тем самым разной сволочи за границей вести ту же кампанию защиты Эйзенштейна от несуществующего врага. <...> Прошу разобрать этот вопрос в ЦК». Съемки фильма были приостановлены, а Б.З.Шумяцкий менее чем через год был арестован и приговорен к высшей мере наказания, по обвинению в попытке организовать в про-

смотровом зале в Кремле террористический акт против Сталина⁷³.

Но наиболее «урожайной» с точки зрения получения компрометирующих материалов, конечно, являлась работа секретных сотрудников, которые прикреплялись ко всем зарубежным визитерам и сопровождали их повсюду.

Побывавший в Москве весной 1927 г. французский писатель Ж.Дюамель замечал в своей книге «Путешествие в Москву»: «Меня предупреждали: “За вами будут следить – в комнате и на улице”. Если полиция действительно теряла на нас свое время, мы задали ей очевидно сложную задачу: потому что все время находились в движении, меняли трамвай на автобус, пересеживались с извозчика на такси, выбирая каждый день по своему усмотрению и маршрут прогулки и друга, который будет нам гидом. Если же все-таки полицейские трудились, зарабатывая себе на хлеб, – я во всяком случае ничего не заметил»⁷⁴.

Еще более определенные наблюдения мы находим в дополнении к дневнику Р.Роллана, написанному в 1938 г. Писатель подметил: «Неспроста во время прогулок (даже в парке на подмосковной даче А.М. Горького в Горках. – Г.К.) нам встречались в засаде люди из полиции, а за мной, – я об этом не знал, – шел полицейский, который меня охранял (и который, может быть, за мной следил, так как говорили о возможном покушении, а я смеялся над этим, как над абсурдом, – но они были также заинтересованы знать, не встречаю ли я во время своих редких прогулок по Москве кого-нибудь из подозрительных людей)»⁷⁵.

Секретные сотрудники присутствовали на всех съездах и совещаниях писателей, особенно на их встречах с иностранцами. Среди советских писателей, общавшихся с иностранцами, в отчетах секретных сотрудников чаще других упоминались как неблагонадежные имена «попутчиков» – И.Бабеля, Б.Пильняка, Б.Пастернака, неоднократно встречались имена И.Эренбурга, И.Ильфа, Е.Петрова. Как доносил секретный сотрудник, «в 1936 г. Пильняк и Пастернак имели несколько законспирированных встреч с приезжавшим в СССР Андре Жидом, во

время которых тенденциозно информировали Жиду о положении в СССР. Несомненным является, что эта информация была использована Жидом в его книге против СССР»⁷⁶.

В недавно опубликованном следственном деле М.Кольцова в его личных показаниях (полученных после непрерывных допросов и пыток), также можно встретить подобные утверждения: «С ПАСТЕРНАКОМ и БАБЕЛЕМ, ровно как с Эренбургом, у А.Жида и других буржуазных писателей ряд лет имеются особые связи. А.Жид говорит, что только им он доверяется в информации о положении в СССР – “только они говорят правду, все прочие подкуплены”. <...> Связь А.Жида с ПАСТЕРНАКОМ и БАБЕЛЕМ не прерывалась до приезда Жида в Москву, в 1936 году. Уклоняясь от встреч с советскими деятелями и отказываясь от получения информации и справок о жизни СССР и советском строительстве, А.Жид в то же время выкраивал специальные дни для встреч с ПАСТЕРНАКОМ на даче, где разговаривал с ним многие часы с глазу на глаз, прося всех удалиться. Зная антисоветские настроения ПАСТЕРНАКА, несомненно, что значительная часть клеветнических писаний А.Жида, особенно о культурной жизни СССР была вдохновлена ПАСТЕРНАКОМ. <...> Спутники, приезжавшие с А.Жидом из Франции – Эрбар, Ласт, Шифрин, Дабит (Даби. – Г.К.) и Гийу (Гийю. – Г.К.), также способствовали клеветническому направлению книги Жида. Первые трое из них говорили по-русски, и это служило для всей группы формальным поводом уклоняться от переводчиков и вообще от всякого контроля их встреч и подлинности их бесед»⁷⁷.

Пропагандистская кампания против написанной по личным впечатлениям книги А.Жида была настолько масштабной, что предусматривала тщательное наблюдение за реакцией всего общества советских писателей на появление данного издания.

В донесении секретного сотрудника по кличке «Эммануэль» от 5 июля 1936 г. делался вывод о сомнительных настроениях И.Бабеля, у которого 26 июня обедал А.Жид. Бабель охарактеризовал своего гостя, по наблюдению доносителя, следующим образом: «Он хитрый, как черт. Еще не известно, что он напишет, когда вернется домой. Его не так легко провести.

Горький по сравнению с ним сельский пономарь. Он (Жид) по возвращении во Францию может выкинуть какую-нибудь дьявольскую штуку»⁷⁸.

Очень характерен и еще один документ. 9 января 1937 г. от начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Курского была направлена спецсправка на имя Ежова, а от него – Сталину, с которой ознакомились также Молотов и Каганович. В справке сообщалось, что во время общесоюзного совещания писателей, посвященного VIII Всесоюзному съезду Советов (декабрь 1936 г.), Б.Пастернак в кулуарных разговорах оправдывал Жида, считая, что «он писал, что думал, и имел на это полное право», а Павел Антокольский, поддерживая позицию Пастернака, замечал, что «Жид увидел основное, – что мы (советские писатели. – Г.К.) мелкие и трусливые твари»⁷⁹.

Работавшие с иностранными гостями советские переводчики, чаще всего прикомандированные из «Интуриста» и ВОКСа, получали специальные политические инструктажи от соответствующих органов, рекомендовавшие приемы, какими можно создать у гостей самое благоприятное представление о советском образе жизни. Переводчики выполняли не только свои прямые обязанности. В их функцию входила еще одна важная миссия – они систематически составляли отчеты, которые требовалось в течение 24-х часов передать руководству ВОКСа и в наркомат иностранных дел. Эти отчеты сохранились в архивах под грифами «секретно» и «не подлежит оглашению» о характере встреч и бесед писателей, фиксировали то, что вызывает недовольство гостей, называли источники, из которых получалась негативная информация. Сами они вели, как отмечала сотрудница ВОКСа Д.Каравкина, прикрепленная к немецкому писателю-антифашисту Л.Фейхтвангеру, «разъяснительную работу», всячески старались контролировать все его посещения и контакты. Как записала переводчица в отчете за 3 января 1937 г., к Фейхтвангеру «пролезают иногда люди, которые очень вредно на него влияют». Она называла среди оказывающих вредное влияние на иностранцев таких крупных советских писателей, как И.Ильф, Е.Петров, В.Катаев, И.Ба-

бель⁸⁰. Такие отчеты делались постоянно и были довольно подробными, заключая в себе интересную информацию о взглядах иностранцев. По сообщению Каравкиной, Фейхтвангер вел с ней разговор о том, как «опасно» в нашей стране высказывать свои мнения, что «вот мол что вышло с Андре Жидом, что ему сказали, что у нас не любят критики, особенно со стороны иностранцев и т.д. Насчет Жида я ему объяснила, почему мы возмущены: его лицемерие и то, что он сейчас льет воду на мельницу фашистов». Говорил Фейхтвангер и о том, что процесс троцкистов «в Европе... произвел потрясающее впечатление и лишил СССР двух третей его сторонников». 18 декабря писатель специально ездил к Г.Димитрову, чтобы поговорить о процессе троцкистов. Он сообщил переводчице, что за границей на этот процесс смотрят очень враждебно, что его ставят на одну доску с процессом о поджоге рейхстага. Каравкина ему объяснила, что «это совершенно беспринципные люди, стремившиеся к власти любыми средствами, не гнушавшиеся ничем»⁸¹. Отчет переводчицы ясно показывает, что Фейхтвангер в повседневной жизни не был столь официозен, как в своей книге. Его интересовали такие вопросы, как суть культа личности Сталина, положение со свободой мнений в СССР, а причину опалы Пастернака он увидел в несовпадении его творчества с генеральной линией партии. Беседы Фейхтвангера с переводчицей касались и проблемы советской демократии. Он говорил на эту тему с заведующим отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М.Талем и тот, как и Димитров, его не убедил. «По словам Фейхтвангера, нельзя сравнивать западноевропейскую демократию с советской, – писала в одном из отчетов Каравкина. – Там под демократией понимают абсолютную свободу слова и абсолютную свободу выборов. Под этим подразумевается, что каждый человек имеет право выставлять свою кандидатуру и вести предвыборную борьбу. В Советском Союзе этого нет, следовательно, здесь под словом “демократия” подразумевается нечто совершенно другое... В Советском Союзе, по мнению Фейхтвангера, свободы слова в западноевропейском смысле не существует»⁸².

Однако в распоряжении председателя ВОКСа А.Я.Аросева от 2 августа 1935 г. содержалась категорическая констатация того, что, несмотря на все его указания, «наблюдается совершенно нетерпимое отношение со стороны ряда ответработников ВОКС'а к делу своевременной, продуманной записи бесед с иностранцами»⁸³. Инструкция по переписке с заграницей, утвержденная 13 сентября 1936 г., строго предписывала соблюдать осмотрительность и осторожность, всю информацию было необходимо согласовать с компетентным учреждением и лицом, виза которого осталась бы на информации, посылаемой за границу⁸⁴.

Очень показательно, что А.Я.Аросев – не только проверенный кадровый партийный и советский работник, дипломат, но и писатель, высокоинтеллигентный человек со знанием нескольких языков, став председателем ВОКСа, вынужден был приспособливаться к общим правилам. Выступая на собрании актива ВОКСа 14 мая 1937 г., он подчеркивал, «что с точки зрения политической бдительности товарищи переводчики в особенности и референты и зав. отделами в частности очень тщательно должны вести беседы с иностранцами. <...> Я предлагаю вести ваши записи как можно подробнее, что, кроме беседы, вы выявили от общей обстановки, в которой проводилась беседа... <...> Наши товарищи-переводчики – это очень важные люди. Наши переводчики играют роль заградительных отрядов, которые идут впереди колонны. Иностранцы первые впечатления об СССР получают от переводчиков. <...> Переводчики и референты должны быть в курсе всей тонкой политики, только тогда они будут мастерами своего дела...»⁸⁵.

Иностранные гости стремились как можно больше узнать о жизни в Союзе. Сталинское руководство, создав многоярусную систему контроля, стремилось как раз к обратному – показу искаженной, приглаженной, благодной, беспроблемной картины состояния дел в первой стране «победившего социализма». Свой «посильный» вклад в создание подобного процветающего образа Советского Союза вносили партийные и государственные органы, а если быть еще точнее – они искусно создавали его.

Таким образом, высокопоставленные иностранные гости, да и иностранные туристы в целом, видели чаще всего то, что им хотели показать, общались с определенным кругом людей, которые стремились составить у иностранцев представление главным образом о «парадной стороне» жизни в СССР.

СОВЕТСКИЙ ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ЗАКАЗ

§ 1. Советские вожди и иностранные интеллектуалы: встречи и впечатления

После революции, которая всколыхнула весь мир, и особенно после окончания гражданской войны в советскую Россию приезжало много зарубежных гостей, сотни представителей разных социальных слоев – рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В их числе были крупные писатели и общественные деятели, известные журналисты. Публикаций, посвященных пребыванию в Советской России иностранных визитеров, до сих пор появилось немало. Но до самого последнего времени практически оставался мало изученным важнейший и интереснейший сюжет – о встречах, беседах, переписке иностранных писателей и общественных деятелей с лидерами большевистской партии и советского государства, прежде всего с В.И. Лениным и особенно с И.В. Сталиным¹. Во многом это объясняется крайне скудной документальной базой, ставшей доступной лишь в последние годы, когда прошло массовое рассекречивание архивных документов. Между тем, анализ различных форм общения советских вождей с западными писателями и журналистами дает огромный материал для понимания доктрины и политики большевизма, оценки событий 1920–1930-х годов в Советской России, СССР.

Выделение в отдельную главу данного сюжета определяется не только фактом появления ранее недоступных или мало-доступных материалов. Не менее важным является выявление круга интересов, позиций руководителей советского государства по главным вопросам внутренней и внешней политики, когда ими обращалось внимание на особенно волновавшие в тот период проблемы. Большой интерес представляет также их

умение вести беседы, сама обстановка бесед. Показательны и особенности их переписки с зарубежными гостями. Важно отметить также стремление зарубежных интеллектуалов попасть в Россию и увидеть «новый мир» собственными глазами².

В первые годы после Октябрьской революции наиболее видные из зарубежных гостей страны встречались с председателем СНК В.И. Лениным, другими руководителями государства. Владея несколькими иностранными языками, Ленин был хорошо знаком с произведениями многих зарубежных литераторов, причем не только классиков, но и современных ему авторов. Например, 6 декабря 1921 г. Ленин обращался к М. Горькому: «Меня просят написать Вам: не напишете ли *Бернарду Шоу*, чтобы он съездил в Америку, и Уэллсу, который-де теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим? Хорошо бы, если бы Вы им написали. Голодным попадет тогда больше. А голод сильный»³.

Документы подтверждают, что советскому вождю были хорошо известны не только имена Б. Шоу, Р. Роллана, А. Барбюса, но и многие их произведения. Шоу, например, в июне 1921 г. послал Ленину свою пьесу – пенталогию «Назад к Мафусаилу». На книге была сделана следующая дарственная надпись: «...Ленину, который один среди государственных деятелей Европы обладает дарованиями, характером и знаниями, необходимыми человеку на столь ответственном посту»⁴.

Источники показывают, что одним из первых зарубежных литераторов, получивших интервью у Ленина, был английский журналист и публицист Артур Рэнсом, взявший у Ленина 25 марта 1918 г. первое, а в октябре 1922 г. – второе интервью. В своей книге «Россия в 1919 году» Рэнсом писал о Ленине: «...Он – первый великий вождь, полностью лишенный чувства самодовольства. У него совершенно нет личных амбиций. Будучи марксистом, он верит в движение масс, которое пойдет своим чередом как с ним, так и без него. Он одержим верой в объективные силы, которые приводят людей в движение, а в себя верит лишь постольку, поскольку полагает, что правильно определяет направленность этих сил. Он не верит, что кому-либо одному под силу совершить или остановить революцию,

которую он считает неизбежной. <...> ...он лично считает себя не побудителем, а истолкователем событий, которые будут навеки связаны с его именем»⁵. Отвечая на вопросы журналиста во время первого интервью, Ленин выделил важный тезис о том, что «в нынешней России есть одна сила, по своей природе предназначенная для борьбы не на жизнь, а на смерть против нападений со стороны международного империализма – это власть Советов»⁶. В интервью, данном Рэнсому через четыре с половиной года, Ленин высказался отрицательно по поводу вопроса корреспондента о постоянном ослаблении советского государства. Ленин подчеркнул, что «земля у нас в руках государства. Мелкие крестьяне, владеющие ею, превосходно доставляют налог. Промышленное производство, в отношении так называемой легкой индустрии, явно оживает... Поэтому опасаться “постоянного ослабления” государства нет оснований»⁷. Тогда же Ленин дал интервью в основном по международным, актуальным в то время проблемам Турции и черноморских проливов, английскому корреспонденту М.Фарбману⁸. Есть также сведения о том, что в феврале 1919 г. Ленин встретился с американским публицистом Л.Стеффенсом, а в октябре того же года – с корреспондентом американской газеты “The Chicago Daily News”⁹.

В дни революции и в первые годы гражданской войны Ленин часто встречался с американским журналистом Джоном Ридом¹⁰. В широко известной книге «Десять дней, которые потрясли мир» он не только живо и непосредственно описал революцию, но и показал, что Ленин – партия большевиков, большевизм – это единое, неделимое, неразрывное целое¹¹. В январе 1920 г. Ленин на английском языке написал предисловие к американскому изданию книги Рида, которая, по его мнению, «дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата»¹². В одной из бесед с Ридом Ленин сказал: «...Наше преимущество перед остальным миром заключается в том, что мы можем себе позволить экспериментировать, мы можем пробовать осуществлять проекты, какие захотим, и, если они ока-

жуются несостоятельными, мы можем передумать и ввести что-нибудь новое»¹³. Таким образом, страна и народы, ее населяющие, представлялась его руководителям громадным полигоном, на котором можно было осуществлять проекты, «какие захотим», а при их несостоятельности или невыполнимости, поменять их на что-либо другое. Впоследствии книга Д.Рида, в которой возвеличивалась роль Троцкого в Октябрьские дни и лишь упоминался Сталин, была запрещена. Не помогло и одобрительное предисловие Ленина.

Неоднократно встречался с Лениным американский журналист и литератор Альберт Рис Вильямс. Рассказывая о встрече с Лениным, он не мог не выделить слова вождя о необходимости и неизбежности насилия, о том, что «чем сильнее будет сопротивление потерявших власть классов, тем беспощаднее оно будет подавляться». Говорил Ленин и о «целом периоде войн и революций, которые будут длиться пятьдесят-семьдесят лет», «однако гораздо раньше будут ликвидированы эксплуатация человека человеком и частная собственность. <...> А, в конце концов, через 75–100 лет, с твердой уверенностью заявил Ленин, страны объединятся в великую социалистическую федерацию или сообщество»¹⁴.

Мысль Ленина о возможности достижения прогрессивных изменений в обществе через насилие и с его помощью, через ликвидацию части населения, принадлежащего к непролетарским слоям, являвшаяся важной составной частью большевистской доктрины, позже еще более четко обоснованная в теоретических выкладках Сталина, привлекала внимание и других западных интеллектуалов.

В 1920 г. в Советской России побывали и встречались с Лениным и другими партийными и государственными деятелями того времени крупнейшие представители английской интеллигенции – философ и общественный деятель Бертран Рассел и писатель-фантаст Герберт Уэллс. Беседы Ленина с Расселом и Уэллсом не стенографировались, но их основное содержание легко восстанавливается по непосредственным впечатлениям самих писателей.

Рассказывая о своем пребывании в России, Б.Рассел подчеркивал, что он свободно общался с политиками оппозиционных партий, встречи с которыми проходили без присутствия большевиков, «и с нами свободно разговаривали, избавившись от первоначальных опасений» по поводу слежки. Описывая свою беседу с Лениным, Рассел отметил, что она велась на английском языке, которым советский вождь прекрасно владеет, что «он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная, кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью или вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. <...> Ленин спокоен и властен, он чужд всякого страха и совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь. Он напоминает профессора желанием сделать свою теорию понятной и яростью по отношению к тем, кто не понимает ее или не согласен с ней...». Любопытно попутное замечание Рассела: «Причины, по которым попытки совершить насильственную революцию в Англии большинству из нас кажутся невероятными и нежелательными, он (Ленин. — Г.К.) не принимает всерьез, считая их лишь *буржуазными* предрассудками. Когда я предположил, что всего возможного в Англии можно достичь без кровопролития, он отмахнулся от этого предположения как от фантастического»¹⁵.

В своей «Автобиографии» Рассел сформулировал свои впечатления от встречи с Лениным несколько иначе: «Ленин... меня разочаровал. Не то чтобы я прежде считал его великим человеком, но в ходе нашей беседы я убедился в его ограниченности, узколобом понимании марксистской ортодоксии, а также заметил в нем нескрываемую озлобленность и жестокость. Об этом разговоре, так же как и вообще о своих приключениях в России, я рассказал в книге «Практика и теория большевизма»». В этой книге он снова повторил ту же мысль: «Я убежден, что Запад способен выбрать... более надежные способы достижения социализма, чем те, которые считают неизбежными в России. И я убежден также, что, в то время как некоторые формы социализма неизмеримо превосходят капи-

тализм, другие являются куда худшими, чем он. К последним я отношу и форму, достигнутую в России, причем не только саму по себе, но и как непреодолимый барьер на пути к дальнейшему прогрессу»¹⁶.

В «Автобиографии» Рассел заметил, что с Лениным они не смогли прийти к общему мнению, «ведь он придерживался марксистской точки зрения, а я был и остаюсь противником марксизма». Но внимание Ленина позиция Рассела не могла не привлечь, тем более, что гость вручил ему свои книги «Пути к свободе» (“Roads to freedom”) и «Основы социальной реконструкции» (“Principles of social reconstruction”) с дарственными надписями. Просмотрев машинописную копию на английском языке статьи “Impressions of bolshevik Russia” («Впечатления о большевистской России»), помещенной в английском еженедельнике “The Nation” от 10 июля 1920 г., в августе Ленин направил записку заместителю наркома иностранных дел Л.М.Карахану с просьбой вернуть газету со справкой – кто подписал статью. 12 августа Карахан сообщил Ленину, что «статья принадлежит перу Рёсселя, который был у нас здесь вместе с английской делегацией тред-юнионов и лейбористов. От него можно было ожидать более скверной статьи, т.к. уезжал он в очень скверном и ругательском настроении». Ленин сделал на статье пометку: «В архив», «статья Расселя»¹⁷.

Приехавший в Россию в том же 1920 г. Г.Уэллс прошел, по его словам, утомительно длинные и раздражающие формальности, связанные с подготовкой встречи с Лениным, хотя такая встреча была одной из основных целей поездки писателя из Петрограда в Москву. Уэллс так оценивал особенности своей встречи с советским вождем (на этой встрече также присутствовал Ф.А.Ротштейн): «...я встретился с личностью, совершенно непохожей на то, что я себе представлял. Ленин – не человек пера; его опубликованные труды не дают правильного представления о нем. <...> В этих работах порой встречаются проблески вдохновенной пронизательности, но в целом они лишь повторяют раз навсегда установленные положения и формулировки ортодоксального марксизма. <...> Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей,

рассеял... последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрестанных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока, наконец, они не найдут тот, который соответствует их целям и задачам...»¹⁸. Определение доктрины большевиков как ортодоксального марксизма, непрестанных исканий путей развития экономики и государства в целом неоднократно встречаются в суждениях западных авторов.

Уэллс вспоминал: «Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы»¹⁹. Ленин, которого английский писатель назвал «кремлевским мечтателем», «говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые»²⁰.

Через весь разговор проходили две основные темы, которые писатель восстановил достаточно близко к реальному событию: «Одну тему вел я: “Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?” Вторую тему вел он: “Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?” Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: “Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?” А это в свою очередь приводило ко второй теме: “Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»²¹. Уэллс доказывал Ленину, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. Писатель считал, что по традиционным привычкам русские – индивидуалисты и любители поторговать. Чтобы построить новый мир, нужно сначала изменить всю их психологию. Уэллс был убежден, что «во многих вопросах коммунисты

проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить... ..уничтожили торговлю... ликвидировали кооперативную систему...».

Затронутая тема привела к серьезному разногласию между советским вождем и английским писателем – «разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожить одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая»²². Разговор с Лениным привел Уэллса к важному выводу: «...Коммунизм... может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся необоснованную самоуверенность на многочисленных коммунистических начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново»²³.

В период пребывания в России, Уэллс обратил внимание на существование некоего фильтра между Лениным и народом, что затрудняет «живую связь России с ним и – что еще важнее с точки зрения эффективности руководства – затрудняет его живую связь с Россией»²⁴.

Книга увидела свет в 1920 г. в Англии, затем в Болгарии, в 1922 г. – в России. В 1921 г. книга Уэллса на языке оригинала была прочитана Лениным. Наиболее заинтересовавшие его отрывки Ленин подчеркнул или отметил знаком *NB*. Один из тезисов Уэллса, выделенных и подчеркнутых Лениным, гласил: (Ленин знакомился и с оригиналом книги, и с ее переводом, сделанным в 1921 г.): «Грубая марксистская философия, которая подразделяет всех людей на буржуазию и пролетариат, которая в жизни общества видит лишь до глупости примитивную “классовую борьбу”, понятия не имеет об условиях, необходимых для коллективной духовной жизни». Интересно, что более

поздний перевод, сохранившийся во всех последующих изданиях книги Уэллса, был несколько иным: «Грубая марксистская философия, делящая все человечество на буржуазию и пролетариат, представляет себе всю жизнь общества как примитивную “борьбу классов” и не имеет понятия об условиях, необходимых для сохранения интеллектуальной жизни общества»²⁵. По словам И.М.Майского, встреча с Лениным в 1920 г. была самым замечательным событием в жизни писателя²⁶.

С большим интересом познакомился В.И.Ленин и с произведением Анри Барбюса – романом «Огонь», написанном в 1916 г. Это была первая в западной литературе книга об империалистической войне, раскрывающая всю преступность и бессмысленность человеческой бойни. Эту книгу Ленину довелось прочесть в оригинале еще в Швейцарии, а затем вернуться к ней в 1919 г. после знакомства с другим романом Барбюса «Ясность», напечатанном в том же году. Как позже вспоминал А.В.Луначарский, Ленин «с восторгом прочитал эту книгу и раз и два, говоря – “Мне немного трудно разбираться в этом своеобразном французском языке и я еще раз урву минутку, чтобы вновь прочитать ее. Вот книга, которая нужна в настоящее время, вот как следует писать художнику, если он хочет приобщиться к великому общему делу”»²⁷.

«Преобразование совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя и массовика в революционера, – оценивал роман “Огонь” в статье “О задачах III Интернационала” Ленин, – именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво»²⁸. В ноябре 1922 г., узнав о работе организованной Барбюсом группы «Clarté» («Свет»), Ленин прислал ее членам следующее письмо:

Дорогие друзья!

Пользуюсь случаем, чтобы послать вам наилучший привет. Я был тяжело болен и более года не мог видеть ни одного произведения вашей группы. Надеюсь, что ваша организация «des anciens combattants» (бывших воинов-комбатантов. – Г.К.) сохранилась и растет и крепнет не только численно, но и духовно, в смысле углубления и расширения борьбы против империалистической войны. Борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь, в этой борь-

бе надо быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков.

Лучшие приветы.

Ваш Ленин²⁹.

Со времени первой мировой войны Барбюс стал последовательным борцом с войнами и фашизмом.

Личность Ленина постоянно привлекала интеллигенцию зарубежных стран. В июле 1931 г., находясь в Ленинграде, Шоу принял участие в создании документального фильма, посвященного Ленину. Вместе с Луначарским он приехал на студию «Совкино». Для этого, одного из первых звуковых фильмов в стране Шоу, в частности, сказал: «...он (Ленин. – Г.К.) был только человеком, но человеком, превосходящим всех остальных, человеком, которого можно поставить в один ряд лишь с немногими.³⁰ Но и в ряду этих немногих он на голову выше остальных»³⁰. В архиве сохранились также малоизвестные данные о намерении Р.Роллана совместно с А.В.Луначарским написать работу о вожде советского государства. В письме Луначарскому от 4 декабря 1930 г. Роллан сообщал, что «мы намерены вместе написать работу о Ленине, для которой необходимо российское согласие и документы»³¹. Однако дальнейших сведений о работе нет, вероятно, смерть Луначарского в 1933 г. прервала наметившееся соглашение. Сохранились и данные о том, что материалы для биографии Ленина предполагал собирать А.Барбюс³².

Гораздо более обширным и многообразным стало общение с зарубежными интеллектуалами у И.В.Сталина. Если в конце 1920-х годов дело ограничивалось довольно редкой перепиской и отдельными беседами с рабочими делегациями, изредка перемежавшимися встречами с представителями интеллигенции, то в начале 1930-х годов международные контакты существенно выросли.

Нельзя не заметить по документам, что Сталин был очень внимателен к переписке и беседам с иностранцами. Искажение в западной печати текста данных им интервью и бесед приводило Сталина в особенно большое раздражение.

9 сентября 1927 г. Сталин принял первую американскую рабочую делегацию. Сталин не только отвечал на многочисленные вопросы, но и сам интересовался положением в рабочем движении Запада. Он подробно остановился на вкладе Ленина в сокровищницу марксизма, называя его «марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций»³³. Остановился Сталин и на основах экономической и национальной политики в СССР, на причинах возникновения монополии одной – коммунистической партии. Он подчеркнул, что «положение нашей партии, как единственно легальной партии в стране (монополия компартии), не есть нечто искусственное и нарочито выдуманное. Такое положение не может быть создано искусственно, путем административных махинаций и т.д. Монополия нашей партии выросла из жизни, сложилась исторически...»³⁴. Тогда же, в несколько иной форме Сталин сказал и об измышлениях буржуазной прессы, назвав их «забавной легендой», повествующей о том, что члены Коминтерна «не спят, не едят и только и делают, что сидят и пишут днем и ночью директивы» для всех стран³⁵. Видимо, эта легенда произвела на вождя большое впечатление, он вспоминал о ней не один раз. Остановился Сталин и на характеристике анатомии коммунистического общества. Он подчеркнул, что борьба центра социалистического и центра капиталистического решит судьбу капитализма и социализма во всем мире³⁶.

5 ноября он встретился с рядом иностранных рабочих делегаций. На этой встрече, продолжавшейся 6 часов, присутствовали 80 делегатов из Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, стран Южной Америки, Китая, Бельгии, Финляндии, Дании и Эстонии.

16 декабря того же года Сталин сделал заявление представителям иностранной печати о подложных «статьях Сталина», появившихся в газете «Нью-Йорк Америкен», агентствах Уайт Уорлд Ньюс и Англо-Америкен Ньюс Пейперс Сервис. Они обвинялись в распространении всяких небылиц в виде несуществующих в природе «статей Сталина» о «воздушных силах» СССР, о примирении советской власти с «православной церковью», о «возвращении» капиталистам «нефтяных владений»

в стране. В заявлении Сталина говорилось, что эти господа «сами себя разоблачают в печати», как профессиональные фальсификаторы, живущие за счет торговли подделками, как разбойники пера. Он утверждал, что еще 11 июля 1927 г. дал ответ, в котором констатировал, что американские издательства пытаются «поживиться путем подделок несуществующих “интервью” и “статей” Сталина», который их никогда никому не давал³⁷.

В конце 1920-х, и особенно с начала 1930-х годов международные контакты Советского Союза существенно расширились, общение Сталина с иностранными корреспондентами, представителями деловых кругов и писателями стало более активным.

Создание наиболее благоприятных условий для популяризации советского строя за границей, показ реальности воплощения в жизнь сталинского лозунга о возможности построения социализма в одной стране, укрепление воздействия теории и практики социалистического строительства в СССР на другие страны по-прежнему оставалось одной из приоритетных задач советской власти.

Существенной стороной контактов высшего руководства партии с иностранными писателями, журналистами и общественными деятелями были не только их систематические встречи, но и длительные беседы по самому широкому кругу международных и внутренних проблем.

Руководители страны, в чем особенно преуспел Сталин, преследовали крайне важную для советского руководства цель – выявление оценок и позиций представителей западного мира, влияние на эти позиции. Особенно это касалось тех гостей, имена которых были широко известны и с мнением которых всерьез считались на Западе.

Естественно, возникает вопрос – какими интересами руководствовался Сталин, принимая зарубежных писателей и общественных деятелей? Безусловно, он понимал, что не следовало вождю прерывать традиции подобных встреч, заложенные Лениным. Но это, пожалуй, не было и не могло быть главным. Сталин, как великий прагматик, видел необходимость показа

общественному мнению Запада – что представляет собой Советский Союз, какова его официальная политическая и идеологическая доктрина, цели и перспективы внутренней и внешней политики. То, что звучало непосредственно из уст Сталина, казалось западным собеседникам особенно убедительным.

По воспоминаниям И.М.Гронского, который в 1932–1934 гг. работал в должности главного редактора газеты «Известия» и часто встречался с вождем, ему была поручена работа с представителями зарубежной интеллигенции. За эту работу Гронский отвечал перед Политбюро. «А если быть совсем точным, – добавлял он, – персонально перед Сталиным»³⁸. Гронский делал важный вывод о том, что встречи с зарубежными гостями ярко подтверждали незаурядные актерские и режиссерские способности Сталина, а также его умение четко и развернуто отстаивать свою точку зрения, вести разговор внешне максимально доброжелательно и корректно, вежливо и внимательно, но предельно сдержанно. Словом, давать возможность собеседникам высказать свои вопросы и аргументировать их точку зрения. Другим заметным качеством Сталина, по оценке Гронского, было его умение слушать: «Он вызывал нужных ему людей, как бы случайно затевал разговор и незаметно вытягивал из собеседника все, что тот знал. Обладая феноменальной памятью, он запоминал всю полученную по конкретному вопросу информацию и в последующих беседах дельно высказывался, цитировал книги, которых не читал, словом производил впечатление знающего человека. Пользоваться знаниями других людей, переваривать их и выдавать за плод работы собственного ума – всем этим Сталин обладал в совершенстве». Далее Гронский замечал: «Сталин – самый сложный характер из всех деятелей революции. Человек, бесспорно, большого ума, феноменальной памяти, сильной воли и такой же феноменальной хитрости – он во многих отношениях был деятель с большой буквы, в том числе и Палач»³⁹. Обратив внимание на ряд других черт характера вождя, Гронский подчеркивал: «Сталин – гениальный артист. Талант мгновенного перевоплощения был у него поистине шалашинских масштабов. ...Сталин обладал даром великого артиста, т.е. умением

играть роль, а когда нужно преображаться (перевоплощаться)*, что мешало окружающим его лицам, даже самым близким, распознать его сущность»⁴⁰.

Безусловно, Сталин обладал незаурядным талантом режиссера, умением доносить возникавшие во время бесед вопросы с неизменной уверенностью в своей правоте, даже если высказанное вождем не соответствовало фактам. Его отличала и скрупулезная манера редактирования произнесенных текстов. Историк культуры Л.Максименков отмечает: «Сталин как политик был, прежде всего, редактором подготовленного для утверждения текста. Его решения вторичны по отношению к документу – первооснове. Он воспринимал российскую культуру через подготовленный текст». Культуролог Е.Добренко пишет, что «настоящая сверхзадача книг Сталина» – создание советской мифологии, его «текст строится на определенных конструкциях, оборотах, фигурах, умозаключениях, “логике”, которые присущи были только сталинским текстам» Автор подчеркивает «параноидальную правильность речи Сталина», ее риторическую загроможденность, обилие сложных, перегруженных синтаксических конструкций. Появление текстов Сталина, заключает Добренко, «не результат произведенной вождем работы, но результат стратегии его поведения, жеста: дело не в самом тексте, а в факте его публикации». Израильский исследователь М.Вайскопф подчеркивает: «Сталинский стиль выглядит примитивным даже на фоне общеполитического, волапюка. ...Именно стиль, язык явился непосредственным инструментом его восхождения к власти, а, следовательно, обладал колоссальным эффектом, причина которого заслуживает изучения»⁴¹.

Знакомство со стенограммами бесед Сталина с иностранными визитерами показывает, что все беседы велись внешне удивительно доброжелательно, неторопливо, отличались стремлением подробно и максимально доходчиво разъяснить точку зрения вождя. После встречи со Сталиным писательница М.Т.Леон констатировала: «Самое поразительное – с ним чув-

* Добавлено Гронским. – Г.К.

ствуешь себя, как с человеком, с которым можно беседовать как со знакомым. Не колеблясь, говоришь с ним напрямик, и Сталин отвечает тем же, словно он не руководитель государства, а просто друг». Интересны наблюдения А.Барбюса о том, что Сталин «умеет три часа беседовать с вами по случайно заданному вопросу, умеет так осветить любую проблему, что в ней не останется ни одной неясной грани». Л.Фейхтвангер, имевший в 1937 г. длительную беседу с советским вождем, заметил: «Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медлительно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно. Но главное у Сталина – это юмор, обстоятельный, хитрый, спокойный, порой беспощадный крестьянский юмор. Он охотно приводит в своих речах юмористические строки из популярных русских писателей, он выбирает смешное и дает ему практическое применение, некоторые места его речей напоминают рассказы из старинных календарей. Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией, он не возвышается весьма эффектно на подмостках... он очень быстро устанавливает связь, интимность между собой и своими слушателями. Они сделаны из того же материала, что и он; им понятны его доводы; они вместе с ним весело смеются над простыми историями». Фейхтвангер также обращает внимание на обстоятельность речей Сталина, на их некоторую примитивность: «Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова, каждый радуется им, и его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит». Писатель отмечает также следующую особенность речи Сталина: «Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. <...> Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты всегда точно»⁴².

В начале 1930-х годов общение Сталина с иностранными корреспондентами, представителями деловых кругов и писателями стало еще более интенсивным. В подтверждение этого интереса можно привести отрывок из письма советского писателя И.Эренбурга, отправленного Сталину 13 сентября 1934 г. и связанного с ростом возможности объединить западных писателей для борьбы с фашизмом. Эренбург писал Сталину: «Уважаемый Иосиф Виссарионович, я долго колебался, должен ли я написать Вам это письмо. Ваше время дорого не только Вам, но и всем нам. Если я все же решился написать Вам, то это потому, что без Вашего участия вопрос об организации близких нам литератур Запада и Америки вряд ли может быть разрешен. <...> Положение на Западе сейчас чрезвычайно благоприятно: большинство наиболее крупных, талантливых, да и наиболее известных писателей искренне пойдет за нами против фашизма. <...> Но для создания подобной антифашистской организации писателей нужны, во-первых, санкция наших руководящих органов, во-вторых, роспуск или коренная реорганизация и МОПРа и его национальных секций». Среди писателей-антифашистов Эренбург называл Р.Роллана, А.Жида, А.Мальро, Ж.Р.Блока, А.Барбюса, Вильдрака, Дюртена, Жионно, Мартен дю Гара, Геено, Шамсона, Арагона, Томаса и Генриха Маннов, Фейхтвангера, Драйзера и ряд других, кого могла объединить такая широкая политическая программа, как борьба с фашизмом и активная защита СССР. Через десять дней Сталин в письме Кагановичу ответил, что ему следует обратить внимание на письмо Эренбурга⁴³.

Долгое время считалось, что в журнале записи лиц, принятых Генеральным секретарем ЦК И.В.Сталиным в 1930-х годов есть сведения обо всех иностранцах, принятых в Кремле. В этот список входили:

29 июля 1931 г.	—	Бернард Шоу,
13 декабря 1931 г.	—	Эмиль Людвиг,
4 августа 1933 г.	—	Анри Барбюс,
23 июля 1934 г.	—	Герберт Уэллс,
28 июня 1935 г.	—	Ромен Роллан,
8 января 1937 г.	—	Лион Фейхтвангер ⁴⁴ .

Список этот не отличается полнотой, поэтому в литературе до самого последнего времени встречались неточные сведения о встречах Сталина с иностранными писателями. Утверждалось, например, что Сталин принимал Андре Жида, что первым из известных на Западе литераторов, побывавших у Сталина, был Бернард Шоу⁴⁵. Однако еще в 1927 г. и в последующие годы Сталин имел длительную беседу с французским писателем Анри Барбюсом, имя которого в те годы было широко известно на Западе. Встречался с Барбюсом Сталин также в 1932, 1933 и 1934 гг.⁴⁶ 20 марта 1937 г. вождь принял испанских литераторов – поэта Рафаэля Альберти и писательницу Марию Тересу Леон (до этого испанцы побывали в нашей стране в 1932–1933 и в 1934 гг.)⁴⁷. Только в 2008 г. в список лиц, принятых Сталиным, была внесена определенная ясность, т.к. были впервые опубликованы полные данные о лицах, побывавших на приеме у Сталина⁴⁸.

Однако Сталин принимал отнюдь не всех стремившихся встретиться с ним писателей и журналистов. Например, в планах корреспондента английского агентства «Рейтер» Я.Флеминга значилось намерение получить интервью у советского руководителя. Но это сделать не удалось. Сталин ответил 25 апреля 1933 г. (ответ был послан брату корреспондента, репортеру того же агентства): «Уважаемый господин Флеминг! Я очень занят в данный момент текущими делами и, к сожалению, не имею возможности удовлетворить вашу просьбу»⁴⁹.

Одну из версий, объясняющих отказ Сталина от встречи в 1936 г. с широко популярным на Западе французским писателем А.Жидом, мы находим в недавно опубликованном следственном деле М.Кольцова. Известно, что Жид имел нетрадиционную сексуальную ориентацию, и, по утверждению Кольцова, надеясь на встречу с советским лидером, намеревался поставить перед ним вопрос о правовом положении сексуальных меньшинств. Об этом Жид говорил в Париже с советским писателем И.Эренбургом. «Надо думать, что об этом разговоре Эренбург сообщил в Москву, – утверждал В.А.Фрадкин, автор книги “Дело Кольцова”, – и вполне возможно, что о нем доложили Сталину». 20 июня 1936 г. во время похорон Горького,

по словам Кольцова (Кольцов пересказал эту беседу своему брату), у него состоялся следующий разговор со Сталиным.

«Товарищ Кольцов, а что, этот самый Андре Жид пользуется там, на Западе, большим авторитетом?

— Да, товарищ Сталин, пользуется большим авторитетом.

Сталин скептически посмотрел на Кольцова и произнес:

— Ну, дай боже. Дай боже.

На этом беседа была окончена»⁵⁰.

Жиду у Сталина побывать так и не довелось.

В ноябре 1930 г. Сталин принял (по просьбе последнего) американского корреспондента Е.Лайонса. Беседа касалась главным образом вопросов торговли с США⁵¹.

В июле 1931 г. в нашу страну приехал знаменитый английский драматург Бернард Шоу. О том, как продуманно готовились к его приезду, уже говорилось в предыдущей главе. В своих автобиографических заметках Шоу подчеркивал, что «в течение десяти дней мне обеспечили превосходные условия для жизни и путешествий... Мне оказали на редкость сердечный прием, при этом общались со мной просто, без церемоний и демагогии, что было особенно приятно».

В беглых автобиографических заметках Шоу много живых, непосредственных зарисовок, впечатлений об увиденном в Советском Союзе, подробное описание встречи со Сталиным, беседа с которым длилась более двух с половиной часов⁵². Нельзя не заметить, что ряд наблюдений драматурга в значительной мере совпадает с оценками других зарубежных гостей. Шоу откровенно признался Сталину, что воспринимает большевизм как религию. «Россия — религиозная страна, — пишет он, воспроизводя беседу со Сталиным. — Они (участники беседы. — Г.К.) решили, что мы шутим, когда говорим, что Третий Интернационал — это церковь. Однако мы и не думали шутить. По своему религиозному воздействию Третий Интернационал, на мой взгляд, очень похож на Фабианский социализм». Посетив множество картинных галерей и музеев, Шоу заметил, что «все шедевры искусства спасены, тогда как жизнь людей не

ставилась ни во что». Серьезные опасения вызвало у Шоу «притеснение интеллигенции», а истребление кулаков и преждевременную конфискацию частных магазинов драматург назвал «грубой антифабианской ошибкой»⁵³.

13 декабря 1931 г. Сталин беседовал с немецким писателем Эмилем Людвигом⁵⁴. Разговор был длинным, очень поучительным и прекрасно отражал не только особенности характера советского лидера, но и позиции последнего по поводу положения в Советском Союзе.

Людвиг. ... Допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?

Сталин. Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна.

<...>

Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни – быть достойным его учеником.

«Задача, которой я посвящаю свою жизнь, – убежденно говорил Сталин, – состоит в возвышении... рабочего класса», в укреплении социалистического государства. «Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса, – продолжал советский вождь, – не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной».

Немецкого писателя волновал и вопрос о том, что «значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед Советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти». Сталин достаточно резко ответил, что «странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм»⁵⁵.

В марте 1932 г. представитель телеграфного агентства «Ассошиэтед Пресс» Ричардсон попросил Сталина ответить, дос-

товерны ли распространившиеся в иностранной печати слухи о том, что Сталин болен и для его лечения приглашен врач из Германии. 3 апреля ответ Сталина был опубликован в газете «Правда»: «Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. <...> Как это ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров»⁵⁶.

3 мая 1932 г. о проблеме установления более тесных торговых и международных отношений Сталин беседовал с представителем деловых кругов США Ральфом В. Барнесом⁵⁷.

В ноябре того же года Сталин отреагировал на появление на английском языке книги Т.Кэмпбелла «Россия – рынок или угроза?»*. В этой книге автор излагал «интервью» со Сталиным, якобы состоявшееся в Москве в январе 1929 г. По мнению советского вождя, «интервью» было замечательно тем, что «в нем что ни фраза – то небылица или сенсационная передёржка, имеющие целью создать рекламу для книги и ее автора». Тогда же было опубликовано и само интервью, данное Сталиным 28 января 1929 г. В ходе беседы Сталин заметил, что «мы не свободны от ошибок. Но мы не боимся критики, не опасаемся смотреть прямо в лицо трудностям и признавать свои ошибки. <...> Каждый период в национальном развитии имеет свой пафос. В России мы имеем теперь пафос строительства. В этом ее преобладающая черта теперь»⁵⁸.

Выступая 7 января 1933 г. на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с докладом об итогах первой пятилетки, Сталин уделил значительное внимание ее международным итогам. Он констатировал, что именно в те годы «открылась серия путешествий в СССР различных представителей всякого рода фирм, органов печати, обществ разного рода и т.д. с целью взглянуть своими собственными глазами, – что же, собственно говоря, творится в СССР. Я не говорю здесь о рабочих делегациях, которые с самого начала появления пятилетнего плана выражали свое восхищение начинаниям успехам Советской

* *Campbell Thomas Donald. Russia, market or menace? London; New York [etc.]: Longmans, Green and co., 1932. 148 p.: il.*

власти и проявляли свою готовность поддержать рабочий класс СССР»⁵⁹. В своем докладе Сталин привел ряд выдержек из американских, английских, итальянских, французских газет, показав разногласия и раскол в лагере буржуазных кругов⁶⁰.

25 декабря 1933 г. Сталин принял корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтера Дюранти⁶¹. Беседа проходила вскоре после возобновления дипломатических отношений между СССР и США и прихода в Белый дом нового Президента Ф.Д.Рузвельта. Установление дипломатических отношений между двумя странами Сталин назвал «актом громадного значения: политически – потому что это подымает шансы сохранения мира; экономически – потому что отсекает привходящие элементы и дает возможность нашим странам обсудить интересующие их вопросы на деловой почве; наконец, это открывает дорогу для взаимной кооперации»⁶². Сталин завершил беседу с Дюранти уверенностью в том, что в стране «проблема промышленности решена. Проблему сельского хозяйства, крестьянско-колхозную проблему – самую трудную проблему – можно считать уже решенной. Теперь надо решить проблему товарооборота и транспорта»⁶³.

В июле 1934 г., вскоре после поездки в Соединенные Штаты Америки, где он встречался с Ф.Д.Рузвельтом, в СССР снова, после 1920 г. приехал Г.Уэллс. На следующий же день у него состоялась встреча и беседа со Сталиным, длившаяся почти три часа⁶⁴. Уэллс начал беседу с утверждения: «Я иногда брожу по белу свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня... Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное, контраст с 1920 годом поразительный». Далее он пояснил: «Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека. Моя поездка в Соединенные Штаты произвела на меня большое, волнующее впечатление». Сталин с определением Уэллса «простой человек» позволил себе не согласиться⁶⁵.

Посетив США, Уэллс пришел к выводу о том, что не следует «выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремится

сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы в максимально возможной степени, установить между ними «общность языка»⁶⁶.

Сталин спокойно, подробно аргументируя свои позиции, значительно усиленные затем в результате последующей очень тщательной правки текста беседы, изложил Уэллсу основы марксистско-ленинской теории о функциях государства в буржуазном и социалистическом обществе, о плановом хозяйстве, роли рабочего класса и интеллигенции, интересах личности и коллектива, согласившись с собеседником, что сближение с капиталистическим миром не исключено, но только теоретически. «Субъективно эти американцы может быть и думают, что перестраивают общество, но объективно нынешняя база общества сохраняется у них, никакой перестройки общества не получится. Не будет и планового хозяйства, – отвечает Сталин. – Не освободившись от капиталистов, не разделившись с принципом частной собственности на средства производства, вы не создадите планового хозяйства»⁶⁷.

Не менее четко и убедительно Сталин сформулировал и свое отношение к насилию: «...процесс смены одного общественного строя другим является для коммунистов процессом не просто стихийным и мирным, а процессом сложным, длительным, насильственным». Коммунисты, специально подчеркивал Сталин, с удовольствием отказались бы от метода насилия, «если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения»⁶⁸. Такую выверенную в марксистском духе беседу было вполне возможно публиковать в партийной печати.

30 августа 1934 г. по поручению Сталина текст с его правкой под грифом «секретно» был разослан для сведения членам и кандидатам в члены Политбюро:

т. Двинский!

Посылаю просмотренную стенограмму беседы с Уэльсом. Снимите копии (оригинал оставьте в архиве – моем) и отдайте три копии Уманскому (Уманскому покажите оригинал и мои поправки в тексте) – одну из них для Уэльса, другую для Майского, третью для него

самого, — остальные же экземпляры разошлите членам политбюро ЦК для сведения.

Сделать все это надо немедля (я и так опоздал со стенограммой).

Привет!

30/VIII — 34 г. И.Сталин⁶⁹.

Затем, 2 сентября уже под грифом «строго секретно» запись беседы Сталина с Уэллсом была разослана членам и кандидатам в члены Политбюро Андрееву, Ворошилову, Кагановичу, Калинин, Кирову, Ст.Косиору, Куйбышеву, Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутаку, Чубарю, Жданову с требованием возврата в Особый сектор ЦК ВКП(б). Текст сопровождала записка: «По поручению тов. Сталина посылается Вам для сведения запись его беседы с Г.Д.Уэллсом от 23 июля 1934 г.»⁷⁰. Опросом было принято специальное постановление ЦК о публикации беседы в журнале «Большевик». Первоначально публикация предполагалась в № 28 журнала, однако интервью появилось намного раньше — в № 17⁷¹.

Проведя дополнительную правку в подготовленном тексте, 28 сентября 1934 г. Сталин пишет еще одну записку Двинскому:

т. Двинский!

Посылаю незначительные поправки к беседе с Уэльсом (см. в тексте)*. Вводить эти поправки в тексты экземпляров Уэльса и Уманского не следует (ввиду их незначительности). Но если беседа будет опубликована в нашей печати, придется их ввести в наш экземпляр и в таком виде напечатать. И.Сталин⁷².

Далее Сталин добавляет: «Можете печатать беседу с Уэльсом в таком виде, — с исправлениями Уэльса и Уманского, — в каком вы прислали ее мне. В заголовке вместо “Беседа в англ[ийским] писателем” нужно сказать: “Беседа т. Стал[ина] с англ[ийским] писат[елем] и т.д. Авторскую подпись над заглавием — “И.Сталин” — вычеркните. В конце беседы надо сохранить приписку: “Записал К.Уманский”. На странице 21 строчка 4 снизу добавьте фразу: “Это называется у нас” и т.д. (См.

* Пометка Сталина. — Г.К.

текст)». Далее Сталин вписывает в текст интервью: «Это называется у нас самокритикой».

Эту последнюю мою правку сообщите Уманскому для передачи Уэльсу. И.Сталин»⁷³.

Реплика Сталина относительно самокритики касается высказанного во время беседы предложения Уэллса, тогда председателя международного Пен-клуба, о желательности объединения всех прогрессивно мыслящих писателей для создания всемирного братства интеллигенции.

В архиве сохранилась еще одна записка Сталина, в которой содержались последние уточнения, мелкие поправки текста беседы⁷⁴.

В архиве сохранился и текст беседы с неоднократной, очень тщательной правкой Сталина. В ряде случаев он уточнял высказанные мысли, в некоторых местах – существенно усиливал аргументы, стремясь максимально полно донести свои мысли до Уэллса и читателей. Однако в целом поправки Сталина носили чисто вкусовой характер.

Вот лишь один из отрывков выправленной беседы Сталина с Уэллсом (в квадратных скобках приводятся исправления Сталина, подчеркнутые фрагменты дополнительно вписаны рукой вождя): «Непримиримого контраста между индивидуумом [индивидуализмом] и коллективом [социализмом], между интересами [волей] коллектива не имеется [в том смысле, что социализм коллектив не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива], не должно быть. Социализм не может [должен] отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать нам более полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, – социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между “индивидуализмом” и социализмом нет»⁷⁵.

Основываясь на личных впечатлениях Уэллса, писательница Н.Берберова заметила, что у писателя со Сталиным разговора не вышло, как и с Лениным: «По заранее обдуманному плану он сначала решил прочесть Сталину лекцию о состоянии

мира. Но Сталин слушал его (через переводчика) плохо и явно скучал. Когда Уэллс спросил, что Сталин хочет поручить ему передать Рузвельту, Сталину сказать было нечего. Уэллс хотел быть «почтальоном при почте амура двух гигантов», но из этого ничего не вышло»⁷⁶.

28 июня 1935 г. состоялась беседа Сталина с Р.Ролланом⁷⁷. Анализ этой беседы, которая до середины 1990-х годов не публиковалась в нашей печати, представляет, однако, огромный интерес, как с позиций ее содержания, так и с точки зрения формы. Особенно важно уяснить – почему при регулярных сообщениях о встречах Сталина с зарубежными литераторами текст именно этой беседы оставался долгие годы неизвестным. Знакомство с опубликованным текстом указывает на существование нескольких причин. Вероятно, Сталин считал беседу с Ролланом излишне откровенной и касающейся непростых проблем жизни в Советском Союзе и поэтому не дал разрешения ни на ее публикацию в нашей стране, ни на изложение ее во Франции. Да и Роллан стремился не ослабить единый антифашистский фронт⁷⁸.

В ходе беседы Роллан сообщил Сталину о стремлении западных друзей Советского Союза, как можно больше узнать о жизни в СССР, о сетованиях на абсолютное отсутствие точных информационных данных и невозможности «получить из СССР определенные и правдивые сведения, чтобы отвечать на обвинения, предметом которых он (Советский Союз. – Г.К.) беспрестанно является».

«Вы признали, – писал Роллан в письме к Сталину от 27 декабря 1935 г., – серьезность моих замечаний и необходимость исправить это зло. <...>. “Мы недостаточно осведомляем и вооружаем наших друзей*, сказали Вы мне. Мы постараемся заполнить этот пробел”». «Осведомляйте же и вооружайте их!» – эта фраза повторена Ролланом еще раз в конце письма. Далее Роллан продолжает: «Вы не можете себе представить количество и важность вопросов, с которыми почти ежедневно

* Здесь и далее слова Сталина подчеркнуты при переводе письма. В машинописном экземпляре отчеркнуты на полях синим карандашом, вероятнее всего, самим Сталиным. – Г.К.

наседают на нас, друзей СССР, и которые разъедают мировое общественное мнение. Было бы опасной ошибкой недооценить их и убедить себя что, если на них не ответить, они забудутся. Ничего не забывается, все накапливается, и в конце концов образует инфекцию, разъедающую симпатии, даже сотен людей, которые казались более всего привлеченными СССР'ом*. – Вот полгода как на моих глазах растет охлаждение по отношению к СССР среди той части французской интеллигенции, профессоров, учительства, честной мелкой буржуазии (разночинства), которых мы добились привлечь к делу СССР. Они взволнованы и растеряны, оттого что не могут добиться ответов на многие смущающие вопросы и клеветнические слухи против СССР. А мы, которых они с беспокойством вопрошают, мы можем отвечать им только нашим личным убеждением – (что недостаточно, чтобы убедить других) а не точными и верными сведениями. <...> Я вижу множество хороших людей, которые отворачиваются от общего дела защиты СССР, и примыкают к различным группировкам, хотя и борющихся против фашистской реакции, но в то же время нападающих на политику СССР»⁷⁹.

Роллан начал беседу со Сталиным с простой констатации: «Я очень сожалею, что мое здоровье не позволяло мне раньше посетить этот великий новый мир, который является гордостью для всех нас, и с которым мы связываем наши надежды. Если вы позволите, я буду говорить с вами в своей двойной роли старого друга и спутника СССР и свидетеля с Запада, наблюдателя и доверенного лица молодежи и сочувствующих во Франции. Вы должны знать, чем является СССР в глазах тысяч людей Запада. Они имеют о нем весьма смутное представление, но они видят в нем воплощение своих надежд, своих идеалов, часто различных, иногда противоречивых. В условиях нынешнего тяжелого кризиса экономического и морального они ждут от СССР руководства, лозунга, разъяснения своих сомнений»⁸⁰.

Достаточно привести лишь два характерных примера из беседы Сталина с Ролланом. После приветствий и выяснения

* Предложение отчеркнуто на полях синим карандашом. – Г.К.

наиболее наболевших вопросов Роллан заметил: «Товарищи, вы меня извините, может быть я слишком долго говорил и, может быть, возбуждаю вопросы, какие я не должен был бы возбуждать». Сталин сразу же отвечает: «Нет, нет, пожалуйста. Я очень рад вас слушать, я целиком в вашем распоряжении». В конце беседы Сталин пригласил Роллана пожить на даче (в первом варианте перевода вместо «дачи» было употреблено слово «вилла»). Сталин спокойно пояснил, что у него нет никакой дачи: «У нас, у советских лидеров собственных* дач нет вообще. Это просто одна из многих резервных дач, составляющих собственность государства. Это не я Вам предлагаю дачу, а предлагает Советское правительство, это предлагают Вам: Молотов, Ворошилов, Каганович, я»⁸¹. В конце беседы позвали «кремлевского фотографа», который снял гостей и хозяина кабинета «в четырех или пяти ракурсах», некоторые снимки были опубликованы 29 и 30 июня 1935 г. в центральной прессе⁸².

Примеру Сталина следовали его ближайшие соратники — Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Ярославский, Бухарин, Радек и другие лица из окружения вождя.

При анализе бесед Сталина с зарубежными гостями необходимо отметить два чрезвычайно важных и в чем-то противоречащих друг другу постулата, характерных для методов объяснения советским руководством иностранным интеллектуалам событий в СССР в 1930-х годах. Один из них связывал все аспекты насильственных действий и репрессий, вплоть до смертной казни, главным образом с международной обстановкой, агрессивной политикой капиталистического мира, но никак не с коллизиями внутри страны. Понимая односторонность подобного аргумента, Сталин в беседе с Ролланом выдвинул другое объяснение: «...Кроме того**, иметь в виду, что у нас есть друзья не только в Западной Европе, но и в СССР, и в то время как друзья в Западной Европе рекомендуют нам максимум мягкости к врагам, наши друзья в СССР требуют твердости, требуют... расстрела Зиновьева и Каменева, вдохновителей

* Здесь и далее подчеркнуто при правке стенограммы Сталиным. — Г.К.

** Почеркнуты слова, вписанные Сталиным в первоначальный текст записи беседы. — Г.К.

убийства т. Кирова. Этого тоже нельзя не учитывать». Сталин рисовал перед зарубежными гостями устрашающую, совершенно фантастическую картину заговоров, покушений, опасностей, которые будто бы постоянно угрожают советскому руководству⁸³. Во время беседы с Ролланом Сталин привел два примера клеветнических измышлений врагов. Так, он назвал фантастическими и абсурдными слухи по поводу покушения Ворошилова на Сталина. Он привел и следующий факт «...Недавно у нас в Кремле мы обнаружили террористические элементы. У нас есть правительственная библиотека и там имеются женщины-библиотекарши, которые ходят на квартиры наших ответственных товарищей в Кремле, чтобы держать в порядке их библиотеки. Оказывается, что кой-кого из этих библиотечек завербовали наши враги для совершения террора. ...эти библиотекарши по большей части представляют из себя остатки когда-то господствующих, ныне разгромленных классов – буржуазии и помещиков. И что же? Мы обнаружили, что эти женщины ходили с ядом, имея намерение отравить некоторых наших ответственных товарищей»⁸⁴.

Ромен Роллан общался с высшим советским руководством, пожалуй, больше других иностранцев. Наиболее часто такие встречи проходили на даче Горького в Подмосковье, куда из столицы перебрались писатель с женой. Там собирались многочисленные гости – Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Бухарин, Ягода и другие руководители партии и государства, устраивались обширные застолья.

Как отмечает крупный российский исследователь – историк, академик Ю.А.Поляков, изучение роли и места в жизни людей дружеских вечеринок, застолий – важный пласт, одно из магистральных направлений в исследовании истории повседневности⁸⁵.

На дружеских «посиделках» обстановка была простая и располагавшая к личному общению. Восстановим по дневнику Роллана ход таких встреч за столом на даче у Горького: «Стол завален всякой снедью, холодной закуской, всякими сортами солений, копченой или заливной ветчины и рыбы. Блюда из осетрины с креветками. Рябчики со сметаной и т.д. Они хоро-

шо пьют». Правда, далее Роллан счел нужным добавить: «Сталин ест и пьет основательно, но он очень хорошо знает меру... По русскому обычаю пьют по очереди за здоровье всех присутствующих: сначала за мое, потом Сталина, потом моей жены, Молотова, Ворошилова, Кагановича... количество умеренное»⁸⁶. Темы бесед были самые разные, их тон – вполне откровенным. Наибольшее впечатление на Роллана произвели несколько тем, о которых он посчитал нужным записать в дневнике. Говорили, например, о готовящемся проекте новой конституции: «Сталин хочет, чтобы это был памятник скульптурной формы», об указании вождя на необходимость признания заслуг и прав «беспартийных большевиков». Роллан замечает при этом, что Сталину «присуща способность всегда угадывать, что необходимо сделать в нужный момент. Он потребовал у партии признания заслуг беспартийных большевиков»⁸⁷. Тезис Сталина о правах беспартийных, как известно, после принятия Конституции СССР 1936 г. стал обязательным атрибутом избирательных кампаний, проводившихся в нашей стране.

Одна из интересовавших всех тем – обсуждение хода и масштаба военных действий в годы гражданской войны. Здесь слово предоставляется приглашенному на встречу историку, будущему академику И.И.Минцу, тогда секретарю редакции «Истории гражданской войны», написавшему в книге несколько глав об английской и французской интервенции: «К концу ужина все собираются вокруг карт гражданской войны, которые привез Минц... Они с воодушевлением спорят о разных местах военных действий, где они в свое время участвовали»⁸⁸. Любопытно, что на заседании Главной редакции по первому тому «Истории гражданской войны» Сталин специально остановился на особом значении этого труда: «Видимо, не все понимают, какую работу мы делаем. Мы пишем историю не только для себя, сколько для мирового пролетариата. Нам нужно объяснить миллионам рабочих и трудящихся почему в Европе не вышло, а у большевиков революция вышла и притом морда не в крови. Я поэтому буду с[трог]. ... Каждый том должен быть написан не как сборник разнообразных очерков, а как последовательный и целостный рассказ – иначе материал “Ис-

тории” будет растрепан и опорочен субъективизмом авторов»⁸⁹.

Одним из вопросов, вызвавших оживленную дискуссию, стало обсуждение перспектив развития революционного движения на Западе. Сталин, как заметил Роллан, отрицает, что «СССР дает директивы другим странам. Он [Сталин] говорит: “Мы слишком хорошо отдаем себе отчет в разнице температур и условий в разных странах. Мы не можем ими руководить. Это была бы целая цепь роковых ошибок. Надо, чтобы в каждой стране [коммунистическая] партия сама за себя решала”»⁹⁰. В один из вечеров начался разговор о вывозе произведений искусства за рубеж для получения валюты. Роллан записал: «Молотов спокойно добавляет прекрасные слова (с которыми согласен и Каганович): “И что, по существу, для нас оттого, что Англия или Америка имеют эти произведения? Ведь рано или поздно они будут советизированы и эти произведения будут нашими”»⁹¹.

Во время беседы со Сталиным Роллана интересовали многие вопросы, связанные с жизнью в Советском Союзе. Один из них – принятие закона о наказаниях детей с 12-летнего возраста⁹². Сталин уверенно пояснил: «Наши враги капиталисты не успокаиваются. Они засылают своих агентов во все круги, в церковь, в семьи, они заражают женщин, детей... там и тут организованы секретные группы из пятнадцати маленьких бандитов, вооруженных ножами, которые убивали “ударников”, юношей и девушек (даже без политических мотивов, только потому, что они были “ударниками”, хорошими учениками) по наущению взрослых, которым платили наши враги; они совершали эти убийства, они толкали девушек на проституцию и т.д. Как реагировать? Нам надо было два–три года, чтобы с корнем удалить всех этих работников. Нам это удалось. Но после этого надо было принять устрашающие меры...». Далее Сталин продолжал: «Это, возможно, была политическая ошибка... но нас захватило чувство. Надо было это сделать для примера, для устрашения. Никакого удовольствия нет осуждать и казнить. Это грязное дело. Было бы лучше оставаться вне политики и сохранять руки чистыми. Но мы не имеем права оста-

ваться вне политики, если хотим освободить поработанных людей. И если уж ты согласился быть политиком, ты думаешь уже не за себя, а за государство; государство требует, чтобы ты был беспощадным». По поводу декрета Сталин добавляет: «Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Декрет издан для того, чтобы устранить и дезорганизовать взрослых-бандитов и уберечь наших детей от хулиганства. К Вашему сведению должен сказать, что до сих пор не было ни одного случая применения наиболее острых статей этого декрета к преступникам-детям и, надеюсь, не будет». Сталин разъяснял французскому писателю: «Может быть, мы тут действительно руководствовались чувством вспыхнувшей в нас ненависти к террористам-преступникам. ... Сто человек, которых мы расстреляли, не имели с точки зрения юридической (выделено мной. – Г.К.) непосредственной связи с убийцами Кирова. Но они были присланы из Польши, Германии, Финляндии нашими врагами, все они были вооружены, и им было дано задание совершать террористические акты против руководителей СССР, в том числе и против т. Кирова... Нам было известно, что после злодейского убийства Кирова преступники – террористы намеревались осуществить свои злодейские планы и в отношении других людей. Чтобы предупредить это злодеяние, мы взяли на себя неприятную обязанность расстрелять этих господ. Такова уж логика власти. Власть в подобных случаях должна быть сильной, крепкой и бесстрашной. В противном случае она не власть и не может быть признана властью»⁹³. В данных Роллану пояснениях показательно почти текстуальное сходство с соответствующим тезисом в беседе Сталина с Барбюсом в 1927 г.

Проблема наказания детей-преступников настолько взволновала Роллана, что в своем дневнике он к ней возвращался дважды. Через год после пребывания в СССР, писатель вновь вернулся в своих дополнениях к дневнику к размышлениям по этому поводу. Он записал: «Относительно поспешной расправы над сотней человек после убийства Кирова, он (Сталин. – Г.К.) говорит, что это не соответствовало ни законности, ни морали (выделено мной. – Г.К.)», что это, «возможно, была по-

литическая ошибка, но нас захватило чувство. Эти сто, “которые в действительности не принимали участия в убийстве Кирова”, были на самом деле террористами, тайными агентами Германии, Польши, Литвы (или Латвии? – уточняет Роллан). Надо было это сделать для примера, для устрашения. И мы не хотели оказывать этим убийцам (из которых многие кичатся стремлением совершать убийства), честь поведения открытого процесса, который стал бы их трибуной»⁹⁴.

Не менее характерны и приведенные в дневниках Роллана его беседы с Н.Бухариным, Г.Ягодой и К.Радеком. Он констатирует, что Бухарин – «единственный из руководителей, который хорошо говорит по-французски, Радек тоже, но со своим тяжелым акцентом». Во время беседы с Бухариным писатель стремится уточнить впечатления о том, что советская страна находится «всегда в состоянии войны». Бухарин разъясняет, что «можно говорить о состоянии войны, если у врага мощные силы. А они слабы; это лишь разбросанные зерна. Но сила их ненависти и средства ими применяемые, делают их все же опасными». Роллан комментирует: «он говорит лишь об “оппозиционерах”, троцкистах. Я же думал также о старой варварской России, о пережитках прошлого». К.Радеку писатель дал в дневнике следующую характеристику: «15 июля за ужином мой сосед – Радек, который говорит, говорит, очень громко, без остановки, перескакивая с одного предмета на другой... У него ужасный партийный язык. Он говорит все – и даже больше чем надо»⁹⁵.

После разговора с Ягодой (тогда наркомом НКВД) писатель замечает: «Это загадочная личность: чрезвычайная мягкость в манерах, в голосе, во взгляде. Что думать о таких внутренних контрастах? Начальник безжалостного ГПУ и святой мирянин, полный деятельности и рвения. Он уверяет, что в Советском законодательстве отсутствует понятие месть, и говорит о той заботе, которую он сам лично проявляет в отношении гигиены заключенных... Он говорит о лагере под Москвой, где содержится 200 000 заключенных! и где не было ни одного

случая заболеваний»*, затем «Ягода говорит о своем опыте перевоспитания преступников, и глаза у него блестят... Ягода, воодушевляясь, пророчествует, что не пройдет двух-трех лет, и в СССР исчезнут дети-преступники, бродяги. А так как дети – основа для преступности, то Ягода идеалистически верит, что через 10–20 лет преступность почти полностью исчезнет. Какой иллюзорный идеализм! Выходит, что человек был бы хорош, мог бы становиться день ото дня лучше, только лишь благодаря своему желанию! Одним движением плеча он бы отбросил, если ему это нравится всякое бремя привычек и наследственности! ... Боюсь, как бы с годами не разочаровался тот, кто перевоспитывает преступников... Несомненно, он дойдет до того, что будет уверен как в своем творении перевоспитания преступников, так и в бесчеловечных методах, которые он предпринимает в отношении политических заключенных и подозреваемых в преступлениях». Несколькими строками ниже Роллан задает недоуменный, но вполне правомерный вопрос: «Почему же его заботливость, так широко распространяемая на уголовных преступников, не распространяется на политических заключенных?»⁹⁶.

Свое недоумение по поводу репрессий после убийства Кирова Роллан высказал и К.Радеку, который дал писателю следующие разъяснения политики партии: «После того, как враг, убивая Кирова, стрелял в генеральный штаб партии, приняты меры, чтобы это не повторилось: на государственную полицию возложена обязанность проверять, очищать и высылать, и, конечно, в этих условиях можно ждать много ошибок и несправедливостей, – одной больше, одной меньше в общей массе – но... это не имеет значения, когда речь идет об общественном благе»⁹⁷. Именно так объяснялась Радеком повседневная практика тех лет, отраженная в популярной тогда пословице: «Лес рубят, щепки летят!».

Эйфория от встречи со Сталиным у Роллана была непродолжительной. В ноябре 1935 г., т.е. вскоре после поездки в Советский Союз, М.П.Роллан-Кудашева писала редактору жур-

* В дополнении к дневнику Роллан уточняет, что речь идет о людях, работающих на канале Москва – Волга. – Г.К.

нала «Интернациональная литература» Е.Д.Стасовой: «Роллан усиленно изучает русский язык и делает успехи. Собираемся через 2 года, в 1937 году – снова приехать и на этот раз лучше организовать и встречи с людьми, и ознакомление со всем интересным. Это был первый контакт, не очень удачный и слишком быстрый»⁹⁸. Роллан в Россию больше не приезжал.

Очень показательна история, связанная с возможной публикацией беседы Роллана со Сталиным, которую записывал председатель ВОКСа Аросев, он же перевел запись беседы, сделанную Ролланом по-французски. Текст был выправлен и Сталиным, и Ролланом. Окончательный вариант, как всегда, под грифом «секретно», был разослан членам Политбюро для сведения, с просьбой вернуть в ЦК по прочтении. На окончательном варианте текста сохранилась резолюция К.Ворошилова от 23 июля 1935 г.: «Хорошо бы напечатать, опустив соответствующие места»⁹⁹. Однако, несмотря на неоднократные просьбы Роллана опубликовать во Франции текст, просмотренный и принятый Сталиным, такого разрешения получено не было. Роллан дважды – 26 августа и 1 октября 1935 г. обращался за разрешением на публикацию лично к Сталину. 1 октября он писал: «Я спрашивал Вас, разрешите ли Вы мне опубликовать во Франции текст нашей беседы 28 июня, просмотренный Вами – или же укажите, какие сокращения Вы предложили бы мне сделать, имея в виду это опубликование. Уже давно наши парижские друзья просят у меня это сообщение для их газет и журналов. Вы окажете мне услугу, дав ответ. Несколько позже Роллан писал: «я никогда не мог добиться письменного слова за или против. Через Аросева передано неопределенным образом, что Сталин не будет нести за это никакой ответственности»¹⁰⁰. Дело ограничилось лишь кратким официальным сообщением о дружеском характере беседы в газете «Правда» от 29 июня 1935 г.

В высказываниях, оценках, да и подспудно в поведении выдающихся европейцев проявлялась вполне объяснимая с позиций сегодняшнего дня двойственность позиций. С одной стороны, сказывалось традиционное отношение европейской «элиты» к отсталой России, что причудливо переплеталось с

отношением к революции, и к исповедуемым иностранцами либеральным традициям, опыту парламентаризма и буржуазной демократии. С другой стороны – в Советском государстве видели надежный заслон от надвигающейся фашистской опасности, надежного защитника мира. Дневники, переписка, книги зарубежных авторов, опубликованные только в конце 1980-х – начале 1990-х годов, явно показывают присущую им двойственность позиций. В них они высказывались гораздо более откровенно, их размышления становились более глубокими и критичными, но использовать эти размышления с тем, чтобы враги СССР могли воспользоваться ими «в политических целях», нанести вред строительству нового общества, они не считали возможным. Особенно ясно это видно по дневникам и переписке Р.Роллана. Еще в 1927 г. Роллан писал одному из своих постоянных читателей: «Я не признаю ни за каким меньшинством, ни за каким отдельным человеком право принуждать целый народ, пусть и в благих целях, жестокими методами»¹⁰¹. Несколько позже, в письме Иллариону Ремезову Роллан попытался объяснить причины таких действий советских вождей, считая, что «им необходимо защищать великое дело – великую мечту. А они видят эту мечту всюду под угрозой. Но разум теряется в этой постоянной подозрительности и в конечном счете начинает видеть кругом врагов. Только бы, лишь бы не дошли они в безумии до уничтожения лучших друзей, незаменимых служителей их общего дела». И добавляет в конце письма: «Настоятельно прошу Вас сохранить *в секрете* то, о чем я пишу. (Можете *тайно* сказать об этом одно слово Горькому). Не нужно, чтобы кто бы то ни было воспользовался этим в политических целях, против СССР. Люди там ведут столь гигантские бои, что я слишком хорошо понимаю их душевное перенапряжение и их ошибки»¹⁰². Когда же зарубежные критики обвиняли Роллана в похвалах Сталину, то французский писатель лаконично отвечал: «Это не Сталина, а СССР я защищаю – кто бы ни стоял в его главе. Вреднейшая вещь – низкопоклонство по отношению к отдельным лицам, будь то Сталин, Гитлер или Муссолини. Я стою за дело свободных народов, хозяев своей судьбы»¹⁰³.

Подобные «методы» ознакомления иностранных гостей с советскими реалиями были характерны и для других членов высшего партийного и советского руководства. В 1932 г. известный французский радикал-социалист Эдуард Эррио во время пребывания в Советском Союзе был принят председателем ВЦИК М.И.Калининым. Побывав на Украине, Эррио заинтересовался положением в сельском хозяйстве, проблемами коллективизации и положением крестьян. Характеризуя общее состояние дел, Калинин отметил: «Мы сделали еще слишком мало. У нас страна контрастов. Вы найдете у нас и хорошее, и плохое. Мы это знаем. Самое трудное для нас – это не достижение материальных успехов, самое трудное еще и поныне – это действовать на умы. В каждом крестьянине живут две души. Одна влечет его к лучшей жизни, а другая привязывает его к старым привычкам... Не нужно действовать насильем. Нужно действовать осторожно, показывая преимущества хорошей организации хозяйств». Однако Калинин не мог не признать, что с переделкой крестьянства труднее всего было на Украине. Но на вопрос – что же произошло на Украине и как обстоят дела со снабжением хлебом, Эррио услышал раздраженный ответ: «Я произвел обследование на местах. В одном и том же месте у одних организаций – обилие продуктов. Другие вследствие своей лени или злой воли не имеют самого необходимого. Мы снабжаем их вопреки усилиям тех, кто идет против нас. Во всяком случае, если и приходилось переносить некоторые лишения, то история об умерших с голода – дурацкая выдумка»¹⁰⁴. Именно «дурацкой выдумкой» назвал «всесоюзный староста» голод 1932–1933 гг., во время которого в стране погибло от 5 до 8 миллионов человек¹⁰⁵.

Еще один очень показательный случай, связанный со встречей с Р.Ролланом в 1935 г., изложил Н.И.Бухарин в письме к Молотову 1 декабря 1936 г. Он писал: «У Горького у нас была душевная беседа... *в четыре глаза* (т.е. наедине. – Г.К.) о двух пунктах: внешняя политика (союзы с бурж[уазными] государствами) и троцкизм. Надеюсь, что я так убедительно говорил, что здесь есть капля моего меда, когда Р[омен] Р[оллан] ведет себя не как Андре Жид». Об этом же эпизоде Бухарин

вспомнил через неделю, 7 декабря, на пленуме ЦК ВКП(б), где он подвергся критике. Бухарин снова повторил: «Когда Ромен Роллан был у Горького, у него в душе были два вопроса: один вопрос относительно внешней политики, союза с буржуазными государствами, политики пактов и прочее, и второй вопрос относительно троцкизма. Я с ним говорил, так что думаю, что моя капля меда есть в том, что до сих пор Ромен Роллан держится не так, как Андре Жид... Если бы я был участником этой фашистской банды, неужели я стал бы агитировать Романа Роллана? Причем об этом ни один человек не знает. И вы можете его вызвать и допросить... я работал на то, чтобы спланировать кого только можно вокруг нашей партии и советской власти»¹⁰⁶.

Во второй половине 1930-х годов число встреч у Сталина существенно уменьшилось. 20 марта 1937 г. Сталин беседовал с испанскими писателями Рафаэлем Альберти и его женой Марией Тересой Леон. Ранее, в 1932–1934 гг. они уже бывали в Москве по приглашению «Интуриста». Р.Альберти вел «Дневник испанского поэта в России», вскоре опубликованный в Испании. Он писал: «И вот я стою на Красной площади. Вокруг меня спускаются и поднимаются представители самых разнообразных народов, живущих на территории России... На лицах у всех написано одно и то же магическое слово: “Ленин, Ленин”. И я сердцем начинаю понимать смысл этой великой “Красной площади”... Да, это тот Ленин, к которому и после его смерти приходят издалека освобожденные народы, чтобы видеть его, чтобы поклониться его праху... Мы приехали к вам, как друзья. Мы так интересуемся Советским Союзом. Нам так хочется пожить здесь подольше». Восторженные стихи испанского поэта были опубликованы в журнале «Коммунистический Интернационал»:

Идите смело на костер,
На смерть, на баррикаду.
Чтоб могли вы крикнуть
Навстречу солнцу новому:
«И мы, как вы! Мы заодно,
Мы с вами!
Мы — это вы, а вы — социализм»¹⁰⁷.

М.Т.Леон так отзывалась о встрече со Сталиным: «Как везде, как в каждом советском доме, в его кабинете висит большая карта Испании. Те, кто когда-либо встречал Сталина, говорили затем бесконечно о его стальном характере. Что касается меня, я видела его почти отеческую улыбку, когда он говорил о мелочах жизни. Он говорил с нами с большой простотой. Он также знает названия наших деревень, имена наших вождей. Он дружески беседовал с нами о наших героях, о наших бойцах, о Мадриде, о наших детях... С того момента, как Сталин пожал вам руку, он становится вашим другом»¹⁰⁸. По воспоминаниям Рафаэля Альберти, во время встречи со Сталиным, которая длилась более двух часов, поднимались вопросы о судьбах коммунизма, об участии советских писателей в конгрессе писателей в Испании, об огромных трудностях с транспортировкой советской помощи через Францию в Испанию, об испанской истории и культуре, с которыми, по словам Альберти, Сталин был хорошо знаком. Советский вождь сетовал, что Франция плохо помогает республиканцам, а СССР испытывает огромные трудности, оказывая помощь республиканскому правительству в транспортировке этой помощи¹⁰⁹.

У Сталина особенно, да и у других руководителей Политбюро во время общения с иностранными визитерами, в беседах, в письмах ясно прослеживается стремление максимально четко высказать позиции партии по вопросам внутренней и внешней политики, естественно, исходя из собственного, марксистского и классового видения этого предмета. Иногда при изложении и оценке фактов жизни в СССР вожди не гнушались откровенной и даже циничной ложью, умелой и хитрой дезинформацией. Не будет преувеличением сказать, что Сталин и его окружение стремились максимально использовать интеллектуальный потенциал западных интеллигентов с их гуманистическими представлениями о переустройстве мира и роли СССР.

Характерна в этом отношении история с книгой социалистов, больших поклонников нашей страны супругов Сиднея и Беатрисы Вебб «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (кстати, вопросительный знак, завершавший название книги в

первом издании, в последующем исчез). Супруги Вебб посетили Советскую Россию в 1932 г. По сообщению реферанта ВОКС Л.Кисловой, они намеревались написать книгу об СССР. Сотрудница Общества сообщала, что их «отношение к СССР – благоприятное. Основная цель... приезда теперь получить дополнительный материал для окончания своей книги, которую в рукописи он привез с собой под следующим заголовком “Конституция Советского Коммунизма”. <...> Надо прибавить, что вся деятельность Вебб’а носит скорее научно-исследовательский характер»¹¹⁰. Как вспоминал И.М.Майский, в те годы полпред Советского Союза в Великобритании, «побывав в СССР, Веббы решили писать большое и солидное исследование, посвященное истории и современному состоянию Советского Союза. Они вывезли от нас много ценных материалов, обзавелись квалифицированным переводчиком и... занимались классификацией и изучением собранных в СССР документов и печатных источников». Беатриса «боялась только, что не хватит материалов, вывезенных из СССР, и что им потребуются дополнительные справки и документы. <...> С тех пор в течение последующих трех лет я систематически добывал для Веббов в Москве через наркоминдел горы фактических, статистических, документальных и печатных материалов, которые затем ими использовались и перерабатывались. Больше того. Я часто и подолгу беседовал с ними, разъясняя происхождение и смысл различных явлений советской жизни, вызывавших у Веббов вопросы или сомнения»¹¹¹.

Сидней Вебб еще раз приезжал в Россию в 1934 г. и провел там около трех недель. Как сообщал сопровождавший Вебба от ВОКСа переводчик Рабинс, Вебб просил устроить ему беседу с компетентным лицом в области советского права и строительства. Его интересовало многое – сильное впечатление произвели на него посещение двух колхозов – «Путь Ильича» и имени Ленина, его заинтересовало законодательство об условиях труда для несовершеннолетних, возможность обязательного обучения в деревне. Рабинс был вынужден констатировать, что запросы Вебба и членов его делегации не удовлетворяются об-

служивающими их лицами, что делает программу пребывания в Союзе недостаточно насыщенной¹¹².

В вышедшей в Лондоне в 1935 г. и насчитывающей более тысячи ста страниц книге, Веббы попытались раскрыть свои впечатления о Советском Союзе, показать реальность существования в России диктатуры пролетариата как новой высшей формы демократии. В западной прессе книга критиковалась достаточно много, особенно те ее фрагменты, которые касались восторженных отзывов авторов о Советском Союзе. Газета «Таймс» 25 ноября 1935 г. замечала: «Неужели это – последнее слово двух больших фигур в истории английской мысли, слово, сказанное в почтенном возрасте? Если это так, то это печально. Они распростились со свободным человеческим духом и манят нас все дальше вниз, к изощренной автоматической структуре государства пчел». В газете «Дейли Геральд» от 28 ноября 1935 г. подчеркивалось: «Вряд ли найдется хоть одна глава, которая не вызывала бы критики. Авторам, как и большинству приезжих, пытавшихся проникнуть за преграды советской пропаганды, мешали незнание русского языка и недостаток того близкого знакомства с жизнью народа, которое достигается только в результате долгого пребывания в стране. Веббы приходят к несколько странному выводу, что советская система не является диктатурой... Веббы пытаются доказать, что конституция демократична. Они считают профсоюзы добровольными и независимыми организациями. В общем, в этой книге есть много материала, который в значительной степени оправдывает методы Муссолини и Гитлера – этих жалких представителей официальной реакции».

Как считал И.М.Майский, высоко оценивший труд Веббов, книга, во-первых, давала очень подробную и объективно написанную картину развития Советского Союза вплоть до 1930 г., во-вторых, она представляла собой умные и доходчивые до европейской, «особенно европейской несоциалистической, некоммунистической» публики сведения о нашей стране. Третье и очень важное достоинство труда Веббов Майский видел в широкой популярности имен авторов среди европейской интеллигенции, что значительно повышало интерес к изданию. В

советском посольстве был устроен большой прием в честь Веббов, на котором присутствовал весь прогрессивный Лондон, что превратило книгу в «сенсационно-политическую новость»¹¹³.

В рецензии, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал», член Исполкома Коминтерна Пальм Датт относил к числу достоинств книги, прежде всего, то, что «они увидели массовый характер нового общественного строя, они увидели массы, пришедшие в движение, творчески формирующие жизнь невиданными в истории путями, массы, занимающие решающую, центральную позицию в новом пролетарском строе, движущемся к бесклассовому обществу. В этом самое главное»¹¹⁴. Но в рецензии содержались и оценки совсем иного рода. Пальм Датт подчеркивал: «Нельзя сказать, чтобы это была марксистская книга; нельзя сказать, что данную в книге характеристику советских и коммунистических идей можно было бы безоговорочно признать до конца правильной. Наоборот, со многим в этой книге, не только в отдельных местах, но и в общем подходе, в исходных концепциях, читатель — последовательный марксист — не согласится — и многое подвергнет критике». Веббы упрекались в отсутствии ясности понимания путей, ведущих к победе революции, непонимании марксистской теории: «Они либо высказывают восторженные похвалы, либо же выражают опасения, что “потеря свободы” — слишком высокая цена за эти призываемые ими материальные и культурные блага». Особенно неясно авторам, как подчеркивал рецензент, соотношение партии и класса. Они пытаются представить ВКП(б) как некое «содружество», некий «орден», нечто вроде надклассовой группы избранных, возглавляющей пролетариат, а это означает, что авторы не уловили подлинного характера партии как передовой революционной части рабочего класса и слабо разбираются в движущих силах революции. Выделялось рецензентом и то место в книге Веббов, где авторы сочли создание Коминтерна катастрофической ошибкой и выдвинули предложение создать научную организацию «Интернационал» социалистических и коммунистических государственных и муниципальных деятелей. Вызывал критику и

один из завершающих тезисов книги: «Новая цивилизация распространится, но как, где, когда, в каких видоизменениях, посредством ли насильственной революции или путем мирного проникновения или даже сознательного подражания этому примеру, – все это вопросы, на которые мы дать ответа не можем»¹¹⁵.

Складывалась парадоксальная ситуация – с одной стороны, авторы с восхищением отзываются о советской стране, с другой – в ней содержится немало неправильных, с точки зрения большевиков, трактовок марксизма-ленинизма.

Решение вопроса об издании книги было вынесено в самую высшую инстанцию – на уровень Политбюро. В мае 1936 г. в изложении помощника И.В.Сталина А.Н.Поскребышева поступила записка заведующего международным отделом ЦК К.Б.Радека: «Несмотря на то, что книга Веббов вообще написана в весьма положительном тоне, все же в книге имеется ряд мест, которые делают печатание ее в открытом издании нецелесообразным». «Тов. Радек, – сообщал Поскребышев, – предлагает объявить в печати, что книга издается, в витринах выставить несколько экземпляров, а книгу распространить в 2 000 – 3 000 экз. по списку. Отказ же от издания книги для нас затруднителен»¹¹⁶. На оригинале текста за такое решение лично высказались Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович. Там же рукой Поскребышева было добавлено: «За – Калинин, Андреев, Микоян, В.Чубарь, Орджоникидзе». Решение о принятии предложения Радека ограниченным тиражом было направлено также К.Радеку, Б.Талю, М.Томскому¹¹⁷. История с изданием книги Веббов – еще один наглядный пример сталинских «потемкинских деревень»!

Авторские экземпляры второго издания книги, переведенной на русский язык в 1937 г., Веббами были посланы Н.К.Крупской. 9 ноября 1937 г. И.М.Майский писал Крупской:

«Многоуважаемая Надежда Константиновна, известные Вам супруги Вебб просили меня переслать вам экземпляр нового издания их труда... Исполняю их просьбу и направляю Вам два толстых тома их монументальной работы. Книга Веббов, несмотря на свои объемы и тяжеловесность, расходуется в

Англии в небывалых для такого рода произведений размерах. Всего за два года (1-е издание вышло осенью 1935 г.) распространено около 40 000 экземпляров. Это, несомненно, свидетельствует о большом и все растущем интересе к нашей социалистической стране в весьма широких кругах английского рабочего класса и английской интеллигенции. Кроме того, Веббами было выпущено американское издание их труда, которое также нашло очень хороший сбыт. Старики Веббы были бы, конечно, очень довольны, если бы Вы подтвердили получение их подарка хотя бы небольшим письмом с выражением благодарности. Письмо можете написать даже по-русски и направить мне, а я уже доставлю его по назначению с приложением перевода. С товарищеским приветом. И.Майский»¹¹⁸.

Крупская не преминула откликнуться на посылку благодарственным письмом: «Тов. Майский, посылаю привет Веббам. Выступая на предвыборных собраниях (речь шла о собраниях и подготовке к выборам по новой конституции. – Г.К.), я рассказываю об их труде, об их оценке совершающейся у нас соцстройке. С тов. приветом Н.Крупская»¹¹⁹.

И после выхода книги Веббы продолжали интересоваться жизнью в СССР. К 20-й годовщине Октябрьской революции они написали статью, опубликованную в журнале «Коммунистический Интернационал». Они писали: «...Одна из выдающихся черт социальной организации советского строя – это упорное стремление к возможно широчайшему участию масс во всей коллективной деятельности, во всех областях общественной жизни. Политически выборы не только захватывают несравненно более широкие круги чем в любой стране мира, но эти выборы освобождены теперь от всех остатков каких-либо исключений или неравенства... Повседневная общественная работа, как в населенных городах, так и в деревнях выполняется не только избранными членами совета, но и огромным числом отдельных граждан без всякого вознаграждения, в добровольном порядке»¹²⁰.

Оценки большого труда Веббов в современной зарубежной историографии в основном совпадают – это обширный компилятивный труд, состоящий, по меткому замечанию француз-

ского историка Фюре, из газетных вырезок, выдержек из академических, в основном американских работ, путевых впечатлений и официальных документов. «Они не цитируют... ни одного критического текста. Результатом такого прекраснодушия и доверчивости оказалась самая экстравагантная книга в ряду достаточно многочисленных произведений этого жанра. <...> Разочаровавшись в английском социализме, они тешат себя иллюзией, будто их надежды осуществляются в России. Их утилитарный оптимизм доходит до того, что в Советском Союзе они умудрились увидеть начало отмирания государства!»¹²¹

1 марта 1936 г. Сталин беседовал с Роем Говардом, председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс». По поводу тезиса Говарда о том, что в СССР построен государственный социализм, Сталин разъяснил: «Общество, которое мы построили, никак не может быть названо “государственным социализмом”. Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т.е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность». Сталин счел выражение «государственный социализм» неточным. «Под этим термином многие понимают такой порядок, при котором известная часть богатств, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем как в огромном большинстве случаев собственность на заводы, фабрики, землю остается в руках частных лиц. Так понимают иные “государственный социализм”». В том же интервью Сталин четко определил и возможности будущей социалистической революции в других странах, считая, что она произойдет только тогда, когда «это найдут возможным или нужным революционеры этих стран», потому что «экспорт ре-

волюции – это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет... утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваться в их жизнь, это значит говорить то, чего мы никогда не проповедовали»¹²².

Наконец, 8 января 1937 г. состоялась еще одна встреча – с крупным немецким писателем Лионом Фейхтвангером, которая продолжалась более трех часов¹²³.

Одним из самых интересных вопросов, которые обсуждались у Сталина, был вопрос о роли интеллигенции, писателей в Советском Союзе. Это был один из немногих случаев, когда советский вождь позволил себе четко определить отношение к данному слою населения.

«Л. Фейхтвангер: Я просил бы Вас подробнее определить функции писателя. Я знаю, что Вы назвали писателей инженерами человеческих душ.

Сталин: Писатель, если он улавливает основные нужды широких масс в данный момент, может сыграть очень крупную роль в деле развития общества и инстинктивные действия масс делает сознательными.

Л. Фейхвангер: Что означает Ваше определение интеллигенции, как межклассовой прослойки?

Сталин: Я изложил обычное марксистское понимание интеллигенции. ... Интеллигенция – обслуживающий элемент, не общественный класс, она сама ничего не производит, не занимает самостоятельное место в производстве. ... Когда интеллигенция ставит себе самостоятельные цели, не считаясь с интересами общества, пытаясь выполнить какую-то самостоятельную роль – она терпит крах. Известно, как едко Маркс высмеивал утопистов. Всегда, когда интеллигенция ставит самостоятельные задачи, она терпит фиаско. Если в капиталистическом обществе человек состоит из тела, души и капитала, то у нас человек состоит из души, тела и способности трудиться. А трудиться может всякий – обладание капиталом у нас привилегий не дает, а даже вызывает некоторое раздражение. Поэтому интеллигенция у нас полностью равноправна с рабочими и кре-

стями. Интеллигенция может развивать все свои способности, трудиться так же, как рабочий и крестьянин.

Л. Фейхвангер: В каких пределах возможна в советской литературе критика?

Сталин: Критику деловую, которая вскрывает недостатки в целях их устранения – мы приветствуем. Мы, руководители, сами проводим и предоставляем самую широкую возможность любой такой критики всем писателям. Но критика, которая хочет опрокинуть советский строй, не встречает у нас сочувствия. Есть у нас такой грех. У интеллигенции роль служебная, довольно почетная, но служебная. Чем лучше интеллигенция распознает интересы господствующих классов, и чем лучше она их обслуживает, тем большую роль она играет. В этих рамках и на этой базе ее роль серьезная»¹²⁴.

Во время беседы со Сталиным Фейхтвангер сетовал на то, что в СССР не легализуется группа троцкистов. Сталин уверенно отвечал, что «партия троцкистов – это разведчики, которые вместе с агентами японского и германского фашизма взрывают шахты, мосты, производят железнодорожные крушения. И нам предлагают легализовать разведчиков, агентов враждебных иностранных государств». Говоря о процессе Зиновьева, Сталин пояснял: «Почему они признаются в своих преступлениях? Потому что изверились в правоте своей позиции, видят успехи всюду и везде. Они хотят хотя бы перед смертью или приговором сказать народу правду. Хотя одно доброе дело сделать – помочь народу узнать правду. Эти люди свои старые убеждения бросили, у них есть новые убеждения. Они считают, что построить в нашей стране социализм нельзя – это дело гиблое»¹²⁵.

Перед отъездом Фейхтвангера из Союза Таль сообщал Сталину: «Лион Фейхтвангер просит дать ему запись Вашей беседы с ним. Особенно, как он говорит, его интересуют вопросы, касающиеся литературы. Мне кажется, что было бы целесообразно дать ему запись беседы, так как его атакуют иностранные корреспонденты ...и, не имея документа, Лион Фейхтвангер может что-либо перепутать. Если Вы согласны, можно было бы просмотренный Вами набросок записи перевести на не-

мецкий язык и дать Фейхтвангеру. Прошу указаний. Б.Таль»¹²⁶. Получил ли Фейхтвангер набросок записи беседы со Сталиным, в документах архива не отражено.

Сделаем некоторые выводы. Встречи Сталина с представителями зарубежной интеллигенции до середины 1930-х годов велись практически регулярно. Вторая половина десятилетия внесла во внешнюю политику серьезные изменения, связанные с существенным осложнением международной обстановки. И хотя поездки по линии ВОКСа и Интуриста продолжались, крупные писатели и государственные деятели в Советский Союз больше не приезжали. Исключение составляло руководство гитлеровской Германии, с которым в августе 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему. Запад вступал во Вторую мировую войну.

§ 2. У истоков культа личности Сталина («феномен» Анри Барбюса)

Не только историкам, но и всем читателям, интересующимся событиями 1930-х годов в СССР и личностью Сталина, хорошо известна книга французского писателя-антифашиста Анри Барбюса «Сталин. Новый мир, увиденный через одного человека» (*“Un monde nouveau vu à travers un homme”*). Но предыстория подготовки и появления книги представляют большой интерес и остаются почти неизвестными.

По мере роста авторитета Советского Союза за рубежом росло и внимание к фигуре Сталина как руководителя страны и правящей партии, особенностям его характера. Журналисты, писатели и политические деятели всяческими путями стремились получить его интервью. До середины 1920-х годов общение Сталина с иностранцами, как было рассмотрено раньше, ограничивалось довольно редкой перепиской и отдельными беседами, в основном связанными с приемом представителей коммунистических партий. Неточная передача позиций, иска-

жение в западной печати текста данных им интервью и бесед особенно не нравились Сталину. Интерес к фигуре Сталина ощутимо вырос со второй половины 1920-х годов.

15 октября 1926 г. Сталин беседует с американским корреспондентом Д.Девисом. Его статья под заголовком «Как Сталин пробил дорогу к власти» появилась в газете «Нью-Йорк Америкен». Корреспондент писал «Я был в Бюро Сталина по предварительному условию. Его помещение охраняется ночью и днем красными солдатами так, что никто не может войти без пропуска. После сердечного рукопожатия, я оказался против сильной, магнетической личности с черными курчавыми волосами, мужественными усами, коричневыми глазами, с лицом, на котором виднелись следы, оставленные оспой и привлекательной, дружелюбной улыбкой... Он говорил по-русски быстро, его ответы на мои вопросы следовали моментально, без размышлений и, по-видимому, с полной искренностью»¹²⁷.

Когда текст беседы был опубликован в американской печати, Сталин констатировал, что о большевиках распространяются всякие небылицы – что они не едят, не пьют, что у них нет семьи и т.д. Они якобы только занимаются тем, что борются друг с другом и свергают один другого, что они только и делают, что ночью и днем рассылают по всему миру директивы¹²⁸. 6 ноября Сталин ответил американскому издателю упомянутого интервью: «“Ленинградская правда” перепечатала мое интервью, данное в газете “New York American” и переведенное Вами на русский язык. По крайней мере, на 9/10 оно расходится с действительностью. Поэтому я ни в коем случае не могу согласиться на перепечатку “беседы” в нашей печати»¹²⁹.

7 ноября того же года Сталин встретился с американским издателем и журналистом Дюранти, который передавал свою беседу с вождем следующим образом: «Сталин дал Вашему корреспонденту связное изложение своих взглядов на общее мировое положение и еще – более драгоценную возможность оценить его характер и заключенную в нем силу, которая привела его из лачуги сапожника в Кремль. Внутренний бог Сталина – если воспользоваться этим выражением Платона – это

сила воли — невероятная сдержанность, господство над самим собой и сила сдерживающих центров... Сталин говорит медленно, с мягким южным акцентом, фраза за фразой, со скупыми словами и жестами». Среди других задавался журналистом и вопрос о неизбежности войны. На него Сталин твердо и определенно ответил: «Мы не хотим войны». Сталин (как это излагалось американским корреспондентом) также заметил: «Мы показываем посещающим Россию иностранцам и всему миру, что социалистическое государство возможно, что оно растет и будет преуспевать, независимо от того, нравится это кому-нибудь или нет. Социалистическое государство будет развиваться и существовать, и им придется его изучать. Помогут нам или нет — тут мы стоим и здесь останемся»¹³⁰.

В начале 1930-х годов интерес к событиям в Советском Союзе и к личности Сталина как руководителю огромной страны и правящей в ней партии, особенностям характера советского вождя еще более возрос. О подобном интересе можно судить хотя бы по письму известного американского писателя Теодора Драйзера к редактору советского журнала «Интернациональная литература» Сергею Динамову, с которым писатель вел оживленную переписку. 22 сентября 1932 г. Драйзер писал Динамову: «Я бы хотел, если возможно, получить небольшое высказывание Сталина в 500–700 слов, с его подписью, на любую тему по его выбору. Например, если бы он мог убедить нас в том, что он не живет в роскоши, а, наоборот, ведет скромный образ жизни, его не окружают охранники с пулеметами, если бы он мог написать 600–700 слов о чем-то вроде этого, такой материал был бы для нас бесценным». Такая заметка Сталина, по мнению Драйзера, могла бы быть опубликована в журнале “American Spectator”»¹³¹.

Несколько месяцев спустя, 13 января 1933 г., Драйзер по просьбе того же литературного журнала обратился с подобным предложением к председателю акционерного общества «Амторг» П.М.Богданову: «Мне бы хотелось получить написанное Сталиным выступление на любую тему, в 500, 600 или 700 слов. Например, на тему о том, что живет он крайне просто, а не в роскоши, и что его не охраняют с пулеметами, как ходят

слухи. Такой материал оказался бы действительно бесценным для этого журнала. Еще я хотел бы получить очерк, несколько очерков – не по теории и практике коммунизма, не о пятилетнем плане или завершении какой-либо гигантской стройки, – очерков, по-человечески интересных, зарисовки из жизни колхозников, но без пропаганды в какой-либо форме»¹³².

Идея написания популярной биографии Сталина возникла в недрах Отдела пропаганды (Кульпропа) ЦК ВКП(б) еще в самом начале 1930-х годов. Сначала предполагалось поручить это важное и почетное задание немецкому писателю Эмилю Людвигу, затем на роль биографа Сталина была намечена фигура А.М.Горького. Мысль о том, чтобы поручить написание биографии Горькому, Сталину понравилась. В 1931 г. директор ОГИЗа А.Б.Халатов выслал в Сорренто материалы для биографии Сталина. «Дорогой Алексей Максимович! – писал в январе 1932 г. Халатов. – <...> Материалы для биографии И.В. мы Вам послали, напишите мне – не нужны ли Вам какие-либо еще материалы, и когда Вы думаете нам ее дать»¹³³.

В начале 1932 г. через М.И.Будберг¹³⁴ Горький получил предложение от издателя американского издателя Рея Лонга написать книгу, которая должна была называться «Россия сегодня» и содержать примерно 75 тыс. слов.

Рей Лонг писал Максиму Горькому: «Большинство американцев, и, как я думаю, большинство населения других стран в Европе, Азии, везде – не понимает – каков Советский план организации государства? Они думают, что все обитатели СССР – коммунисты. Нужны ясные определения на языке, доступном каждому, того, что собой представляет большевизм, коммунизм, марксизм, советский строй»¹³⁵. По инициативе Р.Лонга в газете “New York Times” 4 марта 1932 г. было помещено рекламное сообщение, в котором шла речь о новом издании и задатке в 2 500 ф. ст. Предлагался следующий вариант книги – Горький должен написать биографию Сталина, а Сталин – рассказать о себе как политическом деятеле и о событиях, происходящих в Советском Союзе. По замыслу издателя, книга давала бы «взгляд на Россию» в период от Первой мировой войны до коллективизации. По мнению Лонга, получился

бы ответ на все вопросы, волнующие американцев, особенно на вопрос – кто такой Сталин и в чем состоят причины его власти¹³⁶. Был также подготовлен проект договора, который могли бы заключить М.Горький и Р.Лонг для издания книги под названием «Правда об СССР» в нью-йоркском издательстве Рея Лонга и Ричарда Р.Смита. Опросом членов Политбюро 16 марта данное предложение было отклонено¹³⁷.

По свидетельству А.Орлова (комиссара НКВД, в 1938 г. вместе с семьей тайно оставшегося в США), мысль о написании такой книги усиленно внушали Горькому часто посещавшие его Ягода и другие деятели НКВД. Орлов отмечал, что «Сталин попросил Ягоду внушить старому писателю: как было бы здорово, если б он взялся за произведение о Ленине и Сталине». В своей книге Орлов подметил, что «сталинское руководство предприняло отчаянные усилия, чтобы создать впечатление некоего благосостояния, хотя бы в столице – напоказ иностранным дипломатам и журналистам», что «Сталин всегда стремился утаить от мира теневые стороны своего режима»¹³⁸.

25 февраля 1932 г. Горький сообщил своему помощнику П.П.Крючкову, что берется за работу и постарается сделать ее до отъезда в СССР. Сталин через Крючкова передал Горькому, что согласен участвовать в таком издании, но ждет приезда Л.М.Кагановича и П.П.Постышева для ведения совместной работы. Срок сдачи книги был намечен на 15 мая 1932 г. Однако тщательные поиски исследователей в архиве Горького не оставили никаких свидетельств того, что писатель собирался приступить к работе над книгой, никаких подготовительных материалов к ней также не сохранилось¹³⁹.

На этом этапе руководители ЦК остановились на кандидатуре французского писателя и общественного деятеля-антифашиста Анри Барбюса. Выбор этой кандидатуры не был случайным.

Со времени Первой мировой войны Барбюс стал последовательным борцом с войнами и фашизмом. Приветствуя в 1927 г. приезд Барбюса в Советский Союз, А.В.Луначарский называл его «замечательной фигурой нынешней эпохи... разбуженной той огромной миссией, которая выпала на его до-

лю – именно войной». Он подчеркивал, что это «необыкновенно тонкая натура, человек, отличающийся изумительной восприимчивостью, замечательным умением восприятия своих недостатков, умением их перерабатывать, обобщать и не меньшим умением излагать их, заражать ими своих читателей, а все это – черты настоящего художника»¹⁴⁰.

Барбюс неоднократно бывал в Советском Союзе. В начале 1920 г. он переписывался с В.И. Лениным. В конце 1924 г. предполагался приезд писателя по приглашению Международного бюро связей пролетарской литературы и правления ВАПП в Ленинград. Его ждали и в Москве, но поездка сорвалась, и французский писатель сумел приехать в Союз только в 1927 г.¹⁴¹

Советский писатель В.Г. Лидин, неоднократно встречавшийся в 1930-е годы с А. Барбюсом, вспоминал: «На протяжении ряда лет Барбюс был недремлющей совестью, своего рода колоколом, звучавшим голосом предупреждения против готовившейся новой мировой войны. Его книга “Огонь” была завещанием поколения, похоронившего свою молодость в Вогезах, в Шампани или под Верденом... Всю четверть века после первой мировой войны Барбюс жил в предощущении готовящейся новой мировой войны... Он будил, как набатный колокол, современное ему... общество»¹⁴².

В конце 1920-х – начале 1930-х годов Барбюс переписывался со Сталиным. В 1927, 1932, 1933 и 1934 гг. он с ним встречался. Именно через А. Барбюса передавались из Советского Союза крупные денежные средства для поддержки антивоенного движения на Западе. 12 октября 1932 г. Барбюс общал в Москву о получении собранной по подписке советскими рабочими для Амстердамского движения около 385 тыс. франков. «Я счастлив и тронут этим великолепным жестом рабочего класса, – писал Барбюс Сталину, – эта общественная подписка представляет для нашей работы в настоящее время и в будущем не только огромную действительную помощь, но и бесценное поощрение»¹⁴³.

Контакты Сталина с Барбюсом представляют большой интерес не только последовательной антифашистской позицией

Барбюса, но и позициями самого Сталина как руководителя Советского государства. Обратимся к одной из таких встреч – к встрече Сталина с А.Барбюсом 16 сентября 1927 г. Беседа, стенограмма которой до сих пор не публиковалась полностью, представляет огромный интерес. И хотя в архивном деле сохранилась лишь ее краткая запись, она раскрывает ряд важных позиций и оценок Сталина. Приведем беседу без купюр, такой, какой она сохранилась в архиве в записи переводчиков Духовного и Тивеля. Однако при чтении записи беседы создается стойкое впечатление, что далеко не все нюансы перевода, особенно точки зрения Сталина, адекватно переданы переводчиками. На беседе присутствовал также заместитель председателя ВОКСа Лернер¹⁴⁴.

Барбюс: «Я счастлив Вас видеть. С первых же дней моего приезда я пытался получить свидание с Вами. Полагаю пробыть здесь месяц – полтора. Моя ближайшая цель – написать несколько книг об СССР. Сейчас я хотел бы выяснить два вопроса. Первое – на Западе очень много говорят относительно Грузии. Когда толкуют о красном империализме, о том, что коммунисты угнетают национальные меньшинства, то выдвигают всегда Грузию. Грузия стала как бы символом советской политики угнетения. Второе – я хотел бы также получить некоторые материалы для противодействия агитации относительно красного террора в СССР»¹⁴⁵. «Тов. Сталин интересуется, – отмечают переводчики, – действительно ли на Западе уделяют столь большое внимание вопросу о Грузии. Тов. Барбюс подтверждает это и говорит, что он хотел бы ознакомиться с различными документами. Тов. Сталин спрашивает его, собирается ли он побывать в Грузии, указывая, что лучше всего ознакомиться с этим вопросом на месте. Все документы, которые т. Сталин сможет найти, могут быть предоставлены в распоряжение Барбюса»¹⁴⁶.

Далее Сталин подробно отвечает на главные, поставленные Барбюсом, вопросы, и в свою очередь лично интересуется – был ли Барбюс на фронте. Писатель ответил, что был в окопах 22 месяца, как простой солдат¹⁴⁷.

На вопрос о Грузии Сталин ответил пространно и с максимально выверенных, четких классовых позиций: «На Западе буржуазная печать и, особенно, социал-демократы толкуют относительно того, что мы завоевали Грузию, что мы отняли у грузинского народа язык, культуру и т.д. Совершенно не так обстоит дело. Грузия может служить образцом страны, где осуществлена национальная свобода, она может служить образцом нашей национальной политики. Кто хочет изучить нашу национальную политику, пусть едет в Грузию. Конечно, в Грузии есть недовольные элементы так же, как и в Центральной России. Объясняется это тем, что существуют еще классы, что есть остатки буржуазных классов, дворянства, есть эмбрионы новой буржуазии. И вот, им неприятно, что у власти в Грузии стоят рабочие. Это свое классовое недовольство они облачают в форму национальную, выдвигают свои собственные классовые интересы под национальным флагом. Это свое недовольство теперешним режимом они облачают в национальную форму, толкуют о национальном угнетении. На Западе это кое-кого смущает. На деле же тут происходит узурпация национального флага, выставляется национальный момент, чтобы прикрыть классовое недовольство. Мы национальную свободу понимаем не как освобождение всех классов, а как освобождение только рабочих и трудящихся крестьян-бедняков, и если мы создаем народную власть на родном народу языке, то это есть власть не всех классов, а трудящихся. Все, что мы делаем в Грузии, вся наша политика там может быть отдана на суд кого угодно. Никаких теневых сторон никто там у нас не найдет. Нигде в мире политика национального равенства не проводится так, как в наших национальных республиках и особенно в Грузии. Вы не обязаны мне здесь верить на слово, — я ведь один из участников проведения этой политики, но Вы поедете на место и сами там в этом убедитесь»¹⁴⁸.

Столь же подробно Сталин ответил и на вопрос о «красном терроре»: «Эти разговоры начались еще в 1918 г. после покушения на Ленина. До лета 1918 г. мы вели себя даже слишком легко. Расстрелы шпионов, которые происходят, это, конечно, не красный террор...»¹⁴⁹

Для наглядности Сталин приводит конкретный пример: «Вот недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров. У этой группы было задание отравить газми весь съезд Советов, на котором присутствовало 3–5 тыс. человек. Было дано задание отравить газами весь съезд. Как же бороться с этими людьми? Тюрьмой их не испугаешь и тут просто вопрос об экономии жизни. Либо истребить отдельные единицы, состоящие из дворян и сыновей буржуазии, которые финансируются князьями и ставят своей задачей отравить целые съезды высших органов, (а у нас на съездах бывает до 5 000 человек), или позволить им уничтожить сотни, тысячи людей»¹⁵⁰.

Далее Сталин продолжает разговор с Барбюсом: «С точки зрения внутренних условий в стране нет никаких резонов для сохранения смертной казни. Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет нужды. Но, с точки зрения международных отношений, отменить смертную казнь в данный момент никак нельзя (подчеркнуто при правке стенограммы И.В.Сталиным. – Г.К.)... В результате, по милости капиталистов, посылающих к нам террористов, мы вынуждены сохранить смертную казнь. Если бы капиталисты оставили нас в покое, мы могли бы немедленно принять декрет об отмене смертной казни (конечно, на мирное время, так как в военное без этого обойтись нельзя)».

Сталин при этом уточняет: «Конечно, смертная казнь неприятная вещь. Кому же приятно убивать людей? Но международная обстановка такова, капиталисты так сильны, у них так много денег, они так беспощадны в борьбе с нами, они так систематически посылают в СССР террористов, что без смертной казни нам не обойтись (видимо, подчеркнуто в стенограмме самим Сталиным. – Г.К.)».

Барбюс: «Это совершенно правильно. В теперешних условиях уничтожение смертной казни было бы самоубийством для советской власти».

Сталин: «Тут нужно сказать, какая есть разница между нами и западными странами. В капиталистических странах практика белого террора вызывается внутренними причинами,

их внутренней неустойчивостью. У нас же других мотивов смертной казни, кроме международных, нет... Мотивы смертной казни у нас диктуются только соображениями извне. Мы здесь обороняемся. Ни одно буржуазное государство не может этого сказать, потому что у них террор направлен против своих рабочих и крестьян, против их недовольства, у нас же смертная казнь направлена против внешних врагов.

Тут нужно поставить вопрос о том, против кого направлена смертная казнь. У нас она направлена против остатков разбитых классов. Кто встречается в списках лиц, приговоренных к смертной казни? Только дворяне, князья, царские генералы, царские офицеры, которые воевали с советской властью. Очень редко, я не знаю такого случая, когда встречаются в этих списках представители неэксплуататорских классов может быть один – два случая среди шпионов. Кто же нас упрекает, что мы не защищаем всех одинаково, то на это нужно ответить, что мы и не собирались защищать всех. Мы ведь говорим открыто, что у нас классовый строй. Это нужно иметь в виду. Нужно ставить вопрос, кто ее применяет и против кого. Класс паразитический или класс рабочих? Нужно разбирать, какую цель преследует смертная казнь, для охраны кого она применяется. Интересно отношение к этому вопросу рабочего класса у нас. Рабочие ругаются, что у нас мало расстреливают. После убийства Войкова у нас в ответ на это было расстреляно 20 белогвардейцев. Рабочие были этим очень довольны, но говорили, что мало расстреляли, что у нас много еще таких паразитов имеется. Они говорили: вы, то есть это мы, слишком мягки к белогвардейцам»¹⁵¹.

При правке стенограммы Сталин дополнительно сделал несколько вставок и исправлений. Все они носят редакционный характер, однако указывают на тщательность работы Сталина с текстом. Приведем лишь небольшой отрывок (подчеркнутые фрагменты вписаны при правке, в квадратных скобках даны вычеркнутые Сталиным фразы): «Если мы создаем народную власть на родном народу языке, то это есть власть не всех классов [всего народа], трудящихся. С точки зрения внутренних условий в стране [причин] у нас никаких резонов для со-

хранения смертной казни. Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет никакой нужды, но [что] с точки зрения международных отношений отменить смертную казнь в данный момент никак нельзя. У нас нет никаких других средств для борьбы с этими организациями. В результате, по милости капиталистов и посылаемых к нам террористов, мы [должны] вынуждены сохранить смертную казнь. Если бы капиталисты [нас] оставили нас в покое, [то] мы [бы] могли бы немедленно подписать декрет об отмене смертной казни. Конечно, смертная казнь [это] неприятная вещь, кому же приятно убивать людей? [Для этого прямо нужно быть зверем], но международная обстановка такова, капиталисты так сильны, у них так много денег, они так беспощадны в борьбе с нами, они так систематически посылают в СССР террористов, что другого средства у нас [мы не можем обойтись] нет». Конец фразы Сталин исправляет дважды – зачеркивает «мы не можем обойтись». Затем, еще раз перечитывая стенограмму, Сталин вписал: «Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет нужды. Но... в данный момент посылают к нам террористов... без смертной казни нам не обойтись».

Чем объяснить столь детальную и длительную беседу Сталина с Барбюсом? Прежде всего, стремлением советского вождя подробно и убедительно показать позиции страны по отношению к другим, особенно буржуазным, враждебным Советскому Союзу странам, отразить последовательную линию на развитие классовой демократии в первой стране, строящей социализм, по отношению ко всем, кто может помешать этому строительству.

В конце беседы заходит речь о продаже журнала «Монд» («Мир») – главным редактором которого являлся Барбюс, о его намерении написать новые книги об СССР и о Грузии. Барбюс горячо настаивал также на том, чтобы Сталин дал свой ответ на анкету журнала, чтобы «мы могли дать нашим читателям ваше авторитетное мнение по этому вопросу, которое они ждут с нетерпением». К просьбе Барбюс приложил перечень вопросов анкеты, которые представляют известный интерес:

1. Невозможность научного социализма.
2. Социализм есть верование.
3. Общая закономерность начатков социализма.
4. Социальная ценность борьбы классов.
5. Борьба классов и борьба идей.
6. Современная ценность социализма¹⁵².

Сталинского ответа на анкету в журнале «Monde» в архиве найти не удалось, вероятнее всего по причине некоторой необычности поставленных в ней вопросов. Осталось неясным – был ли этот ответ вообще.

В начале 1930-х годов тогдашний главный редактор газеты «Известия» И.М.Гронский, отвечавший перед Политбюро и персонально перед Сталиным за работу с представителями зарубежной интеллигенции, не раз встречался с Барбюсом. В редактируемом им журнале «Монд» были напечатаны две протроцкистские статьи, за что на Барбюса обрушились ЦК Французской компартии во главе с Морисом Торезом, МОРП и Коминтерн. Гронский позвонил Сталину, затем связался с его секретарем А.Н.Поскребышевым, а также с В.М.Молотовым и М.И.Калининым, чтобы узнать – какой линии следует держаться с Барбюсом. Сталин определенно ответил: «Барбюс – это политический капитал, а они его растранижируют». Сталин многих видных западных деятелей, в число которых входил и Барбюс, называл «политическим капиталом»¹⁵³.

Для более полного знакомства с Советским Союзом и его людьми осенью 1927 г. Барбюс совершил путешествие по нашей стране – посетил Украину, города и селения Грузии, Армении, Азербайджана. Уже через год, в 1929 г., появилась небольшая книжка А.Барбюса «Voici ce qu'on a fait de Géorgie» («Вот что сделали с Грузией»). Он описывает расцвет Советской Грузии, с увлечением пишет о необыкновенных судьбах обыкновенных людей республики¹⁵⁴. В конце 1928 – начале 1929 г. Барбюс вместе со своим секретарем Аннет Видаль побывал в Нижнем Новгороде, Крыму, Одессе, ряде других городов Союза, запечатлев свои наблюдения в книге «Russie» («Россия»). Книга была издана в 1930 г. на французском языке,

а вскоре и в нашей стране на русском и белорусском языках. Барбюс описывает пейзажи, знакомится с множеством народностей, говорящих на разных языках. «Аксиоматический принцип русской революции – это систематическое выкорчевывание старых социальных отношений и перестройка страны на пользу работающих масс», – делает вывод писатель. Один из определяющих тезисов книги гласит: «Революция создала нового человека: гражданина работающей республики: рабочего завода, рабочего полей, интеллектуального рабочего. ...Существует новая нация, и она имеет характер скорее социальный, чем этнический... Это советская нация». Барбюс писал о самых простых вещах, на которые он обратил внимание в нашей стране, – бесплатный отдых на море для детей рабочих, бесплатное лечение в больницах, отпуска за счет государства и многое другое. В книге было много статистики, фактов и цифр, для того, чтобы показать и доказать западному читателю особенности жизни в СССР¹⁵⁵.

Еще 20 ноября 1929 г. Барбюс писал Сталину не только о желательном оказании со стороны России денежной помощи французскому антивоенному движению, но и о своем намерении «опубликовать в ближайшем будущем во Франции и в европейских странах книгу об СССР, в которой разнородные вопросы будут последовательно разработаны»¹⁵⁶.

В печатном органе французских коммунистов, газете «L'Humanité» от 1 мая 1932 г. появилась статья А.Барбюса «Призыв к защите Советского Союза». Барбюс в ней писал: «СССР – это живой социализм. По отношению к капитализму – это другой строй, другая система, другой мир... В теперешнем мире – это единственное пацифистское государство. Советский Союз, который установил на территории 20 млн. кв. км человеческий закон, диаметрально противоположный закону капитализма, продолжает подниматься вверх, несмотря на все препятствия. Он идет вперед, проникнутый сознанием величия дела континентального возрождения, при котором интересы каждого лица в отдельности логически развиваются в интересах всех».

Во время беседы со Сталиным 5 октября 1932 г. Барбюс выразил признательность за назначенную встречу. На это Сталин скромно ответил: «Я не так уж занят, чтобы не иметь возможности побеседовать с т. Барбюсом»¹⁵⁷. Писатель подчеркнул, что он поражен тем гигантским размахом работы и теми достижениями, какие он увидел после своего последнего посещения три года назад. Сталину ответ понравился: «Находясь под гнетом царизма, мы на 300 лет отстали от Европы. Мы считаем, что нам нужно еще очень многое сделать. Мы не можем удовлетвориться достигнутым. Но кое-что мы все же сделали»¹⁵⁸. В свою очередь, Барбюс подробно рассказал об Амстердамском конгрессе против войны, поднял некоторые финансовые вопросы, а также вопросы о проведении кампаний в защиту мира и против отдельных конфликтов, об организации ячеек на предприятиях западных стран. Сталин счел нужным высказаться и по поводу организации в Европе движения в защиту мира: «Для того чтобы борьба против войны дала большие результаты необходимо, чтобы органы, возглавляющие эту борьбу, не носили характера инструмента или представительства коммунистических партий. Необходимо, чтобы во всех комитетах были не только коммунисты, но и беспартийные – просто люди с чистой совестью и имеющие ясное представление о современном положении»¹⁵⁹. Тогда же Сталин обратил внимание на необходимость широкой агитации, направленной на разъяснение массам сущности империализма и разоблачение истинных организаторов войны, на желательность издания бюллетеня на трех языках для западного читателя с оказанием помощи от СССР – «некоторую помощь, по крайней мере, на первых порах можно будет оказать, а в дальнейшем бюллетень должен будет себя окупать». Во время беседы Барбюс еще раз, гораздо более определенно, чем раньше, выразил желание написать несколько книг и журнальных статей об СССР¹⁶⁰.

Когда писатель обращался по поводу публикации своих статей в советских изданиях, руководители центральных газет и журналов немедленно связывались со Сталиным как с высшим арбитром. Так, 6 мая 1932 г. Л.З.Мехлис (газета «Правда»

обращался к Сталину с запиской: «Посылаю Вам перевод (без литературной правки) статьи Барбюса. Намерен ее напечатать в «Правде» в номере от 8 мая. Нет ли возражений? Статья интересная. Л.Мехлис»¹⁶¹.

4 ноября того же года Мехлис сообщал Сталину: «Тов. Сталин. А.Барбюс прислал нам статью “Между двух культур”. Смущает нас особенно формулировка о *независимости* литературного и политического движения (8-я стр.). Просим просмотреть статью. Л.Мехлис». Сталин оперативно и спокойно ответил: «Нужно публиковать без изменений. За ошибки в статье ответственен автор статьи, ибо статья подписана. И.Сталин»¹⁶².

8 декабря 1932 г. под грифом «совершенно секретно» в секретариат Сталина из отдела пропаганды (Культпропа) ЦК было послано следующее письмо:

В связи с письмом Анри Барбюса, посланным Вам ранее, Культпроп ЦК вносит следующее предложение: Рекомендовать т. Мюнценбергу *принять* предложение Анри Барбюса о написании последним биографии т. Сталина. Предрешишь, что *предварительный просмотр* работы А.Барбюса должен быть возложен на т. Товстуху. Рекомендовать т. Мюнценбергу непосредственно связаться с т. Товстухой. Последнему определить материалы, которые можно дать Анри Барбюсу. Обязать т. Мюнценберга обусловить предварительный просмотр и редакцию всей работы т. Товстухой. Желательна была бы встреча Анри Барбюса с т. Товстухой. Мы специально спрашивали мнение т. Мануильского, в частности, в связи с тем, что в «Монде» вокруг Анри Барбюса сгруппировались троцкистские элементы. Тов. Мануильский считает, что Анри Барбюсу это дело поручить можно и стоит, он напишет то, что ему посоветуют, в частности, и о борьбе с троцкизмом. Будучи в Москве, А.Б. говорил, что хочет порвать со своим «мондовским» окружением. Тов. Мануильский сообщил, что Мюнценберг в ближайшее время будет в Москве – тогда можно было бы договориться с т. Мюнценбергом детально¹⁶³.

Небольшое время спустя, Барбюс написал Мюнценбергу:

Мой дорогой Мюнценберг!

Договорено, что я займусь книгой о Сталине, о которой мы с Вами говорили. Я буду очень счастлив посвятить все мои усилия к то-

му, чтобы нарисовать эту великую фигуру, которая играет сейчас такую гигантскую роль и которая действительно воплощает, как я мог убедиться при моей поездке по всей территории Союза, творческий энтузиазм революции. Но я не могу взяться за такое большое дело, если я не буду аккуратно получать с другой стороны документы о политической деятельности Сталина с самого ее начала. То, что мне об этом известно, мне кажется недостаточным. Я прошу Вас поэтому предпринять необходимые шаги перед советскими товарищами, чтобы мне была дана такая документация и чтобы из этих документов были отобраны наиболее важные. Я хотел бы также получить все труды, написанные на французском языке специально о Сталине. Я рассчитываю на Вас, мой дорогой друг. Сердечно Ваш, Анри Барбюс¹⁶⁴.

Это желание было подтверждено во время следующего приезда А.Барбюса в Москву в 1933 г. 21 июля он писал Сталину:

Дорогой тов. Сталин!

С сегодняшнего дня снова я в Москве. Я хотел бы Вас повидать, чтобы поговорить с Вами от имени всех наших товарищей о нашем движении и о больших вопросах, которые встают перед нами. В этих целях я приехал сюда. Я прошу Вас не отказать назначить мне свидание с Вами. Поверьте моей преданности и братским чувствам. Анри Барбюс¹⁶⁵.

Нельзя не заметить, что огромный пиетет по отношению к советскому вождю проявлялся и в переписке – А.Барбюс неизменно обращался к Сталину не иначе, как «Мой дорогой и великий товарищ, друг!».

В этот раз он снова просил ускорить передачу ему необходимых документов. Тогда же Барбюс обратился в отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) с предложением о написании киносценария для фильма о жизни вождя. «Отобразить гениальный образ Сталина» – такой видел свою задачу А.Барбюс¹⁶⁶. Директор Акционерного общества Межрабпом-Русь Самсонов писал Поскребышеву: «Сценарий представляет огромный интерес. Анри Барбюс нашел другую форму фильма, через которую можно отобразить гениальный образ т. Сталина»¹⁶⁷.

Осенью 1934 г. А.Барбюс снова приехал в Москву. После прибытия в столицу он заявил корреспонденту «Литературной

газеты», что это связано с работой над книгой о Сталине, которую он предполагает закончить зимой. В следующем номере газеты сообщалось, что книга Барбюса о Сталине появится одновременно во Франции, СССР, Англии и Голландии¹⁶⁸.

26 сентября 1934 г. Барбюс направил Сталину письмо с отчетом о задачах и средствах Амстердамского движения. Отчет Барбюса сопровождался запиской: «Дорогой товарищ Сталин! Вот доклад, который я обещал в своем предыдущем письме Вам представить. Верьте моему чувству признательности». В докладе содержалась мысль о важной роли создания единого антифашистского фронта. Доклад Барбюса Сталин переслал для ознакомления Кагановичу и Жданову¹⁶⁹.

Тогда же Барбюс снова попросил аудиенции у Сталина. Он писал:

Мой дорогой и высокий товарищ! Я был бы Вам признателен, если бы Вы не отказали мне, – несмотря на Вашу занятость и если это не слишком беспокоит Вас – назначить мне свидание в том месте, где Вы сейчас находитесь в настоящее время и куда я мог бы немедленно прибыть»¹⁷⁰.

30 сентября писатель получил дружеский ответ:

Тов. Анри Барбюсу.

Уважаемый товарищ! Прошу извинения за поздний ответ. Я вчера только вернулся в Москву и не мог раньше ознакомиться с Вашим письмом. Охотно готов побеседовать с Вами в любой день, начиная с 31 окт.

Братский привет! И.Сталин»¹⁷¹.

Барбюс немедленно ответил на послание Сталина:

Мой дорогой и великий товарищ.

С благодарностью подтверждаю получение Вашего письма. Раз Вам было угодно предложить мне назначить день, в который мы могли бы встретиться, начиная с 31-го числа, – я Вас прошу не отказать принять меня 1-го ноября. Весь этот день я буду находиться в Вашем распоряжении и ожидать часа, который Вам будет угодно мне назначить для свидания.

С братским уважением. Анри Барбюс¹⁷².

Такая встреча состоялась 1 ноября. В конце беседы Сталин поинтересовался, нет ли у Барбюса особенных пожеланий и не нуждается ли он в чем-либо. Барбюс выразил восторг по поводу всего увиденного в СССР, подчеркнув, что рельефнее увидел всю ложь, которая распространяется на Западе о Советском Союзе, в частности о самом Сталине, который на деле оказывается таким сердечным человеком¹⁷³.

Весь 1934 г. ушел у французского писателя на завершение книги и выполнение договора с Акционерным обществом «Межрабпом-Русь» о написании сценария художественного фильма (предлагавшиеся рабочие названия – «Творцы», «Строители», «Спасители», «Новые люди»). Главным содержанием фильма Барбюс считал показ различных исторических этапов создания и развития социалистического государства, «олицетворенного, главным образом, в фигурах его двух основоположников – Ленина и Сталина»¹⁷⁴. Сценарий Барбюс предлагал дополнить антропометрической карточкой Сталина, фото анфас и в профиль, наполнить аллегориями и художественными картинками (например, проекцией картины, изображающей демонстрацию в Батуме со Сталиным во главе), высказываниями представителей разных социальных слоев, различных политических течений. Ряд сцен автор намеревался реконструировать с помощью профессиональных актеров. Среди действующих лиц сценария – рабочие – Степан, Надежда, Илья, Василий, крестьянин Хашим. Приводятся его слова: «Я самый ничтожный из людей, я, которого все преследуют, я никогда не обращался к вождям, но тебя я признаю. Ты национальный герой. Ты гибок, у тебя великий ум и у тебя большое сердце». В этой части сценария автор стремился раскрыть выдающуюся роль Сталина в решении национального вопроса¹⁷⁵. Последняя часть фильма, по замыслу автора, должна была показать достижения советской власти в годы первой пятилетки, старую и новую деревню, развитие промышленности, воспроизвести речь Сталина на XVII съезде партии¹⁷⁶.

19 января 1935 г. Барбюс разъяснял свой замысел директору Межрабпом-фильма Самсонову: «Ради этой фильмы я в настоящее время приостановил все свои остальные работы (за

исключением книги о Сталине), и думаю, что теперь дело пойдет быстрее. Фильма ведь должна представлять, как это было условлено, нечто вроде лирической панорамы истории России и СССР за последние 20–30 лет, т.е. первой трети XX века, панорамы расширенной, уточненной и углубленной всеми художественными приемами, которыми мы в настоящее время располагаем и в противовес книге, не имеющей обстоятельного документального характера»¹⁷⁷. Барбюс писал о том, что фильм должен представлять собой «широкое полотно, охватывающее и синтезирующее не только различные исторические этапы создания и развития социалистического государства... но также и главные течения мысли, все глубокие стремления, а также попытки противодействия развитию концепции общин трудящихся в столь обширном масштабе... разногласия и даже интриги некоторых политических деятелей». Движущей силой этой конкретной трагикомедии первого плана должны также быть человеческие страсти, половой вопрос, материальные интересы. «Что же касается образа Сталина, – добавлял Барбюс, – есть несколько возможностей (не прибегая при этом к театральным приемам, недостойным нашего великого товарища), осветить его и выдвинуть вперед на фоне исторических событий»¹⁷⁸.

Для подготовки окончательного варианта сценария Барбюс просил произвести отбор необходимых ему документов: фотографий, фильмов или кусков из фильмов, показывающих Сталина в действии, например, на трибуне, на палубе парохода (Беломорканал) и т.п. Кончался сценарий следующими преисполненными пафосом словами: «Людское море образует что-то вроде фронтона монумента, этот монумент – мавзолей Ленина. Мы видим кого-то, стоящего на самом верху монумента и поднимающего руку для приветствия. Мы видим его в отдалении. Он слишком далек, чтобы его различить, но можно догадаться, что это Сталин. Все освещено красным светом, дающим фон пожара и зари»¹⁷⁹.

2 апреля 1935 г. А.Н.Поскребышеву было направлено следующее письмо: «Дирекция Акционерного общества “Межрабпом-фильм” заключила в прошлом году договор с т. Анри

Барбюссом на написание сценария художественного фильма о тов. Сталине. Вопрос о написании сценария такой картины в свое время был согласован с Культпропом ЦК. Т. Анри Барбюсс прислал нам предварительный набросок сценария на указанную тему под условным названием “Творцы”. Присланный материал Дирекция рассматривает как сугубо предварительный, но нужно отметить, что он представляет огромный интерес, так как, в отличие от известной вам картины “3 песни о Ленине” режиссера Вертова, т. Анри Барбюсс нашел другую форму картины, через который можно отобразить гениальный образ т. Сталина. Дирекция А/О “Межрабпом” собирается дать т. Анри Барбюссу ряд практических указаний по написанию сценария, но раньше, чем написать наши замечания т. А.Барбюсс, нам хотелось бы иметь предварительную беседу по этому вопросу с вами. Для ознакомления посылаем предварительные наброски сценария т. А.Барбюсс и его письмо к нам по этому вопросу»¹⁸⁰.

По мнению Дирекции Акционерного Общества, Барбюссом был написан представляющий огромный интерес оригинальный сценарий, в котором жизнь Сталина была бы показана на фоне истории России конца XIX и первой трети XX века, через характеры и судьбы простых людей.

Начатая французским писателем работа над сценарием кинофильма не была завершена. 30 августа 1935 г. после тяжелой болезни Барбюс скончался в Москве. В комиссию по организации похорон писателя вошли Н.Булганин, А.Марти, Г.Монмуссо, А.Толстой, М.Кольцов, Е.Стасова и А.Стецкий. Весь ритуал похорон был согласован со Сталиным. 31 августа за подписью Кагановича, Молотова, Ежова, Мануильского в Сочи, где отдыхал Сталин, была послана телеграмма с предложениями по организации похорон и просьбой сообщить мнение вождя по поводу того, за подписью какого органа давать официальное извещение. Сталин также ответил телеграммой: «Если друзья и родственники настаивают, лучше похоронить в Париже, конечно, после соответствующих почестей с нашей стороны. Извещение надо дать от ЦК и СНК. Все остальное – согласно вашего предложения. Сталин». Во Францию в газету

«L'Humanité» на имя М.Кашена, М.Тореза, П.Вайян-Кутюрье Сталин послал соболезнование: «Скорблю по случаю кончины нашего друга, друга рабочего класса Франции, достойного сына французского народа, друга трудящихся всех стран, глашатая единого фронта трудящихся против войны и фашизма — тов. Анри Барбюса. Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства». 3 сентября текст телеграммы был напечатан в газете «Правда»¹⁸¹.

Но книга о Сталине автором была закончена. Сам Барбюс придавал огромное значение своему труду. Для оценки труда Барбюса важно отметить, что он был завершен до убийства Кирова. С достаточной степенью достоверности можно утверждать, что вся подготовка книги велась под пристальным вниманием партийных и советских органов. Неслучайно известный израильский славист М.Вайскопф заметил, что книга «созревала в тайниках агитпропа и Коминтерна»¹⁸². В этом утверждении содержится немалая доля правды. В месяцы подготовки биографии у А.Барбюса завязалась регулярная переписка с руководящими деятелями ЦК ВКП(б) и Коминтерна А.Б.Мюнциенбергом, А.Куреллой, А.Н.Поскребышевым, А.И.Стецким. А.Барбюса волновала присылка новых материалов, проверка ряда биографических данных Сталина. В свою очередь, из Москвы давались советы по поводу того, как интереснее, политически правдивее и лучше написать столь важную книгу¹⁸³.

Над рукописью книги «Сталин» Барбюс работал очень тщательно. Как писал он на ее страницах, перед ним стояла грандиозная задача: «Воссоздать образ человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического борца, сквозь который видны миры и эпохи». В своей работе Барбюс искренен, честен и последователен, он не скрывает своего восхищения Сталиным и всем, что ему удалось увидеть и узнать в Советском Союзе¹⁸⁴.

Он неоднократно писал руководителям ЦК о необходимости присылки ему документации о политической деятельности Сталина, о желании получить все труды, написанные им или

переведенные на французский язык и посвященные советскому вождю. Такие материалы Барбюс начал периодически получать с весны 1933 г. 10 апреля А.Курелла обратился к Сталину: «Прошу Вас дать указание т.т. (товарищам. – Г.К.), которым Вы поручаете выполнение требований Барбюса по этому вопросу»¹⁸⁵.

8 мая 1934 г. в ЦК было получено подтверждение о вручении Барбюсу необходимых материалов по списку. В числе присланных писателю материалов были отчетные доклады Сталина съездам партии, работа «Вопросы ленинизма», доклад об итогах первой пятилетки и целый ряд других материалов¹⁸⁶.

Законченная рукопись книги была послана на предварительный просмотр заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.И.Стецкому. Именно ему было поручено выполнять миссию официального редактирования русского перевода. В ЦК знакомились с рукописью основательно и не спешили с ответом Барбюсу, что не могло не волновать писателя. В течение августа 1934 г. Барбюс послал несколько телеграмм Поскребышеву и Стецкому с просьбой ускорить присылку рукописи с замечаниями. 11 августа Барбюс писал Поскребышеву: «Очень беспокоюсь, ожидаю ответа, рукописи. Телеграфируйте непосредственно. Известите секретаря Димитрова. Барбюс». 29 августа Стецкий сообщил Барбюсу о том, что рукопись с замечаниями будет выслана в ближайшие пять дней. Наконец, 31 августа рукопись со справкой и замечаниями Стецкого была отправлена автору¹⁸⁷.

Прочитав рукопись, Стецкий ответил Барбюсу пространном письмом – рецензией. Он начал с самой высокой оценки рукописи: «Я восхищен тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения, написанной с громадным революционным подъемом. На всем протяжении книги ощущается Ваша художественная сила»¹⁸⁸.

Но главная часть рецензии посвящена существенным критическим замечаниям, среди которых было немало постраничных, а также носящих уточняющий характер. «Мне кажется,

однако, — писал Стецкий, — что Вы слишком часто подменяете политические и социальные категории этическими понятиями. Так, например, борьба оппозиции против партии (я имею в виду троцкистскую оппозицию, поскольку Вы лишь изредка и недостаточно упоминаете о других оппозициях) представляется Вам, как борьба “темпераментов” Сталина и Троцкого. Между тем, как экономические и социальные корни оппозиции Вами освещаются недостаточно. Далее, некоторые эпитеты, которые Вы применяете к Сталину, как, например, “человек здравого смысла”, “практик” затемняют истинный образ Сталина, как величайшего теоретика марксизма после Ленина и делают из него иногда, помимо Вашей воли, какого-то оппортуниста — эмпирика, целиком поглощенного тем, что Вы называете “прикладным марксизмом”»¹⁸⁹.

Для Стецкого разумелось само собой, что приводимые Барбюсом определения «максималисты» и «минималисты» являются неправильным переводом слов «большевики» и «меньшевики», этимологические корни которых происходят от «большинства» и «меньшинства». Далее автор письма Барбюсу замечал: «На протяжении всей книги у читателя несколько раз может получиться впечатление, что, по Вашему мнению, имеется неизбежный разрыв между теорией и живой действительностью. Подобная теория была бы догмой, несовместимой с марксизмом. Мы берем конкретные факты в их развитии, в соответствии с законами диалектического материализма. Это вовсе не значит, что марксизм “приспосабливается” к фактам. Объясняя факты, марксизм указывает, как их изменить»¹⁹⁰.

Стецкий сделал еще одно замечание, которое ему представлялось весьма существенным — по поводу Троцкого. «Мне непонятно, — в поучающем стиле пишет партийный рецензент, — почему в книге о Сталине, руководящем строительством социализма, имеется столько полных терпимости рассуждений о “душевных переживаниях” Троцкого, уже много лет тому назад перешедшего в лагерь контрреволюции. Я хотел бы обратить ваше особое внимание на этот пункт».

Частое упоминание Барбюсом фигуры Троцкого, цитирование его работ вызывает у рецензента весьма раздраженную ре-

акцию. Он советует писателю: «Вы цитируете Троцкого. Разве нельзя передать ту же мысль цитатой из Ленина или Сталина?» Несколько позже, подчеркнув этот тезис на полях, рецензент добавляет: «О роли и личных качествах Троцкого. Хотел бы еще раз обратить Ваше внимание на это – на Вашу исключительную терпимость по отношению к Троцкому, которая приводит Вас к неправильным выводам. Борьба против оппозиции не была борьбой “темпераментов”, она была борьбой против влияния контрреволюционной мелкой буржуазии в рядах нашей партии. Дело вовсе не в том, что, как Вы пишете, “Троцкому не доставало великой, простой грубости творца”», а в том, что ему «не доставало» понимания ленинизма, роли рабочего класса, как руководителя трудящегося крестьянства, роли партии и т.д. «Я рекомендую Вам, – советует Стецкий, – коренным образом переделать эту главу, которая должна быть также обогащена анализом социальных корней оппозиции». «Мне кажется, – пишет рецензент, – что вся история борьбы на два фронта (против правой и левой оппозиции. – Г.К.) должна быть насыщена большим количеством фактического материала. Так, например, читателю останется непонятным, в чем заключался оппортунизм Зиновьева – Каменева»¹⁹¹. Стецкому хотелось бы видеть в книге больше фактического материала о борьбе с оппозицией.

Ряд важных замечаний касался образа Сталина и состоял в том, что «в книге недостаточно дан образ Сталина-человека, не показан его стиль в работе, стиль его языка, не выявлены его многообразные связи с массами, не показано, какой любовью окружен Сталин»¹⁹².

Большой интерес представляют и более мелкие постраничные замечания рецензента. Кроме указаний на ряд фактических неточностей в датах и событиях, связанных с биографией Сталина (например, о том, что он является не участником составления Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик, а является ее единственным автором), делаются следующие замечания: «Вы говорите, что ленинизм не является новой главой марксизма. Ленинизм, безусловно, является новой главой марксизма, а именно “марксизмом эпо-

хи империализма и пролетарских революций”». В этом случае Стецкий рекомендует автору воздержаться от определения марксизма (стр. 23 рукописи) или «пр процитировать одно из классических определений, данных Лениным или Сталиным». «Во всяком случае, – добавляет Стецкий, – данное Вами определение марксизма, как “интегрального реализма” представляется мне слишком уж туманным», требующим более точной формулировки.

Так, Стецкий замечает, что «нет никаких оснований к тому, чтобы называть революцию 1905 г. “несколько случайной” ни по ее причинам, ни по ее размаху, ни по ее последствиям».

Стецкий считает важным для книги уточнить, что Всесоюзная Коммунистическая партия это государственная сила: «Не лучше ли уточнить, что партия – авангард пролетариата, руководящая социалистическим государством». Подобный же совет дается при определении сущности нэпа. Рецензент советует автору уточнить, о каком крестьянине ведется речь – бедняке, середняке или кулаке, что может вызвать путаницу у читателя: «Ваше определение кулака, как “богатого крестьянина” недостаточно. Необходимо подчеркнуть его эксплуататорскую сущность». И снова рецензент советует: «Не считаете ли Вы полезным добавить здесь одно из классических определений нэпа, данное Лениным и Сталиным?».

Возражает Стецкий и против тезиса Барбюса о том, что «оппортунизм может быть и хорошим»: «Согласно тому смыслу, который мы за всю историю нашей партии, вкладываем в слово оппортунизм, он никогда не может быть “хорошим”». Указывает Стецкий и на неточное определение фашизма, главная задача которого заключается в том, чтобы «дезорганизовать массы и подавить рабочее движение»¹⁹³.

Среди постраничных замечаний есть следующие позиции, связанные с бытом Сталина: «Я не стал бы на Вашем месте так подробно описывать мебель, меню и т.д. Все это скромно и просто, но не так мрачно... Стоит ли давать цифру жалованья и переводить на франки? Можно было бы просто сказать, что Сталин получает скромную зарплату ответственного партийного работника... Вопрос о строительстве социализма в одной

стране не является уже давно предметом спора в наших рядах... Вы говорите: отец был крестьянином, ставшим сапожником. Отец Сталина был сапожником, рабочим обувной фабрики, "крестьянином" он был только по прописке... О религиозной школе: Разумеется, само собой, что Сталин был отдан в эту школу не в силу какой-либо особой религиозности отца, а потому, что обучение в ней было более доступным и бесплатным» Далее рецензент уточняет, что не Ленин, а его брат участвовал в революционном движении¹⁹⁴.

Характерно и замечание, завершающее разбор рукописи Барбюса. Последний пишет: «Социализм осуществим без нанесения кому-либо ущерба и без того, чтобы кому-либо в чем-либо уступать...». Стецкий возражает: «Не считаете ли Вы, что это утверждение может вызвать у читателя недоумение»¹⁹⁵.

«Мне кажется, — заканчивает отзыв рецензент, — что предлагаемые мной поправки, если Вы их учтете, могут лишь содействовать приданию всей книге большей идеологической крепости и от этого только выиграет прекрасная художественная форма»¹⁹⁶.

При доработке рукописи Барбюс прислушался к ряду замечаний, особенно тех, которые касались оценок Сталина и Троцкого.

Авторы предисловия к книге, одним из которых был Стецкий (другим — В.Г.Кнорин¹⁹⁷), посетовав, что писателю не всегда удавалось правильно показать обстоятельства и ход борьбы партии на отдельных этапах ее истории, отмечали огромную роль книги как первой попытки пером большого, талантливого европейского писателя «дать образ вождя пролетариата и трудящихся масс, гениального продолжателя Ленина». Правда, далее обращалось внимание и на то, что Барбюс упускает из виду, что как троцкистско-зиновьевская, так и правая оппозиция, выступая со своими антиленинскими взглядами, выражала внутривнутрипартийное сопротивление враждебных пролетариату классов. В книге, отмечалось в предисловии, не всегда удавалось увидеть все обстоятельства и ход внутривнутрипартийной борьбы на отдельных этапах. Авторы предисловия также не соглашались с оценками Барбюса, которые он дал троцкистско-

зиновьевской оппозиции, и рядом других недостатков. «Но все это мелочи. Главное, что книга – это первая попытка большого, талантливого европейского писателя дать образ вождя пролетариата и трудящихся масс, гениального продолжателя Ленина, дать образ Сталина»¹⁹⁸.

Вышедшая несколькими тиражами, в том числе в массовом издании «Роман-газета» (общий тираж составил более 320 тыс. экземпляров только на русском языке), книга Барбюса стала важным этапом складывания культа личности Сталина. Написанная талантливым писателем, просто и понятно, она быстро разошлась по стране, получив в те годы наиболее широкое распространение в странах Европы и особенно во Франции. Практически во всех французских газетах появились хвалебные отклики на книгу. Одним из типичных примеров таких откликов была статья известного литератора и критика Мишеля Кордэ в газете «Ля Гриф». Он восхищался тем, что Барбюс выводит «гигантскую фигуру на свет, он очень хорош, этот портрет, чувствуется, что он написан с любовью... Автор книги рисует строгий облик рабочего, в котором сквозит тонкость ученого и лукавство крестьянина»¹⁹⁹.

«Вот он – величайший и значительнейший из наших современников, – с восторгом писал в своей книге Барбюс. – Он ведет за собой 170 миллионов на 21 миллионах квадратных километров. Он соприкасается с множеством людей. И эти люди любят его, верят ему, нуждаются в нем, сплачиваются вокруг него, поддерживают его и выдвигают вперед, во весь свой рост над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это самый знаменитый и в то же почти самый неизведанный человек в мире». Книгу, которая отличалась бы столь апологетическим содержанием, пожалуй, трудно найти. «Завоеватель масс, человек, сдвигающий с места вселенную». «Точность взгляда, умение сразу схватывать решающие пункты каждой конкретной ситуации, понимание подлинных причин и неизбежных следствий любого факта, понимание связи этого факта со всем процессом, отвращение к беспорядку и путанице, несгибаемое упорство в деле подготовки поставленной цели, раз уж эта цель

обдумана и определена. Все это – не что иное, как истинный марксизм, перенесенный на поля сражений».

«История его жизни – это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917-го, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин – сталь. Он не сгибаем и гибок, как сталь. Его сила – это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота и твердая сила решений, постоянная забота о подборе людей. Можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин – это Ленин сегодня», – эти слова из книги Барбюса стали в прямом смысле «крылатыми», широко известными не только в Советском Союзе, но и в других странах²⁰⁰.

Партийное руководство Советского Союза для создания в массах наиболее выгодного впечатления шло на откровенно примитивную подтасовку. Подзаголовок книги А.Барбюса «Сталин» во французском оригинале звучал «Un monde nouveau vu à travers un homme», или в русском переводе «Новый мир, увиденный через одного человека». Перевод же, повторенный в большинстве русских изданий, был следующим: «Человек, через которого раскрывается новый мир», что явно смещало акцент в сторону все более стремительно утверждавшегося культа личности Сталина.

§ 3. Иностранные гости о Сталине и его культе

В создании атмосферы и развертывании культа личности советского вождя сыграли определенную роль практически все иностранные гости Советского Союза – и Б.Шоу, и Г.Уэллс, и Ж.Р.Блок, и Л.Фейхтвангер²⁰¹. Они искренне верили тому, что Сталин в беседах с ними был вполне откровенен и последова-

телен в изложении позиций высшего руководства страны, в известной степени самокритичен, прост и доступен. Они верили тем успехам, которые им показывали при посещении Советского Союза, не сомневались в дальнейшем прогрессе социалистического строя.

Встречавшиеся с советским вождем писатели, такие как Б.Шоу, Г.Уэллс, Р.Роллан, высказывали самые восторженные впечатления о встречах со Сталиным и его характере. Б.Шоу замечал: «Я редко встречал человека, который умел бы так говорить, как Сталин, и который так мало торопился бы это делать... Сталин – человек, который умеет доводить вещи до конца». Вспоминая о своей встрече с вождем, Шоу добавлял: «Сталин сыграл свою роль безупречно, принял нас как старых друзей и дал нам выговориться»²⁰². 3 ноября 1934 г. в английской газете «Нью Стэтсмен Энд Нейшн» появился пространственный и ироничный комментарий Б.Шоу к встрече Г.Уэллса и И.В.Сталина, состоявшейся 2 октября, в котором всегда остроумный Шоу подметил, что «беседа или вернее коллизия между этими двумя выдающимися людьми не сказала нам ничего нового, чего бы мы уже не знали об их мнениях и взглядах. Но беседа имеет занимательность настоящей комедии, и я подозреваю, что Сталин это прекрасно понял, ибо Сталин обладает острым чувством юмора, склонностью к искреннему смеху. Уэллс не слушает Сталина. Он ждет со страдающим терпением пока Сталин кончит, чтобы снова начать говорить самому. Он пришел сюда не для того, чтобы учиться у Сталина, а чтобы поучать последнего. Сталин с неисчерпаемым терпением опять дает Уэллсу ясный и элементарный урок постмарксистской политической науки. Однако это производит на Уэллса меньше впечатления, чем вода на утку. И для меня тем более занимательно, что, когда я встретил Сталина, первое, что я заметил – это его умение слушать»²⁰³.

В 1937 г. Уэллс писал Н.Берберовой: «В 1934 году я поехал в Россию, чтобы говорить с Горьким и Сталиным об абсолютной необходимости свободных дискуссий, если хотеть, чтобы мировой порядок был восстановлен. Но Горького я нашел постаревшим, заеденным славой и под полным влиянием Стали-

на, а Сталин, который мне понравился, никогда в жизни не дышал вольным воздухом и даже не знал, что это значит»²⁰⁴.

Несколько месяцев спустя после встречи со Сталиным Уэллс издал в США большую книгу «Опыт биографии», в которой он изложил и свои впечатления от беседы со Сталиным: «Я сознаюсь, что подходил к Сталину с некоторым подозрением и предубеждением. В моем сознании был создан образ очень осторожного, сосредоточенного в себе фанатика, деспота, завистливого, подозрительного монополизатора власти. Я склонялся разделить точку зрения Троцкого против Сталина. Я ожидал встретить безжалостного, жестокого доктринера — насколько это возможно — и самодовольного грузина-горца, чей дух никогда полностью не вырывался из родных горных долин». После встречи со Сталиным мнение английского писателя существенно меняется: «Он один из тех людей, которые на фото или на портрете становятся совершенно другими. Его нелегко описать, и многие описания преувеличивают его мрачность и спокойствие. <...> Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России... Сталин — совершенно лишенный хитрости и коварства грузин. Его искренняя ортодоксальность — гарантия безопасности его соратников».

Взглядам Уэллса на советского вождя была присуща некоторая двойственность. «Я разочаровался в Сталине, — делал интересный вывод Уэллс, посетивший киностудию “Ленфильм” в 1934 г., — благодаря дурацким фильмам, которые он поощрял для собственной персоны, — например, “Ленин в Октябре”. Троцкий там тщательно принижен, а Сталин сделан мудрейшим героем истории. В присутствии Ленина (Уэллс ссылается на кадры из фильма. — Г.К.) он скромно, но твердо указывает стратегические пункты на карте и говорит, что надо делать. Он явно пытается переписать всю историю революции для собственного прославления».

Пристальное внимание фигура Сталина вызвала и у Р.Роллана. В 1934 г., прочитав в прессе о беседе Сталина с Г.Уэллсом, Р.Роллан писал М.Горькому о совершенном само-

обладании Сталина, твердости ума, способности выражать свои мысли прямо, убедительно и сдержанно: «Меня давно поражает неколебимая основательность его мышления, соединяющаяся с практическим пониманием людей и обстоятельств, отшлифованным богатым и разнообразным жизненным опытом. Действительно, это большой государственный деятель, я был бы счастлив познакомиться с ним когда-нибудь лично»²⁰⁵.

Интересно в плане оценки Роллана и письмо председателя ВОКСа А.Я.Аросева от 29 июня 1935 г. с пометкой Сталина: «В мой архив. И.Ст.». Аросев писал вождю: «Он (Р.Роллан. — Г.К.) мне несколько раз говорил, что ничего подобного не ожидал и никогда в жизни себе Сталина таким не представлял. Ромен Роллан, надо прямо сказать, очарован Вами лично. Основная черта Вашей беседы, которая бросилась в глаза этому острому наблюдателю, формулировалась Ромен Ролланом так: Он (Сталин. — Г.К.) не изрекает безапелляционных (подчеркнуто Сталиным. — Г.К.) формул, а в процессе разговора как бы вводит собеседника в лабораторию своих собственных суждений и делает собеседника участником в формулировании определенного мнения по тому или иному вопросу. Мне очень нравится, что с прямоотой, которая присуща только очень большим людям, Сталин мне прямо говорил: может быть тут мы не правы, можно было бы сделать иначе, в этом отношении прав Ромен Роллан и т.п. и т.п. Когда мы вернулись с ним в его комнату, он от радости готов был расцеловать и говорил, что сегодняшним свиданием он сделал главное дело в своей жизни»²⁰⁶.

После встречи со Сталиным Роллан записал в дневнике: «Он идет своей дорогой, твердой, осторожной, открытой, довольно трудной, всегда правильной. Он никогда не ходит вокруг да около; многословие отнюдь не его дело; его дипломатия — без обиняков и комплиментов, суровый здравый смысл. Он очень хорошо умеет, если нужно, быть любезным, при условии, чтобы это длилось недолго. Но естественное состояние его — рассудок, который за словом в карман не полезет, суровость он приправляет молниеносной насмешкой. Мне кажется, подобная натура имеет в основе здравый смысл, осторожную отвагу, хладнокровие которой, если можно так выразиться, ки-

пит. Что касается мужества, то об этом и говорить нечего: у таких людей это естественно, они составляют одно целое. Он взял инициативу в больших поворотах и его заявления о ценности человека, о его правах, его превосходстве над машиной и механическим миром, расширение партийности, кастового духа до духа масс, подлинной пролетарской демократии, продвижение Советского Союза к коммунистическому универсализму, обеспечат ему, несомненно, в будущем славу Августа новых времен, человека, в котором воплощается символ нового победоносного порядка»²⁰⁷. Роллан несколько раз обращал внимание и на поразительную память Сталина²⁰⁸.

Но был и еще ряд явлений, которые сумели увидеть иностранцы в СССР в 1930-х годах и которые очень беспокоили гостей нашей страны. Пожалуй, одним из первых обратил на них внимание Р.Роллан в 1935 г. В дневнике он констатировал наличие неестественно преувеличенного преклонения перед Сталиным, обязательных восхвалений, «припева в честь короля». Побывав на Красной площади на параде в честь Дня физкультурника, Роллан сделал следующую запись: «Сталин... принимает в течение шести часов почести, как римский император. Бесконечные плакаты с колоссальными изображениями Сталина. Толпа участников шествия, собравшись против центральных трибун, поет гимн в честь Сталина. Вся демонстрация двигается, смотря в его сторону, с поднятой и согнутой в локте рукой. И Сталин, как бы смущенный, то прячется, то показывается. Как бы был доволен Шекспир, если бы имел возможность изобразить этих двух Цезарей – этих двух Сталиных, которые составляют одно целое!»²⁰⁹

Упоминает Роллан и бесконечные военные парады с прославлением вождей, искусственную апологетику, которая является вступлением и заключительным аккордом всех выступлений. Повсюду сталкиваясь с преклонением перед вождем, Роллан замечает, что Сталин несомненно не испытывает отвращения, когда видит повсюду свои изображения. «Если бы ему это действительно было неприятно, – размышляет писатель, – достаточно было бы одного его слова, чтобы отбросить этот смешной культ, повернув все в шутку: со временем все

миллионы его последователей стали бы думать, как он. Не видит ли он в этом, как считают, необходимое средство для поддержания преданности со стороны своих полков, загипнотизированных его изображением? Для подлинных коммунистов это средство весьма опасно, оно пригодно для поддержания в коллективе пагубной веры в личность... Кто может читать в душе властелина, который охотно живет в атмосфере беспрерывного восхваления и который говорит, что "не любит комплиментов"... Грузинский реалист думает: "Пусть они мне льстят, лишь бы делали то, что я хочу!" (К лести, в конце концов, при-выкают и это убаюкивает!)»²¹⁰.

Суммируя все увиденное в Москве, писатель задается естественно возникавшими у него и, безусловно, волновавшими его вопросами – почему это стало возможным, где движущие силы такого обожествления? Ответ Роллана представляет большой интерес: «Все они (советские люди. – Г.К.) поддались коллективному психозу – психозу веры, радости и уверенности в правде, в победе того дела, представителями которого они являются в мире. Но настоящее тут. И в его руках все элементы победы... В глубине природы их деятельности лежит, как мне кажется, непоколебимая вера* в доктрину, которая охватывает всю совокупность проблем человечества, как это сделано в Библии»²¹¹.

Несколько позже писатель добавляет тезис, во многом схожий с мыслями Б.Рассела: «Сталин и его товарищи-большевики проникнуты оптимизмом, без иллюзий, вероятно, но и без страха, – ибо они творят для будущего, более прекрасного, сияющего будущего всего человечества: и ради этого будущего их марксистское Евангелие делает их тем более уверенными, что доказывает им неизбежность человеческого развития. Это согласуется с их действиями и даже объясняется ими... их мир приближается в обязательном порядке к общественному идеалу справедливости и пангуманизма, наиболее идеалистической человеческой мечте. Они себя называют реалистами, так как намереваются его осуществить. И любыми средствами»²¹².

* Я здесь говорю особенно о первом поколении руководителей, современников и друзей Ленина, они еще стоят у руководства. – *Примеч. Р.Роллана.*

У Роллана мы находим и еще одно наблюдение, во многом схожее с позициями других западных визитеров. Его смущает то, что в Советском Союзе есть, но «чего не должно быть, – это то, чтобы великая коммунистическая армия, ее руководители... не создали бы отдельный класс и что самое опасное – привилегированный класс... Не следует, чтобы эта избранная часть отделялась, чтобы она присваивала себе привилегию чести, благосостояния или денег». Упоминая о таких привилегиях, как квартиры, питание, средства передвижения, автор с тревогой пишет об опасности того, что «несомненно, может воссоздаться известного рода коммунистическая аристократия из испытанных вождей, лояльных технических кадров, ударников всякого рода и избранных армии рабочих, колхозников и солдат»²¹³.

Роллан записывал в дневнике, что советское правительство уничтожало «лояльные и здоровые силы», а уничтожение – «это плохое правосудие. Это палка о двух концах. Оно калечит государство или правительство, которое его применяет»²¹⁴.

Как и Р.Роллан, не мог не увидеть проявления культа Сталина А.Жид, который, как уже говорилось выше, не встречался с советским лидером. «Изображения Сталина встречаются на каждом шагу, его имя на всех устах, похвалы ему во всех выступлениях. В частности, в Грузии в любом жилище, даже в самом жалком, самом убогом, вы непременно увидите портрет Сталина на том самом месте, где раньше висела икона, – писал Жид. – Я не знаю, что это: обожание, любовь, страх, но везде и повсюду – он»²¹⁵. Гость не только констатировал многочисленные факты проявления культа личности, но и пояснял, что «Сталин признает только одобрение всех; тех, кто ему не рукоплещет, он считает врагами. Нередко он сам высказывает одобрение какой-нибудь проводимой реформе. Но если он реализует какую-либо идею, то сначала убирает того, кто ее предложил, чтобы лучше подчеркнуть, что эта идея его собственная. Это его способ утверждать свою правоту. Скоро он будет всегда прав, потому что в его окружении не останется людей, способных предлагать идеи. Такова особенность деспотизма – тиран приближает к себе не думающих, а раболепствующих».

щих»²¹⁶. Эта категория, по мнению писателя, вербует из среды бюрократии, причем, «чем ничемнее эти люди, тем более Сталин может рассчитывать на их рабскую преданность, потому что привилегированное положение – им как подарок. Само собой разумеется, что именно они горячо одобряют режим. Служа интересам Сталина, они одновременно служат своим собственным интересам»²¹⁷. Отнюдь не случайно Жид назвал сложившийся в Советском Союзе режим не диктатурой пролетариата, а «диктатурой бюрократии над пролетариатом», диктатурой одного человека²¹⁸. «Народные выборы – открытым или тайным голосованием – только видимость, профанация: все решается наверху. Народ имеет право выбирать лишь тех кандидатов, которые утверждены заранее. С кляпом во рту, угнетенный со всех сторон, народ почти лишен возможности к сопротивлению. Увы, игра велась по всем правилам и уже выиграна Сталиным – под громкие аплодисменты коммунистов всего мира, которые еще продолжают верить и будут верить еще долго, что они, по крайней мере в Советском Союзе, одержали победу, будут считать врагами и предателями всех, кто не аплодирует»²¹⁹.

На культ Сталина обратил внимание и Л.Фейхтвангер: «Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, – это первое, что бросается в глаза иностранцу, путешествующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы»²²⁰. Писатель дает и оценку личности вождя: «...Сталин действительно является плотью от плоти народа. Он сын деревенского сапожника и до сих пор сохранил связь с рабочими и крестьянами. Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей, говорит языком народа. <...> ...у Иосифа Сталина медленные, тщательно продуманные, до основания верные мысли. <...> Сталин – поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому

победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов»²²¹.

Но, как считает писатель, искренность такого поклонения не подлежит никакому сомнению. Попытки найти основание для такого прославления приводят писателя к четкому выводу: советские люди «действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину. <...> Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. ...для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный “коммунизм”, а конкретного человека – Сталина»²²². Когда во время беседы со Сталиным немецкий писатель сделал замечание о явно преувеличенном преклонении перед его личностью, в ответ Сталин «пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что эти люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. <...> Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция»²²³. Фейхтвангер отмечает: «Когда его приветствуют в публичных местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводимой им политике, а не лично к нему.

Когда... съезд постановил принять предложенную и окончательно отредактированную Сталиным Конституцию и устроил ему бурную овацию, он аплодировал вместе со всеми, чтобы показать, что он принимает эту овацию не как признательность ему, а как признательность его политике»²²⁴.

В архивной стенограмме беседы с Фейхтвангером эта же мысль Сталина приведена несколько иными словами: «Я хотел бы не оправдать – оправдать нельзя, а по-человечески объяснить, откуда такой безудержный, доходящий до приторности восторг вокруг моей персоны. Видимо, у нас в стране удалось разрешить большую задачу, за которую поколения людей бились целые века... Видимо, разрешение этой задачи – ее лелеяли рабочие и крестьянские массы – освобождение от эксплуатации вызывает огромный восторг... Все это приписывают мне, – это, конечно, неверно, что может сделать один человек – во мне они видят собирательное понятие и разводят вокруг меня костер восторгов телячьих... Народ у нас еще отстает по части общей культуры. Поэтому выражение восторга получается такое»²²⁵.

Отмечает Фейхтвангер и исключительную скромность Сталина: «Он не присвоил себе никакого громкого титула и называет себя просто Секретарем Центрального Комитета. В общественных местах он показывается только тогда, когда это крайне необходимо; так, например, он не присутствовал на большой демонстрации, которую проводила Москва на Красной площади, празднуя принятие Конституции, которую народ назвал его именем. Очень немного из его личной жизни становится известным общественности»²²⁶.

Сравнивая Сталина и Троцкого, писатель замечает, что «Троцкий – ослепительное “единичное” явление», «быстро гаснущая ракета, Сталин – огонь, долго пылающий и согревающий»²²⁷.

В статье «Эстет о Советском Союзе», опубликованной в газете «Правда» 30 декабря 1936 г., писатель еще раз повторил, что исключительное почитание относится не к Сталину, как отдельному человеку, а как к представителю социализма.

Фейхтвангер критикует тех зарубежных авторов, которые не видят в СССР демократии и приводит высказывание одного советского филолога: «Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»²²⁸

Одним из «своеобразных» и достаточно частых способов общения советских руководителей с иностранцами стало систематическое игнорирование обращений западных писателей к советскому руководству. Число таких обращений особенно возросло с началом арестов и серией политических процессов в Советском Союзе. Эти акции говорили скорее не о невнимательности или невоспитанности высшего руководства, а о стремлении игнорировать конкретные факты и фамилии.

«Когда осенью 1936 г. – писал И.Майский, – я вернулся из СССР... Уэллс сразу явился ко мне во взволнованном состоянии и в лоб поставил вопрос – “Что у вас происходит? Мы не можем поверить, чтобы столько старых, заслуженных, испытанных в боях членов партии вдруг оказались изменниками!”. Конечно, я не мог дать Уэллсу убедительного объяснения совершившимся в СССР событиям. Он уехал от меня крайне неудовлетворенным и после долго уклонялся от встреч со мной. Позднее, когда Советский Союз решительно выступил в поддержку Испанской Республики, отношение Г.Уэллса к Советскому государству... смягчилось. Но примерно с середины 1937 г., когда сведения о необоснованных репрессиях распространились за рубежом, Уэллс снова отшатнулся от меня... То, что я рассказал о его реакции на репрессии 1936–1937 гг., только один пример из многих. Такие же, а порой и более резкие реакции в то время можно было наблюдать среди кругов западной интеллигенции. Притом больше всего были потрясены как раз те ее представители, которые относились с симпатией к СССР»²²⁹.

Во время пребывания в СССР, да и позже Роллана крайне беспокоили методы и формы расправы сталинского руководства с политическими противниками. Это особенно наглядно видно из писем писателя.

После отъезда из Советского Союза Роллан направил Сталину во второй половине 1930-х годов несколько писем, ни на одно из которых писатель ответа не получил. В своих письмах Роллан обращал внимание на несколько важных, «терзавших» его вопросов. Одно из таких писем было направлено Сталину 27 декабря 1935 г. В нем перечислялись особенно волновавшие Роллана вопросы, чтобы иметь возможность ответить точными и верными сведениями и фактами на высказываемые обвинения. Это снова и снова был пресловутый вопрос о наказании детей с 12-летнего возраста, а также вопросы о процессе Зиновьева и Каменева. В письме повторялся тезис, высказанный Ролланом еще в 1935 г. при личном разговоре со Сталиным о том, как существенно важно было бы раскрыть перед иностранной общественностью сокрушительные показания, вызвавшие кару против заговорщиков, что не было сделано²³⁰. Писателя интересовала также проблема антисемитизма, т.е. «преследования евреев, желающих говорить на своем языке», преследования духоборов²³¹, «якобы невиновных ни в какой антисоветской деятельности, но преследуемых просто за свои религиозные убеждения и за свой отказ от военной службы». Его интересовали также сведения о Махно, который «был жертвой клеветы большевиков». (Роллан добавлял в письме: «Я несколько раз просил из Москвы документы о Махно (книги, брошюры и др.); я ничего не получил».) Писатель спрашивал также об аресте в 1935 г. Сергея, сына жены Троцкого, профессора Технического училища в Москве, и его жены, осуждение которых «простой акт мести против их отца», о некоторых событиях в Польше и Италии, связанных с преследованием польских священников и итальянских антифашистов²³².

Р.Роллан неоднократно обращался к советским руководителям с просьбами разобраться и помочь его друзьям. В их числе он называл имена А.Я.Аросева, Н.И.Бухарина, врачей О.Гартоша, Л.Г.Левина, Д.Д.Плетнева, наблюдавших за здоровьем писателя во время его пребывания в СССР, и ряд других хорошо знакомых писателю лиц²³³.

«У меня тем больше поводов волноваться из-за колебаний чрезмерно возбужденного общественного мнения в СССР, – пи-

сал он Сталину, — что среди вновь арестованных — мои друзья пятнадцатилетней давности, бескорыстные ученые, в абсолютной честности и преданности которых великому медицинскому и научному делу я твердо уверен, люди, чуждые всякой политической интриги, которые отказались от самого блестящего положения за границей, чтобы помочь согражданам и разделить испытания, выпавшие на их долю»²³⁴. Ни на одно из писем писатель ответа не получил, хотя все они были переведены на русский язык и переданы в личный секретариат Сталина.

Особенно показательной была реакция Р.Роллана на процесс Бухарина, к которому французский писатель относился с большой теплотой. В дневнике Роллана есть следующая запись: «Бухарин — горячее сердце, очень импульсивный, молодой молодостью, которую годы никогда не погасят. Но кто бы сказал, что этот маленький, улыбающийся, проворный человек, невероятно активный, который руководит и вдохновляет одну из двух самых больших газет СССР* и которому не чужды никакая деятельность и никакие знания, — в глубине души ученый — математик и философ»²³⁵. Как вспоминала в одном из интервью А.М.Ларина-Бухарина, «в дни тягостных предарестных событий, когда однажды в газетах сообщили (это была очередная уловка Сталина), что дело Бухарина прекращено. Николай Иванович получил поздравительную телеграмму от Ромена Роллана, чем он был глубоко взволнован». Телеграмма вызывалась тем, что 10 сентября 1936 г. в газете «Известия» было помещено сообщение Прокуратуры СССР о том, что следствием установлено: юридических данных для привлечения Н.И.Бухарина к судебной ответственности нет, «в силу чего настоящее дело дальнейшим производством прекращено». Весной 1937 г. Бухарин был арестован. Это побудило Роллана обратиться к Сталину с письмом (текст письма воспроизведен в дневнике), в котором он указывал на необходимость беречь и дорожить такими личностями, как Бухарин, могущими принести большую пользу своей стране. В дневнике Роллан записал: «Если у меня не было никакой личной причины интересоваться

* Н.И.Бухарин был редактором газет «Правда» (1918–1929) и «Известия» (1934–1937). — Г.К.

приговорами на происходящем в Москве процессе, то такая личность, как Радек, взволновала меня лично, так же как и Бухарин, над которым нависла такая же угроза. Я часто встречался с Бухариным в Москве и у Горького. Он был очень симпатичен, и его чувства, я думаю, были искренними. Хотя я и не очень разбираюсь в его идеологии, очень цельной и педантичной, он мне казался человеком живого ума, остроумным и непосредственным. Я не могу поверить в его виновность, несмотря на кампанию, развернутую против него в московской прессе; слишком много причин опасаться – какой ему будет вынесен приговор»²³⁶.

18 марта 1937 г. Роллан снова пишет Сталину:

Накануне процесса против Бухарина, и никоим образом не оспаривая собранные против него улики, я обращаюсь к Вашему высокому духу гуманности и понимания высших интересов СССР. Ум порядка Бухаринского ума является некоторым богатством для его страны, его можно бы и нужно бы сохранить для блага советской науки и развития теоретической мысли. Если он смог, на основе вреднейших идеологий, преступным образом проступить, следует казнить эти идеологии, но пощадить человека научной ценности, ими сбитого с дороги, – который, признав свою ошибку и сожалея о ней, сможет помочь сорвать маску с этих идеологий вести против них энергичную борьбу. <...> Разрешите мне также упомянуть о дорогом нам обоим имени: о нашем общем друге Максиме Горьком. Я часто видел у него Бухарина, я видел близкую дружбу их связывавшую. Память о ней да спасет Бухарина! Во имя Горького, я прошу у Вас пощады для него. Как бы он ни был виновен, он человек другой породы, чем обвиняемые предыдущего процесса. Он сможет еще принести честь советской мысли и свидетельствовать в истории о Вашем духе великодушия. Прошу Вас верить, дорогой товарищ Сталин, моей искренней преданности. Ромэн Роллан²³⁷.

Упорное отсутствие реакции из Москвы становилось систематическим. 16 сентября 1937 г. французский писатель обращался к Г.Димитрову по поводу судьбы доктора О.Гартоша²³⁸: «Я написал много раз о нем Сталину, Ежову, Потемкину и другим. Я просил настоятельно, чтобы осведомили меня об этом деле и чтобы отнеслись мягко к обвиняемому, поскольку пра-

восудие допускает это. Я не получил ни одного ответа, никакого известия относительно этого друга уже пять месяцев... Не считаете ли Вы, что шесть или семь писем в течение пяти месяцев, и проявление мною близкого интереса к одному другу, не заслуживает ответа со стороны больших товарищей в Москве?»²³⁹.

16 сентября 1937 г. по поводу судьбы своего друга доктора Гартоша (Гартоха), который был арестован по обвинению «в агитации и пропаганде», Роллан пишет уже Сталину. Он просит ускорить следствие о докторе, «чтобы он смог... доказать бессмысленность обвинений против него», т.к. «он всегда жил вдалеке от всякой политической агитации»²⁴⁰.

25 января 1937 г., проявляя завидное упорство, Р.Роллан пишет еще одно письмо и адресует его «Товарищу Калинину. Президенту СССР. Товарищу Сталину. Генеральному секретарю партии». Переводчиками должность Калинина была обозначена «Председатель ЦИК СССР»²⁴¹. Писатель обращается от себя и от многих верных друзей нашей страны и просит не приговаривать к смертной казни Пятакова, Сокольников, Радека, Серебрякова и др., осужденных в качестве участников «Параллельного антисоветского троцкистского центра»²⁴².

Роллан взволнованно писал: «Дорогие товарищи! Как друг СССР и свидетель резонанса, который произвели на Западе деяния СССР, я позволяю себе высказать свое мнение о принятии Вами решения». Писатель просит: «в интересах СССР, близких и отдаленных лучше было бы не приговаривать к смертной казни обвиняемых происходящего процесса, несмотря на совершенные ими преступления, а сохранить их как живых свидетелей предательства их заграничных руководителей... Было бы наверняка более полезно (“разумно” – поправка переводчика. – Г.К.) оставить этих свидетелей всегда готовыми опровергнуть их собственных защитников и ответить на новые кампании прессы, которые могут разразиться против СССР. Современный исторический момент, дорогие товарищи, исключительно напряжен. Вы это знаете лучше меня! Но из цитадели СССР, быть может, Вы не слышите так, как мы, те подземные силы, которые стремятся подорвать наши народные

фронты: среди этих сил – худшая – это провокационное деморализующее движение троцкистской кампании, которая *только может воспользоваться* новым смертным приговором по отношению к их агентам в СССР и которая, наоборот, была бы всегда под угрозой опровержения со стороны самих их агентов, если бы их сохранили, как живых свидетелей. Точно так же в случае нового процесса – эти сегодняшние обвиняемые могли бы быть обвинителями завтрашних обвиняемых! Сердечно преданный Ромен Роллан»²⁴³.

Письмо Роллана поступило к Калинин 2 февраля, то есть в то время, когда приговор по решению Военной коллегии Верховного Суда СССР уже был приведен в исполнение. Калинин писал: «По этим причинам письмо [Роллана] не могло быть предметом обсуждения 31 января, когда осужденные обратились с ходатайством о помиловании. Все же я хотел бы высказать несколько мыслей на Ваше письмо»²⁴⁴.

В проекте ответа Калинина Роллану пояснялось, что «на скамье подсудимых находились люди, которым правительство доверяло руководство ответственными участками нашего народного хозяйства, в частности, оборонного характера. На следствии, а затем и на открытом заседании Верховного Суда было вскрыто, что преступники, выполняя прямые указания Троцкого, проводили диверсионную и вредительскую работу в промышленности, на транспорте, на предприятиях оборонного значения, по заданию и при прямом участии шпионов германской и японской разведок воровали секретные документы, проводили поджоги, взрывы заводов, шахт, создали ряд террористических групп для убийства руководящих лиц партии и правительства». «Эти люди (вернее – звери – вычеркнуто автором. – Г.К.), – продолжал Калинин, – поставили своей главной задачей насильственное свержение советского правительства, чтобы заменить социалистический строй в СССР – строем капиталистическим. Они пытались прийти к власти путем использования войны (в черновике – военной интервенции в СССР – Г.К.), которую провоцировали, и договорились с Германией и Японией о расплате за их услуги территорией Советского Союза». В числе обвинений Калинин перечислял взрывы

на Горловском азотнотуковом комбинате, на Кемеровском руднике, железнодорожном крушении военного эшелона, во время которого было убито 29 и искалечено 29 красноармейцев. Как же мог Верховный суд вынести иной приговор? Кто же мог решиться подать голос за помилование? Это было бы несоблюдение законов о наказании убийц, диверсантов, изменников Родине. Как же мог Верховный Суд вынести иной приговор? – спрашивал Калинин, – Кто же мог решиться подать голос за помилование? Это было бы несоблюдение законов о наказании убийц, шпионов, диверсантов, изменников Родине». Калинин подчеркивал, что в обвинительном акте были приведены не все их преступления, что в этом процессе речь идет не только о «предательстве партии», а об «измене Родине. (Ст.[атья] 133²⁴⁵ Конституции СССР)».

Проект письма был послан Сталину и другим членам Политбюро со следующей запиской Калинина: «Я не уверен, нужно ли вообще отвечать Ромен Роллану. На всякий случай я подготовил возможный проект ответа. Прошу решения ЦК. М.Калинин» Весь текст записки был подчеркнут Сталиным, и на ней наложена следующая резолюция: «Не нужно отвечать. И.Ст.»²⁴⁶. Ответ Роллану так и не был послан.

В результате проверки указанных дел ЦК КПСС и Пленума Верховного суда СССР в 1950–1980-х годах было установлено, что предварительное следствие по данным делам и их рассмотрение в суде проводились с грубейшими нарушениями уголовно-процессуального закона и норм производства. За отсутствием состава преступления приговоры были отменены²⁴⁷.

Самые страшные черты культа личности – большой террор, всеохватывающая, всепроникающая фальсификация жизни, эти важные признаки времени 1930-х годов тщательно скрывались и искажались. Сталин обладал сильной волей и значительными организаторскими способностями. Перед народом Сталин выступал фигурой всезнающей, всевидящей, всемогущей. От его решения зависели судьбы многих людей. Поэтому Сталина воспринимали и как руководителя огромного государства и как сильную личность.

В своей политической деятельности Сталин был сугубым реалистом и руководствовался трезвым расчетом, подчиняя ему все свои чувства и эмоции. Сталинский культ питали также отсутствие подлинно демократических традиций в стране и рожденная долгими столетиями монархическая традиция, а также свойственная массам тяга к созданию и почитанию кумира, убежденность в необходимости мудрого, все понимающего и за все отвечающего вождя²⁴⁸. Ретроспективно взгляды в 1930-е годы, понимаешь, что большую роль в обожествлении Сталина сыграла и официальные пропагандистские установки, которые славословили вождя, его мудрость, заботу о народе. С именем Сталина как бы персонифицировались успехи страны, всего советского народа.

Таким образом, даже краткие характеристики западных интеллектуалов, данные высшему советскому руководству, воспроизводство их позиций и оценок, которые в ряде случаев не нашли отражения в отечественных документальных и исследовательских работах, особенности их общения и переписки позволяют полнее и глубже охарактеризовать общественно-политическую жизнь в нашей стране в 1920-е и особенно в 1930-е годы.

ИНОСТРАННЫЕ ИЛЛЮЗИИ И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ДРАМА НЕСОВПАДЕНИЯ

§ 1. Первые впечатления о Советской России

Впечатления западных гостей от Советской России, Советского Союза 1920–1930-х годов представляют и сегодня значительный интерес. Безусловно, впечатления были разными – подробными и беглыми, ограничивавшимися фактической стороной дела или содержащими те или иные оценки. Но все они указывали на стремление иностранцев не только увидеть, но понять логику возникавшего на огромной территории нового общества.

Видный деятель германского и международного коммунистического движения Клара Цеткин, принимавшая активное участие в работе Коминтерна и МОПРа, как и многие другие зарубежные друзья Советского Союза, считала события в России величайшим и смелым большевистским экспериментом, заслуживающим внимательного изучения. Она писала о его великой исторической сущности и далеко идущем значении¹.

«Дерзновенной попыткой осуществить коммунизм» называл события в России Б.Рассел, «беспримерным в истории экспериментом» – Анри Барбюс, «величайшим в мире социальным экспериментом» – Т.Драйзер, «всемирно-историческим экспериментом в новой России» – В.Беньямин, «великим коммунистическим экспериментом» – Б.Шоу, «беспрецедентным экспериментом, наполнявшим сердца надеждой» – А.Жид. Г.Уэллс события в России считал «экспериментом, украшающим историю человечества», Л.Фейхтвангер – «великим опытом, предпринятым Москвой», «экспериментом, с целью построить гигантское государство только на базе разума»². Мир

был зачарован позитивистским проектом модернизации, считая Россию гигантской мировой лабораторией, плацдармом массового эксперимента, при осуществлении которого рождался человек будущего. Этот эксперимент носил экономический, политический, социальный и культурный характер, охватывая практически все стороны жизни страны и народа.

Пламенная революционерка, деятель международного рабочего движения, зверски убитая контрреволюционерами Роза Люксембург после революции в России не бывала, но событиями в нашей стране не просто интересовалась, а пыталась разобраться в них. Она писала: «свобода всегда есть свобода для инакомыслящих... не из-за фанатизма “справедливости”, а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если “свобода” становится привилегией». Предостережением звучат слова Люксембург, обращенные к большевикам: «Практическое осуществление социализма как экономической, социальной и правовой системы — далеко не сумма готовых предписаний, которые остается лишь применить, оно целиком пребывает в тумане будущего. Большевики сами, положа руку на сердце, не станут отрицать, что они на каждом шагу вынуждены были действовать ощупью, искать, экспериментировать, пробовать так и этак и что большая часть их мероприятий вообще не жемчужины». Люксембург разъясняла, что «общественный контроль совершенно необходим. Иначе обмен опытом останется только в замкнутом кругу чиновников нового правительства с неизбежной коррупцией». «С подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет все более затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неумолимой энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собра-

ния, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути – хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков. Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни – покушениям, расстрелам заложников и т.д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия»³.

Пожалуй, наиболее точные свидетельства и размышления о Советской России на начальном рубеже 1920-х годов оставил Бертран Рассел⁴. Он сумел, несмотря на небольшой срок своего пребывания в стране (немногим больше месяца), дать не просто описание событий, а последовательный анализ увиденного в России. Именно его книгу «Практика и теория большевизма» отличает последовательный аналитический подход, пристальное проникновение в суть происходивших в России событий. Он стремился объяснить особенности политики партии большевиков, «в руках которой сосредоточена вся реальная власть», и их доктрины. Автор подчеркивал, что он не может «участвовать в заговоре умолчания, который поддерживают западные социалисты, побывавшие в России»⁵. Неслучайно французский историк Ф.Фюре назвал работу Рассела одним из самых глубоких исследований о России, а его размышления и выводы – имеющими отношение не только к 1920-м годам⁶.

Автор завершил книгу достаточно быстро – уже к осени 1920 г. Он следующим образом оценивал особенности своего труда во введении к книге: «Настоящая работа – результат визита в Россию, дополненного знакомством с литературой и дискуссиями как до, так и после него. Я... пытался сформулировать мои впечатления без предвзятости – за или против – по отношению к большевикам. Я встретил с их стороны доброжелательный и любезный прием и испытываю чувство благодарности за полную свободу, которую они предоставили мне в моих исследованиях. Я сознаю, что был слишком короткое время в России, чтобы вынести подлинно достоверные суждения о ней, однако я разделяю этот недостаток с большинством других западных исследователей, пишущих о России после Октябрьской революции. Я считаю большевизм явлением та-

кой важности, что необходимо определить свое отношение к нему почти по каждому политическому вопросу; я надеюсь также, что смогу помочь другим определить их позицию, даже если это выразится только в неприятии того, что я написал»⁷.

Пытаясь понять сущность большевистской теории, Рассел останавливается на двух принципиальных, наиболее полно характеризующих ее вопросах. Во-первых, он выделяет тезис о том, что, по мнению большевиков, «корень всех зол – частная собственность... <...> Так как все зло производно от частной собственности, тяготы большевистского режима, борющегося против этой собственности, автоматически исчезнут, как только она будет сметена». Эти взгляды, по мнению Рассела, являются обычным следствием фанатической веры в марксистскую теорию. Он считал, что коммунисты, искренне разделяющие взгляды партии, не останавливаются ни перед какими, даже самыми жесткими мерами, «если они кажутся необходимыми для построения и сохранения коммунистического государства»⁸. Во-вторых, им подчеркивается тезис о неизбежности классовой борьбы. Большевизм, считает Рассел, стремится к достижению утопии: «Согласно взглядам коммунистов, все жгучие политические вопросы нашего времени – это вопросы классовой борьбы, и они исчезнут вместе с исчезновением классовых различий. Соответственно отпадет потребность в государстве, поскольку государство по сути своей есть машина власти, предназначенная для того, чтобы обеспечить победу одной из сторон в классовой борьбе. <...> Когда общество будет состоять только из трудящихся, государство потеряет свои функции»⁹. Как видно из приведенного высказывания, Рассел весьма близко к сути излагает основные догматы большевиков и марксистской теории в целом. Он делает важный вывод о том, что «система, созданная насилием, и насильственное правление меньшинства неизбежно делают возможным тиранию и эксплуатацию», что нетерпимость и отсутствие свободы, «значительная доля деспотизма, присущего большевикам, коренится в самой сути их социальной философии»¹⁰.

Рассел не приемлет насильственной революции при демократической форме правления, подчеркивая необходимость

создания атмосферы уважения к закону и конституционному (т.е. легитимному. — Г.К.) правительству, составляющим предпосылку и основной метод решения внутренних противоречий без насилия. Принципиальным аргументом против метода насилия со стороны меньшинства, считал Рассел, «является то, что пренебрежение законностью, приобретае размах, будит в человеке дикого зверя, отпускает поводья у низменных страстей и эгоизма, которые цивилизация в некоторой степени обуздывает»¹¹.

На страницах книги автор последовательно и доказательно пытается разобраться в том, что представляет собой большевизм. Веря в обреченность существующей капиталистической системы и возможность достижения коммунизма в будущем, философ со всей определенностью стремится отмежеваться от большевизма, заявляя: «Если большевизм окажется единственным и действующим конкурентом капитализма, то я убежден, что не будет создано никакого социализма, а воцарятся лишь хаос и разрушение». Это убеждение, утверждает автор, «одна из причин, по которой я выступаю против большевизма»¹². Кроме того, убежден автор, демократическая форма правления создает возможность «разрешения внутренних противоречий без насилия». И добавляет, «что демократическая форма правления, возможно, имеет все приписываемые ей недостатки, но она имеет и одно великое достоинство: для большинства людей она представляет разумную альтернативу гражданской войне как средству разрешения политических конфликтов. <...> ...условия незаконного насилия не способны породить ничего хорошего. Уже по одной этой причины, даже если бы не было других, революционное насилие в условиях демократии безгранично опасно»¹³.

Не только Рассел, но практически все писатели и общественные деятели, которые побывали в России, СССР в 1920–1930-х годах, при всех симпатиях к стране социализма, задумывались о моральных ценностях людей. Рассел предостерегает от такого положения, когда «в ходе беспощадной борьбы может оказаться утраченным наследие цивилизации, а вот не-

ненависть, подозрительность и жестокость сделаются нормой в отношениях между людьми»¹⁴.

Несколько позже Рассел снова возвращается к данной мысли, заметив, что «догматический характер марксистского коммунизма усиливается наличием предполагаемого философского базиса доктрины; он приобрел характер незыблемой католической теологии, а не динамичной, не склонной принимать что-либо на веру современной науки»¹⁵.

Большевизм, утверждает автор, «не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догмами и священными писаниями». Он удовлетворяет нужду человечества в новой религии — «обещает прекрасные вещи: покончить с несправедливостью существования богатства и бедности, с экономическим рабством, войной. Он обещает устранить и разобщение между классами, которое отравляет политическую жизнь и грозит развалом промышленности. Он предрекает крах торгашеского духа... <...> Он хочет избавить от апатии, пессимизма, скуки и всех возможных страданий и невзгод, имеющих своим источником праздность или бессилие». Все это позволяет Расселу сравнить учение большевиков с Библейскими и Евангелическими проповедями. «Надежды, которыми вдохновляется коммунизм, — добавляет Рассел, — в большинстве своем столь же замечательны, как и надежды, возбуждаемые Нагорной проповедью; однако их придерживаются с таким же фанатизмом, и, похоже, они принесут столь же много зла». Автор поясняет, что под религией он понимает «совокупность убеждений, принимаемых как догма, которые господствуют над ходом жизни; при этом они игнорируют очевидность или противостоят ей; они внедряются с опорой на эмоциональные и авторитарные средства, но не на разум»¹⁶.

И несколько дальше он продолжает свою оценку большевизма: «Социальный феномен большевизма следует рассматривать как некую религию, а не просто политическое движение. <...> ...большевизм является религией: его догмы также далеко отстоят от очевидности или противоречат ей... Принимающие большевизм становятся невосприимчивыми к доказательствам науки и совершают интеллектуальное самоубийство.

Если бы даже все доктрины большевизма были верны, такое самоубийство неизбежно, ибо беспристрастное их исследование запрещается»¹⁷.

Большой интерес писателя вызвал и вопрос о том, действительно ли система Советов превосходит парламентаризм в качестве нового и более совершенного механизма выявления и выражения народной воли. Знакомство с формированием и деятельностью советских органов разных ступеней привело Рассела к выводу: система Советов в агонии, в советском конституционном законодательстве, прежде всего в конституции, разработаны разнообразные приемы, обеспечивающие победу правительственных кандидатов. Даже Всероссийский Совет (речь идет о Всероссийском съезде Советов. – Г.К.) «все больше и больше становится формальностью. В настоящее время его единственная функция... без обсуждения ратифицировать уже принятые Коммунистической партией решения по вопросам (особенно касающимся внешней политики), требующим, согласно конституции, его утверждения»¹⁸.

Установив, что в России система Советов сведена к пустой формальности, Рассел не скрывает, однако, того, что и в парламентской форме правления также есть немало недостатков, она дискредитировала себя в значительной мере заслуженно. Вместе с тем он подчеркивает, что Советы могли и должны были бы воплотить в жизнь важнейшую сторону демократии – обеспечить участие народа в делах государства. «Практика самоуправления, – пишет Рассел, – есть единственный эффективный способ политического воспитания», а также признания верховенства силы за конституцией, что «способствует поддержанию порядка и стабильного управления». Но говоря об общественном строе России в целом, Рассел замечает, что страна «не готова для какой-либо формы демократии и нуждается в сильном правительстве»¹⁹.

Волновало Рассела и отсутствие свободы личности в России. «Необходимость насаждения коммунизма ведет к созданию тепличных условий, где должно быть исключено любое дуновение свежего ветерка, – пронизательно и остроумно замечает философ, – люди должны будут научиться мыслить оп-

ределенным образом, всякое свободомыслие попадает под запрет. Страна становится похожа на необыкновенно увеличенный иезуитский колледж. Любое проявление свободы запрещается как *“буржуазное”*; но где нет свободы мысли, интеллект чахнет – этот факт непреложен»²⁰. Правда, Рассел считал, что «нетерпимость и отсутствие свободы, унаследованные от царского режима, вероятно, тоже скорее российские, чем коммунистические черты»²¹.

Огромный интерес представляет попытка английского философа разобраться в составе руководящего слоя коммунистов. Он выделяет несколько категорий. Первая группа – это старая гвардия революционеров. Они занимают большую часть самых высоких постов, негибачемы и фанатичны, честны, отличаются глубокой верой в то, что коммунизм возродит этот мир. Безжалостно борясь с коррупцией и пьянством, «они создали систему, при которой соблазн мелкой коррупции огромен, и их собственная материалистическая теория должна бы убедить их в том, что при такой системе коррупция должна быть безудержной». Ко второй группе правящего слоя автор относит людей, занимающих посты непосредственно ниже верхушки пирамиды, карьеристов, вступивших в партию по причине материального успеха большевизма. Рассел считает, что к этой категории можно отнести «армию полицейских, шпионов, секретных агентов, большей частью оставшихся со времен царизма и получающих выгоду оттого, что никто не может жить иначе, как нарушая закон». Наконец, третья группа правящей бюрократии, по мнению Рассела, состоит из людей, не являющихся ревностными коммунистами, но сплотившихся вокруг правительства, поскольку оно оказалось стабильным, и работающих не за деньги, а ради достижения успеха и власти»²².

На многих страницах своей книги Рассел стремится выступать как историк-аналитик, исследователь современной ему российской действительности. В этом отношении особенно интересна небольшая глава «Повседневная жизнь в Москве». В ней подчеркивается, что «образованные люди... в основном нашли свое место в правительственных учреждениях, системе обучения, занимают некоторые другие административные

должности, где их образование может приносить пользу. <...> Конечно же, жестоко соблюдается трудовая повинность. Каждый обязан трудиться; уклонение от работы сурово наказывается – тюрьмой или штрафным поселением. Стачки запрещены законом, хотя они иногда и происходят»²³.

Большой интерес представляет вторая часть работы, озаглавленная «Большевицкая теория». В ней на основе фактов, почерпнутых в России, автор размышляет о соотношении большевизма и демократии, общественном устройстве и личности, пытаясь прямо и нелицеприятно ответить на очень сложный вопрос: «Почему российский коммунизм потерпел неудачу?». Автор считает важным напомнить читателю о человеческой потребности обладать собственностью, и о том, что указанная потребность может быть определяющей²⁴.

Анализируя причины неудачи военно-коммунистического «эксперимента России», автор оперирует конкретными данными о состоянии продовольственного дела в стране, считая, что «самым ярким проявлением общего развала в России является продовольственный вопрос. В стране, которая в прошлом экспортировала значительные излишки зерна и другой сельскохозяйственной продукции и в которой несельскохозяйственное население составляет только 15 процентов от его общего числа, обеспечение продовольствием городов можно было бы осуществить без значительных трудностей. <...> Основная причина лежит во враждебности крестьян, которая, в свою очередь, вызвана крахом промышленности и политикой насильственных реквизиций»²⁵.

Поэтому писатель приходит к твердому убеждению о необходимости изменения продовольственной политики государства. Нелишне напомнить, что этот вывод Рассел сделал в 1920 г., а X съезд партии с его решением о замене продразверстки продналогом был еще впереди. Автор пишет о том, что «правительство изымает все производимое крестьянином, оставляя ему минимум, необходимый для себя и своей семьи. Если бы вместо этого оно взимало с него установленное количество хлеба как ренту, это бы не подрывало стимула к производству... Но такой план позволил бы крестьянам обогащаться

и повлек бы за собой осознанный разрыв с коммунистической теорией. Поэтому сочли за лучшее применить насильственные методы, которые привели, как и должны были привести, к бедствию»²⁶.

Основой других неудач советского правительства Рассел считал развал всего индустриального сектора экономики, включая и транспорт. Отсюда, по мнению философа, вытекало и неизбежное следствие: «...Большевикам пришлось опереться на армию и Всероссийскую чрезвычайную комиссию, они были вынуждены также свести систему Советов к пустой формальности. <...> Милитаризм породил свой неизбежный результат – суровый диктаторский дух: люди, стоящие у власти, делают свою повседневную работу с сознанием, что у них под командой трехмиллионная армия и что гражданская оппозиция их воле может быть легко сломлена»²⁷. По поводу ВЧК Рассел пишет, что этот орган практически независим от правительства, обладает своими собственными вооруженными формированиями. Снабжается продовольствием лучше, чем Красная Армия. «Этот орган правомочен заключать в тюрьму без предварительного следствия любого человека по обвинению в спекуляции или контрреволюционной деятельности. ВЧК уже расстреляла тысячи людей без надлежащего судебного расследования, и, хотя сейчас номинально не имеет права выносить смертный приговор, нельзя с уверенностью полагать, что органы утратили это право фактически. У ВЧК везде шпионы, и обыкновенные смертные испытывают ужас по отношению к ней»²⁸.

Автор обращает внимание на тяжелое положение рабочих, на громадную армию и милитаризм, на царящий в стране суровый диктаторский дух. При этом он замечает, что «в Советской России правительство впитало образ мыслей владельца собственности, соединив его с правительственным менталитетом, и такое слияние еще больше увеличило силу высшего класса»²⁹. В итоге Рассел заключает, что в России «возникла система, неприятно напоминающая прежнее царское правительство, – система, являющаяся азиатской по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного та-

инства и покорности террору»³⁰. Размышляя над увиденным, автор приходит к выводу о значительной роли государства в России, а его действия он назвал «методами государственного социализма»³¹.

Ряд вызывающих неприятие черт большевистского режима Рассел считает производными в первую очередь оттого, что промышленная жизнь в России — за исключением той, где удовлетворяются нужды армии, — парализована, что правительство вынуждено вести жестокую, чреватую разнообразными осложнениями гражданскую и внешнюю войну, поэтому суровые меры, слежка, ограничение свободы — неизбежный результат этих трудностей. Выход из такого положения Рассел видит в установлении мира и развитии торговли с другими странами³².

Сравнив сложившуюся в России государственную систему с системой английской администрации в Индии, Рассел находит у них ряд общих черт. В частности, он обращает внимание на веру управленцев в то, что они обладают некими ценностями, которые следует передать населению, как бы мало оно этого ни желало, а также применение жестоких репрессий для сохранения своей власти³³. Продолжая эту мысль, Рассел пишет о том, что большевизм идеально пригоден для промышленного населения в состоянии нищеты, и замечает уж абсолютно провидчески: «Большевизм можно защищать, например, как суровый режим, при помощи которого *отсталая нация может быть быстро индустриализирована* (выделено мной. — Г.К.), но в качестве коммунистического эксперимента он потерпел неудачу»³⁴. История последующих десятилетий существования советского государства со всей очевидностью подтвердила это предвидение выдающегося английского философа.

Книга Рассела ценна и важна еще по одной причине. В ней впервые в зарубежной, да, вероятно, и в советской литературе ставится вопрос о цене большевистского эксперимента. На ее страницы автор выносит мучающий его вопрос: не окажется ли конфликт, спровоцированный большевистскими методами построения нового общества, столь мучительным и продолжительным, что приносимое им зло перевесит грядущее благо?

Ответ Рассела очень четок и определен: «Я вынужден отвергнуть большевизм по двум причинам: во-первых, потому, что цена, которую должно заплатить человечество за достижение коммунизма большевистскими методами, более чем ужасна; во-вторых, я не убежден, что даже такой ценой можно достичь результата, к которому стремятся большевики»³⁵.

В течение многих лет не появилось более вдумчивого и научно аргументированного анализа российской, а затем и советской действительности, чем это было сделано в работе Рассела. Она, даже судя по приведенным позициям автора, естественно, не могла быть опубликована в СССР. Более того, в течение долгого времени Рассел и его размышления расценивались в нашей стране как реакционные, а сам автор назывался «мракобесом»³⁶.

В 1924 г. Рассел и другие представители британской интеллигенции стали организаторами Общества культурной связи между Великобританией и Советским Союзом. В нем сотрудничали Б.Шоу, Г.Уэллс, экономист Д.Кейнс, видные идеологи тред-юнионизма супруги Вебб. Многие члены Общества неоднократно бывали в СССР³⁷.

Книга Герберта Уэллса «Россия во мгле» широко известна. Те ее места, где автор описывает суровое время Гражданской войны, хозяйственную разруху и подробно излагает содержание своей беседы с Лениным, названным им «кремлевским мечтателем», многократно цитировались в исследованиях историков. Гораздо меньшее внимание привлекали оценки Уэллса, относящиеся к уровню работы советского правительства и Петроградского совета. Он назвал это правительство «дилетантским», заметив, что «история еще не знала такого дилетантского правительства», а работу Петросовета оценил как исключительно непродуманную и бесплановую. Автор сравнил ее с атмосферой массового митинга, который «мог, самое большее, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен ни на какую настоящую законодательную деятельность». «По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности, — замечал Уэллс, — Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как

груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов»³⁸.

Не менее интересны и точны наблюдения автора о судьбах интеллигенции в условиях разрухи, голода, бурного водоворота беззаконий и насилия. Встречи с певцом Ф.И.Шаляпиным, физиологом И.П.Павловым, композитором А.К.Глазуновым и другими представителями творческой интеллигенции показали Уэллсу, «как безмерно зависят люди большого таланта от прочности цивилизованного общества. <...> Смертность среди русской творческой интеллигенции невероятно высока». Писатель считал, что в большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни в стране, но во многих случаях «решающую роль сыграло трагическое сознание бесполезности большого дарования». И хотя впоследствии в СССР писателя обвиняли в непонимании законов классовой борьбы, он считал, что «наука, искусство, литература – это оранжерейные растения, требующие тепла, внимания, ухода. Как это ни парадоксально, наука, изменяющая весь мир, создается гениальными людьми, которые больше, чем кто бы то ни было другой, нуждаются в защите и помощи». «Новый, незрелый еще общественный строй, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, с дикой разрухой – писал Уэллс, – не нуждается в ученых, он забыл о них». Уэллс далее добавлял, что «у марксистского коммунизма нет никаких планов и идей относительно интеллектуальной жизни общества», которые большевики вынуждены заменять неуклюжими импровизациями и ограничиваться отчаянными попытками спасти обломки прежней жизни»³⁹.

И хотя Уэллс многие годы настаивал на том, что социальная революция – это крайнее средство и капитализм в результате длительной воспитательной работы может перерасти в «коллективистское общество», он не мог не отметить, что «большевистское правительство – самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще. Оно исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей “капитализма” и незримых интриг реакции; временами оно начинает испытывать страх и со-

вершает жестокости. Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире»⁴⁰.

§ 2. Сторонняя оценка нэпа

Среди новых источников, ставших доступными исследователям лишь в последние годы, и вносящих своеобразное видение периода новой экономической политики, важное место занимают свидетельства представителей иностранной интеллигенции. Число таких посещений для знакомства с небывалым в мире социальным экспериментом особенно увеличилось во второй половине 1920-х годов, в преддверии десятой годовщины советской власти и совпало со временем все более ускоряющегося заката нэпа.

В 1921 г. в нашу страну приезжал известный норвежский писатель М.Андерсен-Нексё, в 1924 г. — чешские писатели М.Майерова и И.Ольбрахт. В те годы неоднократно бывал в России американец А.Р.Вильямс, французский общественный деятель Поль Вайян-Кутюрье. Во второй половине 1920-х годов в России побывали А.Барбюс, Т.Драйзер и многие другие. Не зная русского языка, ограниченные крайне малыми сроками пребывания в нашей стране, многие из иностранных гостей ограничивались самыми общими оценками происходившего в России. Немаловажным фактором, определявшим те или иные оценки, было знакомство иностранцев в основном с жизнью Москвы и Ленинграда и крайне слабое знание провинциальной и особенно сельской России. Да и объекты для показа иностранцам выбирались соответствующие — передовые заводы, школы, сельские поселения, учреждения культуры, словом, выделялось, подготавливалось и показывалось все самое лучшее. А это, в свою очередь, порождало соответствующие выводы.

Свидетельства визитеров были, в основном, не просто положительными, а апологетическими. Подобные оценки преобладали. И это было вполне объяснимо. В событиях, происходивших в Советской России, тысячи людей видели или надея-

лись увидеть рост и торжество новой власти – власти трудящихся, начало коренной социальной реконструкции мира.

М.Андерсен-Нексё в самом начале нэпа писал: «Ни одно пророчество старого общества о России не исполнилось потому, что оно подходило к ее событиям с мерой, являющейся старческой клюкой, пригодной для дряхлости, а не для юности... На русском народе все приметы молодости. Его одежда груба – заплатка на заплате, от пищи его тоже не разжиреешь. Но по его лицу видно, что при всем том ему легко на душе и самочувствие его великолепно: либо уж такова его кровь, либо еще нечто другое, принадлежащее внешнему миру, согревает его. У него налитые, играющие краской щеки – вероятно, оттого, что он чувствует подъем в себе и во всем окружающем. Изумительна эта сила, исходящая, словно лучи света, от всякого пролетария...»⁴¹

Далеко не все визитеры, побывавшие в Советской России, понимали суть происходивших событий, видели и могли оценить особенности новой экономической политики, многие события в Советском Союзе воспринимали чисто интуитивно или на уровне повседневной жизни, но чаще всего отзывались о нэпе как новом шаге к социализму. Именно так высказывался о нэпе М.Андерсен-Нексё: «С нэпом революция вышла из страстного воинствующего положения и перешла к трезвому анализу своих задач и средств их достижения. Рассудок явился на смену непосредственному порыву: великие идеи превратились в реальность и могут теперь проводиться в жизнь в определенной последовательности, соответственно их значению. Без нэпа революция была бы подкошена, и на ее прежней почве снова вырос бы капитализм»⁴².

Однако случался приезд и таких гостей, которые увидели «оборотную сторону событий», не ограничивались лишь позитивными впечатлениями, а замечали и отрицательные стороны жизни в Советском Союзе. К их числу относился, например, Панаит Истрати, в 1929 г. выпустивший в Париже книгу «К другому пламени: после шестнадцати месяцев в СССР»⁴³. Он делал вывод о том, что «так называемое строительство социализма» открывает дорогу нарождающемуся фашизму⁴⁴. Столь

же резко отрицательными были оценки Виктора Сержа и Бориса Суварина. В.Серж приходил к радикальным выводам о том, что советская демократия — это ложь, подлинная реальность состоит в диктатуре партии, состоящей из циничных карьеристов, пришедших на смену борцам Октября⁴⁵.

И все же можно найти несколько очень глубоких, аналитических, современно звучащих сегодня отзывов и размышлений о событиях в Советской России. Иностранцы пристально всматривались в жизнь страны, стремились составить собственное представление об особенностях нэпа. Как писал французский социалист-радикал Э.Эррио, впервые приезжавший в Союз еще в 1922 г.: «Я хотел сам составить представление о положении страны, о которой распространялись самые различные сведения. Мне хотелось провести свое исследование без официального мандата...» Э.Эррио отмечал, что он не приемлет большевистского духа, констатируя, «что диктатура сохраняется, что всеобщее избирательное право в России отсутствует, что школа является не светской, а антирелигиозной». Он восклицал, что никогда не пожертвует своими убеждениями демократа во имя революционных успехов такого режима⁴⁶. Еще в ноябре 1922 г. на съезде радикалов в Марселе Эррио заявлял: «Этот режим нельзя каким-либо образом... желать применить во французской республике. Предложить советский режим как идеал — это обман, чтобы согласиться на это, нужно иметь много иллюзий и наивности»⁴⁷.

Западные наблюдатели достаточно часто обращали внимание на методы действий партии большевиков, не одобряя их. Р.Роллан писал в 1927 г. одному из своих читателей: «В отношении большевизма взглядов не менял. Носитель высоких идей или, скорее, выразитель великого дела (ибо идейная область никогда не была его сильной стороной), большевизм погубил их своим узким сектантством, нелепой непримиримостью и культом насилия...»⁴⁸

Т.Драйзер, при сугубо положительной оценке всего увиденного в СССР, замечал, что хотя социалистическая система «обладает многими замечательными чертами, я не могу полностью согласиться ни с ее философией, ни с ее методами»⁴⁹.

Конечно, отразить всю сложность процессов, происходивших в нашей стране в годы нэпа, иностранные гости не могли. Во-первых, как уже отмечалось, им показывали все самое лучшее, контролировался каждый их шаг, во-вторых, краткость пребывания в чужой стране (от нескольких недель до двух, редко до двух с половиной месяцев) не позволяла серьезно вникнуть в существо экономических процессов. Кроме того, иностранцев знакомили главным образом с жизнью городов, а в сельской местности — с достижениями передовых колхозов и совхозов.

Наибольший интерес, безусловно, представляют те наблюдения и оценки иностранцев, которые были непосредственно связаны с проявлениями повседневной жизни масс.

Прежде всего, следует выделить уже упоминавшегося нами немецкого писателя и философа, левого интеллектуала Вальтера Беньямина, находившегося в Москве в конце 1926 — начале 1927 г. Он вел дневниковые записи, а позже в немецком журнале «Die Kreatur» опубликовал очерк «Москва»⁵⁰.

Автор предисловия к очерку «Москва» критик С.А.Ромашко отмечает, что «Москва его оттолкнула. Она оказалась “городом лозунгов”, и написанный чрезвычайно осторожно очерк “Москва” (сравнение с дневниковыми записями, посвященными московской поездке, показывают, насколько последовательно Беньямин обходил в своей публикации чрезвычайно щекотливые вопросы политической борьбы того времени) скорее скрывает многие его впечатления. Несмотря на изысканность изложения очерк все же выдает растерянность автора, явно почувствовавшего, что ему нет места в этом городе — а ведь он отправлялся в поездку, не исключая возможности переселиться в страну, заявившую о намерении построить новый мир»⁵¹.

Беньямин выступает перед читателем как оригинальный мыслитель, интереснейший литератор, очень наблюдательный и искренний человек, чьи размышления до самого последнего времени оставались малоизвестными российским исследователям. Относительно недавно изданные на русском языке, а также стараниями французского философа Ж.Деррида и россий-

ского философа М.Рыклина, сочинения Беньямина стали предметом изучения историков⁵². Названные работы Беньямина — произведения многоплановые, они раскрывают обширный пласт социальной, общественной, культурной жизни Москвы на закате нэпа, показывая его явную противоречивость. Особенно поучительно выделение некоторых важных моментов, которые связаны с оценкой особенностей экономической и общественной жизни в Москве в этот крайне неоднозначный период. Беньямин пишет о Москве, но его наблюдения применимы и к России в целом.

В своем письме Вальтеру Буберу 27 февраля 1927 г. (всего через три недели после своего возвращения из Советской России) он подчеркивал, что намереваясь дать описание Москвы, он будет избегать всякой теории: «Как я надеюсь, именно благодаря этому мне удастся заставить говорить саму реальность: насколько мне удалось освоить и запечатлеть этот новый, чуждый язык, приглушенный сурдиной совершенно измененной среды. Я хочу изобразить этот город, Москву, в тот момент, когда “все фактическое уже стало теорией”, и потому она недоступна какой бы то ни было дедуктивной абстракции, всякой прогностике, в какой-то мере вообще всякой оценке, которая, в данном случае не может следовать из каких-либо духовных “данных”, а лишь из экономических фактов, которыми в достаточной мере даже в России владеют лишь очень немногие». В том же письме Беньямин прозорливо замечал, что «Москва, какой она предстает в этот момент, позволяет угадать в себе в схематическом, редуцированном виде все возможности: прежде всего возможность осуществления или крушения революции. Однако в обоих случаях возникнет нечто непредвиденное, образ которого будет сильно отличаться от всех проектов будущего, контуры этого образа проступают в наши дни в людях и их окружении резко и ясно»⁵³. Позже, в очерке «Москва», Беньямин размышлял: «Увидеть что-либо именно в России может только тот, кто определился. В поворотный момент исторических событий, если не определяемый, то означенный фактом “Советская Россия”, совершенно невозможно обсуждать, какая действительность лучше или же чья воля направле-

на в лучшую сторону. Речь может быть только о том, какая действительность внутренне конвергентна правде? Какая правда внутренне готова сойтись с действительностью? Только тот, кто даст на это ясный ответ, “объективен”. Не по отношению к своим современникам (не в этом дело), а по отношению к событиям (это решающий момент). Постигнуть конкретное может лишь тот, кто в решении заключил с миром диалектический мирный договор»⁵⁴.

Дать ясный ответ было нелегко – знания экономики, как и познаний в русском языке практически не было ни у кого из зарубежных визитеров. Однако на ряд существеннейших моментов, характерных для страны в период нэпа, особенно в сфере политики и идеологии, западные интеллектуалы не только сумели обратить внимание, но и попытались их проанализировать.

Бродя по улицам Москвы, заходя в магазины, автор дневника постоянно всматривается в особенности жизни большого города, замечая одну своеобразную особенность московских улиц: в них прячется русская деревня. Особое внимание Беньямин обращает на торговлю, которая отчасти нелегальна и скорее напоминает не рыночные отношения, не рынок, а обычный, примитивный базар, называемый людьми «толкучкой»: «В Москве товар везде выпирает из домов, висит на заборах, прислоняется к решетчатым оградкам, лежит на мостовых. Через каждые пятьдесят метров строят женщины с сигаретами, женщины с фруктами, женщины со сладостями. Рядом корзинка с товаром, иногда на маленьких санках. Пестрый шерстяной платок защищает яблоки или апельсины от холода, две – три штуки – как образец – лежат сверху. Тут же сахарные фигурки, орехи, конфеты. Выглядит так, будто бабушка собрала в доме все, чем можно порадовать внуков... Среди продавцов мужчины с корзинами, полными деревянных игрушек, тележек и лопаток; детские тележки – желтые и красные, лопатки – желтые или красные. Все эти резные и сколоченные происхождение изделия проще и основательнее, чем в Германии, по ним ясно видно их крестьянское происхождение»⁵⁵. Удалось Беньямину увидеть и то, что производство в основном являлось мелким,

кустарным, ремесленным, что нелегальность уличной торговли приводит к стремлению избежать огласки: «Уличная торговля отчасти нелегальна и в этом случае не стремится к огласке. Женщины стоят, держа на соломенной подстилке кусок сырого мяса, курицу, окорок, и предлагают их прохожим. Это незаконные торговли... Если появляется милиционер, они просто разбегаются. Центры уличной торговли – на больших рынках, на Смоленской и на Арбате. И на Сухаревской»⁵⁶.

Везде длинные очереди, особенно за товарами повседневного спроса (например, мылом), одновременно сосуществуют непомерные цены и талоны, выдаваемые определенным категориям трудящихся. «Перед государственными магазинами, – замечает автор, – часто встречаются очереди; за маслом и другими важными товарами приходится стоять. Здесь бесчисленное количество магазинов и еще больше торговцев, у которых кроме корзины с яблоками, мандаринами или земляными орехами ничего нет. Чтобы защитить товар от мороза, его накрывают шерстяным платком, поверх которого на пробу лежат две-три штуки. Изобилие хлеба и другой выпечки: булочки всех размеров, кренделя и, в кондитерских, очень пышные торты»⁵⁷. Ассортимент продаваемых товаров, по наблюдению Бенямина, совсем невелик – это уже упоминавшиеся им яблоки, конфеты, орехи, сахарные фигурки, а также орехи, деревянные игрушки, русские кружева и вязаные платки, деревянные яйца и хлебная выпечка, крестьянское происхождение которых «совершенно очевидно». Автор отмечает необузданную пестроту и ремесленный характер уличной торговли. В ее ассортимент входят обувной крем, канцелярские принадлежности, платки, кукольные сани, детские качалки, женское белье, галстуки, шарфы, плечики для одежды, птичьи чучела, утюги и многое другое⁵⁸.

Часто встречаются старьевщики, беспризорники, нищие, последних особенно много в трамваях. Их автор относит к «корпорации умирающих». «Вообще же, похоже что из-за неизменной убогости просящих милостыню, но может и из-за их хитрой организации, но они единственная надежная структура московской жизни, всегда сохраняющая свое место»⁵⁹.

У Беньямина, судя по приведенным фрагментам, наблюдения складываются в основном из личных, повседневных впечатлений, из того, что было бы справедливым назвать «нэпом снизу», нэпом, с которым ежедневно сталкивались рядовые жители Москвы.

Размышляя об увиденном, в своем дневнике под датой 7 января 1927 г. Беньямин дает четкую оценку проводившейся тогда политики: «В России государственный капитализм сохранил многие черты инфляционной поры. Прежде всего, правовую неопределенность внутреннего положения. *Нэп* с одной стороны разрешен, с другой – допущен лишь постольку, поскольку это в государственных интересах. Каждый *нэпман* может стать бессрочной жертвой поворота в финансовой политике, даже просто временной демонстративной меры властей. Тем не менее в руках некоторых людей скапливается невероятное – по русским масштабам – состояние. Я слышал о людях, которые платят больше 3 миллионов рублей налогов. Они являются антиподами героев военного коммунизма, героическими *нэпманами* (речь идет о тех, кто, как справедливо отмечает автор, обладает властью в СССР. – Г.К.). В большинстве случаев они попадают на эту стезю совершенно независимо от собственных намерений. Ведь характерной чертой времени *НЭПа* является ограничение государственного вмешательства во внутреннюю торговлю только действительно предметами первой необходимости. Это создает очень выгодную конъюнктуру для действий *нэпманов*»⁶⁰. По наблюдениям Беньямина, судьба *нэпманов* крайне незавидна: за всеобщим презрением, которым они окружены, проглядывает их скорое уничтожение. «Примечательно, – констатирует автор, – насколько эта новая буржуазия не находит ни малейших симпатий даже у иностранных представителей...»⁶¹.

Не считая себя профессиональным экономистом, Беньямин сумел четко разобраться в таких сложных категориях, как власть и деньги, увидев их тесную и непосредственную связь. В очерке «Москва» Беньямин приводит интересное сравнение между капитализмом и строем, сложившемся в СССР: «При капитализме власть и деньги стали сопоставимыми величина-

ми. Любое количество денег конвертируется в определенное количество власти, так что не стоит больших усилий вычислить продажную стоимость любой власти. Таково общее правило. О коррупции может идти речь только в тех случаях, когда означенное превращение совершается кратчайшим путем. Надежно взаимодействуя, печать, государственные учреждения и тресты образуют распределительную систему, в пределах которой этот процесс протекает вполне легально. Советское государство разрушило сообщающиеся сосуды, один из которых можно назвать “деньгами”, другой – “властью”. Власть партия оставляет за собой, деньги же доверяет нэпману», в России «не должно возникать... черной биржи власти. Если и в Россию проникнет европейское соединение власти и денег, то коммунизм в России обречен, страна же и, возможно, даже партия – нет»⁶².

В.Беньямин определяет политическую жизнь в Москве как «деприватизированную». Хотя, по справедливому замечанию философа М.Рыклина, тотальная деприватизация наступит позже, в 1930–1940-е годы⁶³, но Беньямин видит уже и «отмирание частной жизни», и повсеместное внедрение коллективистской модели поведения, которая в значительной мере начинает заменять семью и личную жизнь. В комнатах и квартирах (последних много меньше), которые автор называет «помещениями», выглядящими, словно лазарет после недавней инспекции, «люди могут вынести жизнь, потому что помещения отчуждены от них их образом жизни. Они проводят время на работе, в клубе, на улице»⁶⁴. Беньямин видит «тотальную политизацию», в условиях которой каждый гражданин страны обязан «вписать свои мысли в заданное силовое поле». «Россия сегодня, – пишет автор, – не только классовое, но и кастовое государство. Кастовое государство – это значит, социальная значимость гражданина определяется не представительной внешней стороной его существования – скажем, одеждой или жилищем – а лишь исключительно его отношением к партии. Это имеет решающее значение и для всех, кто с ней непосредственно не связан. И для них возможность работы открывается тогда, ко-

гда они не становятся в демонстративную оппозицию к режиму»⁶⁵.

Общаясь в основном с представителями российской интеллигенции – деятелями литературы, журналистами, режиссерами и артистами, Беньямин с особой горечью говорит о ликвидации слоя свободной интеллигенции, что является важным отражением «интеллектуальной подразверстки», постепенно наступавшей на протяжении 1920-х годов, которая явилась, по нашему мнению, одним из самых показательных факторов свертывания нэпа. «Интеллигенция... со временем возвращается к выполнению работы, которую она саботировала во время гражданской войны. Оппозиция, какой ее желали бы видеть на Западе – устранившаяся от дел и страдающая под игом интеллигенция – не существует, или, вернее сказать: больше не существует. Она – пусть с разного рода оговорками – заключила мир с большевиками или была уничтожена. В России нет – как раз вне партии – иной оппозиции, кроме самой лояльной». «...Рано или поздно вместе со средним сословием, исчезающим в жерновах капитала и труда, исчезнет и “свободный” писатель. В России этот процесс завершен: интеллигент здесь прежде всего функционер, работающий в цензурном, юридическом или финансовом управлении, где ему не дают пропасть, он причастен труду, а в России это значит – власти. Он представитель господствующего класса»⁶⁶. Еще более лаконичен Беньямин в следующем высказывании: «Каждое отклонение от предписанных норм наталкивается на необозримый бюрократический аппарат и на непомерные расходы. <...> Свободная торговля и свободная интеллигенция ликвидированы. <...> Для решения всех дел, включая личные, остаются только контора и клуб. Здесь же человек действует по законам нового “быта” – новой среды, для которой существует только функция трудящегося в коллективе»⁶⁷.

С «отмиранием частной жизни» и «тотальной политизацией» выступает еще одна сквозная тема дневника Беньямина – тема бесконечной «осторожности здесь», в Москве, когда речь заходит об открытом выражении мнений, особенно «собственных» позиций и оценок. «Эта осторожность, – считает автор, –

наиболее очевидное проявление насквозь политизированной жизни»⁶⁸.

Беньямин относился к числу людей, симпатизирующих коммунистической теории и практике. Он хотел хоть в чем-то быть ей полезным. В этом отношении представляют особый интерес заметки в дневнике за 9 января 1927 г., где автор мучительно размышляет – вступать ли ему в Германскую коммунистическую партию, что это даст ему лично, или оставаться в положении свободного литератора, вне партии и должностей: «Решающие преимущества: твердая позиция, наличие – пусть даже только принципиальная возможность – мандата. Организованный, гарантированный контакт с людьми. Против этого решения: быть коммунистом в государстве, где господствует пролетариат, значит полностью отказаться от личной независимости. Задача организации собственной жизни, так сказать, уступается партии. Там же, где пролетариат находится в положении угнетенного, это значит стать на сторону угнетенного класса со всеми последствиями, которые рано или поздно могут наступить. Положение человека, находящегося на передовой, было бы соблазнительно – если бы не наличие коллег, чьи действия при любом случае демонстрируют тебе самому сомнительность этого положения. В партии: огромное преимущество возможности проецировать свои собственные мысли на словно заранее заданное силовое поле. Что же касается независимого положения и его допустимости, то решающим оказывается, в конце концов, вопрос: возможно ли находиться вне партии с явной пользой в личном и деловом плане, не переходя при этом на позиции буржуазии, не нанося ущерба работе»⁶⁹.

Обращает внимание Беньямин и на необычайно быстрое ускорение общественной жизни в России. 8 января 1927 г. он записывает в дневнике: «С утра до вечера идут поиски власти. Вся комбинаторика жизни западноевропейской интеллигенции чрезвычайно бедна в сравнении с бесконечными перипетиями судьбы, которые человек успевает пережить здесь за один месяц. Конечно, из-за этого может возникнуть своего рода опьянение, так что жизнь без заседаний и комиссий, дискуссий, резолюций и голосования (а это все войны, или, по крайней мере,

маневры на пути к власти) покажется просто невозможной)». Выбор – или «придется так или иначе принять свою роль на гремящей сцене», или «оставаться во враждебном и незащищенном, негостеприимном и продуваемом сквозняком зрительном зале»⁷⁰. Поэтому, делает вывод автор, в России величайшее внимание обращается на четкую, до мельчайших нюансов, определенную политическую позицию⁷¹. Беньямин, устами своей близкой приятельницы Аси Лацис⁷², сравнивает жизнь в России с «односторонним движением» или со стаей ворон, в которой «птицы по-настоящему организованы, и во-жак дает им точные указания относительно того, что им следует делать; определенные крики, следующие после паузы, – это... приказы, которые выполняются всеми»⁷³.

Беньямин делает образное сравнение: «Каждая мысль, каждый день и каждая жизнь существуют здесь, словно на лабораторном столе. И словно металл, из которого всеми способами пытаются получить неизвестное вещество, каждый должен быть готов к бесконечным экспериментам. Ни один организм, ни одна организация не может избежать этого процесса. Происходит перегруппировка, перемещение и перестановка служащих на предприятиях, учреждений в зданиях, мебели в квартирах. Новые гражданские церемонии крестин и заключения брака демонстрируются в клубах, словно в лабораториях. Административные правила меняются день ото дня, да и трамвайные остановки блуждают, магазины превращаются в рестораны, а несколько недель спустя – в конторы. Это поразительное экспериментальное состояние – оно называется здесь “ремонт” – касается не только Москвы, это русская черта. В этой доминирующей страсти заключается столько же наивного стремления к хорошему, как и безграничного любопытства и отчаянной удачи. Вряд ли что еще сильнее определяет Россию сегодня. Страна день и ночь находится в состоянии мобилизации, впереди всех, разумеется, партия. Пожалуй, именно эта безусловная готовность к мобилизации отличает большевика, русского коммуниста от его западных товарищей. Материальная основа его существования настолько ничтожна, что он го-

дами готов в любой момент отправиться в путь. Иначе он бы не справился с этой жизнью»⁷⁴.

Очень близкие по характеру наблюдения мы встречаем у Б.Райха – театроведа и литератора, довольно долго жившего в нашей стране (с середины 1920-х – до начала 1930-х годов). Он также обращает внимание на те категории населения, которые носили название «нэпманов». Вот лишь одна из ярких картинок, запечатленных Райхом: «В лавчонках нэпманов было все: бутерброды, сырые и вареные яйца – пожалуйста! Вам хочется в зимнюю пору свеженьких яблок? Пожалуйста! Берите сочные яблочки! Покупайте! – “Сколько?” – “Недорого”. Оказывается, за фунт масла надо уплатить столько же, сколько стоит фунт мяса... Здешние спекулянты были по-особому свирепы. Эти яростные торгаши с беспримерным бесстыдством пользовались тем, что многие товары становились остродефицитными. Они нагло попирали общепринятые принципы торговли и вели себя как разбойники на большой дороге. Я не мог бы назвать это иначе, чем открытые военные действия против государства рабочих и крестьян, подрывающие бюджет граждан. Я убедился, что этот вид проворных, прожорливых жестоких хищников рекрутировался главным образом из “бывших людей”»⁷⁵. В этом своем последнем выводе Райх прав лишь относительно – в стране появились и новые нэпманы, выходцы из чиновничества, представители крупных заводов, которые имели свои привилегии. «Существуют два вида питания: один дорогой – для любых граждан-одиночек, другой удешевленный – для привилегированных, то есть для членов коллектива. При этом принадлежность к коллективу, работающему на благо большого коллектива – класса пролетариата, – и являлась юридически нормальным гражданским состоянием в этой стране»⁷⁶.

И В.Беньямин, и Б.Райх обращают внимание на методы воспитания советского коллективизма. Выделяя особенности «коллективной жизни», Беньямин пишет: «Уже среди детей начинается коммунистическая иерархия. Комсомольцы как старшие стоят во главе. У них есть клубы во всех городах, и они являются настоящей подготовленной сменой партии. Дети

поменьше становятся – в шесть лет – пионерами. Они тоже объединены в клубы, их гордым знаком отличия является красный галстук. Наконец, октябрятами – или же “волчатами” – называются совсем маленькие дети, с того момента, как могут показать на портрет Ленина»⁷⁷. Райх констатирует: «В стране сложились новые обычаи и навыки, здесь действует вера в важность общественного мнения, в создании которого должен участвовать каждый. Рождается новое восприятие, способность мыслить категориями коллективизма»⁷⁸.

Не менее, а даже еще более показательны оценки иностранцев общественной, политической, культурной жизни страны. Райх, например, обратил внимание на чрезмерно наэлектризованное социальное гражданское состояние в стране: «в 20-х годах в городе обогащались нэпманы, богатели кулаки в деревне, а в среде сторонников Октябрьской революции некоторые запутывались в сложных противоречиях нэпа»⁷⁹.

На фоне упомянутых авторов выделялись сотрудники различных дипломатических миссий, проживавшие в Советской России в течение нескольких лет и потому имевшие больше возможностей для знакомства с экономическими, социальными, культурными, политическими аспектами жизни страны.

По мнению главы чехословацкой миссии в России Й.Гирсы, уже с середины 1920-х годов в стране все более быстрыми темпами завершался процесс перехода всей полноты власти в руки руководящих органов партийного аппарата⁸⁰.

Большое впечатление на иностранцев производил и «вождизм» – повсеместное распространение культа изображений Ленина, который позже столь же стремительно перетечет в культ Сталина и многие другие культовые приметы жизни, совпавшие со временем заката нэпа. По поводу культа Ленина Бенъямин записывает: «Уже сегодня его культ простирается безгранично далеко. Есть магазин, торгующий его изображениями как особым товаром во всех размерах, позах и материалах. Его бюст стоит в ленинских уголках, его бронзовые статуи и рельефы есть в крупных клубах, портреты в натуральную величину – в конторах, небольшие фотографии – на кухнях, в прачечных, в кладовых. Его изображение есть в вестибюле

Оружейной палаты в Кремле, подобно тому, как на прежде безбожном месте обращенные язычники устанавливают крест. Постепенно вырабатываются канонические черты этого изображения. Широко известное изображение Ленина-оратора — наиболее частое. Но все же еще более эмоциональным и близким оказывается, пожалуй, другое: Ленин за столом, склонившись над “Правдой”. Такое пристальное внимание к эфемерному газетному листу проявляет диалектический заряд его сущности: взгляд безусловно обращен в будущее, но сердце его неустанно заботится о том, что происходит в настоящий момент»⁸¹.

На возникновение и все более широкое утверждение культа личности Ленина обращали внимание и многие другие иностранцы. Так, Й. Гирса еще в 1926 г. сообщал в Прагу: «... Раньше почти в каждом русском доме, в общественных зданиях и учреждениях, школах, больницах в углу были образа святых. Коммунисты создали так называемые “ленинские уголки”, где на месте икон святых теперь находятся портреты Ленина. Такие уголки с Лениным должны быть в каждом клубе, в школах, учреждениях, их мы видим на заводах, в кооперативах, больницах, детских домах, в тюрьмах и личных квартирах многих коммунистов... Перемены в тактике коммунистов... начали отчетливо проявляться в особенности после смерти Ленина, и нет ни малейшего преувеличения в утверждении, что Россия приобрела новую религию, которая именуется ленинизмом, религию со всеми ее обрядами, проповедью неприкасаемости, исключительного положения и непогрешимости святых теперь находятся портреты Ленина»⁸². Гирса, как и Беньямин, указывает на многочисленные портреты Ленина, красочные сцены из его жизни, обрамленные кусками красной материи, цветами, изображениями сверкающих пятиконечных звезд над головой вождя, которые «очень напоминают прежнее сияние вокруг голов святых». Вывод Гирсы достаточно резок: «Коммунисты ныне создали в России целый новый культ ленинизма, культ чисто религиозный. Нельзя, однако, поверить, чтобы коммунистические вожди искренне верили в это новое божественное учение, но они видят в нем выгоды и облегчение

аргументации для своих доходов и вполне используют их в своих интересах»⁸³. Так, уже с середины 1920-х годов культ Ленина, а вслед за ним и более громкий культ Сталина становятся неотъемлемой составляющей официальной идеологии и практики, важнейшей частью повседневной жизни советского человека.

Западных гостей поражает изобилие пропагандистских лозунгов и атрибутов. «...В государственном магазине... – записывает Беньямин, – вдоль всего помещения, картины, составленные из картонных фигур и призывающие к единению рабочих и крестьян. Изображение в распространенном здесь слащавом вкусе: серп и молот, шестерня и прочие механические приспособления сделаны, невероятно нелепо, из обтянутого плюшем картона. В этом магазине товар был только для крестьян и пролетариев. В последнее время, в связи с “режимом экономии”, на государственных предприятиях не производят ничего другого. У прилавков толпа. В других магазинах, где пусто, ткани продаются только по талонам или – в открытой продаже – по непомерным ценам»⁸⁴.

Лозунги и плакаты встречаются буквально на каждом шагу – на улицах, в клубах, даже в ресторанах. Беньямина потрясает транспарант в одном из клубов: «Ленин сказал, что время – деньги». Он комментирует данный лозунг: «Чтобы высказать эту банальную истину, здесь требуется ссылка на высший авторитет». Впечатляет Беньямина и пропагандистская надпись на стене в вегетарианском ресторане: «Бога нет – религия это выдумка – мир никто не сотворил». Многие плакаты, замечает Беньямин, направлены против пьянства⁸⁵.

Даже краткое перечисление впечатлений о Советской России лишь части иностранцев, побывавших в нашей стране в 1920-х годах, показывает и их наблюдательность, большой разброс мнений и их противоречивость. Как записывал в дневнике В.Беньямин: «...Пребывание в России – такой верный пробный камень для иностранных визитеров. Каждый оказывается вынужден занять определенную позицию и точно ее обозначить. Вообще он тем больше будет склонен к скороспелым теориям,

чем больше он будет отстранен и замкнут на своем личном, чем дальше он будет от российской жизни»⁸⁶.

Далеко не все параметры нэпа сумели увидеть иностранцы, не все сложности периода объяснить, но и увиденного достаточно, чтобы сделать картину жизни страны в те годы более объемной и точной. Работавший в Москве польский дипломат С.Патек в начале 1927 г. сообщал в Варшаву: «Кроме правящих сфер и их сателлитов, удовлетворения в широких массах не заметно. Люди обо всем говорят с деланной улыбкой, со скрытой иронией, с неохотой и неверием». «Управляемые в основном поглощены заботой: как выжить или как сбежать отсюда, а поскольку и то и другое трудно, то ворчат, ссорятся и возмущаются. Недовольство становится все более глубоким, распространенным и всеобщим». «Экономические дела... не так хороши, как об этом говорится на внутренних съездах или при выступлениях в Женеве. Ни индустриализация страны, ни “смычка” деревни с городом, ни постоянно обещаемое снижение цен, ни рост торговли и благосостояния на самом деле не таковы, какими их красочно рисует реклама и пропаганда, в которой Советы – большие мастера...»⁸⁷ Широковещательные политические лозунги демократизации общественной жизни были не только непоследовательными, но и противоречивыми, сменяясь чрезвычайными мерами и укреплением административно-командного начала, ликвидацией оппозиции и политического плюрализма.

Еще совсем недавно среди историков, изучавших проблемы нэпа, не было единого мнения – как квалифицировать этот период в жизни советского государства. Был ли это закономерный этап, единственно возможный магистральный путь, который вывел бы страну из сложных и многообразных противоречий эпохи «военного коммунизма» и привел бы Россию к благоденствию, или сам факт его существования вызывался чисто прагматическими задачами – заботой партии большевиков об удержании и укреплении власти. После всеобщей эйфории начала 1990-х годов, когда нэп объявлялся чуть ли не панацеей решения всех проблем, стоявших перед страной, исследователи сегодняшнего дня, точку зрения которых разделяет и автор

данной монографии, определяют нэп, как своеобразный, хотя и неизбежный во время выхода из кровопролитной гражданской войны зигзаг в четко намеченном партией пути к построению нового, социалистического (каким его видели большевики) общества. В этих условиях его идеология и практика – свобода торговли, товарно-денежные отношения, многоукладность экономики, разрешение существования, под неперменным контролем государства, частной собственности – сформировались, чтобы теоретически обосновать уже «сорвавшийся» (по образному выражению Ленина) в куплю-продажу товарообмен. В реальной жизни все это осуществлялось крайне непоследовательно и половинчато: экономика оставалась полурыночной, спекулятивной, экономические методы широко сочетались с мерами принудительными, налогообложение развивалось все более «судорожными» и мало обоснованными темпами, все более активную роль играли «социалистическая» политика и идеология, внедрялась практика вождизма и культовые настроения, постоянное «подхлестывание» социально-экономических процессов вело к необычайно быстрому разрастанию управленческо-бюрократических слоев со своими политическими амбициями и постоянно нарастаемым негативным отношением к нэпу.

Нэп, безусловно, – и в этом было для партии его основное назначение, – в значительной мере способствовал выживанию страны и укреплению существовавшего строя. Чрезвычайная реквизиционная и распределительная система времени «военного коммунизма», политика, начатая Лениным, проведенная Сталиным в период нэпа и образно названная В.Беньямином «мобилизацией», «ремонт», к концу 1920-х годов надолго похоронила только начавшие «проклевываться» несовершенные рыночные отношения в нашей стране.

Не скованные политическими догмами западные интеллектуалы сумели увидеть многие особенности советского строя 1920-х годов. По мнению иностранцев, нэп явился противоречивым, мобилизационным временем, временем не всегда продуманных экспериментов, сменившимся переходом к автори-

тарной власти Сталина, а сама политика нэпа носила непоследовательный и преходящий характер.

И все же, на ряд существеннейших моментов, характерных для страны в период нэпа, особенно в сфере политики и идеологии, западные интеллектуалы не только сумели обратить внимание, но и попытались их проанализировать.

И хотя Ленин утверждал, что нэп вводится «всерьез и надолго», где «всерьез» подразумевало последовательную научную проработку проводимой политики, она была обречена на свертывание с самого начала. Решения периода нэпа (или, по крайней мере, их подавляющее большинство) определялись не экономическими мотивами, а позицией государства как владельца собственности, правительственных и чиновных кругов, относившихся к нэпу как к явлению преходящему, временному, продиктованному попыткой выхода из тяжелейшего состояния во всех сферах народного хозяйства, решения элементарных проблем жизни населения, прежде всего, рабочего класса.

§ 3. Взгляд иностранцев на Советский Союз 1930-х годов

В 1930-е годы в нашу страну приезжали такие крупные писатели, как американец Т.Драйзер, англичане – фантаст Г.Уэллс, драматург Б.Шоу, французы А.Барбюс, Р.Роллан, Л.Арагон, А.Жид, немецкий писатель Л.Фейхтвангер и многие другие. Они оставили многочисленные свидетельства и оценки особенностей строя и повседневной жизни в Советской России.

Приезжая в СССР в 1930-е годы, западные гости стремились увидеть и максимально полно оценить успехи и достижения нашей страны, многие из которых они считали выдающимися, замечательными. Первые впечатления, оценки оказанного приема практически у всех гостей были самыми радужными.

Что более всего выделяли западные гости? Огромное повсеместное строительство, ликвидацию безработицы, колос-

сальную работу в области народного просвещения и здравоохранения, организации отдыха трудящихся, особенно детей.

Драйзер увидел в социальной и экономической системе Советского Союза три огромных преимущества, которыми не может похвастаться никакая другая система и которые объясняют хотя бы отчасти гигантский рост и темпы развития советской промышленности и ликвидацию неграмотности: колоссальное стимулирующее преимущество коллективной деятельности, оживление духовной жизни, наконец, «освобождение от цепей принуждения и террора, сковывающих духовную деятельность и неразрывно связанных с экономическим порабощением». «Величайший индустриальный процесс, который сейчас происходит в России, – делился своими мыслями писатель, – несет с собой выгоды для всех и уже потому не может оставить равнодушным простого русского человека, которому до сих пор доставалось так мало благ... Я пришел к выводу, что Россия, по всей вероятности, превратится в одну из самых могучих экономических сил, какие когда-либо существовали в мировой истории»⁸⁸.

После своей поездки в СССР в 1927 г. Л.Дюртен замечал: «Лица, наблюдаемые в столице, оставляют поражающее впечатление довольства, осмысленности и спокойствия. Дети многочисленны и прекрасны»⁸⁹.

Жан Ришар Блок, побывавший в нашей стране через пять лет после Драйзера, замечал, что культура, воздвигаемая в СССР, – это «начало пути, блестящая юность нового мира, к которому устремляются наши сердца и наши умы»⁹⁰.

Вернувшись в Лондон после поездки в СССР в 1934 г., Г.Уэллс делился со своим другом – советским полпредом в Великобритании И.М.Майским: «По сравнению с тем, что я видел в 1920 году, две вещи меня поразили больше всего. Первая [пятилетка] – несомненный материальный прогресс... Пятилетка, несомненно, удалась и это, с социалистической точки зрения, имеет громадное принципиальное значение... успех пятилетки значительно поднял уровень жизни в России. ... Везде идет строительство, работают фабрики и железные дороги, хорошо функционируют школы и научные институты...

Конечно, есть много неполадок, ошибок, глупостей, но все это болезни роста. Главное, что есть рост, здоровый рост, который – сознаюсь – в 1920 году казался мне невозможным»⁹¹.

А.Жид подчеркивал, что в своей первой книге («Возвращение из СССР») он рассказывает о личных впечатлениях от всего, что ему с законной гордостью показывали в нашей стране и что он смог увидеть своими глазами: «СССР “строится”», «достижения СССР во многих областях замечательны. Порой даже можно вообразить, что здесь царит счастье», «люди в СССР замечательные». Он восхищался стремлением советских людей к культуре, к образованию. Особенно он выделял внимательное и бережное отношение к детям: «Дети во всех пионерских лагерях, которые я видел, красивы, сыты (кормят пять раз в день), хорошо ухожены, взлелеяны даже, веселы. Взгляд светлый, доверчивый. Смех простодушный и искренний. <...> Такое же выражение спокойного счастья мы видели и у взрослых, тоже красивых, сильных. “Парки культуры”, где они собираются после работы по вечерам, – их несомненное достижение. И среди прочих – парки культуры Москвы. <...> Московский парк культуры – самый большой и лучше других оборудованный различными аттракционами. Ленинградский же парк – самый красивый. Но сейчас каждый город в СССР помимо детских садов имеет свой парк культуры». Писатель не мог не отметить, что «нигде отношения с людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы возникла горячая взаимная симпатия. Да, я не думаю, что где-нибудь еще, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы. Несмотря на различие языков, нигде и никогда еще с такой полнотой не чувствовал себя товарищем, братом»⁹².

Л.Фейхтвангер отмечает, что «город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того – счастьем», что его удивляет заметное улучшение в одежде⁹³. Писатель констатирует, что «народ, который еще двадцать лет тому назад почти задыхался в нищете, грязи и невежестве, является обладателем высокоразвитой промышленности, рационализированного сель-

ского хозяйства, громадного числа вновь возникших или до основания перестроенных городов и, кроме того, полностью ликвидировал свою неграмотность». Эти отзывы в целом у иностранцев были похожими и определялись кругом показанных объектов или доступной им информацией заинтересованных органов. В этом отношении несколько выделялся круг интересов Драйзера, который в ноябре 1927 г. имел в ленинградском отделении ВОКСа беседу с архиепископом Платоновым. Его особенно интересовало положение с религией и верующими в России. Он выяснил, что в стране 80% ортодоксальных верующих, 60% населения активно исповедуют религию, узнал он и о политическом терроре по отношению к деятелям церкви⁹⁴.

Все, кто приезжал в Советский Союз, внимательно всматривались в особенности характера советских людей. Так, Я.Флеминг писал в одном из репортажей середины 1930-х годов: «Этих людей трудно судить по английским меркам. Их фатализм, отсутствие критического мышления, их общая неосведомленность совершенно нам непонятны и вызывают раздражение». Он же был вынужден констатировать, что «боевой дух их высок, а их храбрость и мужество сомнений не вызывают»⁹⁵.

С середины 1931 до середины 1932 г. в Советском Союзе находился выдающийся немецкий писатель, философ и публицист, один из активных борцов с фашизмом и тоталитаризмом А.Кёстлер. Он путешествовал по стране, жил в Харькове и Москве, увидел лагеря принудительного труда в районе Соловков. В сборнике «Бог, который не оправдал надежд» Кёстлер показал на своем примере, как, попав в «закрытую систему», западный интеллект постепенно утрачивал способность к самостоятельному мышлению⁹⁶.

Основываясь на собственных впечатлениях о пребывании в СССР, автор не преминул заметить, что «обычный советский гражданин знает, что быть уличенным в беседе с иностранцем так же вредно для здоровья, как дотронуться до прокаженного. Те, кто разговаривал со мной в ресторанах и в купе вагона использовали стереотипные клише из передовиц “Правды”; можно было подумать, что они просто цитируют фрагменты диалогов из разговорника»⁹⁷.

Писатель ярко обрисовывает картину жизни в стране: «Я видел опустошительное действие голода 1932–33 годов на Украине, толпы оборванцев, целыми семьями нищенствующих на вокзалах, женщин, протягивающих к окнам вагонов своих голодных детей, похожих на заспиртованных эмбрионов, с конечностями как барабанные палочки, с большими головами, с впалыми, как у черепа глазищами и вздутыми животами, стариков с обмороженными пальцами, торчащими из драных ботинок». Сопровождавшие Кёстлера лица объясняли, что все это кулаки, противостоящие коллективизации»⁹⁸.

Один из героев романа Кёстлера «Слепящая тьма», арестованный, а затем казненный большевик Рубашов сначала отрицал предъявленные ему обвинения в антипартийной деятельности, но, в конце концов, признался в преступлениях, хотя прекрасно знал, что никогда их не совершал. По этому поводу он размышлял: «Никогда еще столь малая группа людей не сосредоточивала в своих руках такой полной власти над будущим человечества. Каждая неверная идея, которой мы следовали, превращалась в страшное преступление перед грядущими поколениями. Поэтому нам приходилось карать за порочные идеи, как за тяжчайшие преступления – то есть смертью. Нас считали маньяками, ибо мы доводили каждую мысль до ее логического конца и поступали согласно сделанным выводам. Нас сравнивали с Инквизицией, ибо мы постоянно ощущали на себе бремя ответственности за спасение человечества. Подобно инквизиторам, мы искореняли семена зла не только в людских деяниях, но и в помыслах»⁹⁹.

Д.Оруэлл, в статье, написанной в 1944 г. и посвященной творчеству Кёстлера, замечал: «Все, что печатает Кёстлер, сосредоточено вокруг московских процессов. Главная его тема – перерождение революции, когда начинают сказываться растлевающие последствия завоевания власти». «...О московских процессах над вредителями отзывались по-разному, однако мнения разделились лишь по поводу истинной или мнимой виновности осужденных. Нашлось всего несколько людей, которым достало понимания, что эти процессы отвратительны и ужасны, независимо от того, было ли для них какое-то основа-

ние»¹⁰⁰. К числу таких людей Оруэлл с полным основанием отнес Кёстлера.

Важнейшие и очень характерные для 1930-х годов подробности жизни в СССР замечали и американские дипломаты. Посол США в СССР в 1933–1936 гг. У.Буллит обратил внимание на насильственный характер роспуска в мае 1935 г. Общества старых большевиков и арест многих его членов. Особое же внимание Буллита привлекли методы работы НКВД: «В каждом случае в два часа ночи появлялась тайная полиция, врывается в квартиру, забирала все бумаги, печатывала комнату, в которой находились книги и увозили главу семейства. С исчезновением члена семьи, ближайшие родственники не имели абсолютно никакой информации об арестованном»¹⁰¹. По мнению дипломата и его окружения, главными причинами возникновения политики репрессий было предотвращение растущей оппозиции внутренней и внешней политике Кремля со стороны «левых коммунистов», сокращение или нейтрализация влияния бывших вождей партии и государства, которым Сталин не доверял, а также возможность списания определенных провалов в реализации экономических и финансовых планов на саботаж Троцкого и его последователей. Существенной причиной такой политики считалось лишение Троцкого авторитета в мировом революционном движении, а также усилении ненависти к фашизму. Методы же, которыми выуживалось признание арестованных, назывались «инквизиторскими» и «средневековыми»¹⁰².

Обе книги Жида, посвященные пребыванию в Советском Союзе, содержат еще более резкую критику того, что ему довелось увидеть. В них практически всесторонне анализируются существовавшие советские реалии в экономике, политике, культуры, иерархии власти. В ряде случаев его наблюдения очень близки наблюдениям и выводам других иностранцев, но сделаны они гораздо полнее и основательнее. И это не случайно: он видел глубже, а главное – его не смущали существовавшие в СССР идеологические постулаты. Как считал сам писатель, его больше всего интересовали не экономика, а политические, социальные аспекты жизни в СССР, психология советских людей: «Самое важное для меня здесь – человек, люди,

что из них можно сделать и что из них сделали. Лес, который меня сюда привлек, чудовищно непроходимый и в котором я блуждаю сейчас, – это социальные вопросы. В СССР они вопиют, взывают и обрушиваются на вас со всех сторон»¹⁰³.

Но и в экономике писатель сумел увидеть главное – он уловил связь между монопольным положением государственной собственности и качеством продукции. «Если государство – одновременно производитель, покупатель и продавец, – качество зависит от уровня культуры». У государства «нет конкурентов. Качество? “Зачем оно, если нет конкуренции?” – говорят нам. Именно так, очень бесхитростно, объясняют нам плохое качество всего производимого в СССР, а заодно и отсутствие вкуса у публики»¹⁰⁴.

Внимательно наблюдая за окружением на улицах, писатель делает интересный вывод: «Летом почти все ходят в белом. Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах... <...> В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть. <...> На первый взгляд кажется, что человек настолько сливается с толпой, так мало в нем личного, что можно было бы вообще не употреблять слово “люди”, а обойтись одним понятием “масса”»¹⁰⁵.

Жид делает попытку оценить сущность государства в Советском Союзе и приходит к выводу: «“Диктатура пролетариата” – обещали нам. Далеко до этого. Да, конечно: диктатура. Но диктатура одного человека, а не диктатура объединившегося пролетариата, Советов. Важно не обольщаться и признать без обиняков: это вовсе не то, чего хотели. Еще один шаг, и можно будет даже сказать: это как раз то, чего не хотели»¹⁰⁶. «Нам говорят: диктатура пролетариата. Мы все больше и больше разубеждаемся в этом. Все больше и больше утверждается диктатура бюрократии над пролетариатом. Потому что пролетариат уже не имеет возможности выбирать своего представителя, который защищал бы его ущемленные интересы»¹⁰⁷. Пытаясь разобраться в причинах, приведших к такому положению, автор считает, что «народные выборы – открытым или тайным

голосованием — только видимость, профанация: все решается наверху. Народ имеет право выбирать лишь тех кандидатов, которые утверждены заранее»¹⁰⁸.

Написанные Жидом книги важны не только тем, что подробно разъясняют позиции автора, они содержат ответы на критику, поражающие своей честностью и прямоотой. Жид делает вывод о том, что «различные свидетельства, которые до меня доходят, данные, которые я мог собрать, отчеты непредвзятых очевидцев (какими бы большими “друзьями СССР” они ни были до и после поездки туда) — все это подтверждает мои суждения относительно настоящего положения дел в СССР, усиливает мои опасения»¹⁰⁹.

Автор со всей определенностью разделяет мнение своих корреспондентов, считающих режим в СССР диктаторским, в котором государство управляется лишь небольшой группой людей, народные же массы или не принимают никакого участия в управлении страной, или это участие очень незначительно: «Руководители отлично знают, что народ машиной не управляет, между народом и теми, кто назначен его представлять, реального контакта нет. Но декларируется совсем иначе»¹¹⁰. Подтверждая этот тезис, Жид приводит слова редактора одной из советских газет (он не называет его имени, чтобы не повредить последнему) о том, что система Советов имеет тенденцию отделяться от избирателей из-за разобщенности их между собой и от разобщенности между избирателями и их депутатом. В сноске автор добавляет, что совсем не верит в непогрешимую мудрость большинства, однако считает, что речь идет о том, чтобы это большинство «могло быть услышано, чтобы представляющий его депутат был заслушан»¹¹¹.

Столь же отрицательную характеристику дает Жид профсоюзам, которые «бессильны там, где власть принадлежит бюрократии». В этом месте автор снова делает сноску. Он подчеркивает, что профсоюзы, так же как и Советы, фактически прекратили свое существование в 1924 г.¹¹² Отсюда автор делает вывод о том, что в Советском Союзе возникает разветвленный класс бюрократии, «снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не це-

лые классы, образуется новая разновидность аристократии. Я говорю не об отличившихся благодаря заслугам или личным достоинствам, а об аристократии всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эта аристократия станет денежной»¹¹³.

О бюрократии Жид пишет очень резко, отмечая, что она значительно усилилась к концу нэпа и вмешивается в дела колхозов и совхозов, а также о новой складывающейся буржуазии, жадной до всех благ¹¹⁴.

Автор высказывает опасение, «как бы не сформировалась вскоре новая разновидность сытой рабочей буржуазии (и следовательно, консервативной, как ни крути), похожей на нашу мелкую буржуазию. <...> И поскольку мы, увы, не можем сомневаться в том, что буржуазные инстинкты, подогревающие жажду наслаждений, расслабляющие человека, делающие его равнодушным к ближнему, дремлют в людских сердцах, несмотря ни на какую революцию (ибо человек не меняется, изменившись только внешне), я с тревогой слежу за тем, как в нынешнем СССР эти буржуазные инстинкты косвенно поощряются...»¹¹⁵.

Критику и свободу мысли, как точно замечает писатель, в СССР называют «оппозицией». Размышляя о будущей судьбе оппозиции, писатель приходит к заключению, что «уничтожение оппозиции в государстве или даже запрещение ей высказываться, действовать – дело чрезвычайно опасное: приглашение к терроризму. Для руководителей было бы удобнее, если бы все в государстве думали одинаково. Но кто тогда при таком духовном оскудении осмелился бы говорить о “культуре”? Как избежать крена без противовеса? Я думаю, – добавляет Жид, – что это большая мудрость – прислушиваться к противнику; даже заботиться о нем по необходимости, не позволяя ему вредить, – бороться с ним, но не уничтожать»¹¹⁶. В своей первой книге об СССР Жид радуется, что Сталину плохо удастся уничтожить оппозицию, однако во второй с горечью замечает, что всякое свободомыслие исключено из жизни, что в Советском Союзе для жалоб и несогласия «есть Сибирь»¹¹⁷. И делает страшный вывод: «СССР – многомиллионная страна, и

“прореживание” людского поголовья осуществляется без видимого ущерба. Оно тем более трагично, что незаметно. Лучшие исчезают, лучших убирают. Лучшие не в смысле физической производительности труда, а те, кто отличается от всех, выделяется из общей массы, сила и сплоченность которой в посредственности»¹¹⁸.

Как и В.Бенъямин, посетивший Советский Союз несколькими годами раньше, Жид обратил внимание на обязательность следования т.н. «линии» — «кроме доносительства и замечаний по мелким поводам (суп в столовой холодный, читальный зал в клубе плохо выметен) эта критика состоит только в том, чтобы постоянно вопрошать себя, что соответствует или не соответствует “линии”». Спорят отнюдь не по поводу самой “линии”. Спорят, чтобы выяснить, насколько такое-то произведение, такой-то поступок, такая-то теория соответствует этой священной “линии”. И горе тому, кто попытался бы от нее отклониться. В пределах “линии” критикуй, сколько тебе угодно. Но дальше — не позволено»¹¹⁹. Более всего это следование «линии» ударяет по художественной культуре: «Как бы прекрасно ни было произведение, в СССР оно осуждается, если не соответствует общей линии. <...> От художника, от писателя требуется только быть послушным, все остальное приложится»¹²⁰. Автор замечает: «...не лучше ли вместо словесного жонглирования признать, что революционное сознание (и даже проще: критический ум) становится неуместным, в нем уже никто не нуждается. Сейчас нужны только соглашательство, конформизм. Хотят и требуют только одобрения всему, что происходит в СССР. <...> ...малейший протест, малейшая критика могут навлечь худшие кары... И не думаю, чтобы в какой-либо другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено»¹²¹.

«Поправки к моему “Возвращению из СССР”», основанные и на свидетельствах очевидцев и на фактических данных, полученных автором из советских газет, написаны А. Жидом еще более жестко, даже гневно, чем первая книга. Открытым обвинением сталинскому режиму звучат слова писателя: «С кляпом

во рту, угнетенный со всех сторон, народ почти лишен возможности к сопротивлению. Увы, игра велась по всем правилам и уже выиграна Сталиным – под громкие аплодисменты коммунистов всего мира, которые еще продолжают верить и будут верить еще долго, что они, по крайней мере в Советском Союзе, одержали победу, будут считать врагами и предателями всех, кто не аплодирует»¹²².

Очень важны для понимания позиций Жида и приведенные автором отрывки из писем и публикаций, полученных от людей, побывавших и работавших в нашей стране и пришедших к тем же выводам, что и он сам. Автор не раз обращается к этим откликам, в том числе в специальных разделах «Попутчики», «Свидетельства». Автор полемизирует с Ф.Гренье, Ж.Понсом, профессором Алесандри, приводит конкретные цифры из советских газет «Правда» и «Известия» за август – ноябрь 1936 г. по поводу заработной платы, количества брака на предприятиях, несчастных случаях на транспорте.

Среди тех, к кому обращается автор, свидетельства У.Ситрайна, А.Рудольфа, М.Ивона, перу которого принадлежит работа «Во что превратилась русская революция»*, А.Денье, М.Мартине, Ж.Сена и ряда других¹²³. В этом разделе наиболее подробно выделены позиции биофизика А.Денье, который в своем письме процитировал Жида о том, что в СССР «всякое свободомыслие исключено из жизни». Автор письма подчеркивал, что «все мои коллеги... заглушают в себе всякое стремление думать и писать, постоянно испытывают давление извне, опасаются сделать малейший неосторожный шаг. Мои друзья, свободно мыслящие люди (среди них есть практики и известные ученые), вынуждены раздваиваться: один человек – это тот, которого мы видим, который говорит, проявляет себя внешним образом; другой – ушедший в себя, которого можно узнать только при близком знакомстве». «Материальные условия тяжелые, но еще тяжелее переносить ужасающий моральный гнет. Надо считаться с дворником – агентом ГПУ, нельзя поделиться мыслями с сослуживцами в больнице. Плакат, ко-

* *Yvon M. Ce qu'est devenue la Révolution russe. Paris, 1936. 87 p.*

торый у нас висел в военные годы: “Будьте осторожны – вас подслушивает враг”, там теперь очень актуален»¹²⁴.

Обращается автор и к свидетельствам А.Рудольфа – коммуниста, проработавшего в органах советской печати, в пропагандистском аппарате более трех лет, написавшего несколько книг о нашей стране, в том числе книге «Прощание с Советской Россией»*. Рудольф писал Жиду, что «ваша книга еще раз подтвердила истину, которую я считаю главной, фундаментальной в понимании смысла жизни, именно: нет ничего важнее истины», «все, что происходит в СССР, может дискредитировать саму идею», «в результате тяжких сомнений и мучительной внутренней борьбы пришел к тем же самым выводам, что и вы». Автор письма вспоминал о недавнем процессе Каменева и Зиновьева, о массовых расстрелах, о концентрационных лагерях на берегу Белого моря, в Сибири и Туркестане, где томятся тысячи «контрреволюционеров». Он пишет о тех, кого можно вернуть к жизни, кто дышит еще в бескрайней сибирской тундре и в подземелье ГПУ на знаменитой Лубянке. Рудольф замечает в своем письме, что в стране совершенно отсутствует свобода печати, подавлено общественное мнение¹²⁵.

В ноябре 1936 г. Ж.Сен в одном из писем Жиду утверждал, что «нужно анализировать русский революционный опыт и, если необходимо критиковать его», что «социализм в СССР не построен», что «экономика СССР находится на подъеме, но не следует упускать из виду, что она содержит в себе зародыши капитализма, она не избавлена от свободного рынка и существует неравенство в заработной плате со всеми вытекающими последствиями»¹²⁶. Этим письмом автор заканчивает свою вторую книгу, видимо, выражая согласие с утверждениями Сена.

Почти через десять лет, в 1945 г., Жид в своем дневнике возвратился к своим выводам о посещении Советского Союза и заметил: «Я думаю, что очень скоро будет признана обоснованность моих обвинений; особенно обвинения СССР в том, что там угнетена мысль». Эти и многие другие свидетельства, собранные в книгах, привели Жида к выводу, что все написанное

* *Rudolf A. Abschied von Sowjetrussland. Zürich, 1935. 375 S.*

им подтверждает его суждения относительно настоящего положения в СССР, усиливает его опасения за будущее страны¹²⁷.

Вполне естественно, что позиция писателя, его откровенные и резкие взгляды на жизнь и строй в СССР, были абсолютно неприемлемы для советского руководства, а произведения Жида в течение многих лет подвергались «остракизму».

Вчитываясь с позиций современных оценок в сочинения французского писателя, нельзя не сделать важного вывода о том, что он сделал больше других авторов, побывавших в Советском Союзе, чтобы стало невозможным уйти от проблемы радикального расхождения между марксистской теорией и буднями сталинского режима.

Через несколько месяцев после посещения Советского Союза Жидом и выхода его книг в нашей стране побывал Лион Фейхтвангер. Он успел познакомиться с книгами своего предшественника и во многом построил свою работу как прямую полемику с французским писателем и со всеми, кто разделял его точку зрения. «...Я считаю, — обосновывал Фейхтвангер свою позицию, — поведение многих западных интеллигентов в отношении Советского Союза близоруким и недостойным. Они не видят всемирно-исторических успехов, достигнутых Советским Союзом; они не хотят понять, что историю в перчатках делать нельзя. Они являются со своими абсолютными масштабами и хотят вымерить с точностью до одного миллиметра существующие в Советском Союзе пределы свободы и демократии»¹²⁸. Именно в подобном ключе Фейхтвангер рисовал картины повсеместного строительства, успехов в области образования и в решении социальных проблем. «Чувство безусловной обеспеченности, спокойная уверенность каждого человека в том, что государство действительно существует для него, а не только он существует для государства, объясняет наивную гордость, с которой москвичи говорят о своих фабриках, своем сельском хозяйстве, своем строительстве, своих театрах, своей армии. Но больше всего они гордятся своей молодежью»¹²⁹.

Достаточно перечислить подзаголовки первой главы, названной «Будни и праздники»: «Недовольство в капиталистических странах», «Удовлетворенность в Советском Союзе»,

«Внешние недостатки», «Питание», «Одежда», «Что есть и чего нет», «О несчастливой жизни на Западе», «О счастливой жизни советских граждан», «С каждым днем все лучше и лучше», «Согласие и уверенность», «Право на труд, отдых и обеспеченную старость», «Государство – это мы», «Заражающее счастье», «Москва будет прекрасной», «Еще раз о счастье советских граждан» и другие¹³⁰. Завершил книгу Фейхтвангер маленьким разделом, который назвал лаконично и определенно, – «Да, да, да!»: «Как приятно после несовершенств Запада увидеть такое произведение, которому от всей души можно сказать: да, да, да! И так как я считал непорядочным прятать это “да” в своей груди, я и написал эту книгу»¹³¹.

Знакомство с протоколами политических процессов, личное присутствие на процессе Пятакова и Радека приводят Фейхтвангера к мысли, что эти процессы можно квалифицировать как публичную чистку собственного дома накануне войны, что обвиняемые были изобличены на предварительном следствии и их действия вызывались честолюбием и жадной властью¹³². Однако работавшая с писателем гид и переводчица Каравкина в докладной записке руководству ВОКС не могла не констатировать, что процесс троцкистов в Европе произвел потрясающее впечатление и лишил СССР двух третей его сторонников, что за границей на этот процесс смотрят очень враждебно, что «никто не может понять, как так 15 “идейных революционеров”, участвуя в заговорах против вождей, вдруг все вместе признались и раскаялись»¹³³.

Основываясь на сугубо эмоциональной и в значительной мере на официальной советской версии событий, Фейхтвангер заявлял: «Если спросить меня, какова квинтэссенция моего мнения (по поводу процесса. – Г.К.), то я смогу... ответить словами Сократа, который по поводу некоторых неясностей у Гераклита сказал так: “То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно”». Но как бы противореча себе, автор уделяет значительное внимание ходу судебных процессов, их обстановке, поведению и признаниям обвиняемых¹³⁴.

Да, книга Фейхтвангера апологетична, она почти не содержит критики, но внимательный читатель критические наблюдения и замечания автора увидит весьма легко. Тем более что сам он признается, что «критиковать Советский Союз не трудно. В Советском Союзе есть неполадки внешнего и внутреннего порядка; их легко обнаружить, их не скрывают... Жизнь в Москве пока еще отнюдь не является приятной»¹³⁵.

Автор считает, что те, кто сопротивлялся режиму, относятся к представителям старых классов, ранее стоявшим у власти. К ним он причисляет офицеров царской армии, промышленников, кулаков. Они и «сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством». Писатель делает вывод, что хороших борцов, участвовавших в гражданской войне, но оказавшимися негодными работниками, сняли с занимаемых ими постов, «и понятно, что многие из них теперь стали противниками режима»¹³⁶.

Он пишет: «Постепенно... население охватил настоящий психоз вредительства. Привыкли объяснять вредительством все, что не клеилось, в то время как значительная часть неудач должна была быть, наверное, просто отнесена за счет неумения»¹³⁷.

Фейхтвангер обращает внимание на то, что художественная политика Советского Союза, по-видимому, не отличается цельностью. Героический тон, лейтмотив многих произведений — угроза войны. Далее он добавляет, что писателю, рискующему отклониться от генеральной линии партии, приходится не очень легко. «Стремление не отклоняться от генеральной линии героического оптимизма находит отражение на сцене еще более остро, чем в книге, а особенно сильно оно звучит в фильмах»¹³⁸. Автор высказывает убеждение, что «художник лучше всего разрешает те задачи, которые он сам себе ставит», а не те, которые ему ставит государство. Хотя он не мог не признать, что в Советском Союзе существуют исключительно благоприятные условия именно для расцвета литературы и театра¹³⁹.

Писателю также нигде не удастся услышать критику генеральной линии партии. Эта линия, отмечает автор, состоит в том, что «при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на

основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей войне не может быть и речи». Эти постулаты, считает писатель, с очевидностью подтверждаются «возрастающим процветанием страны и мощью Красной Армии, что *consensus omnium** этого пункта равносильно всеобщему признанию здравого смысла»¹⁴⁰.

Видит писатель в окружающей жизни и бюрократизм, и существование конформизма: «Не только плановое хозяйство несет с собой определенную стандартизацию продуктов потребления, мебели, одежды, мелких предметов обихода... но и вся общественная жизнь советских граждан стандартизирована в широких масштабах. Собрания, политические речи, дискуссии, вечера в клубах — все это похоже как две капли воды друг на друга, а политическая терминология во всем обширном государстве сшита на одну мерку»¹⁴¹. Стандартный энтузиазм производит впечатление искусственности, которая поддерживается властями, «в особенности, когда он распространяется через официальные микрофоны»¹⁴².

Те, кто приезжал в Советский Союз, стремились, но не смогли увидеть и понять все особенности жизни в стране, функционирования сталинской системы. Советская действительность оказалась многослойнее, многообразнее, трагичнее и грубее умозрительных схем западных интеллектуалов. Выводы иностранцев, вероятнее всего, следовало бы назвать «драмой несовпадения» — потому, что многие гости исходили из собственного представления о демократии, воспитанного на примерах, которые утвердились в странах западной цивилизации, — парламентаризме, разделении властей, существовании оппозиции.

Драмой — потому, что в годы до начала Второй мировой войны подавляющая часть иностранных интеллектуалов верила не только в ценность советского опыта, но и в его грядущую победу в созидании социалистического общества, в важность и необходимость именно советского противостояния фашизму. Так и получилось в скором времени, когда началась Великая Отечественная война, приведшая к разгрому фашизма.

* *Consensus omnium* (латин.) — согласие всех, здесь: всеобщее признание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло много лет, наполненных многими эпохальными историческими событиями, оказавшими влияние на судьбы всего мира. В их числе особенно значимы – победа советского народа в Великой Отечественной войне, затем противостояние в долгие годы «холодной войны», распад Советского Союза в начале 1990-х годов и создание Союза Независимых Государств – СНГ. В исторической науке пересмотрены многие концепции и по-новому оценены факты 1920–1930-х годов.

За последние два десятилетия в России произошли принципиальные изменения: плановая экономика постепенно сменяется рыночной, на смену коммунистической идеологии идет власть денег, на смену однопартийности пришла многопартийность. Ее исходным моментом стала отстранение КПСС от власти, отмена статьи 6 Конституции.

За последние десятилетия изданы многие ранее не выходившие или редко издававшиеся книги и статьи зарубежных авторов, а ценность приведенных свидетельств очевидцев событий 1920–1930-х годов не только не устарела, а многократно возросла.

Конец 1920-х и особенно первая половина 1930-х годов характеризуются существенным возрастанием международных связей, ростом интенсивности работы организаций международного интеллектуального сотрудничества, международных контактов. Анализ пребывания западных интеллигентов в России, а затем в СССР, их оценки увиденного показывают, что влияние нового общества затронуло не только революционно настроенные слои западного общества, но и либералов, то есть самые широкие слои интеллигенции.

Октябрьская революция, успехи социалистического строительства перед второй мировой войной вдохновлялись великими надеждами. Западные интеллектуалы того времени с уве-

ренностью и надеждой ожидали, что революция увенчается осуществлением Утопии.

Приезжавшие в гости иностранцы были разными — одни разделяли советскую коммунистическую идеологию и защищали ее. Часть зависела от СССР материально, получая политическое убежище и средства существования, поэтому они были его стойкими адептами. Другие стремились высказать объективную и независимую позицию.

Их отличали большая интеллектуальная честность и политическая проникательность, широта взгляда на события, глубина проникновения в происходящее, попытка не только осмыслить реальные процессы, но и вписать их в контекст современной им истории. Все это существенно расходилось с тогдашними унифицированными и до предела заидеологизированными взглядами подавляющего большинства советских людей.

Иностранные гости стремились как можно полнее узнать о жизни в Союзе. По образному выражению А.В.Луначарского, «любопытное и блестящее течение пацифистов, гуманистов и европеистов»¹, представители которого с огромным интересом приезжали в СССР, сумели увидеть многие черты советского общества 1920-х и особенно 1930-х годов. Какие-то факты и события, увиденные иностранцами во время поездок, были типичными, какие-то были поверхностными, случайными. Что являлось случайным, а что отражало закономерности, они, конечно, не знали. Но обратив внимание на характерные черты того, что им показывали, они тем самым стали одними из первых разрушителей мифа о последовательном и всеобъемлющем прогрессе социалистического строя, о природе культа личности и о других важных параметрах существовавшего строя.

Поэтому их личные свидетельства представляют большую ценность, сохраняют свое значение и поныне. Эти свидетельства требуют не только более широкого привлечения и дальнейшего углубленного анализа источников, но и использования их при изучении рассматриваемого периода, сыгравшего важную роль в истории советского государства.

Новые подходы, новые пласты документального материала позволяют все более глубоко и полно раскрывать и оценивать

особенности сложившейся к середине 1930-х годов советской системы. Власть стала основным рычагом воздействия на общество, а взаимоотношения власти и общества стали ключевой проблемой для исследователей истории XX века.

Глубокий, свободный, во многом независимый, часто аналитический, а иногда и интуитивный подход крупнейших представителей западной интеллигенции, побывавших в Советском Союзе, звучит сегодня остро и современно. Не скованные политическими и идеологическими догмами, хотя и опутанные значительной дозой советских пропагандистских «клише», западные авторы (не всегда и не все одинаково глубоко и последовательно), сумели увидеть в экономическом и политическом строе СССР многие черты. Их с полным основанием можно охарактеризовать как *обществообразующие, т.е. составляющие и определяющие в главном сущность возникшей после революции и сложившейся к середине 1930-х годов общественной системы.*

Прежде всего, они сумели увидеть крайнюю заидеологизированность, однобокость и однолинейность развития советского государства. Они уловили связь между монопольным положением общегосударственной собственности (что четко заметили в 1920-х годах Б.Рассел, а позже, в 1930-х годах – А.Жид), с неизбежностью превращающей всесильную бюрократическую иерархию во главе с харизматическим лидером в основу всей системы управления, подчиняющей все общество интересам правящей группировки, делающей не только необходимым, но и обязательным элементом деятельности государства применение насильственных методов, принуждения и репрессий. Стремление к постоянному «подхлестыванию» социально-экономических процессов определило и необычайно быстрое разрастание управленческо-бюрократических слоев. Тотальный контроль с неизбежностью диктовал такое возрастание.

Б.Рассел, Т.Драйзер, Р.Роллан, немецкий литератор и философ В.Беньямин не могли согласиться с методами действий большевиков – их узким сектантством, непримиримостью к оппозиции, преувеличением роли насилия. Отметим они и быструю реприватизацию политической и отмирание частной

жизни, которая особенно сильно ударила по интеллигенции. Нэп, по мнению западных авторов, явился противоречивым, мобилизационным временем, временем экспериментов, сменившимся тоталитарной диктатурой Сталина.

Приблизились западные интеллектуалы и к пониманию природы культа личности Сталина, его места в жизни советского общества, роли, близкой к религии, моноидеологии и соответствующего ей общественного сознания, постепенно превращающих общество в одномерное, конформистское, послушное велениям сильного вождя.

Если подвести итоги, основанные прежде всего на выводах и оценках иностранцев, то можно выделить следующие основные черты сталинской модели социализма. В 1920–1930-х годах в стране происходит подмена задуманного большевиками обобществления всех основных средств производства их тотальным огосударствлением; а всемогущество все более крепнущего партийно-государственного аппарата приводит к удушению только возникающего, находящегося в самом начале формирования гражданского общества, что подчиняет все общество интересам правящей группировки. Крепнут деспотизм и произвол «вождя», хотя и опирающегося на аппарат и осуществляющего бюрократизацию общества, но стоящего над партией и аппаратом. В этих условиях неизбежно возникают административно-командные методы принудительной (внеэкономической) организации труда вплоть до государственного террора и создания ГУЛАГа. Руководство страны, прежде всего, опиралось на произвол карательных органов, усиливающих «неподвластность» власти народу. И как обобщение всего возникшего в те годы – неспособность общества к самокоррекции, тем более к внутренним реформам из-за отсутствия как экономических (рыночных), так и политических (демократических) регуляторов общественной жизни. Растет закрытость страны, усиливается тенденция к автаркии во всех сферах жизни, идеологический конформизм и послушание масс, часто сопровождавшиеся страхом и закрытостью, а подчас и отсутствием собственного мнения. Созданная в Советском Союзе модель государства, политическая система в целом не только отражали все основ-

ные характеристики и особенности периода, его объективные и субъективные параметры, его противоречия и сложности. Эта система своим обликом, своим образом действий точно отвечала социальному заказу, выданному обществом того времени, и была идеально приспособленной к запросам правящей элиты и к чаяниям трудящегося большинства, которое верило, что нужно еще немного потерпеть, поднатореть, побороться за новую жизнь, уничтожить классовых врагов и наступит «светлое коммунистическое будущее», «рай на земле». Один из главных уроков, вытекающих из того времени, который остается актуальным и сегодня, указывает на важность простого постулата. Любое государство, каким бы демократическим оно ни было, обязано стремиться, чтобы не была перейдена грань, за которой сильная власть, адекватная историческому запросу, превращалась бы в господство насилия ради насилия.

Тем самым, иностранные гости еще в условиях тотальной закрытости советского общества обратили внимание исследователей на ряд положений, ставших в последние десятилетия такими привычными, даже «хрестоматийными» при оценке строя, существовавшего в нашей стране. Он получил в историографии различные определения – «государственный социализм», «бюрократический социализм», «сталинская модель социализма» и даже тоталитаризм. То, что удалось увидеть и оценить передовым представителям Запада, призвано стать неотъемлемой частью не только документальной базы, но и историографии, и поэтому не может не учитываться при изучении непростых процессов развития Советского государства в 1920–1930-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Ряд сюжетов рассмотрен в статьях: Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. Власть и интеллигенция в СССР в 20–30 гг. // Власть и общество в СССР 20–30-е гг.: политика репрессий. М.: [ИРИ РАН], 1999; Куликова Г.Б. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1; *Ее же*. Бертран Рассел о Советской России 1920-х годов // Государство и общество в России в XX веке. М.: РГГУ, 2000; *Ее же*. Революции и реформы в России глазами известных представителей западного мира // Россия в XX веке. Революции и реформы: в 2 т. М.: Наука, 2002. Т. 2; *Ее же*. Государственный контроль над пребыванием в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х гг. // 200 лет министерской системе России: материалы межвуз. науч. конф. М.: РГГУ, 2002; *Ее же*. Некоторые проблемы формирования и эволюции советского государства // Этот противоречивый XX век. М.: РОССПЭН, 2001; *Ее же*. СССР 1930-х годов глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 2; *Ее же*. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4; *Ее же*. «Технология гостеприимства» в Советском Союзе (1920–1930-е гг.) // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: Всерос. науч. конф.: сб. науч. ст. М., 2004; *Ее же*. Иностранцы об особенностях советского государства 1920–1930 гг. // Государственная власть и общество России в XX веке: материалы межвуз. науч. конф., 15 мая 2004 г. М., 2004; *Ее же*. К истории создания биографии Сталина в начале 1930-х годов // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергиев Посад, 2005; *Ее же*. Россия периода нэпа глазами западной интеллигенции // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006; *Ее же*. Из истории формирования культа личности Сталина: (А.Барбюс и создание биографии «отца народов» в начале 1930-х гг.) // Отечественная история. 2006. № 1; *Ее же*. Советские вожди и иностранные визитеры // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4; *Ее же*. Бертран Рассел о советской России 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: тез. докл. всерос. науч. конф., Москва, 25–26 нояб. 2008 г. М., 2008; *Ее же*. Государственный и политический контроль над пребыванием в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. М., 2010; *Ее же*. Бертран Рассел о Советской России 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2011. Вып. 6 (2). Более полную историографию см. в приложенном списке литературы.
- ² Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С. 10, 11, 18, 23. Марк Блок (1886–1944) – французский историк, всемирно известный исследователь проблем методологии истории.

- ³ См. подробнее: Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996.
- ⁴ См. подробнее: *Лидина М., Полина Т.* Самые знаменитые иностранцы в России. М., 2000. По воспоминаниям М.Дести, хорошо знавшей А.Дункан и оставившей очерк о ней, она считала, что в России «сметены все ложные условности, всякое неравенство, всякая несправедливость и царствуют лишь гармония и братская любовь» (*Дункан Айседора.* Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин. М., 1992. С. 248).
- ⁵ *Жид А.* Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 64. Андре Поль Гийом Жид (A.Gide) (1869–1951) – французский писатель, побывавший в советской России летом 1936 г. и оставивший после ее посещения две книги.
- ⁶ *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.
- ⁷ См., например: Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. Вступительная статья к сборнику написана К.Б.Радеком; Гости пролетариата СССР: декларации, заявления, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР. М., 1932; Глазами зарубежных современников (1917–1929) // История СССР. 1967. № 2. С. 167–184; Глазами зарубежных современников (1930–1940) // Там же. № 3. С. 191–204; и др.
- ⁸ *Цвейг Ст.* Огонь // *Цвейг Ст.* Избранные произведения: пер. с нем. М., 1957. С. 667.
- ⁹ Бертран Рассел (B.Russell) (1872–1970) – английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель, побывал в советской России в 1920 г., встречался с Лениным, в последующем стал одним из инициаторов создания Пагуошского движения.
Герберт Джордж Уэллс (H.G.Welles) (1866–1946) – английский писатель, классик научно-фантастической литературы, в 1920 и 1934 гг. посещал СССР, беседовал с В.И.Лениным.
Бернард Шоу (B. Shaw) (1856–1950) – классик английской литературы, выступал против догматизма и предвзятости в отношениях между странами, в 1931 г. побывал в Советском Союзе, встречался со Сталиным.
Ромен Роллан (R. Rolland) (1866–1944) – классик французской литературы, музыковед, один из видных борцов против фашизма.
Сидней (1859–1947) и Беатриса (1858–1943) Вебб (S. & B. Webb) – английские экономисты, историки рабочего движения, идеологи тред-юнионизма и т.н. фабианского социализма.
Анри Барбюс (Anri Barbusse) (1873–1935) – французский писатель и общественный деятель, член французской компартии с 1923 г., неоднократно бывал в Советском Союзе и встречался со Сталиным, автор книги о Сталине. Более полную биографию Барбюса см.: Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 167.
Жан Ришар Блок (J.R.Bloch) (1884–1947) – французский писатель и общественный деятель, член ФКП с 1921 г.
Андре Бретон (A. Breton) (1896–1966) – один из основоположников сюрреализма.
Жорж Дюамель (G. Duhamel) (1884–1966) – французский романист, поэт, эссеист, дважды бывавший в СССР, в 1927 и 1936 гг., выступавший против фашизма.

- Люк Дюртен (Андре Невё – A.Nerveu) (1881–1959) – французский писатель и критик, в Советском Союзе побывал трижды.
- Лион Фейхтвангер (L.Feuchtwanger) (1884–1958) – немецкий писатель-антифашист, доктор философии, в 1933 г. эмигрировал из Германии, жил во Франции, приезжал в Советский Союз в 1937 г., встречался со Сталиным.
- ¹⁰ *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 6, 9. Последняя публикация в сборнике: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990.
 - ¹¹ *Зайцев В.П.* Бертран Рассел // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 52, 53, 57.
 - ¹² *Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан. М., 1969. (Жизнь замечат. людей. Сер. биографий; вып. 8 (468)). С. 375.
 - ¹³ *Цвейг Ст.* Ромен Роллан: (речь к шестидесятилетию) // Собр. соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 2. С. 428, 441.
 - ¹⁴ Р.Роллан получил Нобелевскую премию по литературе в 1915 г., Б.Шоу – в 1925 г., Т.Манн – в 1929 г., А.Жид – в 1947 г., Б.Рассел – в 1950 г.
 - ¹⁵ Р.Роллан был избран почетным членом Академии наук СССР в мае 1932 г. См. подробнее: *Князев Г.А., Лысенко Т.И.* Ромен Роллан – почетный член Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1967. № 1. С. 134–136.
- А.Барбюс был избран почетным членом Академии наук СССР в январе 1933 г. См. подробнее: *Луначарский А.В.* Анри Барбюс – почетный академик // Красная газета. 1933. 2 февр. (№ 27). Веч. вып.

Глава первая

- ¹ *Хаксли О. О.* дивный новый мир. М., 1980. С. 161, 167, 313.
- ² Алексис де Токвиль (1805–1859) – французский историк, социолог и политический деятель первой половины XIX века.
- ³ *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М., 1992. С. 26.
- ⁴ *Оруэлл Дж.* Литература и тоталитаризм // *Оруэлл Дж.* Скотный двор: сказка. Эссе. Статьи. Рецензии. М., 1989. С. 99, 103.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Там же. С. 94.
- ⁷ *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1995. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 16.
- ⁹ Там же. С. 124.
- ¹⁰ *Хайек Ф.А.* Фатальная самонадеянность: ошибки социализма. М., 1990. С. 4.
- ¹¹ *Его же.* Дорога к рабству. С. 75.
- ¹² Там же. С. 28. М.Истмен явился первым публикатором на Западе надиктованных В.И.Лениным заметок, вошедших в историографию как «Ленинское завещание». Об Истмене см. подробнее: *Буранов Ю.* «Дело» Макса Истмана // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991.
- ¹³ *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. С. 121, 122; *Istrati P.* Vers L'autre Flamme: Après seize mois dans L'U.R.S.S. Paris, 1929.
- ¹⁴ *Холландер П.* Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978. СПб., 2001. П.Холландер родился в Венгрии, после событий 1956 г. учился в Австрии

и Англии, тогда же уехал в США. Позже стал преподавателем в Университете штата Массачусетс. Издал курс лекций «Социальные проблемы при социализме», «Советское и американское общества: сравнение»: *Hollander P. American and soviet society: a reader in comparative sociology and perception*. Englewood Cliffs, N.J.; Prentice-Hall, [1969]; *Idem. Soviet and American Society: a comparison*. N.Y.: Oxford University Press, 1973; *Idem. Many faces of socialism: a comparative sociology and politics*. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1983. См. также: *Холландер П. Политические пилигримы*. С. 7–9.

15 Там же. С. 2, 3.

16 Там же. С. 10.

17 Там же. С. 13, 18.

18 Там же. С. 15.

19 Там же. С. 16.

20 Там же.

21 Там же. С. 16, 17.

22 Там же. С. 17.

23 Там же. С. 69.

24 Там же. С. 152, 153.

25 Там же. С. 75. См. также: *Margulies Sylvia R. The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924–1937*. Medison, Wisc., 1968. P. 89.

26 *Холландер П. Политические пилигримы*. С. 68.

27 Там же. С. 75, 76.

28 Там же. С. 17, 18.

29 Там же. С. 22.

30 Георг (Дьёрдь) Лукач (1885–1971) – жил в Москве в 1929–1945 гг. (с перерывом в 1931–1933 гг., когда находился в Германии). Философ, в 1930-е годы сотрудник Института Маркса – Энгельса, политическая позиция с правым уклоном.

Пьер Паскаль (1890–1983) – провел в России с 1916 по 1933 г. «Христианский большевик», веривший в возможность совмещения социализма и христианства. В 1921 г. вступил в ВКП(б), работал в отделе печати Коминтерна, затем в Институте Маркса – Энгельса, вернулся во Францию по ходатайству Э.Эррио.

Панаит Истрати (1884–1935). Родился в Румынии. В 1927 г. посетил СССР, был в Москве и Киеве, в 1928 г. при вторичном посещении страны побывал в Батуми, Баку, Нижнем Новгороде, в Молдавии. В 1929 г. выпустил книгу «Vers L'autre Flamme: Après seize mois dans L'URSS = К другому огню: исповедь проигравшего». Коммунисты оценили ее как предательство, в СССР началась массированная кампания по дискредитации Истрати, его обвиняли в фашизме, умер на родине от туберкулеза.

Борис Суварин (Лившиц) (1895–1984). Родился в Киеве, вместе с семьей принял французское гражданство, был одним из основателей Французской коммунистической партии, жил в Москве, был членом Исполкома Коминтерна, считал систему, существовавшую в СССР, государственным капитализмом. В 1935 г. написал биографию Сталина «Сталин: очерк истории большевизма». Позже занимал умеренную реформистскую позицию.

Все перечисленные авторы были отнесены западными авторами к числу «разочарованных».

- 31 *Фюре Фр.* Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, [1998]. С. 8.
- 32 Там же. С. 13, 14, 125.
- 33 Там же. С. 127.
- 34 Там же.
- 35 В. Серж (В. Л. Кибальчич) (1890–1947) – русский революционер, деятель коммунистической партии и Коминтерна. С 1923 г. примыкал к антисталинской левой оппозиции, за что в 1933 г. был арестован, а затем выслан в Оренбург. Благодаря заступничеству иностранных писателей, в частности Ромена Роллана, Сталин в 1936 г. разрешил ему покинуть СССР. Продолжал литературную деятельность, умер в Мексике в 1947 г. О В. Серже см. подробнее: Звезда. 1994. № 6.
- 36 *Фюре Фр.* Прошлое одной иллюзии. С. 152, 127, 126.
- 37 Там же. С. 8.
- 38 Там же. С. 14, 173, 127.
- 39 Там же. С. 166.
- 40 Там же. С. 119.
- 41 Там же. С. 166, 161.
- 42 Там же. С. 167.
- 43 *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 30, 31, 33.
- 44 Там же. С. 323.
- 45 Там же. С. 326, 390.
- 46 Там же. С. 327.
- 47 См.: Диалог в Брайтоне: человек в настоящем и будущем. М., 1989.
- 48 См. историографический обзор: *Тарле Г.Я.* Советская литература об интернациональных связях трудящихся // Строительство Советского государства. М., 1972; см. также: *Ее же.* Международная пролетарская солидарность с Советской Россией в 1928–1937 гг.: историогр. обзор // Исторические записки. 1977. [Т.] 98; *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза, 1928–1932. М., 1969; *Его же.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975; *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). Л., 1971; *Фураев В.К.* Советская историография отношений между СССР и США // Американский ежегодник. 1972. М., 1972; см. также ряд других исследований, упомянутых в историографическом обзоре Г.Я.Тарле.
- 49 *Эйдельман Н.[Я].* Вместо послесловия. «Гости Сталина» // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 261. Статья Эйдельмана была впервые опубликована в «Литературной газете» № 27 за 1990 г.
- 50 Два взгляда из-за рубежа. С. 261, 262.
- 51 Там же. С. 265, 266.
- 52 Там же. С. 271.
- 53 Зарубежные писатели и Октябрь: сб. материалов и сообщений. Саратов, 1967. С. 6.
- 54 См., например, монографии из серии биографий «Жизнь замечательных людей»: *Гуро И., Фоменко Л.* Анри Барбюс. М., 1962; *Мижо М.* Сент-Экзюпери. М., 1963; *Копелев Л.З.* Брехт. М., 1966; *Хьюз Э.* Бернард Шоу.

- [2-е изд.]. М., 1968; *Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан. М., 1969. Серия создана в 1933 г. по инициативе А.М.Горького.
- 55 *Динамов С.С.* Зарубежная литература: сб. ст. М., 1960; Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М., 1969. (Литературное наследство; т. 81); *Балахонов В.Е.* Ромен Роллан и его время («Жан-Кристоф»). Л., 1968; *Засурский Я.Н.* Теодор Драйзер. М., 1964; *Его же.* Теодор Драйзер: жизнь и творчество. М., 1977; *Мотылева Т.Л.* Друзья Октября и наши проблемы // Иностранная литература. 1988. № 4; *Ее же.* Литература против фашизма: по страницам новейшей зарубежной прессы. М., 1987; *Кагарлицкий Ю.И.* Вглядываясь в будущее: книга о Герберте Уэллсе. М., 1989; *Гражданская З.Т.* Бернард Шоу после Октября. М., 1968; *Нарский И.С., Помогаева Е.Ф.* Бертран Рассел – философ и гуманист // Вопросы философии. 1972. № 6; *Зайцев В.П.* Бертран Рассел // Вопросы истории. 2002. № 5; *Николаева Т.С.* Фейхтвангер и Советский Союз // Зарубежные писатели и Октябрь. Саратов. 1967; *Шафаревич И.Р.* Две дороги – к одному обрыву // *Шафаревич И.Р.* Русофобия; Две дороги – к одному обрыву. М., 1991; *Плутник А.* Анатомия таких разных убеждений // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990; *Марков В.С.* Послесловие // *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991; *Улановская М.А.* Свобода и догма: жизнь и творчество Артура Кёстлера. Иерусалим, 1996; *Рыклин М.* Пространства ликования: тоталитаризм и различие. М., 2002.
- 56 *Рыклин М.* Пространства ликования: тоталитаризм и различие. С. 11, 12.
- 57 *Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970.* М., 2002; См. также: *Волков С.* История русской культуры XX века от Льва Толстого до Александра Солженицына. М., 2008.
- 58 См.: *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; *Волкогонов Д.А.* Сталин: политический портрет: в 2 кн. Изд. 4-е. М., 1996. 2 кн.; *Роговин В.З.* Сталинский неонеп. М., 1994; *Радзинский Э.* Сталин. М., [1997]; *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива: к историософии сталинизма. М., 2002; и др.
- 59 Великая октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917–1927. М., 1985; Советская культура в реконструктивный период, 1928–1941. М., 1988; *Куманев В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма: исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987; *Его же.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991.
- 60 *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6; *Его же.* Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1; *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб., 1999; *Шишкин В.А.* Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.). СПб., 1999; *Лельчук В.С.* Беседа И.В.Сталина с английским писателем Г.Уэллсом: (документы, интерпретация, размышления) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001; *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина; *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1; ВОКС в 1930–40-е годы / публ. Голубева А.В., Невежина В.А. // Минувшее: ист. альманах. М., СПб., 1993. Вып. 14; *Голубев А.В.* Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // Россия XXI. 1997. № 1/2; *Его же.* Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация»: (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; *Его же.* «Основная цель его при-

- езда...»: отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании, 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3; *Его же*. Советская культурная дипломатия 1920–30-х годов // Россия и мировая цивилизация. М., 2000; *Его же*. «Строительство дома цензуры»: (к вопросу о закрытости советского общества) // Россия и современный мир. 2000. № 3; *Его же*. «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4; *Его же*. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004; *Его же*. «Если мир обрушится на нашу республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. Более подробный перечень работ А.В. Голубева см. в списке литературы в конце монографии.
- 61 *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. С. 347, 348.
 - 62 *Игрицкий Ю.И.* Восприятие СССР как фактор глобальной политической конфронтации // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 205.
 - 63 *Голубев А.В.* «Добро пожаловать или посторонним вход запрещен»: к вопросу закрытости межвоенного советского общества. С. 43, 46.
 - 64 *Голубев А.В.* «...Взгляд на землю обетованную...» С. 3–5, 85. См. главу 3 «Становление советской культурной дипломатии (1917–1929)» (с. 85–118) и главу 4 «“Звездный час” советской культурной дипломатии (1929–1939)» (с. 119–165) указанной монографии.
 - 65 Там же. С. 167.
 - 66 Там же. С. 276–326.
 - 67 См. подробнее: *Голубев А.В.* Россия и мир глазами друг друга. Из опыта изучения проблемы // Труды / Институт российской истории РАН. М., 2008. Вып. 7.
 - 68 См., например: Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932; *Андерсен-Нексе М.* На рассвете: очерки Советской России. М.; Л. 1925.
 - 69 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1961. Кн. 1–2; М., 1963. Кн. 3–4; *Лидин В.Г.* Люди и встречи. [М., 1961]; *Майский И.М.* Из воспоминаний о Бернардe Шоу и Герберте Уэллсе. М., 1973; *Его же*. Люди. События. Факты. М., 1968; *Его же*. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1: 1900–1934; Кн. 2: 1935–1975; Михаил Кольцов. Каким он был. М., 1989; и др.
 - 70 Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 318–323.
 - 71 Там же. С. 320.
 - 72 *Роллан Р.* Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 3–5; *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989; Два взгляда из-за рубежа. М., 1990; *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991.
 - 73 *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: государственный контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995; *Его же*. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8; Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф., 24–27 мая 1993 г., Москва. М., 1995; «Исключить всяческие упоминания...»: очерки истории советской цензуры. М., 1995; *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994; *Его же*. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953.

- СПб., 2000; История советской политической цензуры: документы и комментарии М., 1997; Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. М., 2002.
- ⁷⁴ Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995; Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М., 2002.
- ⁷⁵ Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. С. 244, 22.
- ⁷⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 560. Оп. 1. Д. 33; Ф. 558. Оп. 1. Д. 3151; Оп. 11. Д. 699, 700, 795, 820.
- ⁷⁷ На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным (1924–1953). М., 2008.
- ⁷⁸ Стенограмма беседы Сталина с Р.Ролланом, а также небольшая часть писем Роллана опубликована в: «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд»: запись беседы Ромена Роллана и И.В.Сталина 28 июня 1935 года // Источник. 1996. № 1. С. 140–152; «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны»: пять безответных писем Ромена Роллана // Там же. № 2. С. 122–129.

Глава вторая

- ¹ См. подробнее: НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001; Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России, конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008. Гл. 1.
- ² См. подробнее: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. М., 1995; Его же. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М., 2003; Его же. НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М., 2004; Его же. Россия на переломе эпох: осмысление XX столетия российской истории. М., 2006.
- ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 138; 188; Т. 38. С. 189.
- ⁴ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 22.
- ⁵ Его же. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168; Ленинский сборник. М., 1989. XL. С. 424.
- ⁶ А.А.Богданов (Малиновский) (1873–1928) – экономист, философ, политический деятель. В.И.Ленин квалифицировал философские взгляды Богданова как идеалистические и реакционные.
- ⁷ Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990. С. 345, 347, 348.
- ⁸ См. подробнее: Власть и общество в СССР (20–30 гг.): политика репрессий. М., 1999. С. 96–98.
- ⁹ См. подробнее: Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М., 1997; Ильина И.Н. Административный надзор за общественными организациями России в 1920–1930-е годы // XX век в истории России. Сергиев Посад, 2005; Ее же. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.
- ¹⁰ См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990, 993. Л. 28, 47.

- 11 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 5. Л. 1, 4.
- 12 Подсчитано автором по статистическому сборнику: «СССР. Итоги выборов и состав депутатов Верховного Совета СССР I созыва» (М., 1937).
- 13 Вернадский В.И. «Коренные изменения неизбежны...»: дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 215.
- 14 Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 458, 506.
- 15 Капица П.Л. Письма о науке, 1930–1980. М., 1989. С. 43; Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.В. Александр Аросев. Казань, 1974. С. 65.
- 16 И.М.Гронский. В 1931–1934 гг. главный редактор газеты «Известия», одновременно редактор журналов «Красная нива» и «Новый мир». В 1932–1933 гг. – председатель Оргкомитета по подготовке 1-го Всесоюзного съезда советских писателей.
- 17 А.И.Стецкий (1896–1938). В 1926–1930 гг. зав. отделом печати и агитпропом Северо-Западного Бюро ЦК, в 1930–1938 гг. – заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Расстрелян в 1938 г.
- 18 А.С.Щербаков (1901–1945) – советский государственный и партийный деятель, оргсекретарь Союза советских писателей, в 1938–1945 гг. секретарь МК и МГК партии, с 1941 г. – секретарь ЦК ВКП(б).
- 19 Баранов В. «Надо прекословить!». М. Горький и создание Союза писателей // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 44.
- 20 Ефимов Б. Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 28.
- 21 Из переписки А.М.Горького // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 218. Письмо А.М.Горького А.А.Андрееву от 7 ноября 1935 г.
- 22 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 81.
- 23 Там же. Л. 73. В.Правдухин – один из сибирских писателей, в ОГПУ-НКВД причисляемый к так называемым «крестьянствующим» авторам. К этой же группе относили и Л.Сейфуллину. В середине 1930-х годов крестьянские писатели фактически приравнивались к антисоветским. См.: Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 37.
- 24 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 84.
- 25 Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. С. 39.
- 26 Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1980. С. 5.
- 27 Роллан Р. Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 218. Письмо Ф.Гладкова и И.Сельвинского было опубликовано в «Литературной газете» 9 декабря 1930 г. Ответ Роллана опубликован в той же газете 14 февраля 1931 г. В декабре 1930 г. письмо советских писателей сопровождалось текстом «От редакции». В нем говорилось: «Мы начинаем с этого номера печатание писем советских писателей писателям Запада, посылая одновременно их адресатам за границу. Советские писатели обращают свой голос через рубежи писателям Европы и Америки и спрашивают об их позициях в связи с той подготовкой войны против СССР, которую готовит международный империализм. Мы ждем ответа писателей Запада».
- 28 Чуковский К.И. Дневник, 1930–1969. Изд. 2-е, испр. М., 1997.
- 29 Пришвин М.М. Дневники. М., 1991. С. 123.
- 30 «Неоценимый подарок»: переписка Пастернаков и Ломоносовых (1925–1970) // Минувшее: ист. альманах. М.; СПб. 1994. Вып. 15. С. 216. Цитируется письмо Б.Л.Пастернака Р.Н.Ломоносовой от 12 апреля 1927 г.
- 31 Олеша Ю. Повести и рассказы. М., 1965. С. 454–460.

- 32 Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Вып. 4. С. 169.
А.В.Луначарский (1875–1933) – советский государственный и партийный деятель, писатель, критик. В 1929–1833 гг. председатель Ученого комитета ЦИК СССР. Личный друг Р.Роллана, А.Барбюса, Б.Шоу, Б.Рассела.
- 33 См. подробнее: Иоффе А.Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 16, 23; Известия. 1935. 27 июня; Советская культура в реконструктивный период, 1928–1941. М., 1988. С. 551, 552; Международный конгресс писателей в защиту культуры, 1-й. Париж, 1935. Доклады и выступления. М., 1936.
- 34 Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 2, 3, 4.
- 35 Там же. С. 296.
- 36 Там же. С. 300. Доклад Радека, сделанный 24 августа 1934 г., назывался «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства».
- 37 Там же. С. 350.
- 38 Там же. С. 297.
- 39 Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935: материалы к истории Междунар. конгресса писателей в защиту культуры // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 220.
- 40 Роберт Фредерикович Куллэ – доктор исторических наук. Он читал лекционные курсы в университете Ташкента, а затем в институтах Свердловска, был арестован в ночь с 5 на 6 января 1934 г. Расстрелян по обвинению в антисоветских позициях 28 февраля 1938 г. Письма и дневник Р.Ф.Куллэ опубликованы в: The New Review = Новый журнал. 1991. Кн. 184/185; 1992. Кн. 186–189.
- 41 Там же. Кн. 188. С. 300.
- 42 Там же. С. 301.
- 43 Там же. С. 284.
- 44 Там же. Кн. 184/185. С. 435, 439, 460; Кн. 186. С. 201, 211.
- 45 Там же. Кн. 189. С. 288.
- 46 Там же. Кн. 188. С. 342.
- 47 Рютин М. На колени не встану. М., 1992. С. 225; Юность. 1988. № 11. С. 23, 24.
Мартемьян Никитич Рютин (1890–1937), из крестьян, член партии большевиков. В 1932 г. – первый секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б). В том же году арестован по делу «Союза марксистов-ленинцев». Автор платформы «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Постановлением коллегии ОГПУ осужден на 10 лет, затем 11 января 1937 г. осужден к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день. 13 июня 1988 г. реабилитирован. См.: Союз марксистов-ленинцев // Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 92–104. Платформа М.Н.Рютина опубликована: Там же. С. 334–443.
- 48 Академическое дело, 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. С. 30, 33, 34.
- 49 Там же. С. 37.
- 50 Переписка И.П.Павлова. Л., 1970. С. 358, 359. 2 января 1935 г. В.М.Молотов ответил И.П.Павлову, выразив мнение о «полной неубедительности и несостоятельности» высказанных политических положений, научная

- основа которых автору совершенно не известна. Копия письма Павлова и ответ Молотова были посланы президенту Академии наук СССР А.П.Карпинскому. См.: *Есть у Отечества пророки*. Петрозаводск, 1989. С. 83.
- 51 Литературная газета. 1989. № 25.
- 52 *Шенталинский В.А.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. С. 186.
- 53 *Луначарский А.В.* Попутчики в Европе // *Известия*. 1925. 11 янв.
- 54 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 219. Л. 54.
- 55 *Шенталинский В.А.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. С. 162.
- А.П. Флоренский – философ, профессор богословия, инженер. Впервые был арестован в 1928 г., вновь арестован в 1933 г. 25 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, казнен 8 декабря.
- 56 *Сталин И.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947. С. 564, 575.
- 57 Народное хозяйство СССР, 1922–1972 гг.: юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 62.
- 58 *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России, конец 1970-х – 1991 гг. С. 21.
- 59 *Калинин М.И.* Вопросы советского строительства: статьи и речи (1919–1946). М., 1955. С. 292.

Глава третья

- 1 Идеи, проповедовавшиеся Фабианским обществом, английской реформистской организацией, основанной интеллигенцией в 1884 г. Главные идеи – сотрудничество рабочего класса с буржуазией и мирный, постепенный переход от капитализма к социализму, используя путь реформ. В начале XX века в общество входили Б.Шоу и Г.Уэллс. Активными членами общества были супруги Сидней и Беатриса Вебб.
- 2 *Эйдельман Н.[Я.]* Вместо послесловия. «Гости Сталина» // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 267, 271.
- 3 См. подробнее: *Багдасарян В.Е.* Советский эксперимент в восприятии западной интеллектуальной элиты (1920–1930-е гг.) // XX век в истории России. Сергиев Посад, 2005. С. 70, 71.
- 4 *Роллан Р.* Панорама // Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 26.
- 5 *Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан. М., 1969. С. 8. (Жизнь замечат. людей. Сер. биографий; вып. 8 (468)). Отрывки из писем и ранних дневников писателя извлечены Мотылевой из Парижского архива Р.Роллана.
- 6 Там же. С. 149.
- 7 Там же. С. 174.
- 8 Там же. С. 172, 174, 196.
- 9 Там же. С. 201.
- 10 *Роллан Р.* Панорама. С. 30. См. также: Там же. С. 22.
- 11 *Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан. С. 212.
- 12 Там же. С. 217.
- 13 Там же. С. 256.
- 14 *Роллан Р.* На смерть Ленина // Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 117.
- 15 *Его же.* Приветствие к величайшей годовщине в истории народов // Там же. С. 152.
- 16 *Его же.* Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину // Там же. С. 162.

- 17 Там же. С. 163.
- 18 *Ромен Р.* Воля к миру: письмо в журн. «Воля к миру» // Там же. С. 174.
- 19 См.: *Его же.* Панорама. С. 59.
- 20 *Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан. С. 271.
- 21 *Шоу Б.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1956. [Т.] 1. С. 3; *Хьюз Э.* Бернард Шоу. [2-е изд.]. М., 1968. С. 188.
- 22 *Жид А.* Подземелья Ватикана; Фальшивомонетчики; Возвращение из СССР. М., 1990. С. 64.
- 23 *Аросева О.А., Максимова В.А.* Без грима. М., 1998. С. 67. Авторы цитируют не публиковавшиеся ранее отрывки из дневника А.Аросева. Подробнее об А.Я.Аросеве см. Главу 4 примеч. 32.
- 24 *Бретон А.* Выступление Андре Бретона на митинге в Париже 26 января 1937 г. в связи с московскими процессами // Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М., 2002. С. 231.
- 25 Цитируется по: *Гуро И., Фоменко Л.* Анри Барбюс. М., 1962. С. 60.
- 26 *Брехт Б.* Избранное. М., 1987. С. 331.
- 27 *Фейхтвангер Л.* Пьесы. М., 1960. С. 13.
- 28 *Сент-Экзюпери Э.* Сочинения. М., 1964. С. 435, 436; *Мижо М.* Сент-Экзюпери. М., 1963. С. 194.
- 29 Цит. по: Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны. (1933–1937): документы и материалы. М., 1961. С. 524, 525. (Из истории международной солидарности; сб. 5). Статья Г.Манна была опубликована 7 ноября 1937 г. в газете «Правда».
- 30 *Копелев Л.З.* Брехт. М., 1966. С. 424.
- 31 Иностранная литература. 1935. № 2. С. 152.
- 32 *Багдасарян В.Э.* Советский эксперимент в восприятии западной интеллектуальной элиты. С. 75.
- 33 *Кагарлицкий Ю.И.* Указ. соч. С. 332.
- 34 *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5, 6.
- 35 *Драйзер Т.* Собр. соч. М., 1955. Т. 12. С. 259, 272.
- 36 Цит. по дневнику Р.Роллана: РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 12–13.
- 37 *Арагон Л.* В СССР чудеса совершаются в действительности // Коммунистический Интернационал. 1937. № 10–11. С. 148. (Писатели, ученые, политические деятели о СССР).
- 38 Там же. С. 147.
- 39 Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 64.
- 40 *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 5, 6.
- 41 *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. С. 6.
- 42 Два взгляда из-за рубежа. С. 65, 64.
- 43 *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. С. 7.
- 44 *Холландер П.* Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978. СПб., 2001. С. 75.

Глава четвертая

- ¹ См. подробнее: *Романовский С.К.* Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966; *Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.В.* Александр Аросев. Казань, 1974; *Дворниченко В.В.* Туризм в СССР и деятельность советских профсоюзов по его развитию (1917–1984 гг.). М., 1985; *Долженко Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Д, 1988; ВОКС в 1930–1940-е годы / публикация А.В.Голубева и В.А.Невежина // *Минувшее: ист. альманах.* М.; СПб., 1993. Вып. 14; *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб., 1999; *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // *Отечественная история.* 1993. № 6; *Орлов И.Б., Кресова М.Д.* Иностраный туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов: проблемы становления “Freemen Industry” // *Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг.* М., 2004; *Кресова М.Д.* «Интурист» в 1929–1939 гг.: структура, кадры, направления деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Гриднев Ю.А.* «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей» (1925–1929): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ² ГАРФ. Ф. 5283. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. ВОКС. М., 1929. С. 23, 27; *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза, 1928–1932. М., 1969. С. 103.
- ³ *Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.А.* Указ. соч. С. 61, 63.
- ⁴ Советская культура в реконструктивный период, 1928–1941. М., 1988. С. 537.
- ⁵ *Орлов И.Б., Кресова М.Д.* Иностраный туризм в СССР ... С. 163.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Холландер П.* Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китае и Кубе, 1928–1978. СПб., 2001. С. 100; ГАРФ. Ф. 5283. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: ВОКС. М., 1929. С. 23–24.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Факты и цифры. М., 1930. С. 28.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–11.
- ¹⁰ *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. С. 280.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10882. Л. 1.
- ¹² *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 14, 15.
- ¹³ *Его же.* Автобиография // *Иностранная литература.* 2000. № 12. С. 193.
- ¹⁴ *Майский И.М.* Люди. События. Факты. М., 1973. С. 85.
- ¹⁵ *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958. С. 54.
- ¹⁶ Об организации обществ ВОКС и Интурист см. подробнее: *Гриднев Ю.А.* «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей» (1925–1929). С. 10, 12; *Орлов И.Б., Кресова М.Д.* Иностраный туризм в СССР ... С. 163, 164.
- ¹⁷ *Голубев А.В.* «...Взгляд на землю обетованную...»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004. Прил. 1: Производственный план работы ВОКС на 1929–1930 год. С. 198, 199.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 5283. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: ВОКС. М., 1929. С. 5, 8. Текст написан О.Д.Каменевой, являвшейся с 1925 по 1929 г. председателем Общества. О.Д.Каменева (1881–1941) – се-

- стра Л.Д.Троцкого, жена Л.Б.Каменева. После расстрела мужа была арестована, в сентябре 1941 г. расстреляна в тюрьме.
- 19 Там же. ВОКС. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Факты и цифры. М., 1930. С. 3; *Кресова М.Д.* «Интурист» в 1929–1939 гг. С. 15–17.
- 20 ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Факты и цифры. М., 1930. С. 16.
- 21 Там же. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: ВОКС. М., 1929. С. 10.
- 22 Там же. М., 1930. С. 3, 37–39.
- 23 Там же. С. 3.
- 24 Там же. С. 28.
- 25 *Драйзер Т.* Собрание сочинений. М., 1955. Т. 12. С. 145.
- 26 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1961. Кн. 5–6. С. 197.
- 27 ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Факты и цифры. М., 1930. С. 27.
- 28 Архив М.Горького. М., 1995. Т. XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1918–1936). С. 270.
- 29 ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Факты и цифры. М., 1930. С. 11, 12, 16.
- 30 «Основная цель его приезда...»: отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании, 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 135.
- 31 *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. С. 132.
- 32 А.Я.Аросев (1890–1938) – советский государственный и партийный деятель, с 1926 г. полпред в Литве, Чехословакии, с 1934 г. председатель ВОКС. Расстрелян 10 февраля 1938 г. См. подробнее: *Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.А.* Указ. соч. С. 65. Об аресте и расстреле А.Я.Аросева см.: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 194. Существует мнение, что именно книга Жида явилась причиной ареста и расстрела А.Аросева и М.Кольцова. См.: *Фрадкин В.А.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 210–218.
- 33 *Бережков В.* Как я был переводчиком Сталина. М., 1993. С. 193–194.
- 34 *Холландер П.* Политические пилигримы. С. 14, 15.
- 35 Там же. С. 474.
- 36 Там же. С. 16.
- 37 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 118. Л. 6, 19, 23.
- 38 Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 1. С. 5, 17.
- 39 Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 103, 104.
- 40 *Бережков В.* Указ. соч. С. 194.
- 41 А.Б.Халатов (1896–1938). В 1927–1932 гг. председатель правления Госиздата и ОГИЗа РСФСР.
- 42 Н.Н.Крестинский (1883–1938). С 1930 г. – заместитель наркома иностранных дел.
- 43 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 596. Л. 91–92, 92об., 93.
- 44 К.А.Уманский (1902–1945) – заведующий Отделом печати и информации Народного комиссариата иностранных дел СССР.
- 45 П.М.Керженцев (Лебедев). В 1928–1930 гг. – зам. Зав. Агитпропом ЦК ВКП(б), с 1931–1933 гг. – управляющий делами СНК СССР, в 1933–

- 1936 гг. — председатель Радиокomiteта СССР, в 1936–1938 гг. — председатель Комитета по делам искусств.
- 46 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 596. Л. 93, 94–96.
- 47 Шюу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989. С. 133.
- 48 Shaw G.B. The Rationalization of Russia. Bloomington, 1931. P. 16, 17, 19. Частично этот эпизод рассмотрен в монографии П.Холландера: *Холландер П.* Политические пилигримы. С. 475.
- 49 Известия. 1931. 21 июля.
- 50 Гражданская З.Т. Бернард Шюу после Октября. М., 1968. С. 125, 128; Кагарлицкий Ю.И. Вглядываясь в будущее: книга о Герберте Уэллсе. М., 1989. С. 335, 336.
- 51 РГАСПИ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 113. Л. 5, 9–16.
- 52 Два взгляда из-за рубежа. С. 133.
- 53 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 42.
- 54 Роллан Р. Письма. М., 1988. С. 328.
- 55 Мария Павловна Роллан – (Майя) Кювиле, Кудашева – француз-женка по матери (ее первый муж, князь С.А.Кудашев, был племянником философа Н.А.Бердяева), родилась в 1893 г., была секретарем литературного критика П.С.Когана. Хорошее знание языка дало возможность получить работу во французском консульстве, была переводчицей у писателя Жоржа Дюамеля, через которого передала Роллану свои французские стихи. Затем в течение года выполняла обязанности литературного сотрудника Роллана. В апреле 1934 г. стала его женой. По газетным данным, опубликованным в 1935 г. во французской печати журналистом А.Гильбо под заголовком «Государственный брак Ромена Роллана», она была названа «подосланной [органами НКВД] к старичку Роллану шпионкой», что якобы крайне отрицательно сказалось на здоровье писателя и его отношении к советской России. Моруа же считал, что жена Роллана стала для него «другом и помощником». Умерла М.П.Роллан во Франции в 1985 г., пережив мужа на сорок один год. Занималась созданием и поддержанием музея Роллана и переводом его произведений. См. подробнее о биографии М.П.Роллан: Караван историй, М., 2008. Декабрь; Моруа А. Литературные портреты. М., 1970. С. 380.
- 56 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 5, 6, 7, 10.
- 57 Во многих случаях в своем дневнике Роллан ограничивается перечислением фамилий, не давая полных инициалов.
- 58 Н.А.Луначарская-Розенель – актриса Малого театра, супруга наркома просвещения А.В.Луначарского.
- 59 Оценивая фигуру Горького, Роллан в дневнике записывал: «Сверхчувствительного Горького захлестнули эмоции. Потонув в буре народных оваций, в волнах любви своей страны, окруженный гвардией политических друзей, членов сталинского правительства, захваленный и осыпанный знаками внимания самого Сталина и других выдающихся товарищей, став при жизни святым покровителем своего родного города (Нижнего Новгорода. – Г.К.), переименованного в его честь, выдвинутый без всяких оговорок на роль чрезвычайного комиссара культуры СССР, он захмелел от затянувшей его круговерти общественной жизни...» (Роллан Р. Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 181, 182).
- 60 Несколько позже в дневнике по поводу беседы с Димитровым Роллан добавлял, что с его точки зрения «нужно было бы выработать единый

- план боевой стратегии по концентрации максимума усилий против основного врага. Итак, сердце фашизма сегодня – это гитлеровская Германия. Если она будет повержена, все другие фашистские режимы рухнут вслед за ней» (Там же. № 4. С. 221).
- 61 Р.П. Эйдеман (Эйдеманис) – советский военачальник. В 1935 г. командир.
- 62 С.Г. Фирин – начальник строительства Беломорканала.
- 63 Воспроизведено по дневнику Р.Роллана: РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–13, 18–20, 30–31, 43, 45, 48, 58, 59–60.
- 64 Там же. Л. 69; Звезда. 1987. № 11. С. 152.
- 65 Лидин Вл. Люди и встречи. М., 1965. С. 244.
- 66 Интернациональная литература. 1934. № 3–4. С. 14.
- 67 См. подробнее главу 6 настоящей монографии.
- 68 Два взгляда из-за рубежа. С. 140, 141.
- 69 Там же. С. 64.
- 70 Там же. С. 98–105.
- 71 Правда. 1937. 6 янв.
- 72 Там же. 9 янв.
- 73 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 290. Л. 6, 7, 8, 11.
- 74 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 10.
- 75 Там же. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 109.
- 76 Два взгляда из-за рубежа. С. 140.
- 77 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 118. Л. 45–46.
- 78 Архив А.М.Горького. М., 1996. Т. XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). С. 270, 271, 248, 255, 256.
- 79 Два взгляда из-за рубежа. С. 131.
- 80 *Etienne René. Le meurtre du petit père: naissance a la politique. Paris, 1989. Р. 105.* Этот отрывок цитирует также крупный современный французский философ Жак Деррида в эссе “Back from Moskow in the USSR” (Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993. С. 22).
- 81 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 7. Л. 43, 45.
- 82 Там же. Оп. 1. Д. 142. Л. 62, 63.
- 83 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 31; Чуковский К.И. Дневник, 1930–1969. М., 1997. С. 129.
- 84 Советские архивы. 1989. № 4. С. 61.
- 85 Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб., 2000. С. 110, 129, 224 и далее.
- 86 Уэллс Г. Указ. соч. С. 4.
- 87 Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 3.
- 88 Эрнст Ф. О книге Фейхтвангера «Москва 1937» // Коммунистический Интернационал. 1937. № 10–11. С. 191.
- 89 Цитируется по второму изданию: Роллан Р. Сочинения. Л., 1933. Т. 1. С. 3–5, 8, 20, 369–374. Книга выпущена кооперативным издательством «Время» в Ленинграде.
- 90 Архив А.М.Горького. Т. XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). С. 423.
- 91 Там же. С. 161. См. также: «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд»: запись беседы Романа Роллана и И.В.Сталина, 28 июня 1935 года // Источник. 1996. № 1. С. 140.

- ⁹² Роллан Р. Собр. соч. Т. 13. М., 1958. С. 391–393, 399–402.
- ⁹³ См.: Вопросы литературы. 1989. № 3–5; Дневник Р.Роллана без приложений опубликован в журнале по экземпляру, хранящемуся в ИМЛИ в архиве А.М.Горького. В данной работе цитируются дневниковые записи Роллана по подлиннику рукописи, хранящейся в РГАСПИ, которая в ряде случаев, хотя и незначительно, текстуально расходится с журнальной публикацией, что, вероятнее всего, вызвано иным переводом с французского языка. См. также: Советский опыт и писатели Запада // Иностранная литература. 1989. № 8.
- ⁹⁴ См.: Мотылева Т.Л. Друзья Октября и наши проблемы // Иностранная литература. 1988. № 4; Русская литература. СПб., 1990. № 2; и др.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 106.
- ⁹⁶ Там же. Л. 1.
- ⁹⁷ Там же. Л. 105.
- ⁹⁸ Роллан Р. Собр. соч. Т. 13. С. 402.
- ⁹⁹ Там же. С. 399.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.
- ¹⁰¹ Два взгляда из-за рубежа. С. 7–8.
- ¹⁰² Аросева О.А., Максимова В.А. Без грима. М., 1998. С. 65. В работе цитируются отрывки из неопубликованного дневника А.Я.Аросева.
- ¹⁰³ Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М., 2002. С. 361.
- ¹⁰⁴ Знамя. 1989. № 8. С. 117–168. Упомянутые в данной монографии книги А.Жида были опубликованы в одном томе писателя «Подземелья Ватикана; Фальшивомонетки; Возвращение из СССР» (М., 1990), куда, кроме его художественных произведений, вошли несколько отрывков из дневников 1931–1949 гг. Вместе с книгой Л.Фейхтвангера две книги А.Жида были опубликованы в уже упоминавшемся сборнике «Два взгляда из-за рубежа» (М., 1990). Первые книги Жида «Возвращение из СССР» появились на русском языке только в 1989 г. в журнале «Звезда» № 3.
- ¹⁰⁵ Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 214.
- ¹⁰⁶ Два взгляда из-за рубежа. С. 6; Минувшее: ист. альманах. Вып. 24. С. 168, 228, 235.
- ¹⁰⁷ Два взгляда из-за рубежа. С. 132.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 7, 8.
- ¹⁰⁹ Там же С. 9, 10. Минувшее: ист. альманах. Вып. 24. С. 238.
- ¹¹⁰ Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999. С. 769.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Кольцов М.Е. Испанский дневник. М., 1937. С. 508. Известный журналист М.Е.Кольцов тогда был членом редколлегии газеты «Правда», членом Президиума Союза советских писателей, возглавлял его иностранную комиссию.
- ¹¹³ Там же. С. 539. См. также: Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма: исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987. С. 145. Вскоре Кольцова арестовали, обвинили в шпионаже в пользу западных держав. 2 февраля 1940 г. он был убит в застенках НКВД. Был реабилитирован в декабре 1954 г. См. подробнее: Ефимов Б. Тайна судьбы Михаила Кольцова // Реабилитирован посмертно. М., 1988. Вып. 1; Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995.

- 114 Правда. 1937. 5 янв.
- 115 Там же. 11 янв.
- 116 Фейхтвангер Л. Указ. соч. С. 6.
- 117 Советские архивы. 1989. № 4. С. 57.
- 118 Цитируется по: Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993. С. 81. Эта эпиграмма была также воспроизведена в: Бюллетень оппозиции. 1937. № 11–12. С. 10.
- 119 Два взгляда из-за рубежа. С. 106, 107.

Глава пятая

- 1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 346.
- 2 Рассел Б. Искусство мыслить. М., 1999. С. 209, 210.
- 3 Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992. С. 74.
- 4 См.: Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 476, 542, 509.
- 5 Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 258, 259; Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004. С. 5.
- 6 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 29.
- 7 См.: Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история, 1997: ежегодник. М., 1998; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Журавлев С.В. Иностранцы в советском обществе 1920–1930-х годов // Труды / Институт российской истории РАН, 1999–2000. М., 2002. Вып. 3. Автор делает вывод о том, что подавляющее большинство прибывших на стройки социализма иностранных рабочих вернулись на родину частично или полностью разочарованными в увиденном и пережитом в Советском Союзе: *Его же*. Иностранцы в советском обществе 1920–1930-х годов. С. 194, 195.
- 8 Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 9–10.
- 9 Берберова Н. Набоков и его «Лолита»; Чайковский; Железная женщина; Рассказы в изгнании: избр. произведения. М., 2001. С. 328, 332.
- 10 Рассел Б. Автобиография // Иностранная литература. 2000. № 12. С. 196.
- 11 *Его же*. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 14, 15. В.М.Свердлов – родной брат Я.М.Свердлова, который в 1919–1920 гг. занимал должность заместителя наркома путей сообщения.
- 12 Иностранная литература. 2000. № 12. С. 193.
- 13 Рассел Б. Искусство мыслить. С. 223.
- 14 Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999. С. 6, 7.
- 15 Измозик В.С. Глаза и уши режима: гос. контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995. С. 42; *Его же*. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 33.
- 16 *Его же*. Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1997. Вып. 21. С. 159.
- 17 Власть и художественная интеллигенция. С. 6, 7.

- 18 Голубев А.В., Яковенко И.Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 120; Голубев А.В. «Строительство дома цензуры»: (к вопросу о закрытости советского общества) // Там же. 2000. № 3. С. 73, 77.
- 19 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 71–72.
- 20 Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 78–80.
- 21 Власть и художественная интеллигенция. С. 138.
- 22 Роллен Р. «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны»: пять безответных писем Ромена Ролана // Источник. 1996. № 2. С. 123.
- 23 См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 990. Л. 11.
- 24 Переписка М.Горького: в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 5; Архив А.М.Горького. М., 1995. Т. XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1918–1936). Предисловие.
- 25 Роллан Р. На защиту нового мира: сб. боевых статей. М., 1932. С. 47; *Его же*. Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 150.
- 26 Pérus J. Romain Rolland et Maxime Gorki. Paris, 1968. P. 317.
- 27 Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 201.
- 28 Там же. С. 204.
- 29 Там же. С. 213.
- 30 Переписка М.Горького: в 2 т. Т. 2. С. 313.
- 31 Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. С. 296.
- 32 «Счастье литературы»: государство и писатели, 1925–1938: документы. М., 1997. С. 112.
- 33 Там же. С. 112, 113.
- 34 Власть и художественная интеллигенция. С. 146.
- 35 Там же. С. 255.
- 36 Два взгляда из-за рубежа. С. 132, 133.
- 37 Жид А. Подземелья Ватикана; Фальшивомонетчики; Возвращение из СССР. М., 1990. С. 634.
- 38 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 105.
- 39 Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935: материалы к истории Междунар. конгресса писателей в защиту культуры // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 168, 238.
- 40 Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. VII. Цитаты из авторов, настроенных дружески к СССР, приводились в хронологическом порядке рубрик: «В кольцо фронтов», «Писатели о Ленине», «По Ленинскому пути», «Голодный год», «К новым победам» и т.д.
- 41 Там же. С. XIII.
- 42 Там же. С. XIII–XVII.
- 43 Тивель А. Наши враги о пятилетке. М.; Л. 1930. С. 7.
- 44 Вальден Г. В стране большевиков. М.; Л. 1931. С. 5.
- 45 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 60.
- 46 Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф., 24–27 мая 1993 г., Москва. М., 1995. С. 6, 8, 10. М.Т.Чолдин – директор и почетный профессор Центра международных библиотечных программ Иллинойского университета США. В мае 1993 г. состоялась уже третья конференция по этой проблеме. До этого, в 1969 г. такая конференция прошла в Лондоне и в 1979 г. – в Вашингтоне.
- 47 История советской политической цензуры: документы и комментарии. М., 1997. С. 10; О деятельности Главлита см. подробнее: Зеленев М.В.

- Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3; *Костырченко Г.В.* Советская цензура в 1941–1952 годах // Там же. 1996. № 11–12.
- 48 История советской политической цензуры. С. 54.
- 49 Там же. С. 291.
- 50 Там же. С. 295.
- 51 Там же. С. 316.
- 52 См. подробнее: *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб., 1995. С. 225, 295.
- 53 История советской политической цензуры. С. 311.
- 54 Там же. С. 464.
- 55 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Л. 123.
- 56 Там же. Л. 80.
- 57 Там же. Л. 125, 128–128об.
- 58 Архив А.М. Горького. Т. XV. С. 283.
- 59 Ж. Фуше – министр полиции Франции в конце XVIII – начале XIX века, создавший в стране разветвленную систему политического сыска, разведки и шпионажа.
- 60 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 44. Л. 41, 107.
- 61 Там же.
- 62 Два взгляда из-за рубежа. С. 119, 120.
- 63 *Аросева О.Я., Максимова В.А.* Без грима. М., 1998. С. 75, 76. Цитируется по дневнику А.Я. Аросева.
- 64 Власть и художественная интеллигенция. С. 227; ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 160–163.
- 65 Власть и художественная интеллигенция. С. 226; ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 160.
- 66 *Беньямин В.* Москва // *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М., 1996. С. 178; *Его же.* Московский дневник. М., 1995. С. 80.
- В. Беньямин (1892–1940) – немецкий философ, журналист, эссеист, литературовед, переводчик, побывавший в Москве зимой 1926–1927 г. См. подробнее главу 7 настоящей монографии.
- 67 *Его же.* Москва. С. 175, 176, 180.
- 68 Там же. С. 189, 194.
- 69 *Беньямин В.* Московский дневник. С. 48.
- 70 *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 38.
- 71 Советское искусство. 1937. 5 февр.
- 72 Два взгляда из-за рубежа. С. 114.
- 73 Власть и художественная интеллигенция. С. 352, 769. Вопрос о новом фильме рассматривался на заседании Политбюро, его резолюция гласила: «О поставленном С. Эйзенштейном фильма “Бежин луг”. Запретить эту постановку в виду антихудожественности и явной политической несостоятельности фильма» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 988. Л. 18).
- 74 Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М., 2002. С. 188.
- 75 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 105.
- 76 *Шенталинский В.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 196.
- 77 *Фрадкин В.А.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 91.

- 78 Власть и художественная интеллигенция. С. 317.
 79 Там же. С. 348.
 80 Л.Фейхтвангер в Москве: (из отчета сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 58, 61. На каждом листе отчета есть помета: «Не подлежит оглашению».
 81 Там же. С. 57–59.
 82 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 290. Л. 1.
 83 Там же. Оп. 9. Д. 177. Л. 151.
 84 Там же. Л. 153.
 85 Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 14. С. 349, 350. Более полный отрывок выступления А.Аросева опубликован также в: Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004. Прил. 4. С. 226.

Глава шестая

- ¹ См., например: Эйдельман Н.[Я.]. Вместо послесловия. «Гости Сталина» // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990; Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920–30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000; Его же. «Если мир обрушится на нашу республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008; Куликова Г.Б. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1; Ее же. СССР 1930-х годов глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2; Ее же. К истории создания биографии Сталина в начале 1930-х годов // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергиев Посад, 2005; Ее же. Советские вожди и зарубежные визитеры // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4.
- ² Лидина М., Полина Т. Самые именитые иностранцы в России. М., 2000. Авторы констатируют, что «одним из наиболее эффективных способов поразить мир был нехитрый прием: в Россию зазывались видные иностранные деятели культуры (преимущественно писатели) и им добросовестно показывали “фасады”, “потемкинские деревни”, устраивались встречи с подготовленным населением и мудрыми человеколюбивыми вождями» (Там же. С. 317). Отметим, что иностранцы не «зазывались», а с большим интересом приезжали в нашу страну, стремясь увидеть эксперимент по строительству нового общества.
- ³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 62–65. О голоде см. подробнее: Решетова Н.А. Иностранная помощь России во время голода начала 1920-х: краткие итоги и перспективы изучения // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергиев Посад, 2005. С. 58–64.
- ⁴ Вспоминая об этом факте, Шоу писал, что он «воспользовался случаем послать Ленину книгу с весьма восторженным посвящением, рассчитывая, что оно будет опубликовано в европейских газетах» (РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 767. Л. 2; Шоу Б. Мысли и фрагменты. М., 1931. С. 9. См. также: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1979. Т. 10. С. 611, 612).
- ⁵ Глазами зарубежных современников (1930–1940) // История СССР. 1967. № 3. С. 183, 184.

- ⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 125. Первое интервью Ленина было опубликовано в книге: *Lochkar Bruce. Memoirs of a British Agent. London, 1932.*
- ⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 261.
- ⁸ Там же. С. 237–244.
- ⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 590; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 209; Гиленсон Б.А. Американская литература 30-х годов XX в. М., 1974; Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917–1927. М., 1985. С. 459.
Дж. Линкольн Стеффенс (1866–1936) – американский публицист, с 1945 г. – член компартии США. Он говорил своим товарищам по паломничеству в Россию: «Я патриот России; здесь Будущее; Россия победит и спасет мир. Это моя вера. Но я не хочу жить здесь». Он считал, что «никто в мире не предлагает ничего основательного и реального, за исключением коммунистов». Цит. по: *Холландер П. Политические пилитримы. СПб., 2001. С. 129, 156.*
- ¹⁰ Дж. Рид (1887–1920) – американский писатель, журналист, участник Октябрьской революции.
- ¹¹ Краснов И.М. Джон Рид: правда о Красной России. М., 1987; См. также: *Старцев А. Русские блокноты Дж. Рида. М., 1968.*
- ¹² Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 5.
- ¹³ Цит. по: *Краснов И.М. Джон Рид: правда о Красной России. С. 265–266.*
- ¹⁴ Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. 2-е изд. М., 1977. С. 301, 302.
- ¹⁵ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 15, 20, 21.
- ¹⁶ *Его же. Автобиография // Иностранная литература. 2000. № 12. С. 198, 199; Его же. Практика и теория большевизма. С. 12.*
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10882. Л. 5; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978. Т. 9. С. 13, 176.
Л.М. Карахан (Караханян) (1889–1937) – советский государственный деятель, в 1918–1920 гг. заместитель наркома иностранных дел.
- ¹⁸ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 66, 71.
Ф.А. Ротштейн (1871–1953) – историк, дипломат. До 1920 г. находился в эмиграции в Англии, в 1921–1922 гг. полномочный представитель РСФСР в Иране. Во время беседы Ленина с Уэллсом, по словам английского писателя, Ротштейн следил за ее ходом, вставлял замечания и пояснения. См.: Там же. С. 69, 71.
- ¹⁹ Там же. С. 69, 70.
- ²⁰ Там же. С. 70.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 74, 75.
- ²³ Там же. С. 74.
- ²⁴ Там же. С. 69.
- ²⁵ Там же. С. 88. См. также: Там же. С. 29.
- ²⁶ Майский И.М. Б. Шоу и другие. М., 1967. С. 77.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 152. Л. 2–3.
- ²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 106.
- ²⁹ Там же. Т. 45. С. 299.
- ³⁰ Советская культура. 1956. 21 апр.; Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 208.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 818. Л. 5.

- 32 Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1950. Т. 4. С. 235.
- 33 Сталин И.В. Соч. М., 1949. Т. 10. С. 93.
- 34 Там же. С. 114.
- 35 Там же. С. 129.
- 36 Там же. С. 134, 135.
- 37 Там же. С. 206–238, 372–375.
- 38 Гронский И.М. Из прошлого. М., 1991. С. 148, 152.
- 39 Там же. С. 155, 238.
- 40 Там же. С. 152, 242.
- 41 Максименков Л. Сумбур вместо музыки: сталинская культурная революция, 1936–1938. М., 1997. С. 3; Добренко Е. Формовка советского писателя: социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 640; Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 7.
- 42 Барбюс А. Сталин: человек, через которого раскрывается новый мир. 3-е изд. М., 1936. С. 14; Правда. 1937. 5 апр.; Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 48, 69.
- 43 Сталин – Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 718. Письмо И.Эренбурга напечатано в примечании; Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 173–175. Часть письма Эренбурга цитирует также Б.Фрезинский: Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935: материалы к истории Междунар. конгресса писателей в защиту культуры // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 171.
- 44 Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999. С. 689–690. Впервые сведения о посещениях Сталина зарубежными писателями опубликованы в журнале «Исторический архив» за 1994–1996 гг. См., например: Исторический архив. 1994. № 6. С. 36, 43; 1995. № 2. С. 187; № 3. С. 140, 170; № 4. С. 38.
- 45 В литературе до самого последнего времени приводились неточные данные о встречах Сталина с иностранными писателями. Так, автор предисловия к сборнику произведений А.Жида «Подземелья Ватикана; Фальшивомонетчики; Возвращение из СССР» Л.Н.Токарев утверждал, что Сталин принял Жида. По мнению Р.А.Медведева, первым из известных на Западе писателей, с которым беседовал Сталин, был Бернард Шоу, хотя в 1927 г. он не раз виделся с популярным тогда писателем-антифашистом А.Барбюсом. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 21; Жид А. Подземелья Ватикана; Фальшивомонетчики; Возвращение из СССР. М., 1990. С. 21; Поиск. 2002. № 34–35. С. 10.
- 46 Исторический архив. 1998. № 4. С. 26.
- 47 Правда. 1937. 21 марта.
- 48 На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным (1924–1953). М., 2008.
- 49 Гутчина В. Ян Флеминг // Имена. Люди. Судьбы. Времена. М., 2007. Декабрь. С. 177.
- 50 Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М., 2002. С. 211; Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. М., 1961. Кн. 1–2. С. 148.
- 51 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 818. Л. 5.
- 52 Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989. С. 133, 134, 136, 137.
- 53 Там же. С. 137, 139, 140.
- 54 Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 104–123.

- 55 Там же. С. 104, 105, 109, 111. На вопрос Э.Людвига об определенном сходстве с Петром Великим Сталин повторил слово в слово Н.И.Бухарина: «Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна». См.: *Бухарин Н.[И.]*. Буржуазная революция и революция пролетарская // *Бухарин Н.[И.]*. Атака: сб. теорет. ст. М., 1924.
- 56 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 134.
- 57 Там же. С. 137–139.
- 58 Там же. С. 146–157. Беседа была опубликована 30 ноября 1932 г. в журнале «Большевик» № 22 под заголовком «Господин Кэмпбелл привирает».
- 59 Там же. С. 163.
- 60 Там же. С. 163–169. В докладе Сталин процитировал газеты и журналы «Нью-Йорк Таймс», «Дейли Телеграф», «Финаншиэл Таймс», «Политика», «Тан» и ряд других зарубежных изданий.
- 61 Подробнее об У.Дюранти см.: *Шейнис З.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 291–293. Известный исследователь истории США В.Л.Мальков заметил, что корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дюранти сыграл большую роль в преодолении антисоветизма в США, в своих репортажах романтизировал пятачки и заставлял говорить о них как о «чуде»: *Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 240.
- 62 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 276.
- 63 Там же. С. 281.
- 64 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3151. Л. 4. В архивном деле указано, что «запись беседы вел К.Уманский, и продолжалась она с 16 до 18 ч. 50 м.». Со стенограммой записи ознакомился Сталин, отметив: «Просмотрено. И.Ст.». Оригинал беседы с неоднократной правкой Сталина сохранился в его личном архиве: Там же. Л. 1–3 и далее.
- 65 Там же. Л. 4, 73. Оценка всего увиденного в России сделана Уэллсом при правке стенограммы.
- 66 *Большевик*. 1934. № 17. С. 9.
- 67 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3151. Л. 5.
- 68 *Большевик*. 1934. № 17. С. 15, 17.
- 69 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 3151. Л. 2–3. Записка Сталина опубликована в приложении к сборнику документов: Сталин – Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 496. Все подчеркивания в этой и других записках, а также двойное подчеркивание сделаны рукой Сталина.
- 70 Б. А. Двинский – в 1934 г. заместитель заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б).
- 71 Там же. Л. 3.
- 72 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 699. Л. 61; *Большевик*. 1934. № 17. С. 17. По утверждению Д.А.Волкогонова, впервые интервью с Уэллсом было опубликовано в советской печати в середине 1935 г., которое тот взял у Сталина еще годом раньше. См.: *Волкогонов Д.А.* Сталин: политический портрет. М., 1991. С. 370.
- 73 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3151. Л. 2–3.
- 74 Там же. Л. 25–26.
- 75 Там же. Л. 53–54.
- 76 Там же. Л. 55–56.
- 77 *Берберова Н.Н.* Железная женщина. М., 1991. С. 246, 247. Далее ссылки даются на это издание.

- 77 Стенограмма текста беседы сопровождалась комментарием: «28.VI ровно в 16 часов в сопровождении своей жены и т. Аросева – Ромен Роллан был принят Сталиным». Документу предшествовала помета: «Секретно. Не для печати». Эти слова, а также слова: «Окончательный текст» – написаны Сталиным красным карандашом: Источник. 1996. № 1. С. 149, 156; РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 13. Впервые текст беседы Сталина с Р.Ролланом опубликован по материалам Архива Президента Российской Федерации в журнале «Источник» (1996. № 1. С. 140–152). Подлинник записи беседы хранится в: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 1–56.
- 78 Н.Эйдельман предполагал, что Роллан не считал возможным обнародовать тогда свои мысли, он боялся, во-первых, навредить своим конкретным собеседникам, а во-вторых, ослабить единый антифашистский фронт. См.: *Эйдельман Н.[Я.]*. Вместо послесловия. «Гости Сталина». С. 265.
- 79 Источник. 1996. № 2. С. 123–125. Также: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 60.
- 80 Источник. 1996. № 1. С. 142, 143.
- 81 Там же. С. 144, 149.
- 82 Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 224.
- 83 Источник. 1996. № 1. С. 147.
- 84 Там же.
- 85 *Поляков Ю.А.* История повседневности – важное направление науки о человеке // *Человек в российской повседневности: сб. науч. ст. М., 2001. С. 13.*
- 86 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 30, 31.
- 87 Там же. Л. 29.
- 88 Там же. Л. 28, 32.
- 89 Там же. Ф. 71. Оп. 36. Д. 62. Л. 8; Д. 21. Л. 282.
- 90 Там же. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 77.
- 91 Там же. Л. 43.
- 92 Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбе с преступлениями среди несовершеннолетних» (Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. 8 апр. (№ 81). См. также: *Дети ГУЛАГА, 1918–1956. М., 2002. С. 182, 183.* А.Орлов в своей книге «Тайная история сталинских преступлений» утверждал, что были случаи расстрелов беспризорных детей. См.: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 54, 55.
- 93 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 15; Источник. 1996. № 1. С. 147.
- 94 Там же. Л. 78.
- 95 Там же. Л. 77–78.
- 96 Там же. Л. 43, 47, 48, 84.
- 97 Там же. Л. 52.
- 98 Источник. 1996. № 1. С. 141, 142.
- 99 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 56.
- 100 Источник. 1996. № 2. С. 154, 155.
- 101 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 116.
- 102 Русская литература. Л., 1990. № 2. С. 235, 238.
И.С.Ремезов – литератор, журналист, в 1920 г. – представитель швейцарского Красного Креста в России, затем житель Швейцарии. Неоднократно переписывался с Ролланом.
- 103 *Pérus J. Romain Rolland et Maxime Gorki. Paris, 1968. P. 335, 336.*

- 104 Эррио Эд. Восток. [М.], 1935. С. 294.
- 105 См. подробнее: Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933. С. 275, 276.
- 106 Советское руководство. Переписка, 1928–1941. М., 1999. С. 258; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 77.
- 107 Коммунистический Интернационал. 1934. № 3–4. С. 242, 244, 246.
- 108 Правда. 1937. 5 апр.
- 109 Mateo Maria Asunción. Rafael Alberti. De vivo y lejano. Madrid, 1996. P. 222, 231, 232.
- 110 Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004. Прил. 4. С. 227.
- 111 Майский И.М. Люди. События. Факты. М., 1973. С. 108–109.
- 112 Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную». Прил. 4. С. 226–228.
- 113 Майский И.М. Люди. События. Факты. С. 110. 4 декабря 1936 г. в газете «Известия» вышла рецензия И.М.Майского на новую книгу Веббов.
- 114 Коммунистический Интернационал. 1936. № 2. С. 73, 74, 79.
- 115 Там же. С. 76, 79.
- 116 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1109. Л. 121. Вопрос о публикации книги Веббов был оформлен протоколом Политбюро № 40 от 29 мая 1936 г.
- 117 Там же. Л. 120.
- 118 Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. М., 2003. Кн. 2: 1935–1975. С. 64.
- 119 Его же. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М., 1971. С. 195.
- 120 Вебб С. и Б. Двадцать лет спустя // Коммунистический Интернационал. 1937. № 10–11. С. 144, 145. (Писатели, ученые, политические деятели о СССР: писатели о СССР).
- 121 См.: Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., [1998]. С. 184.
- 122 Правда. 1937. 5 марта; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 218. Л. 89–96. Запись беседы вел К.Уманский.
- 123 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 820. Л. 1–2; Правда. 1937. 9 янв. В издававшемся в те годы «Бюллетене оппозиции» приводилась следующая оценка встречи Сталина с Фейхтвангером: «Разговор между ними был “тяжелый”. Сталин был бледен, путался, изворачивался. Беседа произвела угнетающее впечатление на присутствующих. Когда Фейхтвангер выходил из дверей сталинского кабинета, на лице его было написано нескрываемое отращание. Он был настолько подавлен, что в течение трех дней – несмотря на нажим – ничего не дал в печать, а когда, наконец, написал статью, то долго торговался с “Правдой” из-за выражения “великий муж” или “великий человек” Даже по московским понятиям скромная похвала – показала ему чрезмерной» (Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 14, 15).
- 124 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 820. Л. 5–7.
- 125 Там же. Л. 11–12.
- 126 Там же. Л. 84. Подчеркнуто Б.Талем. – Г.К.
- 127 Там же. Ф. 588. Оп. 11. Д. 726. Л. 98.
- 128 Там же. Л. 99–100.
- 129 Там же. Л. 124–125.
- 130 Там же. Л. 126.

- 131 *Драйзер Т.* Драйзер смотрит на Россию. М., 1994. С. 302.
- 132 Там же. С. 309.
- 133 Архив А.М.Горького. М., 1964. Т. X, кн. 1. С. 257, 260.
- 134 Мария Игнатьевна Закревская-Борейшо-Бенкендорф-Будберг (1892–1974) – дочь украинского помещика, возлюбленная дипломата-разведчика Брюса Локкарта, вдова графа Бенкендорфа, жена барона Будберга, секретарь и близкий друг Максима Горького, гражданская жена Герберта Уэллса. Блестяще зная иностранные языки, она поддерживала тесные связи со многими писателями и общественными деятелями Запада. В марте 1936 г. Горький писал Сталину о Будберг: «Она вращается среди литераторов Европы давно уже и знает все отношения, все оценки». За рубежом ходили слухи, что она пользовалась «особой поддержкой самого Сталина». На Западе в то время Будберг называли «красной Матой Хари», считая ее агентом сразу нескольких разведок. О биографии М.Будберг см. подробнее: Власть и художественная интеллигенция. С. 300; *Берберова Н.Н.* Железная женщина: рассказ о жизни М.И.Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях: документы и книги. New York, 1981; Известия. 2002. 19 дек.
- 135 РГАСНИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 79. Л. 24.
- 136 Там же. Л. 7.
- 137 Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 38; New York Times. 1932. March 4.
- 138 *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 43, 54, 264.
- 139 История советской литературы: новый взгляд: по материалам Всесоюз. науч.-творч. конф., 11–12 мая 1989 г. М., 1990. Ч. 2. С. 86, 87.
- 140 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 152. Л. 3.
- 141 Там же. Л. 52.
- 142 *Лидин В.Г.* Люди и встречи. [М., 1961]. С. 239, 240.
- 143 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 52. Деньги были переданы через председателя МОПР Е.Д.Стасову. Об Амстердамском движении см. подробнее: *Покровская С.А.* Движение «Амстердам – Плейль» и Народный фронт во Франции (1934–1936 гг.) // Французский ежегодник, 1975: статьи и материалы по истории Франции. М., 1977.
- 144 В деле обозначены фамилии переводчиков и время беседы – с 16.45 до 19.10 (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 2–15, 19). Частично отрывки из беседы Сталина с Анри Барбюсом опубликованы автором в журнале «Отечественная история» (2003. № 4; 2006. № 1). Прием Сталиным Барбюса 16 сентября 1927 г. в сводке приемов не зафиксирован. В журнале «Источник», 1999, № 1 неточно указано, что беседа Сталина с Барбюсом якобы состоялась 16 сентября 1928 г. См.: На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным (1924–1953). С. 747.
- 145 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 2.
- 146 Там же. Л. 6–7.
- 147 Там же. Л. 9–10.
- 148 Там же. Л. 10–11.
- 149 Там же. Л. 4–5.
- 150 Там же. Л. 13–14. Речь идет о IV съезде Советов СССР, состоявшемся в апреле 1927 г. В этой части беседы Сталин допустил несколько фактических ошибок: по данным мандатных комиссий на IV съезде Советов СССР было зарегистрировано 2 358 делегатов: 1 603 – с решающим и 755 – с совещательным голосом. На предшествовавших I–III съездах Советов были зарегистрированы 2 214, 2 124, 2 281 делегата соответственно. См.:

Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 16, 35, 75, 122.

151 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 8.

152 Там же. Л. 23, 25–26.

153 Гронский И.М. Из прошлого. С. 149, 150.

154 *Barbusse Henri. Voici ce qu'on a fait de la Géorgie.* Paris. 1930.

155 *Idem. Russie.* [Paris, 1930]. P. 25, 125, 153, 154. О поездках А.Барбюса по Советскому Союзу см. подробнее: *Гуро И., Фоменко Л.* Анри Барбюс. М., 1962. С. 169, 180–182 и др.

156 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 20.

157 Там же. Л. 35.

158 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 699. Л. 42.

159 Там же. Л. 39.

160 Там же. Л. 41–42.

161 Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Л. 28.

162 Там же. Д. 699. Л. 59а–60.

163 Там же. Л. 50–51.

И.П.Товстуха – заместитель директора института Маркса – Энгельса – Ленина.

В.Мюнценберг (1889–1940) – деятель немецкого коммунистического движения и Коминтерна, Генеральный секретарь Заграничного комитета для помощи голодающим Советской России, организатор Межрабпома.

Межрабпом (Международная рабочая помощь) – основана в 1921 г. В 1929 г. стала пайщиком киноорганизации «Русь», получившая название Межрабпом-Русь, просуществовала до середины 1936 г. Среди ее основателей и сотрудников были К.Цеткин, Р.Роллан, М.Андерсен-Нексё, А.Барбюс, В.Мюнценберг.

164 Там же. Д. 700. Л. 62.

165 Там же. Л. 65–66. Подчеркнуто А.Барбюсом.

166 Там же. Л. 52.

167 Там же. Д. 699. Л. 52.

168 См.: Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 176.

169 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 83. В своем дневнике А.Я.Аросев записал, что вместе с Анри Барбюсом он посетил секретаря ЦК Жданова, «договорились, что Барбюс изложит свои соображения письменно, чтобы потом обсудить их со Сталиным» (*Аросева Н.А.* След на земле. М., 1987. С. 228).

170 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 85.

171 Там же. Д. 700. Л. 1.

172 Там же. Л. 4–5.

173 Там же. Д. 699. Л. 52.

174 Там же. Д. 700. Л. 7, 10.

175 Там же. Д. 699. Л. 5–6.

176 Там же. Л. 3–4.

177 Там же. Л. 74.

178 Там же. Д. 700. Л. 73.

179 Там же. Д. 699. Л. 5–6.

180 Там же. Л. 72–73.

- 181 Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 218. Л. 35; Правда. 1935. 3 сент. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1935 г. говорилось: «а) одобрить предложение тт. Мануильского, Марти и Монмуссо об отправке тела Анри Барбюса в Париж, согласно просьбе его родственников и друзей, с предварительным набальзамированием тела. <...> в) Вывоз тела А.Барбюса из Москвы назначить на 2 или 3 сентября. Разрешить военный почётный караул у гроба и военный эскорт гроба до вокзала. Организовать сопровождение гроба от Консерватории до вокзала рабочими и служащими. Организовать митинг на площади Белорусско-Балтийского вокзала с выступлением т. Булганина от комиссии по похоронам, т. Марти от Исполкома Коминтерна и компартии Франции и представителя Союза советских писателей» (Власть и художественная интеллигенция. С. 266, 267). За гробом Барбюса шли Л.Арагон, А.Мальро, И.Эренбург, Э.Толлер, А.Зегерс, Э.Дабн, Ж.Геено, Л.Ренн. Над гробом Мальро прочел последнее «прости» Роллана (Известия. 1935. 8 сент.).
- 182 *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 288.
- 183 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 74.
- 184 По мнению ряда авторов, Барбюс, скорее всего, привез в Москву уже написанную работу о Сталине (Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 176).
- 185 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 22.
- 186 Там же. Л. 71.
- 187 Там же. Л. 72–73.
- 188 Там же. Л. 78, 79.
- 189 Там же. Л. 80.
- 190 Там же. Л. 124–125.
- 191 Там же. Л. 133–134, 135.
- 192 Там же.
- 193 Там же. Л. 129.
- 194 Там же. Л. 133, 134.
- 195 Там же. Л. 134, 135.
- 196 Там же. Л. 4, 5, 8, 12, 13, 15, 23, 53, 58, 118.
- 197 Вильгельм Георгиевич Кнорин (Кнориньш) (1890–1938) – член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг., в 1928–1935 гг. член Исполкома, Политсекретариата, секретарь ИККИ, с 1935 г. зам. зав. отдела пропаганды и агитации ЦК, доктор исторических наук. Репрессирован, реабилитирован в 1955 г.
- 198 *Волобуев О.В., Кулешов С.В.* Очищение: история и перестройка. М., 1989. С. 169.
- 199 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Л. 76–78. Полный перевод статьи Кордэ см.: Там же. Л. 73–75.
- 200 *Барбюс А.* Сталин. 3-е. изд. С. 271, 272, 277.
- 201 *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива: к историософии сталинизма. М., 2002. С. 12, 18, 99.
- 202 *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма. С. 136.
- 203 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 191. Л. 3–5.
- 204 *Берберова Н.* Железная женщина. С. 320.
- 205 Архив А.М.Горького. М., 1995. Т. XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). С. 299.

- 206 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 60. Письмо впервые частично опубликовано в: Источник. 1996. № 1. С. 141.
- 207 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 21–22.
- 208 Там же. Л. 22–23.
- 209 Там же. Л. 61, 78–79.
- 210 Там же. Л. 72, 79, 81.
- 211 Там же. Л. 80.
- 212 Там же. Л. 69. Взгляды Рассела на Россию подробно рассмотрены автором в главе 7 настоящей монографии.
- 213 Там же. Л. 70.
- 214 Там же. Л. 74.
- 215 Два взгляда из-за рубежа. С. 88.
- 216 Там же. С. 136, 137.
- 217 Там же. С. 127.
- 218 Там же. С. 126.
- 219 Там же. С. 127.
- 220 *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. С. 47. Писатель привел несколько примеров такого безвкусица: «...по меньшей мере непонятно, какое отношение имеет колоссальный некрасивый бюст Сталина к выставке картин Рембрандта, в остальном оформленной со вкусом. Я был также весьма озадачен, когда на одном докладе о технике советской драмы я услышал, как докладчик, проявлявший до сих пор чувство меры, внезапно разразился восторженным гимном в честь заслуг Сталина» (Там же).
- 221 Там же. С. 48, 70.
- 222 Там же. С. 47.
- 223 Там же. С. 50, 51.
- 224 Там же. С. 48.
- 225 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 820. Л. 11.
- 226 *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. С. 50.
- 227 Там же. С. 70.
- 228 Там же. С. 46, 47.
- 229 *Майский И.М.* Из воспоминаний о Бернарде Шоу и Герберте Уэллсе. М., 1978. С. 83, 84.
- 230 Роллан имеет в виду процесс по делу так называемого «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», проходившего 19–24 августа 1936 г., по которому к высшей мере наказания были осуждены 16 человек, в том числе Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев. Им инспирировались проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству Кирова и подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства. См.: Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 171–210. Все письма середины 1930-х годов переведены М.П.Кудашевой (Роллан).
- 231 Духоборы – секта, возникшая во второй половине 18 века. За рубежом имелись сведения об их преследовании и после революции.
- 232 Источник. 1996. № 2. С. 125.
- 233 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 149, 151, 152, 153, 154, 157, 162. Часть писем опубликована в: Источник. 1996. № 2. С. 125.
- 234 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 162.
- 235 Там же. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 30. Н.И.Бухарин был арестован 27 февраля 1937 г. Расстрелян 15 марта 1938 г. по делу «Анτισоветского право-

- троцкистского блока». Подробнее см.: Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. С. 235–260.
- 236 Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 190, 191.
- 237 Источник. 1996. № 2. С. 126–127. «В течение полутора века, – добавлял автор в своем письме, – с тех пор, как Революционный Трибунал Парижа приговорил к смерти гениального химика Лавуазье, мы... всегда горько сожалели об этой казни, и угрызались ею» (Там же. С. 126). В дневнике Роллана это же письмо изложено в другом переводе. Автор просит дать Бухарину возможность преодолеть его ошибки, а «не преследовать за них человека такого ума. Он сам мог бы их отвергнуть, что помогло бы, сорвав с них маску, энергично бороться с ними... У нашего общего друга Максима Горького я часто встречался с Бухариным, их связывала самая тесная дружба. Если эти воспоминания могли бы спасти Бухарина, то во имя Горького я Вас прошу о милосердии, даже если он и мог бы быть в чем-то виновным, он должен быть выделен из всех, так как он может стать гордостью советской науки». Памятуя о том, что несколько писем Роллана адресатам, в том числе к Сталину не поступили, он делает приписку: «Я вручаю это письмо советскому послу в Париже – Потемкину, прося его прочесть и доставить Сталину как можно скорее и передать из рук в руки». См.: РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 67.
- 238 О.О.Гартош (Хартош, Гартох) (1881–1942) – микробиолог, иммунолог и эпидемиолог, заведовал отделом медицинской микробиологии Института экспериментальной медицины в Ленинграде, арестован осенью 1930 г. Заступничество Горького помогло, и врач был выпущен. 2 августа 1937 г. был арестован снова, выпущен после вмешательства Роллана. См.: Источник. 1996. № 2. С. 128, 129.
- 239 См. также: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 157.
- 240 Источник. № 2. С. 128, 129.
- 241 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 650. Л. 1–31. Архивному делу предшествовала помета «Оглашению материал не подлежит», а также сообщение о посылке черновиков письма Калинина, письма Р.Роллана, «посланного им на согласование в Политбюро ЦК ВКП(б)». Из секретариата Сталина дело сопровождалось письмом переводчику Баркову с требованием получить перевод обратно «часа в 3–10 февраля». При переводе опущен первый абзац письма Роллана с репликой о «грандиозных свершениях и тысячах трудностей, стоящих перед партией коммунистов в СССР».
- 242 О данном процессе см. подробнее: Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. С. 210–235.
- 243 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 650. Л. 30–31. Все подчеркивания сделаны Р.Ролланом.
- 244 Там же. Л. 2. В архиве сохранились несколько черновиков, подготовленных Калининым, и подлинник записки на бланке ВЦИК (Там же. Л. 20–23, 24).
- 245 История советской Конституции: в документах, 1917–1956. М., 1957. С. 773.
- 246 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 650. Л. 1, 23. Текст записки подчеркнут Сталиным и сопровождается его личной подписью.
- 247 См. подробнее: Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. С. 234–235, 240–241 и др.
- 248 Поляков Ю.А. Историзмы: мысли и суждения историка. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007. С. 47.

Глава седьмая

- ¹ Глазами зарубежных современников (1917–1929) // История СССР. 1967. № 2. С. 167, 171.
К.Цеткин (Эйснер) (1857–1933) – деятель германского и международного рабочего движения, член Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ.
- ² Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5, 94; Иностранная литература. 1967. № 5. С. 126; Драйзер Т. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 12. С. 215; Майский ИМ. Б.Шоу и другие. М., 1967. С. 74; Хьюз Э. Бернард Шоу. [2-е изд.]. М., 1968. С. 189, 191, 192; Бенямин В. Москва // Бенянин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. [М.], 1996. С. 183; Жид А. Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 62; Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 5, 6.
- ³ Люксембург Р. О социализме и русской революции: избранные статьи, речи, письма. М., 1999. С. 309, 327–330.
- ⁴ См. подробнее о фигуре Рассела: Нарский И.С. Философия Б. Рассела. М., 1962; Нарский И.С., Помогаева Е.Ф. Бертран Рассел – философ и гуманист // Вопросы философии. 1972. № 6; Колесников А.С. Свободомыслие Бертрана Рассела. М., 1978; Его же. Философия Бертрана Рассела. Л., 1991; Зайцев В.П. Бертран Рассел // Вопросы истории. 2002. № 5.
- ⁵ Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 94. В книге глава «Искусство и образование» написана секретарем Рассела Д. У. Блэк.
- ⁶ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., [1998]. С. 118.
- ⁷ Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 8.
- ⁸ Там же. С. 16, 17.
- ⁹ Там же. С. 84.
- ¹⁰ Там же. С. 88, 12.
- ¹¹ Там же. С. 82.
- ¹² Там же. С. 11.
- ¹³ Там же. С. 82, 83.
- ¹⁴ Там же. С. 19.
- ¹⁵ Там же. С. 69.
- ¹⁶ Там же. С. 7, 10, 9, 65.
- ¹⁷ Там же. С. 65, 66.
- ¹⁸ Там же. С. 44. См. также: Там же. С. 41, 42.
- ¹⁹ Там же. С. 104. См. также: Там же. С. 96.
- ²⁰ Там же. С. 86.
- ²¹ Там же. С. 12.
- ²² Там же. С. 44–46. См. также: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. М., 1995.
- ²³ Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 53, 55.
- ²⁴ Там же. С. 69.
- ²⁵ Там же. С. 94.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 96.
- ²⁸ Там же. С. 45.
- ²⁹ Там же. С. 88, 89.
- ³⁰ Там же. С. 96.

- 31 Там же. С. 62, 66, 96, 97.
- 32 Там же. С. 96, 97.
- 33 Там же. С. 97.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 89. См. также: Там же. С. 84.
- 36 Именно такая характеристика давалась в 1950 г. в Главлите фигуре Рас-
села. См.: История советской политической цензуры. М., 1997. С. 526.
- 37 Зайцев В.П. Бертран Рассел. С. 59.
- 38 Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 62, 65.
- 39 Там же. С. 28, 25, 29, 30.
- 40 Там же. С. 43.
- 41 История СССР. 1967. № 2. С. 171. Мартин Андерсен-Нексё (1869–
1954) – датский писатель, коммунист.
- 42 Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. 531, 532.
- 43 Istrati P. Vers L'autre Flamme: Après seize mois dans L'U.R.S.S. Paris, 1929;
Idem. Vers L'autre Flamme. [II]: Soviets, 1929 / V. Serge. Paris, 1929; *Idem.*
Vers L'autre Flamme. [III]: La Russie nue / B. Souvarine. Paris, 1929.
- 44 Istrati P. Vers L'autre Flamme: Après seize mois dans L'U.R.S.S. P. 14, 27.
- 45 См. подробнее: Фюре Фр. Прошлое одной иллюзии. С. 167, 169.
- 46 Эррио Эд. Из прошлого: между двумя войнами, 1914–1936. М., 1958.
С. 148.
- 47 Перов Б.М. Эдуард Эррио: политическая биография. Самара, 1996. С. 61.
- 48 Цит. по: Русская литература. СПб., 1990. № 2. С. 235.
- 49 Засурский Я.Н. Теодор Драйзер: жизнь и творчество. М., 1977. С. 10.
- 50 Беньямин В. Москва // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его
технической воспроизводимости. [М.], 1996; *Его же.* Московский днев-
ник. [М., 1997].
- 51 Ромашко С.А. Между Москвой и Парижем: Вальтер Беньямин в поисках
новой реальности // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его тех-
нической воспроизводимости: избранные эссе. [М.], 1996. С. 7. Данная
публикация, помимо очерка «Москва», включает также очерки Беньями-
на «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»,
«Краткая история фотографии», «Гете», «Париж, столица девятнадцатого
столетия», «Новая литература в России», ««Идиот» Достоевского».
- 52 В предисловии к дневнику Беньямина Гершом Шолем пишет, что «их
точность поистине поразительна, это точность, в которой с редкой интен-
сивностью сочетаются наблюдательность и воображение» (Шолем Г. Пре-
дисловие // Беньямин В. Московский дневник. [М., 1997]. С. 8; см. также:
Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993. С. 48).
- 53 Беньямин В. Московский дневник. С. 9, 10.
- 54 *Его же.* Москва. С. 163, 164.
- 55 Там же. С. 164, 165, 168, 169.
- 56 Там же. С. 169.
- 57 Беньямин В. Московский дневник С. 25, 29.
- 58 Там же. С. 28, 29.
- 59 Там же. С. 34, 52.
- 60 Там же. С. 103, 104. Курсивом в тексте дневника выделены слова и выра-
жения, записанные Беньямином в латинской транслитерации по-русски.
- 61 Там же. С. 135.
- 62 Беньямин В. Москва. С. 187, 188, 191.

- ⁶³ Рыклин М. Две Москвы: «Московский дневник» 70 лет спустя // *Беньямин В. Московский дневник*. [М., 1997]. С. 206.
- ⁶⁴ *Беньямин В. Москва*. С. 103, 104.
- ⁶⁵ Там же. С. 135.
- ⁶⁶ Там же. С. 175, 195.
- ⁶⁷ Там же. С. 180.
- ⁶⁸ *Беньямин В. Московский дневник*. С. 106. См. также: Там же. С. 48.
- ⁶⁹ Там же. С. 109, 110.
- ⁷⁰ Там же. С. 109.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Анна Эрнестовна Лацис (1891–1979) – уроженка Латвии, с марта 1926 г. жила в Москве, вела театральную и литературную работу, затем работала в торгпредстве в Берлине, в 1939–1948 гг. во время массовой высылки из республик Прибалтики была сослана в Казахстан.
- ⁷³ *Беньямин В. Московский дневник*. С. 64.
- ⁷⁴ *Беньямин В. Москва*. С. 175, 176.
- ⁷⁵ *Райх Б.Ф. Вена – Берлин – Москва – Берлин*. М., 1972. С. 182, 183.
- ⁷⁶ Там же. С. 175.
- ⁷⁷ *Беньямин В. Москва*. С. 171.
- ⁷⁸ *Райх Б. Вена – Берлин – Москва – Берлин*. С. 205, 206.
- ⁷⁹ Там же. С. 231.
- ⁸⁰ *Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)*. СПб., 1999. С. 69.
- ⁸¹ *Беньямин В. Москва*. С. 208, 209.
- ⁸² *Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата ...* С. 104, 105.
- ⁸³ Там же. С. 106.
- ⁸⁴ *Беньямин В. Московский дневник*. С. 40.
- ⁸⁵ Там же. С. 70, 41, 90.
- ⁸⁶ Там же. С. 160.
- ⁸⁷ Вопросы истории. 1983. № 9. С. 49.
- ⁸⁸ *Драйзер Т. Драйзер смотрит на Россию*. М., 1994. С. 151.
- ⁸⁹ Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 15–16. С. 6.
- ⁹⁰ Глазами зарубежных современников (1930–1940) // *История СССР*. 1967. № 3. С. 200.
- ⁹¹ *Майский И.М. Б.Шоу и другие*. С. 78, 79.
- ⁹² Два взгляда из-за рубежа. С. 64, 65, 66–67, 68, 69.
- ⁹³ *Фейхвангер Л. Москва 1937*. С. 9.
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 19. Л. 3, 4, 7.
- ⁹⁵ *Гутчина В. Ян Флеминг* // *Имена. Люди. Судьбы. Времена*. 2007. Декабрь. С. 176.
- ⁹⁶ *Улановская Н.М. Свобода и догма: жизнь и творчество Артура Кёстлера*. Иерусалим, 1996. С. 5.
- ⁹⁷ Там же. С. 9.
- ⁹⁸ Там же. С. 19.
- ⁹⁹ *Кёстлер А. Слепящая тьма* // *Нева*. 1988. № 7. С. 149.
- ¹⁰⁰ *Оруэлл Дж. Артур Кёстлер* // *Вопросы философии*. 1990. № 10. С. 178–179.

- 101 Тихий К.Т. Американские дипломаты о причинах, целях и ходе политических процессов в Советском Союзе (конец 1934 – 1936 гг.) СПб., 1992. С. 7. Рук. деп. в ИНИОН РАН № 4661 от 09.06.92.
У.К.Буллит (1891–1967) – американский дипломат и журналист, после установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933–1936 годах. Первый американский посол в СССР.
- 102 Там же. С. 10.
- 103 Жид А. Возвращение из СССР. С. 71.
- 104 Там же. С. 74, 75.
- 105 Там же. С. 72.
- 106 Там же. С. 90, 91.
- 107 Далее цитируются «Поправки к моему “Возвращению из СССР” (июнь 1937)» (Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 126, 127).
- 108 Там же. С. 127.
- 109 Там же. С. 108.
- 110 Там же. С. 128.
- 111 Там же. С. 129.
- 112 Там же. С. 126. Автор приводит ряд конкретных цифр, ссылаясь на книгу Б.Суварина «Сталин» (*Souvarine B. Staline*. P., 1933. P. 347).
- 113 Там же. С. 85.
- 114 Там же. С. 127, 135.
- 115 Там же. С. 84, 85.
- 116 Там же. С. 91.
- 117 Там же. См. также: Там же. С. 136.
- 118 Там же. С. 136.
- 119 Там же. С. 79.
- 120 Там же. С. 94.
- 121 Там же. С. 87.
- 122 Там же. С. 127.
- 123 В 1930-е и более поздние годы всех упомянутых корреспондентов Жида причисляли к троцкистам.
Два взгляда из-за рубежа. С. 154, 155.
- 124 Там же. С. 159, 160.
- 125 Там же. С. 161, 162.
- 126 Жид А. Подземелья Ватикана; Фальшивомонетки; Возвращение из СССР. М., 1990. С. 634.
- 127 Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 90.
- 128 Там же. С. 15.
- 129 Там же. С. 9–24.
- 130 Там же. С. 94.
- 131 Там же. С. 81.
- 132 Переводчица Д.Каравкина объяснила писателю, что «это совершенно беспринципные люди, стремившиеся к власти любыми средствами» (Л.Фейхтвангер в Москве: (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 59).
- 133 Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 76–82.
- 134 Там же. С. 91, 92.
- 135 Там же. С. 28.
- 136 Там же.

- ¹³⁸ Там же. С. 38.
¹³⁹ Там же. С. 40, 32.
¹⁴⁰ Там же. С. 31.
¹⁴¹ Там же. С. 29.
¹⁴² Там же. С. 31, 32.

Заключение

- ¹ *Луначарский А.В.* К характеристике новейшей французской литературы // Собр. соч. М., 1964. Т. 4. С. 427–437.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авторханов А.Г.* Технология власти. М., 1991.
- Авторханов А.Г.* Империя Кремля. М., 2001.
- Агабеков Г.* Секретный террор. М., 1998.
- Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917–1932. М., 1998.
- Айседора Дункан в Советской России: из кн. М.Дести «Нерассказанная история: жизнь А.Дункан, 1921–1927»* // Новая и новейшая история 1992. № 1.
- Академическое дело, 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ.* СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова.
- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991.* М., 2000. [Т. 1]: 1922–1952.
- Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991.
- Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. (Литературное наследство; т. 91).
- Алексеева Г.Д.* Идеологические процессы в России 20–30-х годов XX века // Труды / Институт российской истории РАН. М., 2004. Вып. 4.
- Андерсен-Нексё М.* На рассвете: очерки Советской России. М.; Л., 1925.
- Андреев Л.Г.* Французская литература, 1917–1956 гг. М., 1959.
- Анисимов И.И.* Драйзер и его публицистика последних лет // *Драйзер Т.* Собр. соч. М., 1955. Т. 12.
- Антипина В.А.* Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е годы. М., 2005.
- Антонов-Овсеенко А.В.* Портрет тирана. М., 1994.
- Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957: документы.* М., 2001.
- Арагон Л.* Огонь Прометея: воспоминания. М., 1987.
- Аросев А.Я.* Беседы и встречи с нашими друзьями в Европе. М., 1935.
- Аросева Н.А.* След на земле. М., 1987.
- Аросева О.А., Максимова В.А.* Без грима. М., 1998.
- Архив А.М.Горького.* М., 1960. Т. VIII: Переписка А.М.Горького с зарубежными литераторами.
- Архив А.М.Горького.* М., 1964. Т. X: М.Горький и советская печать, кн. 1.
- Архив А.М.Горького.* М., 1995. Т. XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1918–1936).

- Ахиезер А.* Дебри неправды и метафизика истины // *Общественные науки и современность*. 1991. № 5.
- Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.
- Багдасарян В.Э.* Советский эксперимент в восприятии западной интеллектуальной элиты (1920–1930-е гг.) // *XX век в истории России: [коллективная монография]*. Сергиев Посад, 2005.
- Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990.
- Балахонов В.Е.* Ромен Роллан и его время («Жан-Кристоф»). Л., 1968.
- Балашов П.С.* Художественный мир Бернарда Шоу. М., 1982.
- Балашова Т.В., Егоров О.В., Николукин А.Н.* Советская литература за рубежом, 1917–1960. М., 1962.
- Балашова Т.В.* Письма из Советского Союза в парижском архиве Романа Роллана // *Ромен Роллан: каталог выставки, 1866–1866*. М., 1968.
- Барбакова К.Г., Мансуров В.А.* Интеллигенция и власть. М., 1991.
- Барбюс А.* Избранные произведения. М., 1952.
- Барбюс А.* Я обвиняю. М., 1932.
- Барбюс А.* Сталин: человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1935. – То же. 2-е и 3-е изд.: 1936.
- Баталов Э.Я.* В мире утопии. М., 1989.
- Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М., 2001.
- Бекстон Ч.Р.* В русской деревне. М.; Пг., 1923.
- Белюсова З.С.* СССР в контексте международных отношений 30-х годов // *Советская внешняя политика 1917–1941 гг. Поиски новых подходов*. М., 1992.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. [М.], 1996.
Из содерж.: Между Москвой и Парижем: Вальтер Беньямин в поисках новой реальности / С.А.Ромашко. Москва / В.Беньямин.
- Беньямин В.* Московский дневник. [М., 1997].
Из содерж.: Две Москвы: «Московский дневник» 70 лет спустя: [послесл.] / М.Рыклин.
- Берберова Н.Н.* Железная женщина. М., 1991.
- Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993.
- Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. М., 1998.
- Библиотека В.И.Ленина в Кремле: каталог*. М., 1961.
- Блейк О.* Московские будни-1937 // *Коммунист*. 1991. № 3.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986.
- Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994.
- Блюм А.В.* Документы о тайнстве спецхрана // На подступах к спецхрану: тр. межрегион. науч.-практ. конф. «Свобода науч. информ. и охрана гос. тайны: прошлое, настоящее, будущее» (Санкт-Петербург, 24–26 сент. 1991 г.). СПб., 1995.

- Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб., 2000.
- Богданов А.А.* Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990.
- Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956. М., 2005.
- Бордюгов Г.А.* «Сталинская интеллигенция»: о некоторых смыслах и способах ее социального поведения // Новый мир истории России: форум японских и российских исследователей. М., 2001.
- Бордюгов Г.А.* Сталинская интеллигенция. О некоторых способах и смыслах ее социального поведения // Чрезвычайный век российской истории. Четыре фрагмента. СПб., 2004.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. М., 1992.
- Борисов Ю.С.* Сталин: человек и символ: факты истории и история культа // Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М., 1989.
- Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н.* История России и Запад // Образ России: русская культура в мировом контексте. М., 1998. Гл. 1.
- Боффа Д.* История Советского Союза. М., 1990. Т. 2.
- Брандис Е.* Письма Лиона Фейхтвангера (1936–1939 годы) // Нева. 1963. № 2–3.
- Брехт Б.* Стихи. Трехгрошовый роман. Новеллы. Публицистика. М., 1956.
- Брехт Б.* Избранное. М., 1987.
- Бубер-Нейман М.* Мировая революция и сталинский режим: записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х годах. М., 1995.
- Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990.
- Буранов Ю.* «Дело» Макса Истмана // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991.
- Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988.
- Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
- Бухарин Н.И.* Путь к социализму: избранные произведения. Новосибирск, 1990.
- Бухарин Н.И.* Тюремные рукописи Н.И.Бухарина. М., 1996. Кн. 1.
- Бухарин Н.И.* Узник Лубянки: тюремные рукописи Николая Бухарина / авт. вступ. ст. С.Ф.Коэн. [2-е изд., доп., изм. и расш.]. М., 2008.
- Бушуев В.Г.* Свет и тени: от Ленина до Путина: заметки о развилках и персонах российской истории. М., 2006.
- Буянов М.* Маркиз против империи, или Путешествие Кюстина, Бальзака и Дюма в Россию. М., 1993.
- Быстрова И.В.* XX век в истории России: размышления историка // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергисв Посад, 2005.
- Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Берлин, 1932. № 27–32; Париж, 1933. № 33–37; Париж, 1934. № 38–39; Цюрих, 1934.

- № 40; Цюрих, 1935. № 41–43; Париж, 1935. № 44–46; Париж, 1936. № 47–53; Париж, 1937. № 54–61.
- В.И. Ленин и Джон Рид // Иностранная литература. 1957. № 11.
- Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.
- Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991.
- Вальден Г. В стране большевиков. М.; Л., 1931.
- Вальехо С. Избранное: пер. с исп. М., 1984.
- Вальехо С. Россия в 1931 г. // Интернациональная литература. 1936. № 4.
- Варустина Е.Л. Русские блокноты Дж.Рида как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. [Т.] 19.
- Васильев Л.С. Кризис социализма // Через тернии. М., 1990.
- Вебб С., Вебб Б. Закат капитализма. М., 1925.
- Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? М., 1935–1936. Т. 1–2.
- Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917–1927. М., 1985.
- Великовский С.И. В поисках утраченного смысла. М., 1979.
- Вернадский В.И. Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5.
- Вернадский В.И. Дневники, 1926–1934. М., 2001.
- Взаимодействие культур СССР и США, XVIII–XX вв. М., 1987.
- Взгляд в неизвестное. М., 2001.
- Видаль А. Анри Барбюс – солдат мира. М., 1962.
- Вильямс А.-Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960.
- Вильямс А.-Р. Путешествие в революцию. Изд. 2-е. М., 1977.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978. Т. 9.
- Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): сб. ст. М., 1999.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
- Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999. – То же. Изд. 2-е. 2002.
- ВОКС. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Факты и цифры. М., 1930.
- ВОКС в 1930–1940-е годы / публикация А.В.Голубева и В.А.Невежина // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1993. № 14.
- Вокруг Сталина: ист.-библиогр. справочник / авт.-сост. Торчинов В.А., Леонтьев А.М. СПб., 2000.
- Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1998.
- Волков С.В. История русской культуры XX века от Льва Толстого до Александра Солженицына. М., 2008.
- Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992.
- Волкогонов Д.А. Сталин: политический портрет: в 2 кн. Изд. 4-е. М., 1996. Кн. 1–2.

- Волобуев О.В.* Советский тоталитаризм: образ врага // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994.
- Волобуев О.В., Кулешов С.В.* Очищение: история и перестройка. М., 1989.
- Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Воспоминания о В.И.Ленине: в 5 т. 3-е изд. М., 1984. Т. 5: Воспоминания зарубежных современников.
- Вострышев М.И.* Москва сталинская: большая иллюстрированная летопись. М., 2008.
- Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов. М., 2007.
- Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: ВОКС: [обзор деятельности]. М., 1929.
- Встречи с прошлым: сб. неопubl. материалов Центр. гос. арх. лит. и искусства СССР. М., 1984. Вып. 5.
- Высочина Т.Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствоведение на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990.
- Г.Манн, Т.Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество: переписка, статьи. М., 1988.
- Гак А.М.* В.И.Ленин и развитие международных культурных и научных связей Советской России в 1920–1924 годах // Вопросы истории. 1963. № 4.
- Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: сб. док. Казань, 1997.
- Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти. М., 2000.
- Генезис социалистического реализма в литературах стран Запада / [ред. кол.: Т.В.Балашова и др.]. М., 1965.
- Георгиев А.А.* Творческие союзы в СССР как элементы тоталитарной системы (1932–1941 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
- Гейфтер М.* Из тех и этих лет. М., 1991.
- Гиленсон Б.А.* Американская литература 30-х годов XX в. М., 1974.
- Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. М., 1995.
- Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.
- Гимпельсон Е.Г.* Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М., 2003.
- Гимпельсон Е.Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М., 2004.
- Гимпельсон Е.Г.* Россия на переломе эпох: осмысление XX столетия российской истории. М., 2006.
- Гинцбург Л.И.* Московские процессы 1936–1938 гг.: позиция деятелей международного коммунистического движения // Новая и новейшая история. 1991. № 6.

- Глазами зарубежных современников (1917–1929) // История СССР. 1967. № 2.
- Глазами зарубежных современников (1930–1940) // История СССР. 1967. № 3.
- Глазами иностранцев, 1917–1932: [отрывки произведений европ. интеллигентов об Октябрьской революции]. М., 1932.
- Из содерж.: Друзья и враги о СССР: от составителя / М.С.Живов.
- Голомисток И.Н. Тоталитарное искусство М., 1994.
- Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.
- Голубев А.В. Мифологическое сознание в политической истории XX в. // Человек и его время. М., 1991.
- Голубев А.В. Тоталитаризм и модернизация в отечественной истории // Сталинизм – закономерность, угроза, вызов. Новосибирск, 1992.
- Голубев А.В. Великобритания в сознании советского общества на рубеже 1920–30-х годов // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994.
- Голубев А.В. Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994.
- Голубев А.В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994.
- Голубев А.В. Формирование образа внешнего мира в СССР 1930-х годов // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994.
- Голубев А.В. Запад глазами советского общества: (основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1.
- Голубев А.В. «Основная цель его приезда...»: отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании, 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3.
- Голубев А.В. Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // Россия XXI. 1997. № 1/2.
- Голубев А.В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация»: (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
- Голубев А.В., Яковенко И.Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1.
- Голубев А.В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12.
- Голубев А.В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999.
- Голубев А.В. Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е годы // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999.
- Голубев А.В. «Звездный час» советской культурной дипломатии: 1929–1939 годы // Россия и современный мир. 1999. № 2.

- Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920–30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000.
- Голубев А.В. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды / Институт российской истории РАН. М., 2000. Вып. 2: 1997–1998.
- Голубев А.В. «Строительство дома цензуры»: (к вопросу о закрытости советского общества) // Россия и современный мир. 2000. № 3.
- Голубев А.В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества в межвоенный период // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф., 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001.
- Голубев А.В. Советская Россия и Запад: динамика восприятия // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.
- Голубев А.В. Инфраструктура советской «культурной дипломатии» межвоенного периода: (из исторического опыта информационной политики) // Российская государственность. Уровни власти: историческая динамика. Ижевск, 2001.
- Голубев А.В. «Мировая республика» или «закрытое общество»? (СССР в 1920–30-е годы) // Россия и современный мир. 2003. № 3.
- Голубев А.В. «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4.
- Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004.
- Голубев А.В. Эволюция монокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005.
- Голубев А.В. Сталинизм и советское общество // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. VI.
- Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.
- Голубев А.В. Россия и мир глазами друг друга. Из опыта изучения проблемы // Труды / Институт российской истории. М., 2008. Вып. 7.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989.
- Горчева А.Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1992. № 2.
- Горький А.М. Собр. соч. М., 1955. Т. 30.
- Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990.
- Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. (Литературное наследство; т. 70).
- Горяева Т.М. Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах: документированная история. М., 2000.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. М., 2002.

- Гости пролетариата СССР: декларации, заметки, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР. М., 1932.
- Гражданская З.Т. Бернард Шоу после Октября. М., 1968.
- Гракина Э.И. Ученые и власть // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): сб. ст. М., 1999.
- Григорьев Л.Л. Диалог двух современников: (Жан Перюс о Ромене Роллане и Максиме Горьком) // Русская литература. Л., 1970. № 3.
- Григорьев А.Н. И тельманка со значком Рот Фронта // Открывая новые страницы: международные вопросы: события и люди. М., 1989.
- Гриднев Ю.А. Создание ВОКС. Задачи и цели // Историки размышляют: сб. ст. М., 2000. Вып. 2.
- Гриднев Ю.А. Международная деятельность Всесоюзного Общества культурной связи с заграницей и Общества сближения с Новой Россией 1925–1929 гг. // Теория и практика управления: новые подходы. М., 2006. Вып. 5.
- Гриднев Ю.А. «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей» (1925–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998.
- Гронский И.М. Из прошлого: воспоминания. М., 1991.
- Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М., 1990.
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960: сб. док. М., 2000.
- Гуро И., Фоменко Л. Анри Барбюс. М., 1962.
- Гутчина В. Ян Флеминг // Имена. Люди. Судьбы. Времена. М., 2007. Декабрь.
- Дангулов С.А. Двенадцать дорог на Эгль. М., 1970.
- Данилов В.П. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000.
- Два взгляда из-за рубежа. М., 1990.
- Содерж.: Анатомия таких разных убеждений: [предисл.] / А.Плутник. Возвращение из СССР; Два взгляда из-за рубежа; Поправки к моему «Возвращению из СССР» (июнь 1937) / А.Жид. Москва 1937 / Л.Фейхтвангер. Вместо послесловия. «Гости Сталина» / Н.[Я.]Эйдельман.
- Двадцатый век: многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996.
- Двадцать лет Советской власти: стат. сб. М., 1937.
- Дворниченко В.В. Туризм в СССР и деятельность советских профсоюзов по его развитию (1917–1984 гг.). М., 1985.
- Дворниченко В.В., Чудновский А.Д., Кормишова А.В. Некоторые аспекты функционирования индустрии туризма. М., 1998.
- Девис Р., Хлевнюк О.В. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал сверхдержавы мира. М., 1997. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира.
- Дейч А.И. Голос памяти. М., 1966.

- Денчев К., Мещеряков М.Т. Дневниковые записи Г.Димитрова // Новая и новейшая история. 1991. № 4.
- Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993.
- Дети ГУЛАГА, 1918–1956. М., 2002.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Диалог в Брайтоне: человек в настоящем и будущем. М., 1989.
- Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М., 2002.
- Динамов С.С. Зарубежная литература: сб. ст. М., 1960.
- Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
- Дмитриев А.С. Вальтер Бенъямин: неизвестное лицо // Социологический журнал. 1996. № 1/2.
- Дмитриевский С. Сталин. Стокгольм, 1931.
- Дневник Драйзера // Иностранная литература. 1967. № 5.
- «До жестокости откровенны»: дневниковые записи Александра Аросева // Советская Россия. 1988. 5 авг.
- Добренко Е. «Правда жизни» как формула реальности // Вопросы литературы. 1992. № 1.
- Добренко Е. Метафора власти: литература сталинской эпохи в историческом освещении. München, 1993.
- Добренко Е. Формовка советского писателя: социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.
- Документы внешней политики СССР. М., 1963–1968. Т. 7–14.
- Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Д, 1988.
- Достижения советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957.
- Драйзер Т. Собрание сочинения. М., 1955. Т. 12: Публицистика последних лет.
- Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. М., 1988.
- Драйзер Т. Драйзер смотрит на Россию. М., 1994.
- Драйзер Э. Моя жизнь с Драйзером. М., 1953.
- Дункан Айседора. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин. М., 1992.
- Есть у Отечества пророки. Петрозаводск, 1989.
- Ершова Э.Б. Революции, реформы и российская творческая интеллигенция в первой половине XX века // Вопросы истории. 2001. № 6.
- Ефимов Б.Е. Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000.
- Живов М.С. Зарубежные голоса. М., 1933.
- Жид А. Собр. соч. М., 1935–1936. Т. 1–4.
- Жид А. Возвращение из СССР // Звезда. 1989. № 8.
- Жид А. Новая пища. М., 1936.
- Жид А. Подземелья Ватикана; Фальшивомонетки; Возвращение из СССР. М., 1990.
- Из содерж.: «Быть как можно более человеческим...» / Л.Н.Токарев.
- Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

- Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.
- Журавлев В.В.* Исторические корни современных российских реформ // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации, 2003. М., 2003.
- Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история, 1997: ежегодник. М., 1998.
- Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.
- Журавлев С.В.* Иностранцы в советском обществе 1920–1930-х годов // Труды / Институт российской истории РАН, 1999–2000. М., 2002. Вып. 3.
- Журавлев С.В., Тяжельникова В.С.* Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы: (постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1.
- Загладин Н.В.* История успехов и неудач советской дипломатии (политологический аспект). М., 1990.
- Загладин Н.В.* Тоталитаризм и демократия: конфликт века // XX век: многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996.
- Зайцев В.П.* Бертран Рассел // Вопросы истории. 2002. № 5.
- Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976.
- Замятин Е.И.* Мы. М., 1990. Впервые кн. опубл. на англ. яз. в 1924 г.
- Застольные речи Сталина: документы и материалы / сост. и предисл. В.А.Невежина.* М., 2003.
- Засурский Я.Н.* Теодор Драйзер. М., 1964.
- Засурский Я.Н.* Теодор Драйзер: жизнь и творчество. М., 1977.
- Зезина М.Р.* Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР. М., 2009.
- Зеленов М.В.* Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3.
- Зеленов М.В.* Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2.
- Земсков Б., Ходжаев О.* Б.Шоу в Ленинграде // Нева. 1956. № 7.
- Земсков В.Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9.
- Зима В.Ф.* Человек и власть в СССР в 1920–30-е годы: политика репрессий. М., 2010.
- Злобина М.* Версия Кестлера: книга и жизнь // Новый мир. М., 1989. № 2.
- Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993.
- Знаков В.В.* Психология понимания правды. СПб., 1999.
- Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
- Иванова О.В.* Московская городская культура 20-х годов XX века в описании Вальтера Беньямина // Науки о культуре – шаг в XXI

- век: сб. материалов ежегод. конференции-семинара молодых ученых, 8–9 дек. 2003 г. М., 2004.
- Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6.
- Игрицкий Ю.И.* Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1.
- Игрицкий Ю.И.* Тоталитаризм: лекарство от демократии // Тоталитаризм: что это такое?: исследования зарубежных политологов. М., 1993. Ч. 1.
- Игрицкий Ю.И.* Россия и Запад: корни стереотипов // Россия и внешний мир: диалог культур: сб. ст. М., 1997.
- Игрицкий Ю.И.* Восприятие СССР как фактор глобальной политической конфронтации // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2.
- Игрицкий Ю.И.* Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // История СССР. 1999. № 3.
- Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М., 1969. (Литературное наследство; т. 81).
- Из истории международной пролетарской солидарности: документы и материалы. М., 1960. Сб. 4.
- Избавление от миражей: соцреализм сегодня. М., 1990.
- Измозик В.С.* Глаза и уши режима: государственный контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995.
- Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8.
- Измозик В.С.* Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1997. Т. 21.
- Иллеш Б.* Встречи с Б.Шоу // Октябрь. 1961. № 7.
- Илизаров Б.С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3–4.
- Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива: к историософии сталинизма. М., 2002.
- Илизаров Б.С.* Образ Сталина – взгляд из XXI века. СПб., 2006.
- Ильин В.В., Ахизер А.С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.
- Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.
- Ильина И.Н.* Административный надзор за общественными организациями России в 1920–1930 годы // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергиев Посад, 2005.
- Интеллигенция в политической истории XX века: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 23–24 апр. 1992 г. Иваново, 1992.
- Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 – конец 1930-х гг.) Новосибирск, 1995.
- Интеллигенция в условиях общественной нестабильности: сб. ст. М., 1996.

- Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1948.
- Иоффе А.Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3.
- Иоффе А.Е. Внешняя политика Советского Союза, 1928–1932 гг. М., 1968.
- Иоффе А.Е. Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза, 1928–1932. М., 1969.
- Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975.
- Исбах А.А. Ромен Роллан. М., 1966.
- «Исключить всяческие упоминания...»: очерки истории советской цензуры. М., 1995.
- Искусство и искусствоведение на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990.
- Историография сталинизма: сб. ст. М., 2007.
- История внешней политики СССР, 1917–1985: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1986. Т. 1: 1917–1945.
- История и сталинизм. М., 1991.
- История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. М., 1990.
- История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории Советского государства. М., 1991.
- История России в контексте мировых цивилизаций: учеб. пособие: [курс лекций]. М., 2000.
- История России XIX–XX веков. Новые источники понимания. М., 2001.
- История Советской Конституции: в документах, 1917–1956. М., 1957.
- История советской литературы: новый взгляд: по материалам Всесоюз. науч.-творч. конф., 11–12 мая 1989 г., Москва. М., 1990. Ч. 2.
- История советской политической цензуры: документы и комментарии. М., 1997.
- Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.
- «Исчез человек и нет его, куда девали – никто не знает»: из конфискованного дневника Е.Н.Николаева // Источник. 1993. № 4.
- Калинин М.И. Вопросы советского строительства: статьи и речи (1919–1946). М., 1958.
- Кагарлицкий Ю.И. Вглядываясь в будущее: книга о Герберте Уэллсе. М., 1989.
- Как ломали НЭП: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 1–5.
- Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.
- Капица П.Л. Письма о науке, 1930–1980. М., 1989.
- Капустин М.[П.]. Камо грядеши: о трагических страницах советской истории и культуры // Октябрь. 1989. № 8.

- Капустин М.П.* Конец утопии?: прошлое и будущее социализма. М., 1990.
- Карр Э.* История Советской России. М., 1990. Кн. 1, т. 1.
- Квартальнов В.А.* Народная дипломатия и туризм: исторические уроки и новые вызовы времени: ист.-методол. и упр. аспекты. М., 2000. Кн. 1–2.
- Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 – июнь 1934 г.
- Кеннан Дж.* Россия и Запад при Ленине и Сталине // Наш современник. 1989. № 1.
- Кёстлер А.* Слепящая тьма; Трагедия «стальных людей». М., 1989.
- Князев Г.А., Лысенко Т.И.* Ромен Роллан – почетный член Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1967. № 1.
- Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996.
- Колесников А.С.* Свободомыслие Бертрانا Рассела. М., 1978.
- Колесников А.С.* Философия Бертрانا Рассела. Л., 1991.
- Кольцов М.Е.* Испанский дневник. М., 1988.
- Михаил Кольцов, каким он был. М., 1989.
- Коминтерн против фашизма: документы. М., 1999.
- Коммунистический интернационал: орган Испол. ком. Коммунистич. интернационала. М., 1929. По 52 н. в год; 1930–1935. По 36 н. в год; 1936. 18 н. в год; 1937–1938. По 12 н. в год.
- Кондратьева Т.С.* Обладатели «кремлевки» и люди «на хлебных местах» // Режимные люди в СССР. М., 2009.
- Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). М., 1940.
- Копелев Л.З.* Брехт. М., 1966. (Жизнь замечат. людей. Сер. биографий. Основана в 1933 г. М.Горьким; вып. 3 (420)).
- Копелев Л.З.* И сотворил себе кумира. Анн Арбор: Ардис, 1978.
- Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения, ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1991.
- Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997.
- Костырченко Г.В.* Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12.
- Котова Г.Д.* Общество друзей Советского Союза в 1928–1933 гг. // Французский ежегодник, 1973 г. М., 1975.
- Козн С.* Переосмысливая советский опыт: (политика и история с 1917 года). Benson (Vermont), 1986.
- Козн С.* Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. 1989. № 7.
- Козн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.; СПб., 2007.
- Краснов И.М.* Джон Рид: правда о Красной России. М., 1987.
- Кресова М.Д.* «Интурист» в 1929–1939 гг.: структура, кадры, направления деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

- Кресова М.Д. «Страна победившего социализма» глазами иностранных туристов (1930-е годы) // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания: сб. науч. ст. М., 2004.
- Куда идет Россия?...: Формальные институты и реальные практики: Междунар. симпозиум 18–19 января 2002 года. М., 2002.
- Кузьмин М.С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). Л., 1971.
- Кузьмин М.С. Из истории советско-французских культурных связей // История СССР. 1960. № 3.
- Кулешова В.В. Испания и СССР. Культурные связи, 1917–1939. М., 1975.
- Кулешова Н.Ю. И.В.Сталин о «капиталистическом окружении», 1920–1930-е годы // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2.
- Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. «От самодержавия к тоталитаризму»: (заметки с науч. конф.) // Отечественная история. 1995. № 5.
- Куликова Г.Б. Некоторые проблемы формирования и эволюции советского государства // Российская государственность: история и современность: материалы науч.-практ. семинара «Российская государственность и внешняя политика». М., 1997.
- Куликова Г.Б. Власть и интеллигенция в СССР в 20–30-е гг. // Личность, общество и власть в истории России: системный компаративный анализ: материалы 3-й междунар. конф. М., 1998.
- Куликова Г.Б. Механизм принятия внешнеполитических решений в СССР в 30-е гг. // XX век: власть и внешняя политика России: материалы науч.-практ. семинара «Российская государственность и внешняя политика». М., 1998.
- Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. Власть и интеллигенция в СССР в 20–30 гг. // Власть и общество в СССР (20–30-е гг.): политика репрессий. М., 1999.
- Куликова Г.Б. Бертран Рассел о Советской России 1920-х годов // Государство и общество в России в XX веке. М., 2000.
- Куликова Г.Б. Некоторые проблемы формирования и эволюции советского государства // Этот противоречивый XX век: к 80-летию со дня рождения акад. Ю.А.Полякова. М., 2001.
- Куликова Г.Б. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1.
- Куликова Г.Б. Революции и реформы в России глазами известных представителей западного мира // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 2.
- Куликова Г.Б. Государственный контроль над пребыванием в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х гг. // 200 лет министерской системе России: материалы межвуз. науч. конф. М., 2002.
- Куликова Г.Б. СССР 1930-х годов глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2.

- Куликова Г.Б. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4.
- Куликова Г.Б. «Технология гостеприимства» в Советском Союзе (1920–1930-е гг.) // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: всерос. науч. конф.: сб. науч. ст. М., 2004.
- Куликова Г.Б. Иностранцы об особенностях советского государства 1920–1930-х гг. // Государственная власть и общество России в XX веке: материалы межвуз. науч. конф., 15 мая 2004 г. М., 2004.
- Куликова Г.Б. К истории создания биографии Сталина в начале 1930-х годов // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергиев Посад, 2005.
- Куликова Г.Б. Россия периода нэпа глазами западной интеллигенции // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.
- Куликова Г.Б. Из истории формирования культа личности Сталина: (А.Барбюс и создание биографии «отца народов» в начале 1930-х гг.) // Отечественная история. 2006. № 1.
- Куликова Г.Б. Советские вожди и иностранные визитеры // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4.
- Куликова Г.Б. Бертран Рассел о Советской России // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: тез. докл. всерос. науч. конф., Москва, 25–26 ноября 2008 года. М., 2008.
- Куликова Г.Б. Государственный и политический контроль над пребыванием в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. М., 2010.
- Куликова Г.Б. Бертран Рассел о Советской России 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2011. Вып. 6 (2).
- Куллэ Р.Ф. Мысли и заметки: дневник 1924–1932 годов // The New Review = Новый журнал. 1991. Кн. 184/185; 1992. Кн. 186–189.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: форум немецких и российских исследователей. М., 2002.
- Культурная жизнь в СССР, 1928–1941. Хроника. М., 1976.
- Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма: исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987.
- Куманев В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) // История СССР. 1990. № 1.
- Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: [очерки]. М., 1991.
- Курашвили Б.П. Историческая логика сталинизма. М., 1996.
- Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011.
- Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. М., 1989.

- Лебина Н.Б.* Повседневность 1920–1930-х годов: «борьба с пережитками прошлого» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 1.
- Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930-е годы. СПб., 1999.
- Лельчук В.С.* Апогей и крах сталинизма. Страницы российской истории. М., 1998. Ч. 1.
- Лельчук В.С.* Беседа И.В. Сталина с английским писателем Г.Уэллсом: (документы, интерпретация, размышления) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001.
- Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6.
- Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Конфронтация двух систем и менталитет советского общества // СССР и холодная война. Гл. 1. М., 1995.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52, 54.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978. Т. 9.
- В.И. Ленин и Дж.Рид* // Иностранная литература. 1957. № 11.
- Ленинский сборник. М., 1985. XL.
- Леон М.-Т. М.-Т. Леон* о своем пребывании в СССР и беседе с тов. Сталиным // Правда. 1937. 2 апр.
- Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922. М., 1997.
- Лившин А., Орлов И.* Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.
- Лившин А.Я.* Письма во власть: особенности советского массового сознания, 1917–1929 // Россия в XX веке: сб. ст. к юбилею проф. А.И. Семенниковой. М., 2003.
- Лившиц М.А.* Мифология древняя и современная. М., 1980.
- Лидин В.Г.* Люди и встречи. [М., 1961].
- Лидина М., Полина Т.* Самые знаменитые иностранцы в России. М., 2000.
- Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.В.* Александр Аросев. Казань, 1974.
- Литвинов М.М.* В борьбе за мир: [речи]. М., 1938.
- «Литературный фронт»: история полит. цензуры, 1932–1946: сб. документов. М., 1994.
- Лу П.* Майя Кудашева и Ромен Роллан: государственный брак // Караван историй. 2008. № 12. Декабрь.
- Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: справочник. М., 2003.
- Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.
- Луначарский А.В.* К характеристике новейшей французской литературы // Собр. соч. М., 1964. Т. 4.
- Луначарский А.В.* Доброжелательные наблюдатели // Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 2.

- Луначарский А.В.* Социалистический реализм // Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 8.
- Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968.
- Луначарский А.В.* Человек нового мира. М., 1976.
- А.В.Луначарский.* Неизданные материалы. М., 1970. (Литературное наследство; Т. 82).
- Лундберг Е.* Записки писателя. Л., [1930]. Т. 2.
- Люксембург Р.* О социализме и русской революции: избранные статьи, речи, письма. М., 1991.
- Майский И.М.* Бернард Шоу: (встречи и разговоры) // Новый мир. 1961. № 1.
- Майский И.М.* Встречи с Гербертом Уэллсом // Иностранная литература. 1963. № 1.
- Майский И.М.* Б.Шоу и другие: воспоминания. М., 1967.
- Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М., 1971. – То же. Изд. 2-е. М., 1987.
- Майский И.М.* Из воспоминаний о Бернарде Шоу и Герберте Уэллсе. М., 1973.
- Майский И.М.* Люди. События. Факты. М., 1973.
- Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1: 1900–1934; Кн. 2: 1935–1975.
- Максименков Л.В.* Сумбур вместо музыки: сталинская культурная революция, 1936–1938. М., 1997.
- Максименков Л.В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4.
- Малиа М.* Советская трагедия: история социализма в России, 1917–1991. М., 2002.
- Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004.
- Манн Т.* Художник и общество. М., 1986.
- Манучарьянц Ш.* В библиотеке Владимира Ильича. М., 1965.
- Маньков А.Г.* Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. СПб., 1994. № 5.
- Маршруты по СССР для иностранных рабочих и специалистов на 1932 г.* М., 1932.
- Маслов Н.Н.* Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929–1956). М., 1990.
- Маслов Н.Н.* Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм. М., 1991.
- Маслов Н.Н.* Потрясающий документ эпохи сталинизма // Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.
- Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. [28 февраля 1937 г. Вечернее заседание] // Вопросы истории. 1993. № 9.*
- Мау В.А.* Реформы и догмы, 1914–1929. М., 1993.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Сталин. М., 2001.

- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Избранные произведения: в 4 т. М., 2002. Т. 1.
- Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М., 1990.
- Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990.
- Медведев Р.А.* Русская революция 1917 года: победа и поражение большевиков. М., 1997.
- Медведев Р.А.* Очарованные странники // Поиск. 2002. № 34–35.
- Медведев Р.А.* Социализм в России? М., 2005.
- Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933–1937): документы и материалы. М., 1961. (Из истории международной солидарности; сб. 5).
- Международный конгресс писателей в защиту культуры, 1-й. Париж. 1935. Доклады и выступления. М., 1936.
- Мижо М.* Сент-Экзюпери. М., 1963. (Жизнь замечат. людей. Сер. биографий. Основана в 1933 г. М.Горьким; вып. 9 (365)).
- Микоян А.И.* Так было: размышления о минувшем. М., 1999.
- Минувшее: ист. альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 14.
- Минувшее: ист. альманах. М., 1997. Вып. 21.
- Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 23.
- Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24.
- Мифы и мифология в современной России. Изд. 2-е, доп. М., 2003.
- Михутина И.В.* СССР глазами польских дипломатов (1926–1931 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 9.
- Мозохин О.Б.* Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.
- Моруа А.* Три Дюма. М., 1962.
- Моруа А.* Литературные портреты. М., 1970.
- Мотылева Т.Л.* Роллан и Горький // Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина. М., 1941. Т. 31, вып. 5.
- Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан и современность: (к десятилетию со дня смерти) // Октябрь. 1955. № 1.
- Мотылева Т.Л.* Творчество Ромена Роллана. М., 1959.
- Мотылева Т.Л.* Глазами друзей и врагов: советская литература за рубежом. М., 1967.
- Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан, его друзья и корреспонденты // Вопросы литературы. 1968. № 10.
- Мотылева Т.Л.* Роллан, Толстой, Ленин // Иностранная литература. 1969. № 7.
- Мотылева Т.Л.* Ромен Роллан. М., 1969. (Жизнь замечат. людей. Сер. биографий. Основана в 1933 г. М.Горьким; вып. 8 (468)).
- Мотылева Т.Л.* Трагедия Ромена Роллана «Робеспьер»: в свете новых материалов // Французский ежегодник, 1972. М., 1974.
- Мотылева Т.Л.* Литература против фашизма: по страницам новейшей зарубежной прессы. М., 1987.
- Мотылева Т.Л.* Братья Манн и политика: полемические заметки // Иностранная литература. 1987. № 8.

- Мотылева Т.Л.* Друзья Октября и наши проблемы // Иностранная литература. 1988. № 4.
- Мотылева Т.Л.* «Мне нужна надежда...»: по страницам переписки Р.Роллана и Ст. Цвейга // Вопросы литературы. 1988. № 11.
- Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* Политическая история России: от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999.
- На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб., 2000.
- На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В.Сталиным (1924–1953) / авт.-сост. А.В.Коротков. М., 2008.
- Наркирьер Ф.* Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965.
- Наркирьер Ф.* Очарованная душа // Огонек. 1966. № 5.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбил. стат. ежегодник. М., 1987.
- Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1971.
- Нарский И.С.* Философия Б.Рассела. М., 1962.
- Нарский И.С., Помогаева Е.Ф.* Бертран Рассел – философ и гуманист // Вопросы философии. 1972. № 6.
- Наше Отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. 2.
- Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1.
- Невежин В.А.* Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
- Невежин В.А.* «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007.
- Нежинский Л.Н.* Государственная власть и внешняя политика России в XX столетии // XX век: власть и внешняя политика России: материалы науч.-практ. семинара «Российская государственность и внешняя политика». М., 1998.
- Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.
- Нежинский Л.Н.* Пути и перепутья советской международной политики в 1934–1941 гг. Тула, 2008.
- Неизвестный Горький: к 125-летию со дня рождения. М., 1994.
- Немоляева М.Э., Ходорков Л.Ф.* Международный туризм: вчера, сегодня, завтра. М., 1985.
- Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.
- Никё М.* К истории роспуска РАППа // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1991. Вып. 12. Вступ. ст. к публикации «И.В.Сталин. Ответ писателям-коммунистам из РАППа (28.02.1929)».
- Николаева Т.С.* Разум против варварства: антифашистский роман Лиона Фейхтвангера 30–40-х годов. Саратов, 1972.
- Николаева Т.С.* Фейхтвангер и Советский Союз // Зарубежные писатели и Октябрь: сб. материалов и сообщений. Саратов, 1967.

- Никольская Л.С.* Развитие советско-германских научных и культурных связей (1919–1928 гг.) // Ежегодник германской истории, 1970. М., 1971.
- Никольская Л.С.* Установление советско-французских контактов в области науки и культуры (1919–1929 гг.) // Французский ежегодник, 1970. М., 1972.
- Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995.
- Никулин Л.* Жизнь есть деяние. М., 1940.
- Никулин Л.* Люди и странствия: воспоминания и встречи. М., 1962.
- Никулин Л.* Годы нашей жизни: воспоминания и портреты. М., 1966.
- НЭП: приобретения и потери.* М., 1994.
- НЭП в контексте исторического развития России XX века.* М., 2001.
- НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты.* М., 2006.
- Образцова А.Г.* Ленин и Шоу // Иностранная литература. 1957. № 4.
- Образцова А.Г.* Бернард Шоу и русская художественная культура на рубеже XIX и XX веков. М., 1992.
- Общество и власть, 1930-е годы: повествование в документах.* М., 1998.
- Овсянников А.А.* Идеино-теоретическое наследие лидеров большевизма: (источниковедческое исследование). М., 1997.
- Овчаренко А.* Максим Горький и мировая литература // Москва. 1978. № 1–3.
- Озеров Л.С.* Под знаменем пролетарского интернационализма: интернациональные и культурные связи трудящихся СССР и стран Азии, Африки и Латинской Америки, 1921–1937 гг. М., 1979.
- Олдридж Д.* Англичане и Советский Союз // Иностранная литература. 1987. № 11.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию: пер. с нем. М., 1996.
- Олеша Ю.К.* Эжен Дабі // *Олеша Ю.К.* Повести и рассказы. М., 1965.
- Они не молчали / сост. А.В.Афанасьев.* М., 1991.
- Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.
- Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999.
- Орлов И.Б., Кресова М.Д.* Иностранный туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930 годов: проблемы становления «Freemen Industry» // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. М., 2004.
- Орлова Р.Д.* Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993.
- Оруэлл Дж.* Литература и тоталитаризм // *Оруэлл Дж.* Скотный двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии. М., 1989.
- Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
- Оруэлл Дж.* Проза отчаяния и надежды. Л., 1990.
- Оруэлл Дж.* Артур Кёстлер // Вопросы философии. 1990. № 10.
- Осмыслить культ Сталина.* М., 1989.

- «Основная цель его приезда...»: отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3.
- Осокина Е.А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М., 1993.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. (Социальная история России XX века). – То же. М., 2008. (История сталинизма).
- Очерки истории советской цензуры / сост. Т.М.Горяева. М.; Минск, 1995.
- Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993.
- Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов: критика «ревизионистского подхода» // Отечественная история. 1998. № 5.
- Павлова И.В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000.
- Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.
- Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10.
- Паевская А.В. Анри Барбюс: биобиблиогр. указ. М., 1964.
- Пальгунов Н.Г. Тридцать лет: (воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964.
- Паперный В. Культура Два. М., 1996.
- Первухина К.М. Европейская культура в советской периодике 1930-х гг.: журнал «Интернациональная литература» // Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934.
- Переписка Р.Роллана с деятелями МОРП (1931–1936) // Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М., 1969. (Литературное наследство; т. 81).
- Переписка М.Горького: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
- Переписка И.П.Павлова. Л., 1970.
- Перов Б.М. Эдуард Эррио: политическая биография. Самара, 1996.
- Письма М.Горького Ромену Роллану // Горький и советские писатели. М., 1963. (Литературное наследство; т. 70).
- Письма В.И.Ленину из-за рубежа. [Изд. 2-е, доп.]. М., 1969.
- Письма И.В.Сталина В.М.Молотову, 1925–1936 гг.: сб. документов. М., 1995.
- Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М., 1998.
- Пихоя Р.Г., Соколов А.К. Основные черты становления и развития общественного строя в СССР до середины 1970-х гг. // Пихоя Р.Г.,

- Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России, конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008. Гл. 1.
- Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Платонов А. [П.] Повести и рассказы. Воронеж, 1969.
- Покровская С.А. Движение «Амстердам – Плейль» и Народный фронт во Франции (1934–1936 гг.) // Французский ежегодник, 1975: статьи и материалы по истории Франции. М., 1977.
- Покровская С.А. Движение против войны и фашизма во Франции, 1932–1939 гг. М., 1980.
- Полевой Б. Поездка к Лиону Фейхтвангеру: (из американского дневника) // Иностранная литература. 1956. № 3.
- Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. М., 2001.
- Политическая история России-СССР – Российская Федерация: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
- Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое: полемические заметки. М., 1995.
- Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.
- Поляков Ю.А. История повседневности – важное направление науки // Человек в российской повседневности: сб. науч. ст. М., 2001.
- Поляков Ю.А. Историзмы: мысли и суждения историка. М., 2001; – То же. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007.
- Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.
- Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина: журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924–1953 // Исторический архив. 1996. № 2, 3, 4–6; 1997. № 1.
- Правда: орган ЦК и МК ВКП(б). 1935–1936. По 360 н.; 1937. 359 н.
- Прибыткова Л.А. Социальная утопия Эриха Фромма. Иркутск, 2000.
- Пристли Дж.Б. Заметки на полях. М., 1988.
- Пришвин М.М. Дневники. М., 1991. Кн. 1: 1914–1917.
- Пришвин М.М. Дневники. М., 1999. Кн. 4: 1923–1925.
- Пришвин М.М. Дневники. М., 2004. Кн. 6: 1928–1929.
- Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: Всероссий. науч. конф.: сб. науч. ст. М., 2004.
- Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991.
- Пять лет ВОКС. М.; Л., 1930.
- Рачинская Н.Н. Лион Фейхтвангер (1884–1958). М., 1965.
- Радзинский Э.С. Сталин. М., [1997].
- Радзинский Э.С. Сталин. Жизнь и смерть. М., 2003.
- Райх Б.Ф. Вена – Берлин – Москва – Берлин. М., 1972.
- Ракитский Б. Основы теории переходного периода // Через тернии. М., 1990.

- Рассел Б.* Почему я не христианин: избр. атеист. произведения. М., 1987.
- Рассел Б.* Практика и теория большевизма: [пер. с англ. изд. 1920 г.]. М., 1991.
- Из содерж.: Послесловие / В.С.Марков.
- Рассел Б.* Искусство мыслить. М., 1999.
- Рассел Б.* Автобиография // Иностранная литература. 2000. № 12.
- Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.
- Реабилитирован посмертно. М., 1988. (Возвращение к правде).
- Вып. 1. Из содерж.: Истоки и практика культа: Вместо введения / В.М.Курицын; Тайна судьбы Михаила Кольцова / Б.Е.Ефимов; Вып. 2.
- Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль: [материалы Всерос. науч. конф., 14–15 нояб. 1995 г., Москва]. М., 1997.
- Рейман М.* Заметки по проблеме сталинизма в историографии // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996.
- Репрессированная интеллигенция, 1917–1934 гг. М., 2010.
- Решетова Н.А.* Иностранная помощь России во время голода начала 1920-х гг.: краткие итоги и перспективы изучения // XX век в истории России: [коллективная монография]. Сергиев Посад, 2005.
- Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957.
- Роговин В.З.* Власть и оппозиция. М., 1993.
- Роговин В.З.* Сталинский неонеп. М., 1994.
- Роллан Р.* Избранное. М., 1967.
- Роллан Р.* На защиту нового мира: сб. боевых статей. Л., 1932.
- Роллан Р.* Жан-Кристоф / предисл. автора, М.Горького, А.В.Луначарского и Ст. Цвейга. Изд. 2-е. Л., [1933].
- Роллан Р.* Спутники. М., 1938.
- Роллан Р.* Собрание сочинений: в 14 т. М., 1958. Т. 13–14.
- Роллан Р.* Статьи, письма. М., 1985. (XX в. Писатель и время).
- Роллан Р.* Письма. М., 1988.
- Роллан Р.* Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 3–5.
- Роллан Р.* Письмо Ромена Роллана И.С.Ремезову // Русская литература. СПб., 1990. № 2.
- Роллан Р.* «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд»: запись беседы Ромена Роллана и И.В.Сталина 28 июня 1935 года // Источник. 1996. № 1.
- Роллан Р.* «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны»: пять безответных писем Ромена Роллана // Источник. 1996. № 2.
- Ромен Роллан: биобиблиогр. указ. М., 1959.
- Ромен Роллан // Ромен Роллан, 1866–1966: по материалам юбилейной сессии. М., 1968.
- Ромен Роллан и Советский Союз: каталог выставки. М., 1973.
- Романовский С.К.* Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966.

- Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Екатеринбург, 2001.
- Российская интеллигенция: страницы истории. СПб., 1991.
- Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы. М., 2001.
- Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995.
- Россия в XX веке: люди, идеи, власть / отв. ред. Соколов А.К., Козьменко В.М. М., 2002.
- Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
- Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
- Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. – То же. Lewiston, 1999.
- Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший. М., 2000.
- Россия неповская: политика, экономика, культура: тез. Всесоюз. конф. (25–27 июня 1991 г.). Новосибирск, 1991.
- Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991.
- Рыбас С.Ю. Сталин. М., 2009.
- Рывкина Р.В. Советская социология и теория социальной стратификации // Постигение. М., 1989.
- Рыклин М. Пространства ликования: тоталитаризм и различие. М., 2002.
- Рютин М.Н. На колени не встану. М., 1992.
- Сааков Р.Р. Международное движение общественности за дружбу и культурные связи с СССР. М., 1975.
- Савельева И.С. Социалистический идеал Г.Дж. Уэллса. Л., 1985. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР № 20598 от 06.05.85.
- Савельева И.С. Социальная философия. Г.Дж.Уэллса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1985.
- Само прошедшее, как оно было...: переписка А.Кравченко и А.Спундэ. М., 1990.
- Саран А.Ю. Советский Союз и внешний мир: государственные и общественные институты в качестве каналов взаимодействия культур на рубеже 1920–30-х годов // Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2.
- Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004.
- Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9.
- Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952. М., 1953.
- Своевременные мысли, или пророки в своем Отечестве. [В.Короленко, И.Бунин, М.Горький, М.Булгаков, И.П.Павлов, В.И.Вернадский, Р.Роллан, А.И.Солженицын, И.Бродский и др.]. Л., 1989.
- Сент-Экзюпери А. Сочинения. М., 1964.

- Сеняевский А.С.* Проблема «свой»–«чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф., 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001.
- Сеняевский А.С., Сеняевская Е.С.* Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. 7.
- Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург; М., 2001.
- Серж В.* Полночь века; Дело Тулаева. Челябинск, 1991.
- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: размышления о И.В.Сталине. М., 1989.
- Сироткин В.Г.* Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. М., 1990.
- Сироткина И.Е.* Классики и психиатры: психиатрия в рос. культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008.
- Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. М., 1997.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. (1922–1934 гг.). М., 2001–2008. Т. 1–8.
- Советская внешняя политика, 1917 – 1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 1998–2005. Т. 1–3.
- Советская культура в реконструктивный период, 1928–1941. М., 1988.
- Советская Россия и Запад в 1920-е годы / Голубев А.В., Кудюкина М.М., Рудая Е.Н., Саран А.Ю. // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.
- Советский опыт и литературы Запада // Иностранная литература. 1989. № 8–9.
- Советский Союз глазами американцев, 1917–1977: документы и материалы. М., 1979.
- Советско-американские отношения, 1934–1939. М., 2003. (Россия. XX век. Документы).
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира; Т. 2: Апогей и крах сталинизму.
- Советское руководство. Переписка, 1928–1941. М., 1999.
- Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. М., 1996.
- Соколов А.К.* «Блеск и нищета» тоталитарной модели: методологические проблемы исследования взаимоотношений общества и власти в СССР в 1920–1930-е годы // Власть и общество в России в первой трети XX века: межвуз. науч. конф. М., 1994.
- Соколов А.К.* Лекции по советской истории, 1917–1940. М., 1995.

- Соколов А.К. Курс советской истории, 1917–1940. М., 1999.
- Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005.
- Соловьев А.Г. Тетради красного профессора. (1912–1941 гг.) // Неизвестная Россия. XX век: архивы письма, мемуары М., 1993. Вып. 4.
- Соловьев А.Н. Из истории франко-советских культурных и научных связей в 1931–1935 гг. // Вестник истории мировой культуры. М., 1960. № 1.
- Соловьева О.М. Роллан и Горький // Ромен Роллан: по материалам юбилейной сессии. 1866–1966. М., 1968.
- Соскин В.Л. Власть и интеллигенция в 20-е гг.: политика партнерства или дискриминации? // Российская интеллигенция. XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 1994.
- Соцреалистический канон. СПб., 2000.
- СССР глазами французских писателей // Звезда. Л., 1987. № 11.
- СССР и холодная война. М., 1995.
- СССР – Франция: из истории политических, экономических и культурных отношений: сб. ст. М., 1960.
- Сталин И.В. Сочинения. М., 1949–1951. Т. 10–13.
- Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Большевик. 1934. № 17.
- Сталин И.В. Беседа с английским писателем Г.Д.Уэллсом, 23 июля 1934 г. [М.], 1935.
- Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 13 декабря 1931 года. [М.], 1938.
- Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. [М.], 1939. – То же. Изд. 11-е. М., 1947.
- Сталин – Каганович. Переписка, 1931–1936 гг.. М., 2001.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. документов. М., 1995.
- Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000.
- Старцев А.И. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968. – То же. Изд. 2-е, доп. 1977.
- Стейнбек Дж. Русский дневник. М., 1989 (1990).
- Стецовский Ю.И. История советских репрессий: в 2 т. [М., 1997]. Т. 1–2.
- Столетие со дня рождения Панайота Истрати // Румынская литература. 1984. № 6.
- Страна Советов за 50 лет: сб. стат. материалов. М., 1967.
- Строительство Советского государства: к 70-летию д-ра ист. наук, проф. Э.Б.Генкиной. М., 1972.
- Судьбы российского крестьянства. М., 1995.
- Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссий 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991.
- Сулъе М. Политическая жизнь Эдуарда Эррио. Париж, 1962.
- Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
- Сучков Б.Л. Лики времени: [в 2 т.]. М., 1976. Т. 1.

- Сучков Б. Лион Фейхтвангер: [вступ. ст.] // *Фейхтвангер Л. Собрание сочинений*: в 12 т. М., 1963. Т. 1.
- Сучков Б. Стефан Цвейг: [вступ. ст.] // *Цвейг С. Собрание сочинений*: в 4 т. М., 1982. Т. 1.
- «Счастье литературы»: государство и писатели, 1925–1938: документы / сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1997.
- Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
- Такер Р. Сталин у власти. История и личность, 1928–1941. М., 2006.
- Тарле Г.Я. Советская литература об интернациональных связях трудящихся // *Строительство Советского государства*. М., 1972.
- Тарле Г.Я. Международная пролетарская солидарность трудящихся с Советской Россией в 1917–1937 гг.: историогр. обзор // *Исторические записки*. М., 1977. [Т.] 98.
- Творческая интеллигенция и мировой революционный процесс: идейно-эстетическая эволюция художников-гуманистов XX в. М., 1987.
- Темушкин О. Голос времени – голос истины // *Реабилитирован по-смертно*. М., 1989. Вып. 1. (Возвращение к правде).
- Терациано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Paris; New York, 1987.
- Тивель А.Ю. Наши враги о пятилетке. М.; Л., 1930.
- 30-годы: взгляд из сегодня. М., 1990.
- Тихий К.Т. Американские дипломаты о причинах, целях и ходе политических процессов в Советском Союзе (конец 1934 – 1936 гг.). СПб., 1992. Рук. деп. в ИНИОН РАН № 4661 от 09.06.92.
- Тихий К.Т. Американское общественное мнение о Советском Союзе 1933–1936. СПб., 1993.
- Тихий К.Т. Американцы о стране Советом, 1921–1933. Владивосток, 2000.
- Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002.
- Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3.
- Троцкий Л.Д. Сталин. М., 1990. Т. 1–2.
- Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991.
- Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994.
- Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991.
- Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму, 1917–1929 гг. М., 1994.
- Гумаркин Н. Ленин жив!: культ Ленина в Советской России: [пер. с англ.]. СПб., 1997.
- Улановская Н.М. Об истории группы «Clarté» (1914–1929). М., 1965.
- Улановская М.А. Свобода и догма: жизнь и творчество Артура Кёстлера. Иерусалим, 1996. (Евреи в мировой культуре: серия биографий; вып. 26).

- Улуян А.А. [Рец. на кн.]: Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур: сб. науч. тр. М.: ИРИ РАН, 1996. 228 с. тир. 300 // Отечественная история. 1998. № 5.
- Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958.
- Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь, 1995.
- Федотов Г.П. Судьба и грехи России: [в 2 т.]. СПб., 1992. Т. 2.
- Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.
- Фейхтвангер Л. Мои впечатления // Книга и революция. 1937. № 2.
- Фейхтвангер Л. Пьесы. М., 1960.
- Л.Фейхтвангер в Москве: (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.
- Флейшман Л. Материалы по истории русской и советской культуры: из архива Гугеровского института. Stanford, 1992. (Stanford Slavic Studies; vol. 5).
- Фокин В.И. «Русско-Британское общество культурного сближения (Друзья новой России)» // Великобритания: политика, экономика, история. СПб., 1995.
- Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб., 1999.
- Фокин В.И. Международное сотрудничество в области культуры и СССР, 20–30-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.
- Формирование административно-командной системы, 20–30-е гг.: сб. ст. М., 1992.
- Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М., 2002.
- Фрадкин В.А. Беседы с Сократом. М., 2004.
- Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935: (материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры) // Минувшее: ист. альманах. СПб., 1998. Вып. 24.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. – То же. М., [1995].
- Фураев В.К. Советская историография отношений между СССР и США // Американский ежегодник, 1972. М., 1972.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., [1998].
- Хайек Ф.А. Фатальная самонадеянность: ошибки социализма. М., 1990.
- Хайек Ф.А. Дорога к рабству. London, 1983. – То же. М., 1992.
- Хаксли О. О, дивный новый мир. М., 1980.
- Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии, 1936–1938 гг. М., 2009.
- Хлевнюк О.В. 1937 год: противостояние. М., 1991.
- Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

- Хлевнюк О.В.* Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» // Сталин. Сталинизм. Советское общество: сб. ст. М., 2000.
- Хлевнюк О.В.* Государственный террор в 1930-е годы // История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002.
- Холландер П.* Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978. СПб., 2001.
- Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: [воспоминания]: в 4 кн. М., 1999. Кн. 1–2.
- Хьюз Э. Бернард Шоу.* [2-е изд.]. М., 1968. (Жизнь замечат. людей Сер. биографий. Основана в 1933 г. М.Горьким; вып. 10 (424)).
- Хьюбнер К.* Истина мифа. М., 1996.
- Цвейг Ст.* Ромен Роллан. Жизнь и творчество // Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. М., 1963.
- Цвейг Ст.* Ромен Роллан: (речь к шестидесятилетию) // Собр. соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 2.
- Цвейг Ст.* Огонь // *Цвейг Ст.* Избранные произведения: пер. с нем. М., 1957.
- Цензура в СССР: документы, 1917–1991 / сост. Блюм А.В. Bochum, 1999.
- Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф., 24–27 мая 1993 г., Москва. М., 1995.
- Ципко А.С.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2.
- Через тернии: Пролог. Что дальше? М., 1990.
- Чернобаев А.А.* В вихре века: [об А.Я.Аросеве]. М., 1987.
- Чубарьян А.О.* Упущенные возможности и исторические уроки // Европа между миром и войной, 1918–1939. М., 1992.
- Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1938 – июнь 1941 года. М., 2008.
- Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М., 1991.
- Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: исповедь сталинского апостола. М., 1992.
- Чуковский К.И.* Дневник, 1901–1929. Изд. 2-е, испр. М., 1997.
- Чуковский К.И.* Дневник, 1930–1969. Изд. 2-е, испр. М., 1997.
- Шагин А.В.* Фейхтвангер в СССР. М., 1999.
- Шафаревич И.Р.* Две дороги – к одному обрыву // *Шафаревич И.Р.* Русофобия; Две дороги – к одному обрыву. М., 1991.
- Шацкий Е.* Утопия и традиция: пер. с пол. М., 1990.
- Шейнис З.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989.
- Шенталинский В.А.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ: Бабель. Булгаков. Флоренский. Пильняк. Мандельштам. Клюев. Платонов. Горький. М., 1995.

- Шенталинский В.* Донос на Сократа. М., 2001.
- Шестаков В.П.* Социальная антиутопия Олдоса Хаксли – миф и реальность // Новый мир. 1969. № 7.
- Шитц И.И.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris, 1991.
- Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.: очерки истории становления экон. отношений. Л., 1969.
- Шишкин В.А.* Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). СПб., 1991.
- Шишкин В.А.* Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.): [анализ полит. донесений главы чехосл. миссии в России Й.Гирсы]. СПб., 1999.
- Шоу Б.* Мысли и фрагменты. М., 1931.
- Шоу Б.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1956. [Т.] 1.
- Шоу Б.* Пьесы / предисл. К.Чуковского. Пб.; М., 1922. (Всемирная литература. Англия).
- Шоу Б.* Письма / послесл. и примеч. А.Г.Образцовой. М., 1971.
- Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989.
- Шубин А.В.* Народный фронт: изменение в стратегии Сталина // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4.
- Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., б.г. (1989).
- Экзюпери А. де.* Сочинения. М., 1964.
- Энгерман Д.* Модернизация «с того берега»: американские эксперты и первая советская пятилетка // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4.
- Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX века / [авт. и сост.: Э.А.Иванян]. М., 2001.*
- Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: [воспоминания]. М., 1961. Кн. 1–2; М., 1963. Кн. 3–4. – То же: в 3 т. М., 2005. Т. 1, кн. 1, 2, 3.
- Эррио Эд.* Восток. [М.], 1935.
- Эррио Эд.* Из прошлого. Между двумя войнами, 1914–1936. М., 1958.
- Юнг К.Г.* Карл Густав Юнг о современных мифах. М., 1994.
- Яковлев Н.Н.* Новейшая история США, 1917–1960. М., 1961.
- Яковлев Н.Н.* Сталин: путь наверх. М., 2000.
- Barbusse Henri.* Voici ce qu'on a fait de la Géorgie. Paris, 1929.
- Barbusse Henri.* Russie. [Paris, 1930].
- Barbusse Henri.* Stalin. Un monde nouveau vu à travers un homme. [Paris, 1935].
- Barghoorn F.C.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton; N.J., 1960.
- Guiboud-Ribaud R.* Où va la Russie? Paris, 1928.
- Gompel Claude.* U.R.S.S – pays de la jeunesse. Paris, 1935.
- Davies J.* Mission to Moscow. N.Y., 1943.

- Derrida J.* Moscou aller-retour. Paris, 1995.
- Drake B.* The Webbs and Soviet Communism // The Webbs and Their Work. L., 1949.
- Dreiser Th.* Dreiser Looks at Russia. N.Y., 1928.
- Duhamel G.* Le Voyage de Moscou. P., 1927.
- Etiemble René.* Le meurtre du petit père: naissance a la politique. Paris: Arlea, 1989.
- Frank Waldo.* Dawn in Russia. N.Y., 1932.
- Herbart P.* En URSS. 1936. Paris, 1937.
- Herriot Ed.* La Russie Nouvelle. Paris, 1922.
- Hollander P.* Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, Cuba, 1928–1978. Oxford, 1981.
- Istrati P.* Vers L'autre Flamme. Après seize mois dans L'U.R.S.S. 16. éd. Paris, 1929.
- Kennan G.F.* Soviet Foreign Policy, 1917–1941. Westpor, 1978.
- Kennell Ruth Epperson.* Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945. N.Y., 1969.
- Kupferman F.* Au pays des Soviets. Le voyage français en Union soviétique, 1917–1939. Paris, 1979.
- Lacouture J.* André Malraux. N.Y., 1975.
- Lockhart B.R.H.* Memoirs of a British Agent. London, 1932.
- Muggeridge M.* Chronicles of Wasted Time. N.Y., 1973.
- Mannheim K.* Ideology and Utopia. L.; N.Y., 1936.
- Margulies Sylvia R.* The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and Treatment of Foreigners, 1924–1937. Madison, 1968.
- Mateo Maria Asunción.* Rafael Alberti. De lo vivo y lejano. Madrid, 1996.
- Nedeljković Dražan.* Romain Rolland et Stefan Zweig. Paris, 1970.
- Pérus J.* Romain Rolland et Maxime Gorki. Paris, 1968.
- Pozner V.* USSR. Présentation de Luc Durtain. Paris, 1932.
- Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. L., 1920.
- Ribard A.* Le peuple au pouvoir. Paris, 1936.
- Rolland R.* Sa vie. Son oeuvre, 1866–1944 / France, Archives nationales. Paris, 1966.
- Rolland R.* Voyage à Moscou. 1935. Paris, 1992. (Cahiers Romain Rolland; n. 29).
- Serge V.* Portrait de Staline. Paris, [1940].
- Serge V.* Mémoires d'un Révolutionnaire, 1901–1941. Paris, 1951.
- Serge V.* Ce que tout révolutionnaire doit savoir de la répression. Paris, 1972.
- Shaw G.B.* The Rationalization of Russia. Bloomington, 1964.
- Smith H.* Les russes. Paris, 1976.
- Souvarine B.* Staline. Aperçu historique du Bolchévisme. Paris, 1977.
- The Stalin-Wells Talk: The Verbatim Record and a Discussion by G. Bernard Shaw, H.G. Wells, T. Keynes, Ernst Toller and others.* L., 1934.
- Strong Anne Louise.* This Soviet World. N.Y., 1936.
- Vaillant-Couturier P.* Un mois dans Moscou la Rouge, la vérité sur «l'enfer» bolchevic. P., 1926.

- Vallejo Cesar.* Rusia en 1931, reflexiones al pie del Kremlin. Madrid, [1931].
- Van Rysselberghe M.* Les cahiers de la Petit Dame. Paris, 1975. T. 2: 1929–1937. (Cahiers André Gide; n. 5).
- Vidal Annette.* Henri Barbusse, soldat de la pais. P., [1953].
- Visitez l'union Soviétique. M., 1938.
- Webb S. & B.* Soviet Communism: A New Civilization? London; New York [etc.], 1935. 2 vol.
- Yvon M.* Ce qu'est devenue la Révolution russe. Paris, 1935.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Алесандри 281
Альберти Р. 9, 51, 165, 185, 186
Андерсен-Нексё М. 38, 51, 62, 88, 133, 253, 254, 298, 319, 324
Андреев А.А. 48, 138, 142, 171, 190
Анисимов 36, 97
Антокольский П.Г. 96, 145
Арагон Л. 9, 11, 51, 53, 62, 71, 164, 271, 303, 320
Аросев А.Я. 47, 67, 84, 93–95, 99, 105, 111, 139, 147, 182, 225, 233, 305, 308, 311, 312, 316, 319
Аросева Н.А. 319
Аросева О.А. 303, 308, 311
Астор (лорд и леди) 88, 90

Б

- Бабель И.Э. 38, 57, 98, 101, 112, 143–145
Багдасарян В.Э. 302, 303
Балахонов В.Е. 297
Бальмонт К.Д. 65
Барбюс А. (*Barbusse Н.*) 6, 8–11, 31, 38–40, 51, 62, 68, 91, 92, 98, 105, 106, 109, 133, 137, 138, 150, 157, 163–165, 179, 195, 199–201, 203, 205–217, 219–222, 240, 253, 271, 293, 294, 301, 314, 318, 320
Баргхорн Ф. 118, 119
Барков 322
Барнес Ральф В. 168
Бедный Д. (*Придворов Е.А.*) 96
Безыменский А.И. 96
Белый 96
Бенкендорф, граф 318
Беньямин В. 6, 9, 11, 140, 141, 240, 256–268, 270, 280, 289, 311, 323–325
Берберова Н.Н. 121, 172, 223, 309, 315, 318, 320
Бердяев Н.А. 111, 306
Бережков В.М. 84, 87, 305
Бехер И. 53, 62, 69, 133
Блок (издатель) 96
Блок А.А. 123
Блок Ж.Р. 9, 51, 53, 62, 83, 93, 164, 222, 272, 293
Блок М. 4, 292
Блэк Д.У. 323
Блюм А.В. 38, 298, 307, 311
Богданов (*Малиновский*) А.А. 43, 299

* Курсивом в указателе выделены фамилии авторов исследовательских и историографических работ. Указатель составлен И.А. Головань.

Богданов П.М. 197
 Борисов Ю.С. 35
 Бредель В. 51, 53, 69, 100
 Бретон А. (Breton A.) 67, 293, 303
 Брехт Б. 9, 62, 68, 69, 99, 100, 303
 Бубер Вальтер 257
 Бубнов А.С. 90, 94, 106
 Будберг М.И. см. Закревская М.И.
 Булганин Н.А. 214, 320
 Буллит У.К. 9, 276, 326
 Буранов Ю. 294
 Бухарин Н.И. 42, 43, 93, 94, 96, 99, 102, 109, 175, 176, 180, 184, 185, 233–235, 299, 315, 321, 322

В

Вайян-Кутюрье П. 62, 133, 215, 253
 Вайдман 91
 Вайскопф М. 162, 215, 314, 320
 Вальден Г. 133, 310
 Вебб Б. 9, 38, 186–191, 251, 293, 302, 317
 Вебб С., лорд Пассфильд 8, 38, 186–190, 251, 293, 302, 317
 Веприк 96
 Вернадский В.И. 46, 56, 300
 Веснин В.А. 96
 Видадь А. 206
 Вильдрак Ш. 164
 Вильямс А.Р. 9, 11, 38, 105, 152, 253, 313
 Виоллис А. 82
 Войков П.Л. 204
 Волков С. 297
 Волкогонов Д.А. 297, 315

Волобуев О.В. 320
 Ворошилов К.Е. 47, 96, 99, 115, 171, 175–177, 182, 190

Г

Гагерн Ф. 118
 Ганди Махатма 67
 Гальберг У. 133
 Гар Р.М. 33, 164
 Гарнер 133
 Гартош (Гартох, Хартош) О.О. 96, 233, 235, 236, 322
 Гваньини Александр 5
 Геббельс П.Й. 69
 Геено Ж. 164, 320
 Гельдерлин Ф. 19
 Гераклит 284
 Герберштейн С. 5
 Гибу-Рибо П. 133
 Гийу (Гийю) А. 99, 144
 Гиленсон Б.А. 313
 Гильбо А. 306
 Гимпельсон Е.Г. 299, 323
 Гирса Й. 9, 266, 267
 Гитлер А. 183, 188
 Гладков Ф.В. 49, 97, 98, 300
 Глазунов А.К. 252
 Говард Р. 192
 Голубев А.В. 15, 33, 35–37, 119, 297, 298, 304, 309, 310, 312, 317
 Гольденвейзер А.Б. 96
 Гольдштейн 95
 Горохов 91
 Горький М. (Пешков А.М.) 10, 38, 39, 48, 53, 65, 67, 83, 88, 90, 93–97, 99, 102, 103, 107–110, 115, 121, 127–130, 138, 143, 145, 150, 165, 176, 183–185, 196, 198, 199, 223, 224, 235, 306, 310, 318, 322

Горяева Т.М. 38, 299
 Гражданская З.Т. 297, 306
 Гренье Ф. 281
 Гриднев Ю.А. 304
 Гронский И.М. 47, 91, 161,
 162, 206, 300, 314, 319
 Гроссман В.С. 49, 300
 Груневег Мартин 5
 Гуро И. 296, 303, 319
 Гусев 91
 Гутчина В. 314, 325

А

Даби (Дабит) Э. 99, 144, 320
 Датт П. 189
 Двинский Б.А. 170, 171, 315
 Дворниченко В.В. 304
 Девис Д. 196
 Денье А. 281
 Деррида Ж. 256, 307
 Дести М. 293
 Димитров Г.М. 96, 101, 146,
 216, 235, 306
 Динамов С.С. 93, 94, 197, 297
 Добренко Е. 162, 314
 Долженко Г.П. 304
 Дос-Пассос Д. 133
 Драйзер Т. 9, 11, 51, 62, 70, 82,
 104, 105, 133, 164, 197, 240,
 253, 255, 271, 272, 274, 289,
 303, 305, 323, 325
 Дункан А. 5, 293
 Духовный 201
 Дюамель Ж. (Duamel G.) 9, 33,
 49, 66, 104, 133, 143, 293,
 306
 Дюма А. 118
 Дюранти У. 169, 196, 315
 Дюртен Л. (Невё Андре) (Ner-
 veu A.) 9, 11, 53, 66, 104,
 164, 272, 294

Е

Ежов Н.И. 138, 145, 214, 235
 Енукидзе А.С. 106
 Есенин С.А. 5, 57
 Ефимов Б.Е. 48, 300, 308

Ж

Жданов А.А. 6, 47, 51, 171,
 211
 Живов М.С. 132
 Жид А. 6, 8–11, 31, 32, 38, 49,
 51, 53, 67, 71, 72, 87, 91, 93,
 99, 100, 102, 104, 106, 110–
 116, 126, 131, 132, 139, 142–
 146, 164–166, 184, 185, 228,
 229, 240, 271, 273, 276–283,
 289, 293, 294, 303, 308, 310,
 314, 323, 326
 Жионно Ж. 33, 91, 164
 Журавлев С.В. 309

З

Зайцев В.П. 294, 297, 323, 324
 Закревская М.И. (Будберг,
 Борейшо, Бенкендорф) 198,
 318
 Замятин Е.И. 38, 57, 121
 Засурский Я.Н. 297, 324
 Зегерс А. 320
 Зеленов М.В. 310
 Зелинский 96
 Зиновьев Г.Е. 175, 194, 218, 233,
 282, 321
 Зощенко М.М. 57

И

Ибаррури Д. 5
 Иванов Вс.В. 58, 98
 Ивон М. (Yvon M.) 281

Игрицкий Ю.И. 33, 34, 297, 298
Измозик В.С. 38, 124, 298, 309
Илизаров Б.С. 297, 320
Иллеш Б. 53, 91
Ильин 96
Ильина И.Н. 299
Ильф И.А. 101, 143, 145
Ингулов С.Б. 137
Иоффе А.Е. 296, 301, 304
Истмен М. 20, 66, 294
Истрати П. (Istrati P.) 133, 254, 295, 324

К

Кабалевский Д.Б. 96
Каганович Л.М. 47, 96, 99, 164, 171, 175–178, 190, 199, 211, 214
Кагарлицкий Ю.И. 297, 303, 306
Калинин М.И. 39, 60, 171, 175, 184, 190, 206, 236–238, 302, 322
Каменев Л.Б. 122, 175, 218, 233, 282, 305, 321
Каменева О.Д. 304
Камю А. 62
Капица П.Л. 46, 300
Караева А.А. 137
Каравкина Д. 105, 116, 145, 146, 284, 326
Карпинский А.П. 302
Карахан (Караханян) Л.М. 154, 313
Кассиль Л.А. 96
Катаев В.П. 101, 145
Катаяма С. 91
Каутский К. 27
Кашен М. 215
Кейнс Д. 251

Керженцев (Лебедев) П.М. 89, 305
Кёстлер А. 6, 9, 11, 274, 275, 325
Кибрик Е.А. 96
Ким М.П. 35
Кислова Л.Д. 187
Киров С.М. 97, 171, 176, 179, 181, 215, 321
Кирпотин В.Я. 47
Книппер 96
Кнорин (Кнориньш) В.Г. 220, 320
Князев Г.А. 294
Коган П.С. 306
Колесников А.С. 323
Колосов М. 137
Кольцов М.Е. 39, 48, 52, 53, 102, 113, 114, 144, 165, 166, 214, 305, 308
Копелев Л.З. 296, 303
Корбюзье Ш.Э. 5
Кордэ М. 221
Коржихина Т.П. 299
Косарев А.В. 138
Косиор С.В. 171
Костырченко Г.В. 15, 311
Краснов И.М. 313
Кресова М.Д. 304, 305
Крестинский Н.Н. 88, 305
Кржижановский Г.М. 106
Кривицкий А. 48
Кристи 94
Крупская Н.К. 91, 102, 190, 191
Крючков П.П. 92, 97, 199
Кудашева С.А. 306
Кудашева К.В. 97
Кудашева М.П. см. Роллан М.П.
Кузьмин М.С. 296

Куйбышев В.В. 171
 Кулешов С.В. 320
 Куликова Г.Б. 292, 312
 Куллэ Р.Ф. 53–55, 301
 Куманев В.А. 33, 297, 308
 Курелла А. 69, 215
 Курский Д.И. 145
 Кэмпбелл Т. (Campbell T.D.)
 168
 Кюстин А. де 118

А

Лайонс Е.П. 166
 Ланжевен П. 62
 Ларина-Бухарина А.М. 234
 Ласт Д. 53, 99, 144
 Лацис А.Э. 264, 325
 Левин Л.Г. 92, 94, 233
 Лельчук В.С. 293, 297, 304
 Ленин (Ульянов) В.И. 5, 13,
 29, 41–43, 46, 50, 65, 67, 79,
 90, 94, 98, 106, 117, 121,
 122, 138, 149–158, 160, 172,
 185, 199, 200, 202, 212–214,
 217–222, 224, 251, 266, 268,
 270, 271, 293, 294, 299, 309,
 312, 313
 Леон М.Т. 9, 51, 162, 165, 185
 Леонов Л.М. 94, 95, 98
 Лидин В.Г. 98, 200, 298, 307,
 318
 Лидина М. 293, 312
 Линдеман А. 133
 Литвин А.Л. 300, 304, 305
 Липин 96
 Литвинов М.М. 91
 Лозовский С.А. 99
 Локкарт Б., см. Lochkart В.
 Ломоносова Р.Н. 300
 Лонг Р. 198, 199
 Лотиан, лорд 90

Лукач Г.(Д.) 26, 27, 295
 Луначарский А.В. 10, 39, 50,
 57, 58, 79, 89, 95, 107, 157,
 158, 199, 288, 294, 301, 302,
 306, 327
 Луначарская-Розенель Н.А. 94,
 306
 Лысенко Т.И. 294
 Людвиг Э. 9, 31, 53, 133, 164,
 167, 198, 315
 Люксембург Р. 29, 241, 323

М

Майерова М. 253
 Майский И.М. 79, 157, 170,
 187, 188, 191, 232, 272, 298,
 304, 313, 317, 321, 323, 325
 Максименков Л.В. 162, 314
 Максимова В.А. 303, 308, 311
 Малон, маркиз 88
 Малон, публицист 88
 Мальков В.Л. 315
 Мальро А. 33, 51, 93, 164, 320
 Мандельштам О.Э. 38
 Манн Г. 9, 53, 69, 133, 164, 303
 Манн Т. 9, 10, 133, 164, 294
 Мануильский Д.З. 209, 214,
 320
 Маргерит В. 51, 91
 Маргулиес С. (Margulies S.R.)
 24, 295
 Марков В.С. 297
 Маркс К. 42, 90, 123, 193
 Мартен дю Гар Р. 91
 Марти А. 214, 320
 Мартине М. 281
 Маршак С.Я. 96
 Махно Н.И. 233
 Маяковский В.В. 67
 Медведев Р.А. 297
 Меркуров С.Д. 94

Мехлис Л.З. 208, 209
 Мижо М. 296
 Микоян А.И. 171, 190
 Минц И.И. 96, 177
 Молотов В.М. 39, 46, 47, 96,
 98, 136, 142, 171, 175–178,
 184, 190, 206, 214, 301, 302
 Монмуссо Г. 214, 320
 Монтескье Ш.Л. 65
 Моран П. 33
 Мориак П. 33
 Моруа А. 306
Мотылева Т.Л. 294, 297, 302,
 303, 308
 Муцсолини Б. 61, 183, 188
 Мюнценберг В. 209, 215, 319

Н

Нарский И.С. 297, 323
Невежин В.А. 33, 297, 304
 Неверов А.С. 98
 Нейгауз Г.Г. 96
 Нексё М.А. см. Андерсен-
 Нексё М.
Ненароков А.П. 300, 304, 305
 Неруда П. 62
Несмелов О.В. 300, 304, 305
 Низан П. 137
Николаева Т.С. 297
 Никулин 96
 Нобиле У. 6
 Новиков-Прибой А.С. 96

О

Олеарий Адам 5, 293
 Олеша Ю.К. 50, 300
 Ольбрахт И. 253
 Орджоникидзе Г.К. 106, 171,
 190
 Орлов А. 199, 316, 318

Орлов И.Б. 304
 Орлова Р.Д. 309
 Оруэлл Дж. (Эрик Артур
 Блэр) 16–18, 28, 275, 276,
 294, 325
 Островский Н.А. 99, 100, 115

П

Павленко П.А. 96, 98
 Павлов И.П. 56, 121, 252, 301,
 302
 Паскаль П. 26, 27, 295
 Пастернак Б.Л. 49, 57, 101,
 113, 143–146, 300
 Патек С. 9, 269
 Паустовский К.Г. 98
Перов Б.М. 324
 Петров Е.П. 101, 143, 145
 Петров Ф.Н. 103
Петров Ю.А. 14
 Петровский Г.И. 171
Пивовар Е.И. 293, 304
 Пильняк Б.А. 38, 48, 58, 143
Пихоя Р.Г. 299, 302
Плаггенборг Ш. 21, 29, 30, 296
 Платон 196
 Платонов, архиепископ 274
 Платонов А.П. 38
 Платонов С.Ф. 55, 56, 301
 Плетнев Д.Д. 94, 233
Плутник А. 297
Поздеева Л.В. 15
Покровская С.А. 318
Полина Т. 293, 312
Поляков Ю.А. 176, 316, 322
Помогаева Е.Ф. 297, 323
 Понс Ж. 281
 Поскребышев А.Н. 190, 206,
 210, 213, 215, 216
 Постышев П.П. 171, 199
 Потемкин В.П. 235, 322

Правдухин В. 48, 300
Пришвин М.М. 49, 300
Прокофьев 96
Прокофьев С.С. 94, 95
Пруст М. 33
Пятаков Г.Л. 236, 284

Р

Рабинс 187
Рабичев 91
Радек К.Б. 52, 97, 99, 132, 175,
180, 181, 190, 235, 236, 284,
293, 301
Райх Б.Ф. 9, 265, 266, 325
Радзинский Э.С. 297
Рассел (Рёссель) Б. 6, 9–11, 70,
72, 77, 79, 98, 106, 117, 121–
123, 152–154, 227, 240, 242–
251, 289, 293, 297, 298, 301–
304, 309, 313, 323
Рейли С. 5
Рембрандт 101, 230, 321
Ремезов И.С. 183, 316
Ренн Л. 320
Решетова Н.А. 312
Рёссель, см. Рассел Б.
Рид Д. 9, 38, 151, 152, 313
Ричардсон 167
Роговин В.З. 297
Роллан Мадлен 92
Роллан (Кювиле, Кудаше-
ва) М.П. 67, 93, 97, 108, 181,
306, 321
Роллан Р. 6, 9–11, 31, 38, 39,
49, 51, 55, 63, 64, 66, 67, 71,
83, 88, 92, 95–98, 102, 103,
105, 107–110, 114–116, 119,
125, 127–134, 138, 139, 143,
150, 158, 164, 173–185, 223–
228, 232–238, 255, 271, 289,

293, 294, 296, 298–302, 306–
308, 310, 316, 319, 321, 322
Романовский Д.В. 136, 137
Романовский С.К. 304
Ромашко С.А. 256, 324
Ротштейн Ф.А. 154, 313
Рошель Д. 33
Рудзутак Я.Э. 171
Рудольф А. (Rudolf A.) 281,
282
Рузвельт Ф.Д. 169, 173
Рыклин М. 32, 257, 261, 297,
325
Рэнс А. 150, 151
Рютин М.Н. 55, 301

С

Садчиков Н.Г. 136
Самсонов 210, 212
Сартр Ж.П. 33, 62
Сахаров А.Н. 14
Свердлов В.М. 122, 309
Свердлов Я.М. 309
Сейфуллина Л.Н. 96, 98, 300
Сельвинский И.Л. 49, 96, 300
Сен Ж. 281, 282
Сент-Экзюпери А. де 5, 68,
303
Сенявский А.С. 15
Серафимович А.С. 98
Сергеев 91
Серж В. (Кибальчич В.Л.) 27,
96, 255, 296
Серебряков Л.П. 236
Синклер Э. 51, 53, 71, 133
Ситрайн У. 281
Смит Р.Р. 199
Соколов А.К. 298, 299, 302,
309
Сокольников Г.Я. 236
Сократ 284

Соловьев А.Г. 50, 301
Ставский В.П. 113
Сталин И.В. 6, 11, 29, 31, 33,
39–41, 44, 47, 48, 52, 57–60,
71, 87, 90, 95–98, 100, 101,
104, 106–109, 115, 120, 127,
134, 138, 142, 143, 145, 146,
149, 152, 158–179, 181–183,
185, 186, 190, 192–194, 196–
231, 233–236, 238, 239, 268,
270, 271, 276, 279, 281, 290,
293–296, 299, 302, 306, 314–
322

Сталь де 118
Старокадомский 96
Старцев А. 313
Стасова Е.Д. 91, 94, 182, 214,
318
Стецкий А.И. 47, 91, 214–220,
300
Стеффенс Д.Л. 151, 313
Стеффенс Л. см. Стеф-
фене Д.Л.
Суварин Б. (*Souvarine B.*) 26,
27, 255, 295, 326

Т

Таль Б.М. 100, 101, 138, 146,
190, 194, 195, 317
Тарле Г.Я. 55, 296
Тивель А. 133, 201, 310
Тихий К.Т. 326
Товстуха И.П. 209, 319
Токарев Л.Н. 314
Токвиль А. 17, 294
Толлер Э. 51, 320
Толстой А.Н. 57, 101, 214
Толстой Л.Н. 10, 107
Томский М.П. 190
Торез М. 206, 215
Третьяков 94

Троцкий Л.Д. 57, 106, 121,
122, 137, 152, 217, 218, 220,
224, 231, 237, 276, 305
Тынянов Ю.Н. 96
Тьессон Г. 63

У

Улам А. 21
Уланова Г. 94
Улановская М.А. 297
Улановская Н.М. 325
Уманский К.А. 88, 89, 170–
172, 305, 315, 317
Уэллс Г.Дж. 6, 9, 11, 31, 38,
39, 49–51, 63, 69, 79, 98,
106, 121, 128, 150, 152, 154–
157, 164, 169–173, 222–224,
232, 240, 251, 252, 271, 272,
293, 302, 304, 307, 309, 313,
315, 318, 324

Ф

Фадеев А.А. 98
Фарбман М. 151
Фаст Г. 62
Федин К.А. 96, 98
Фейнберг С.Е. 96
Фейхтвангер Л. (*Feuchtwanger L.*)
6, 9, 11, 31, 38, 39, 51, 68,
69, 72, 73, 98, 100–102, 105–
107, 114–116, 128, 132, 141,
142, 145, 146, 163, 164, 193–
195, 222, 229–232, 240, 271,
273, 283–285, 294, 303, 307–
309, 311, 312, 314, 317, 321,
323, 325, 326
Фирин С.Г. 97, 99, 307
Флеминг Я. 6, 165, 274
Флоренский П.А. 59, 302

Фокин В.И. 34, 297, 298, 304, 305

Фольк Г. 133

Фоменко Л. 296, 303, 319

Фрадкин В.А. 165, 299, 305, 311, 314

Франс А. 133

Фрезинский Б. 301, 310, 314

Фромм Э. 16, 19, 294

Фураев В.К. 296

Фуше Ж. 311

Фюре Ф. 21, 26–29, 192, 242, 296, 317, 323, 324

Х

Хайек Ф.А. 16, 17, 19, 20, 117, 294, 309

Хаксли О. 16, 294

Халатов А.Б. 88, 89, 130, 198, 305

Хаммер А. 5

Хартош, см. Гартош О.О.

Хачатурян А.И. 96

Холландер П. (Hollander P.) 21–26, 73, 85, 86, 294, 295, 303–306, 313

Хьюз Э. 296, 323

Ц

Цвейг С. 8, 10, 107, 293, 294

Цеткин (Эйснер) К. 91, 240, 319, 323

Ч

Чаренц Е. 96

Чичерин Г.В. 79

Чолдин М.Т. 134, 310

Чубарь В.Я. 171, 190

Чуев Ф.И. 300

Чуковский К.И. 49, 121, 300, 307

Ш

Шагинян М.С. 96, 98

Шалапин Ф.И. 121, 252

Шамсон 164

Шапорин Ю.А. 96

Шафаревич И.Р. 297

Шебалин В.Я. 96

Шейнис З.С. 315

Шекспир У. 226

Шенталинский В.А. 39, 57, 58, 299, 300, 302, 308, 311

Шифрин 99, 144

Шишкин В.А. 297, 325

Шмидт О.Ю. 94, 99

Шолем Г. 324

Шоу Дж.Б. (Shaw G.B.) 6, 9–11, 31, 38, 49, 50, 54, 63, 64, 67, 87–90, 98, 105, 128, 133, 150, 158, 164–167, 222, 223, 240, 251, 271, 293, 294, 298, 301–303, 306, 312, 314, 320, 323

Шумяцкий Б.З. 102, 142

Щ

Щербаков А.С. 47, 48, 112, 300

Э

Эйдельман Н.Я. 30, 31, 62, 296, 302, 312, 316

Эйдеман (Эйдеманис) Р.П. 90, 307

Эйзенштейн С.М. 142

Элюар П. 63, 91

Энгельс Ф. 42

Эрбар П. 99, 144

Эргарт Б. 133

Эренбург И.Г. 98, 112, 113,
136, 143, 144, 164, 165, 298,
305, 314, 320

Эрнст Ф. 107, 307

Эррио Э. 9, 184, 255, 295, 317,
324

Этьембль Р. 104

Я

Ягода Г.Г. 48, 96, 97, 99, 109,
138, 140, 176, 180, 181

Яковенко И.Г. 310

Ярославский Е.М. 99, 175

Ярушина Л.В. 292

В

Barbusse H., см. Барбюс А.

Breton A., см. Бретон А.

С

Campbell T., см. Кэмпбелл Т.

Д

Duamel G., см. Дюамель Ж.

Е

Etiemble R. 307

Ф

Feuchtwanger L., см. Фейхт-
вангер Л.

Н

Hollander P., см. Холландер П.

И

Istrati P., см. Истрати П.

Л

Lochkart B. (Локкарт Б.) 313,
318

М

Margulies S.R., см. Маргу-
лиес С.

Mateo M.A. 317

N

Nerveu A., см. Дюртен Л.

Р

Pérus J. 310, 316

R

Rudolf A., см. Рудольф А.

S

Shaw G.B., см. Шоу Дж.Б.

Souvarine B., см. Суварин Б.

Y

Yvon M., см. Ивон М.

Редактор
О.А.Пруцкова

Компьютерная верстка
Л.П.Андреановой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 30.04.13. Формат 60×84/16. Заказ № *3*.
Тираж 300 экз. 23,25 п.л. 18,69 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-8055-0243-0

9 785805 502430